

**«... ВКЛЮЧЕН В ОПЕРАЦИЮ».
МАССОВЫЙ ТЕРРОР В ПРИКАМЬЕ
В 1937–38 ГГ.**

Ответственный редактор
профессор О.Л. Лейбович

Пермь 2006

ББК ТЗ (2Рос-4Пер) 614-49

В 564

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.П. Мохов*
кандидат философских наук *А.Д. Боронников*

Редакционная коллегия:

О.Л. Лейбович, А.И. Казанков, А.Н. Кабацков

В 564 «... **Включен в операцию**». Массовый террор в Прикамье в 1937–38 гг. / Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2006. 327 с.
ISBN 5-98975-084-6

Книга представляет собой историческую реконструкцию массовых операций, инициированных оперативным приказом народного комиссара внутренних дел № 00447 на территории современного Пермского края. На основании неизданных ранее архивных документов восстановлен процесс подготовки и осуществления крупнейшей репрессивной кампании в советской истории.

Предназначено для историков, преподавателей вузов и школ.

ISBN 5-98975-084-6

© Пермский государственный
технический университет, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (О.Л. Лейбович)	4
<i>Глава I</i>	
КУЛАЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИКАМЬЯ В 1937–1938 ГГ. (О.Л. Лейбович)	15
<i>Глава II</i>	
РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ ПО ПРИКАЗУ № 00447 (В.В. Шабалин)	61
<i>Глава III</i>	
РЕПРЕССИИ ПРОТИВ РАБОЧИХ ПРИКАМЬЯ В 1937–1938 ГГ. ПО ПРИКАЗУ № 00447 (А.Н. Кабацков)	83
<i>Глава IV</i>	
РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СЛУЖАЩИХ ПРИКАМЬЯ В 1937–1938 ГГ. ПО ПРИКАЗУ № 00447 (А.С. Кимерлинг)	125
<i>Глава V</i>	
РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ДУХОВЕНСТВА В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ В ПРИКАМЬЕ (1937–1938 ГГ.) (А.И. Казанков)	151
<i>Глава VI</i>	
РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ (А.А. Колдушко)	195
<i>Глава VII</i>	
УЧАСТИЕ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ПРОВЕДЕНИИ «КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ» В ПРИКАМЬЕ (А.В. Чащухин)	213
<i>Глава VIII</i>	
РОЛЬ НКВД В МАССОВОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ОПЕРАТИВНОМУ ПРИКАЗУ 00447 (Станковская Г.Ф., Лейбович О.Л.)	239
<i>Глава IX</i>	
«КУЛАЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ» 1937–1938 ГГ. В ИСТОРИИ СЕЛА КОЯНОВО (С.А. Шевырин)	277
<i>Глава X</i>	
ДЕЛО «ОБЩЕСТВА ТРУДОВОГО ДУХОВЕНСТВА» (А.И. Казанков)	295
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (А.И. Казанков)	323

ПРЕДИСЛОВИЕ

В историческом мифе о 1937 годе, бытующем в общественном сознании, не нашлось места для повествования о массовых операциях. Время большого террора ассоциируется, прежде всего, с беспощадным избиением начальства, проводимым органами НКВД по приказу товарища Сталина. И здесь неважно, какой ярлык наклеивают на жертв – пятая колонна германского фашизма в СССР, или лучшие, самые идейные коммунисты, или безродные погубители великой империи. В любом случае речь идет о сливках советского общества, о тех, кого в позднейших ученых трактатах и газетных статьях будут упорно называть элитой. И ничего не изменит тот факт, что в обнародованных «книгах памяти» имена людей, принадлежащих к партийной номенклатуре, или просто к образованным классам, теряются среди имен бесчисленных разнорабочих, конюхов, колхозников, стрелочников. Все равно 1937 год – это время репрессий против ленинской гвардии.

Такая аберрация сознания не случайна. Она не может быть объяснена внешними причинами: повышенным интересом читающей публики к тому, что происходило на капитанском мостике большого корабля под названием «Советский Союз», или страстием литераторов к жанру героических биографий, или конъюнктурными соображениями послесталинского поколения руководителей, приступивших к реабилитации бывшего партийного генералитета для того, чтобы добиться расположения генералитета тогдашнего.

Все дело в том, что историческая уникальность 1937 года как раз и заключалась в том, что репрессивные практики советского режима в массовом порядке были обращены против его собственных агентов, в том числе и наиболее высокопоставленных, т.е. против лиц, обладавших неписанным правом неприкосновенности. Для того чтобы объяснить причину истребления партийных чиновников, военачальников, хозяйственных тузов и деятелей советского искусства, посторонние наблюдатели были вынуждены выстраивать сложные мыслительные конструкции. «И все же есть способ разорвать магический круг и проникнуть в суть *mysterium magnum* – великого таинства террора, проявления которого усиливаются по мере того, как

причины исчезают, – писал А. Безансон. – Для этого нужно принять четвертый тип террора, управляющий всеми остальными. <...> Режим осуществляет террор не потому только, что он стремится перевести идеологию из состояния потенциального в состояние реального существования, но также – в конечном итоге, главным образом – потому, что он утверждает, что *она* уже существует реально. <...> Задача полиции превратилась в задачу чисто метафизическую: на плечах Ежова, Берии, «органов» покоилась вся новая действительность и вера в ее существование. <...> Чтобы сохранить за партией монополию власти, «великая чистка» не была необходимой, но чтобы сохранить идеологическую чистоту партии, без нее, быть может, и нельзя было обойтись»¹. Обращение к метафизике – лучшее доказательство того, что иные – более внятные – интерпретации оказались для автора недоступными.

Таковыми же они были и для мыслящих современников – и тех, до кого дотянулась репрессивная машина, и тех, кто волею случая остался наблюдателем устрашающих и необъяснимых событий. Командующие группировки в советском обществе испытали культурный шок такой силы, что его последствия не были преодоленными в течение нескольких поколений. Порожденные им настроения: а в их числе парализующий ужас перед карающей рукой государства, ощущение полной беззащитности, собственной малости, эфемерности всех социальных достижений вошли в историческую память общества и, прежде всего, его образованной части, в мировосприятие советской интеллигенции.

Что касается репрессий против социальных низов, то они в той или иной форме являлись постоянным фактором ранней советской истории. И, возможно, именно по этой причине трагическая судьба тысячи делегатов XVII партийного съезда заслонила трагедию сотен тысяч колхозников, рабочих, маленьких служащих, павших жертвой массовых операций в августе 1937 – ноябре 1938 гг.

В самой массовой операции, кажется, нет особых загадок. Опубликован оперативный приказ № 00447 наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова от 30 июля 1937 г., на следующий день одобренный политбюро ЦК ВКП (б) «Об операции по репрессированию

¹ Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. М.: МИК, 1998. С.92–95.

бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». В нем по пунктам перечислены контингенты граждан, подлежащие репрессии: их всего восемь. В четырех пунктах упоминаются бывшие кулаки, «продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность», «бежавшие из лагерей и трудпоселков», или «скрывшиеся от раскулачивания», а также ранее «состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание», или избежавшие репрессий, а также «активные антисоветские элементы из бывших кулаков». А вместе с ними «члены антисоветских партий», бывшие белые, чиновники, бандиты и бандпособники, сектантские активисты, церковники вперемешку с уголовниками, как находящимися на свободе, так и содержащимися в лагерях. Все они заранее разделены на две категории: наиболее враждебных и менее активных элементов. Первые подлежат расстрелу, вторые – заключению в лагерь на срок от 8 до 10 лет. Утверждены квоты по областям, поименованные лимитами. Расписан порядок ведения следствия: ускоренный и упрощенный. Установлены меры наказания и способ их назначения. Здесь также все просто. Приговоры выносит заочно областная (республиканская, или краевая) тройка¹. К настоящему времени рассекречены отчеты об исполнении приказа. В самых общих чертах историками воссоздан ход операции. Подсчитаны жертвы, в основном кулаки, если верить докладам, отправляемым областными управлениями НКВД в Москву².

Именно поэтому массовая операция 1937–1938 гг. вошла в историю под именем «кулацкой операции». И здесь сразу же напрашивается параллель с первой – главной – кулацкой операцией, проводимой органами ГПУ по партийным директивам в 1929–1933 гг. в ходе массовой коллективизации. Та же мишень – кулаки. Та же цель – ликвидация кулачества. В первом случае – как класса³, во втором – как банды антисоветских элементов. Те же чрезвычайные репрессивные

¹ См.: Книга памяти жертв политических репрессий [Ульяновская область]. Т.1. – Ульяновск, 1996. С.766–780.

² См.: Юнге М. Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003.

³ «Мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». Сталин И. К вопросам аграрной политики в СССР. 27.12.1929 / Сталин И. Соч. Т.12. С. 169.

меры, не согласованные с действующим советским законодательством. Общая идейная оболочка – резкое обострение классовой борьбы, оправдывающее возвращение к террористическим практикам гражданской войны.

Сходство двух операций замечали и их участники. Один из следователей Пермского отдела УНКВД так объяснял впоследствии трибуналу применение им особых методов: «Я считал сначала незаконными эти действия, но потом думал, что это мероприятия временного характера и что это делается, как делалось в период 29–30 гг. во время ликвидации кулачества как класса»¹.

Подобие не означает тождество. Раскулачивание было публичной политической кампанией, осуществляемой под руководством партийных комитетов. Центральная и местная пресса день за днем размещала на своих страницах сводки с нового фронта классовой борьбы. Сельский актив был полноправным участником событий. Органы ОГПУ играли в них сугубо служебную роль. В 1937–1938 гг. кулацкая операция была организована как ведомственная, тщательно засекреченная акция Наркомвнудела. Ею занимались специальные оперативные группы, не отчитывающиеся за свою деятельность перед местными партийными инстанциями. Горкомы и райкомы ВКП (б) брали на себя функцию добровольных помощников райотделов НКВД, решающих самую важную политическую задачу – выкорчевывание врагов народа. Более того, кулацкая операция сопровождалась беспощадной чисткой партийных, советских и хозяйственных учреждений в городе и в деревне. По расчетам, произведенным М.А. Ивановой, «в 1937–1938 годах [в Прикамье] был почти полностью обновлен состав районного кадрового звена. Это видно на примере районных органов управления сельским хозяйством. По данным 19 районов, к началу 1939 вновь назначенными были все заведующие земельными отделами, уполномоченные комитета заготовок, управляющие конторами «Заготзерно», сменилось 47 директоров МТС и МТМ, вместе с их заместителями, 14 директоров совхозов. Суммарно по этим районам было заменено 168 руководителей, а лиц, работавших до 1936 года, осталось только 7»².

¹ Протокол судебного заседания. 1939. 21–23 августа. Г. Москва// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.6857. Т. 6. С. 164–165.

² Иванова М.А. Сталинская «кадровая революция» 1937–1938 годов: региональный аспект (по материалам Прикамья) // I Астафьевские чтения (17–18 мая 2002 года). Пермь, 2003. С.76.

Здесь возникает вопрос, являлись ли репрессии против бывших кулаков и тогдашних советских начальников параллельными акциями – к этой точке зрения склоняется М.И. Иванова¹ – или звеньями одной большой операции². Ответить на него не просто. Необходимо для этого выяснить саму технологию операции, установить, к каким социальным группировкам в 1937 г. принадлежали люди, подвергшиеся репрессии по классовому принципу. Отчеты областных управлений НКВД в данном случае не являются надежным источником. «Абсолютное отсутствие в списках репрессированных в Житомирской области и в Молдавской АССР рабочих, так же, как и низкий процент их в иных областях, сходные показатели по группам служащих и колхозников являются нонсенсом, – указывает по этому поводу В. Никольский. – Скорее всего, речь здесь идет о стремлении «подогнать» показатели социального состава репрессированных по политическим мотивам под соответствующие характеристики «социально враждебных» и «социально близких групп»³.

Проблематичным остается и политический смысл кулацкой операции. Преамбула приказа, гласящая, что цель операции против бывших кулаков, уголовников, церковников и кадров антисоветских политических партий «...защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»⁴, не объясняет ни актуальности, ни масштабности, ни чрезвычайности предписанных мер. Это, впрочем, не помешало ряду историков принять официальную точку зрения: бывшие кулаки и прочие асоциальные элементы мешали успешному социалистическому строительству и потому подлежали искоренению, если не по инициативе, то с полного одобрения трудящихся масс. Читаем у Ш. Фицпатрик в главе под названием «*Облава на маргиналов*»:

¹ См.: Иванова М.А. Репрессивная политика в деревне в 1930-е годы// Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: Сборник документов. Пермь, 2004. С.74–75.

² По мнению В. Роговина, «...в деревне жертвами великой чистки были по преимуществу коммунисты и колхозная интеллигенция». Роговин В. Партия расстрелянных. М.: Б.И., 1997. С. 247.

³ Никольский В. Статистика політичних репресій 1937 р. в Українській РСР // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2000. № 2/4 (13–15). С.110.

⁴ Книга памяти жертв политических репрессий [Ульяновская область]. Т.1. ... С.766 – 767.

Приказ «...отражает обычный для Советов параноидальный страх перед кулаками, однако есть в нем нечто, более присущее германскому нацизму, нежели советскому коммунизму, в частности, идея о том, что социальных улучшений можно добиться, избавив общество от «нечистых», отклоняющихся от нормы, маргинальных его членов»¹.

Слово «маргиналы» здесь ключевое. Оно, по мнению автора, призвано объяснить социальный смысл операции. Бывшие кулаки – это плохие работники, или просто «бывшие люди», своими установками, воспоминаниями, стонами и охами, надеждой на возвращение к прежним устоям, религиозным умонастроением не вписывающиеся в новое колхозное сообщество, не совместимые с ним и потому подлежащие искоренению так же, как и уголовный элемент. Кто заинтересован в их устранении? Самый первый ответ гласит – Сталин². Региональные партийные начальники, – возражает Ю. Жуков. В демократических выборах на основе новой конституции они усмотрели опасность консолидации антисоветских элементов и вырвали у Сталина согласие на проведение превентивной операции против реальных или мнимых врагов советского строя, одновременно стремясь отвести удар от самих себя как малокомпетентных руководителей³. Дискуссия на февральско-мартовском пленуме ВКП (б) свидетельствует о том, что, действительно, многие секретари обкомов говорили об угрозах, исходящих от бывших кулаков (Р. Эйхе: «...немалая группа зяблых врагов, которые будут пытаться всеми мерами продолжать борьбу»⁴), священнослужителей всех конфессий и бывших членов некоммунистических партий. С точкой зрения Ю. Жукова согласен и Дж.А. Гетти: «Инициатива возобновления [истребительной] кампании необязательно могла исходить от Сталина». Террор развернули местные руководители, по этой причине он стал

¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 227.

² «Несмотря на то, что большинство директив о терроре оформлялись, как решения Политбюро, их истинным автором был, судя по имеющимся документам, Сталин. <...> Многие решения, судя по всему, Сталин принимал единолично». Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 208.

³ См.: Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 года// Вопросы истории. 2002. № 1; Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003.

⁴ Вопросы истории. 1993. №.6. С. 5–6.

слепым, безадресным, напоминающим «...неприцельную пальбу по толпе»¹. Это не был слепой террор, – возражают М. Юнге и Р. Биннер: происходил отбор будущих жертв. «Преследование происходило менее бессистемно и более целенаправленно, чем это часто изображается. Бывшие кулаки, мелкоуголовные рецидивисты, маргинализированные безработные и бездомные, священники и члены церкви, бывшие социал-революционеры и меньшевики, представители старого режима и противники большевиков времен Гражданской войны, враги от рождения (дети кулаков, священников и т.д.) относились к группам риска большого террора». Немецкие исследователи настаивают на значительном влиянии местных элит на ход и масштабы массовой операции². Если в тексте монографии речь идет о региональном партийном руководстве, то в последующих выступлениях на конференции один из авторов книги – М. Юнге – распространяет свое суждение и на низовых агентов власти, в том числе на руководителей сельских советов. Он аргументирует их иницилирующее участие в репрессиях тем, что секретарь сельсовета составлял справки для райотделов НКВД на лиц, подготавливаемых к аресту, или уже арестованных. По мнению Юнге, маленькие руководители наводили карающую руку НКВД на людей, бывших помехой низовым управленческим практикам. Более радикальную точку зрения изложил В.И. Бакулин: «Многие из них [простых людей] шли в лагерь или под расстрел по доносам своих коллег по работе, соседей и т.д. на почве зависти, личного недоброжелательства и т.п.»³.

Иначе говоря, на должность стрелочников массовых операций претендуют лесорубы, проходчики, смазчики, сцепщики, разнорабочие и счетоводы, сводящие бытовые счета со своими товарищами по бараку, лесной заимке, полевому стану, или паровозному депо. Здесь любопытна тенденция, сдвигающая террористические практики от централизованных актов, исходящих от высшей власти (в недавно опубликованной служебной переписке между партийными инстанциями и НКВД можно обнаружить множество дополнительных доказательств тому, что именно Сталин был инициатором, организатором

¹ Getty J.A. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the late 1930s // Russian review. 2002. №.1. (Vol. 61). P. 116, 130.

² Юнге М. Биннер Р. Как террор стал «большим»... С.225., 233.

³ Бакулин В.И. Кадровые чистки 1933–1938 годов в Кировской области // Отечественная история. 2006. № 1. С. 152.

и верховным контролером большой чистки¹), к бытовым актам. Действительно, в следственных делах можно обнаружить и доносы «доброжелателей», и многочисленные справки от сельсоветов. Последняя из виденных мною датируется 1957 годом: «Из родственников проверяемого участников антоновской банды не было, раскулачиванию не подвергались»². Все так, однако и ревностные начальники, и недобросовестные работники, и завистливые соседи являются коренными обитателями советского мира во всей его исторической протяженности. Но вот бюрократически организованные репрессии такого масштаба и жестокости свойственны исключительно массовым операциям 1937–1938 гг. Другими словами, политический и социальный смысл кулацкой операции остается загадочным и таинственным не в меньшей мере, нежели истоки и цели большого террора.

Для того чтобы приблизиться к его пониманию, пермскими историками была создана временная поисковая группа, регулярно собиравшаяся на семинары для проведения обмена мнениями и выработки общей объяснительной концепции. Внешним импульсом для ее возникновения можно считать предложение, поступившее от ассоциации исследователей российского общества XX века: изучить проведение массовой операции на границах современного Пермского края. В 1937–1938 гг. его территория входила в Свердловскую область. По этой причине документы областного управления НКВД оказались для нас недоступными. Мы избрали иной путь: приступили к изучению архивно-следственных дел, заведенных сотрудниками Свердловского УНКВД на лиц, подвергнутых репрессии в ходе кулацкой операции. Опыт работы с такими источниками был накоплен в процессе подготовки сборников документов «Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.» и «Немцы в

¹ Здесь можно найти записку Сталина и Молотова об увеличении лимита по кулацкой операции для Красноярского края и сталинские маргиналии на телеграмме начальника Свердловского УНКВД Д.М. Дмитриева: «Владимирова [директор Уралмашзавода] надо арестовать» и многочисленные постановления политбюро «Об антисоветских элементах», разрешение создать вторую тройку для г. Москвы и области «...в целях ускорения рассмотрения дел по кулакам» и многое другое. См: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М.: МФД, 2004. С. 322–335.

² Лейбович О.Л. Дело Ивана Прокофьевича Шаралова / Лейбович О. В городе М / Перм.гос.техн.ун-т. Пермь, 2005. С. 244.

Прикамье. XX век»¹. И начинали мы не с чистого листа. Пермскими исследователями были сделаны первые шаги по изучению большого террора на территории Прикамья. Кроме упомянутых ранее работ М.А. Ивановой, нужно назвать статьи Г.С. Мурсалимова, В.В. Шабалина, Г.Ф. Станковской².

Областной государственный общественно-политический архив (ГОПАПО) выпустил многотомную книгу памяти «Годы террора», в которую были занесены сведения о лицах, подвергнутых политическим репрессиям за годы Советской власти. Одновременно сотрудники архива совместно с пермским отделением общества «Мемориал» под руководством А.Б. Сулова составили обширную электронную базу данных, включающую ряд показателей, в том числе социальное положение, образование, партийность, прежние судимости и другие виды наказаний, национальность, возраст, время ареста и осуждения, орган, принявший решение о репрессии. Директор архива М.Г. Нечаев предоставил нам возможность работать с базой данных. Т.В. Бурнышева отсортировала информацию в соответствии с исследовательскими задачами.

Для начала мы выделили круг лиц, осужденных областной тройкой в 1937–1938 гг. Тройка, сформированная по приказу 00447, являлась инструментом, предназначенным исключительно для проведения кулацкой операции. Лица, подвергнувшиеся репрессии по иным приказам, или павшие жертвой ударов по правотроцкистским заговорщическим центрам, осуждались на смерть или длительные сроки заключения другими судебными коллегиями. На тройку из жителей Прикамья было выставлено 7959 человек. Замечу сразу, что уголовников в их числе нет, поскольку они до сегодняшнего времени не реабилитированы.

Благодаря консультациям, полученным от доцента кафедры культурологии Н.В. Шушковой, мы смогли осуществить простейшие статистические операции с полученными сведениями: сделать кодировку профессий, построить линейные распределения, произвести

¹ Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: Сборник документов и материалов. Пермь: Пушка, 2004; Немцы в Прикамье. XX век. Т.1. Архивные документы. Пермь: Пушка, 2006.

² Шабалин В. «Вредители не всегда работали плохо...» // Годы террора. Пермь: Здравствуй, 1998; Станковская Г.Ф. Как делали врагов народа // Годы террора. Пермь: Здравствуй, 1998; Мурсалимов Г.С. 1937 год в истории села Кояново // Политические репрессии в истории России. Пермь, 2000.

кросс-табуляцию – все это для того, чтобы выявить сезонные колебания репрессий, установить зависимость продолжительности следственных действий (неделя – три недели – месяц) от времени ареста, социального положения, тяжести обвинения, выявить корреляцию между уровнем квалификации (образования) обвиняемого и характером наказания, сопоставить параметры исходных обвинений и содержание приговора.

Мы очень долго дискутировали и с Марком Юнге – куратором проекта от Бохумского университета – и в своем собственном кругу по вопросу о том, по какому признаку объединять людей, подвергшихся репрессии. Обсуждалось два варианта: воспользоваться классификацией самого приказа, или использовать социальные идентификаторы, соответствующие статистическим характеристикам, примененным в переписи 1937 г. Говоря иначе, делить ли репрессированных на бывших кулаков и бывших эсеров, жандармов и карателей (так предлагал М. Юнге), или на рабочих, служащих, колхозников, священнослужителей, единоличников, кустарей, то есть по социальным группировкам, к которым они на момент ареста принадлежали. В конечном счете, был выбран второй вариант, поскольку он не только освобождал нас от необходимости заранее соглашаться с пунктами обвинения, продиктованными следователями НКВД, но также и позволял выявить, по каким социальным группам был нанесен оперативный удар.

Кроме того, сотрудники исследовательской группы приняли в качестве исходного положения идею, согласно которой кулацкая операция может быть понята только в широком контексте большого террора, поразившего в Прикамье сотни людей, принадлежащих к иным социальным группировкам, в том числе к партийной и советской бюрократии, инженерному корпусу и др.

Надо заметить, что провести социальную демаркацию оказалось сложным делом. Границы между работниками, принадлежащими к смежным видам деятельности, или отличающимися только формально правовым положением, были весьма условными. Нянечка в больнице – кто она? Служащая, как это было занесено в базу данных из анкеты арестованного, или рабочая по роду деятельности? В течение всей работы над проектом авторы соответствующих разделов производили обмен данными.

После того, как был очерчен круг «прооперированных» – так в одном из рапортов по начальству назвали жертв кулацкой

операции – и выделены в нем соответствующие секторы: рабочие, служащие, крестьяне, священнослужители, исследовательская группа приступила к анализу следственных дел. Тут же выяснилось, что приказ № 00447 не может быть надежным путеводителем. Он предписывал заводить на каждого арестованного или группу арестованных краткое следственное дело, к которому приобщать: «ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкету арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение». Мы ожидали получить тонкие папки на 10–15 страниц, а работники архива приносили многотомники, переполненные следственным материалом: десятками протоколов допросов, очных ставок, выписок, свидетельских показаний и заявлений. Упрощенный характер следствия в них явно не просматривался. Тем не менее работа шла по плану. Каждый из участников проекта просмотрел до 50 архивно-следственных дел.

Кроме того, подверглись анализу сопутствующие материалы: переписка между партийными комитетами и отделами НКВД, протоколы партийных собраний, стенограммы пленумов, характеристики, редкие архивно-следственные дела на сотрудников НКВД – участников кулацкой операции, выписки из показаний других работников ежовского ведомства, осужденных в 1939–1941 гг. или допрошенных в середине 50-х годов по поводу участия в репрессиях против партийно-хозяйственных кадров.

Без помощи Г.Ф. Станковской – великого знатока архивных фондов и беззаветно преданного своей профессии историка – эта задача по выявлению необходимых документов никогда не была бы решена.

Структура книги соответствует ее замыслу. Она открывается главой о кулацкой операции на территории Прикамья: ее действующих лицах, сценарии, технологии и итогах. В последующих главах реконструируются репрессии против рабочих, служащих, колхозников, священнослужителей. В особой главе рассмотрен ход операции в селе Кояново. После этого анализируется участие в операции партийных, советских и карательных ведомств. В итоговой части монографии формулируются некоторые выводы, касающиеся общего смысла кулацкой операции.

Мы благодарны директору ГОПАПО М.Г. Нечаеву, сотрудникам архива Т.В. Безденежных, Т.В. Бурнашевой, И.Ю. Федотовой за тесное и бескорыстное сотрудничество.

О.Л. Лейбович

КУЛАЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИКАМЬЯ В 1937–1938 ГГ.

6 января 1938 г. сотрудники Кизеловского горотдела НКВД арестовали Георгия Семеновича Пьянкова, рабочего шахты № 6 – «Капитальная». Привезли в недостроенный производственный корпус и заперли там вместе с другими товарищами по несчастью. Спустя какое-то время вызвали на допрос, где следователь предложил ему признаться в совершенных преступлениях и подписать заранее составленный протокол. В нем, среди прочих злодеяний, указывались конкретные факты вредительства: «сталкивал под откос железнодорожные вагоны, а работая проходчиком, умышленно выбивал крепежные стойки». Георгий Пьянков был человеком молодым, упрямым и грамотным (окончил начальную школу), потому, удивившись «до глупости неправдоподобному обвинению», ничего подписывать не стал, за что был жестоко наказан. «Следователь угрожал ... оружием, избивал, затем целые сутки держал в коридоре на табурете...», в конце концов, на две недели отправил в карцер. «Помещение карцера по своим размерам было очень маленьким, а людей в нем содержалось много. Кроме того, к помещению карцера был подведен паропровод, так что находиться в карцере в таких условиях было невыносимо». Однако Пьянков все-таки вынес, ничего не подписал и был отправлен в лагерь, где «... узнал, что осужден тройкой на 10 лет». Отсидел до звонка, вернулся в Кизел, вновь устроился на шахту, на этот раз имени Ленина, десятником погрузки¹.

Событие, исковеркавшее жизнь 24-летнему рабочему парню, было рядовым эпизодом в череде массовых операций, проводимых территориальными органами НКВД в течение четырнадцати месяцев.

¹ См.: Протокол допроса свидетеля Пьянкова Георгия Семеновича. г. Кизел. 28.05.1956 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.14189. С. 204–205.

Согласно директивному документу высшей степени важности – совместному постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) – массовые операции были нацелены на «разгром и выкорчевывание вражеских элементов» с применением особых средств, поименованных «упрощенным ведением следствия»¹. В указанном постановлении высшие государственные инстанции в ноябре 1938 г. объявляли о прекращении массовых операций, начатых в соответствии с постановлением политбюро ЦК ВКП (б) в августе предшествующего 1937 года. В силу оперативного приказа наркома внутренних дел СССР № 00447 в кратчайший срок подлежали беспощадной репрессии «бывшие кулаки, активные антисоветские элементы и уголовники»². По мере поступления новых приказов наркомвнудела, указывавших на дополнительные цели: поляков, немцев, харбинцев, латышей, их исполнители в служебной переписке и деловых разговорах стали называть первую операцию «кулацкой». Под этим именем она и вошла в историю.

Если начальная дата операции известна (в приказе указано число – 5 августа 1937 г.), то вопрос о ее завершении остается открытым. Первоначально на всю операцию отводилось 4 месяца. В действительности органы НКВД продолжали изъятие «антисоветских элементов», перечисленных в приказе, вплоть до осени 1938 г.

Операции не просто следовали одна за другой, они накладывались друг на друга. Новые задачи вовсе не отменяли старые, они только по-другому расставляли акценты. И если в первые месяцы бывших кулаков брали просто как кулаков, то зимой 1937–1938 гг. – в порядке уничтожения «инобазы», то есть подручных (потенциальных и реальных) зарубежных разведок, или в качестве эсеров и меньшевиков.

В отечественной историографии тема кулацкой операции в исследовании большого террора остается периферийной. Причины такого состояния дел можно было бы объяснить состоянием источ-

¹ См.: Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б). 17.11.1938 // ГОПАПО. Ф.85. Оп.20. Д.6. С. 11.

² См.: Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР. № 00447. г. Москва. 30 07 1937 // Книга памяти жертв политических репрессий. Т.1. Ульяновск, 1996. С. 766–767. О перипетиях, связанных с появлением этого приказа см.: Юнге М. Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003.

никовой базы. Ведомственные документы НКВД рассекречены в минимальной мере. Представляется, однако, что немаловажную роль играют также и теоретические, вернее, идеологические предположения историков. Массовые операции не укладываются в концептуальные схемы, объясняющие генезис и содержание большого террора или перипетиями классовой борьбы, или технологиями отправления власти в пореволюционном обществе. В первом случае речь идет о расправе с политической оппозицией¹, во втором – о радикальном способе вернуть к жизни окостеневшие управленческие структуры, попутно открыв социальный клапан для выражения справедливого недовольства городских и сельских низов по адресу некомпетентных, вороватых, жестоких и надменных чиновников². Тем более, за предшествующие десятилетия сложилась литературная традиция, отождествляющая жертв большого террора с номенклатурными лицами – выходцами из революционной эпохи: с членами ЦК, наркомаами, командармами, красными директорами, полпредами. Впускать в этот избранный круг плотников, кочегаров, конюхов, грузчиков, казалось, да и по сей день кажется не совсем приличным. Тем не менее в литературе последнего десятилетия о большом терроре в 1937–1938 гг. присутствуют сюжеты, касающиеся проведения массовых операций³.

Изучение кулацкой операции на территории, ныне входящей в Пермский край, а в 1937–1938 гг. бывшей западной окраиной Сверд-

¹ Наиболее определенно и четко эта точка зрения выражена в работах В.З. Роговина, который интерпретирует большой террор как превентивную гражданскую войну, развязанную правящей бюрократией «...против большевиков-ленинцев, боровшихся за сохранение и укрепление завоеваний октябрьской революции». Последние являлись хранителями традиций «сохранивших жизненность не только в среде народных масс, но и в среде партийных аппаратчиков, хозяйственников, военачальников и т.д. Чтобы опрокинуть эту силу, не имевшую прецедента в истории, понадобился столь же беспрецедентный по своим масштабам и жестокости террор». Роговин В.З. 1937. М., 1996. С.18, 146.

² Технологическая точка зрения была некогда высказана А. Гетти: «Ежовщина была... радикальной истерической реакцией на бюрократию». См.: Getty J. *Origins of the great Purges*. – Cambridge, 1987. P.206. «Репрессии громыхали где-то поверху. В деревне садить было некого», – утверждает исследователь большого террора на Урале. См.: Базаров А. Дурелом, или господа колхозники. Кн.2. Курган, 1997. С. 451.

³ Наиболее полный обзор публикаций по теме «Массовые операции в советской провинции» см.: Юнге М. Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 335–348.

ловской области, фактически только начинается. Документальной основой исследования являются материалы, хранящиеся в фондах Государственного общественно-политического архива Пермской области (ГОПАПО). Речь идет в первую очередь об архивно-следственных делах, собранных в двух фондах (641/1 и 643/2). В них содержатся допросные протоколы, заявления, свидетельские показания, постановления особой тройки. Специфика указанных документов заключается в том, что они все – или почти все – фальсифицированные. В 1937 г. в стенах Свердловского управления НКВД состоялся примечательный разговор между прежними товарищами по оружию. Один из них – Боярский – исполнял роль следователя; второй – Плахов – нераскаявшегося врага. Следователь убеждал собеседника сознаться в участии в антисоветском заговоре. Арестант отказывался и, в конце концов, задал вопрос: «Зачем вам нужна ложь? Боярский ответил, что это нужно партии, органам НКВД, нужно истории...»¹.

В позднейших показаниях высокопоставленного сотрудника Свердловского УНКВД А.Г. Гайды, как о чем-то само собой разумеющемся, рассказывается о том, как «... в 3-м отделе на всех «сознавшихся» арестованных писал протокол один человек Вайнштейн, не видевший в глаза этих арестованных и не беседовавший с ними, т.е. протоколы писались только лишь с заявления, исключительно фантастического характера на 60–70 листах»². Точно так же поступали сотрудники городских и районных отделений НКВД. Более точные сведения можно было бы почерпнуть из следственных дел бывших исполнителей приказа № 00447. Однако этот массив документов остается закрытым. Лица, осужденные за злоупотребление служебным положением и фальсификации дел в ходе массовых операций, не реабилитированы – и по этой причине их дела не доступны. Исследователь массовых операций может располагать только обзорными справками, выписками из протоколов допросов,

¹ Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 9096 по обвинению бывших сотрудников УНКВД Свердловской области // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.16213. С. 153. И надо сказать, что в отношении истории он не ошибся. В недавно изданной книге на правах подлинных документов опубликованы протоколы допросов Г.Г. Ягоды, показания М.Н. Тухачевского и пр. материалы, сфабрикованные в НКВД. См.: Сойма В. Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 102–293.

² Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 9096 по обвинению бывших сотрудников УНКВД Свердловской области // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.16213. С. 157.

копиями рапортов начальству, помещенными в реабилитационные дела жертв репрессий.

Служебная документация органов НКВД (материалы оперативных совещаний, доклады, директивы, сводки) также остается засекреченной. Впрочем, есть указания на то, что по приказу местных руководителей часть материалов была уничтожена еще в 1938 г¹. Сохранилась переписка между НКВД СССР и политбюро ЦК ВКП (б), частично опубликованная в сборнике «Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938»².

В распоряжении исследователя находятся также разрозненные протоколы партийных собраний сотрудников НКВД, не регулярно собираемых в указанный период. В этих материалах очень фрагментарно, односторонне и поверхностно отображается внутренняя жизнь учреждений, проводящих массовую операцию, выявляются сдвиги в коллективной психологии исполнителей большого террора. Материалы, содержащиеся в архивно-следственных делах, могут быть дополнены документами из фондов территориальных партийных организаций – Перми, Молотово (так в 1932–1938 гг. назывался современный Мотовилихинский район), Березников, Соликамска, Чусового, Кизела, Кунгура, Щучьего Озера, Лысьвы и др. И если в ходе самой операции переписка между райотделами НКВД и районными партийными комитетами была сведена до минимума (из отдела в райком поступали списки арестованных членов партии; из райкома в отдел – списки исключенных из ВКП (б) по политическим мотивам, или партийцев, подозрительных по своему происхождению), то в стенограммах конференций, в протоколах заседаний районного бюро, в партийных характеристиках можно обнаружить не только сведения о реакции населения на происходящие события, но и образ мыслей их участников и свидетелей. После ноября 1938 г. в фондах районных и городских комитетов вновь отложились документы, составленные в территориальных

¹ «При окончании операции все документы были изорваны техническим персоналом», - показал на допросе оперуполномоченный Кизеловского ГО НКВД. Протокол допроса свидетеля Герчикова С.Б.10 12 1939// ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.12558. Т.3. С. 113.

² Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004.

органах НКВД: справки, информационные письма, доклады, в том числе и затрагивающие недавнюю историю.

Неоценимым подспорьем для исследователя является составленная сотрудниками архива база данных на лиц, подвергшихся репрессиям по политическим мотивам на территории Пермской области. В ней учтены 7959 человек, осужденных особой тройкой Свердловского УНКВД в 1937–1938 гг.

Историю кулацкой операции, таким образом, приходится реконструировать в основном по косвенным источникам, к тому же рассредоточенным в самых разных делах. Без неоценимой помощи Галины Федоровны Станковской – великого знатока архивного фонда – с этой работой я бы не справился. Сердечное ей спасибо.

ПОДГОТОВКА КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ

Подготовка к массовой акции по истреблению антисоветского элемента началась в начале лета. В июне начальник Свердловского УНКВД Д.М. Дмитриев создал для этой цели оперативный штаб, которому поручил непосредственное руководство и планирование предстоящей операции¹.

За несколько недель до ее начала штаб организовал кустовые совещания с руководством районных и городских отделов НКВД.

Г.Ф. Черняков, в то время возглавлявший Кочевский РО НКВД, «... был вызван на совещание начальников райотделений, которое проходило под руководством начальника областного управления милиции Вейнберга, специально приехавшего для этой цели в Кудымкар». Там они получили приказ «... в кратчайший срок подготовить списки лиц из числа кулаков и предоставить эти списки в Окротдел НКВД в гор. Кудымкар. Списки должны были быть подготовлены по специальной форме с указанием установочных данных и компрометирующих материалов на этих лиц»². Дело происходило «в июне – июле месяце». Более точной даты свидетель не помнил. На более раннем допросе Черняков уточнил, что сове-

¹ См.: Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 975188. г. Свердловск 14.02.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2. С. 117–118.

² Протокол допроса свидетеля Чернякова Григория Федоровича. г. Молотов. 18.01.1956 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11912. С. 245–246.

щений было несколько. На первом «... об арестах еще ничего сказано не было»¹.

Затем Вейнберг приехал в с. Кочево, лично проверил списки, остался доволен и приказал их отослать в окружной отдел – в г. Кудымкар. И уже после того, как все списки были составлены и отосланы, «...в начале августа 1937 года в гор. Кудымкар приехал начальник СПО УНКВД Ревин, который также провел совещание с начальниками райотделений, на котором заявил, что ЦК ВКП (б) и Советским правительством поставлена задача ликвидации базы «правых» в деревне. <...> Здесь же на совещании нам были возвращены ранее высланные в окротдел списки, причем в этих списках против каждой фамилии стояли римские цифры – I или II, означавшие, кого нужно арестовать в первую и кого во вторую очередь. Кроме того, предложили занять какое-либо помещение под КПЗ, мобилизовать для проведения операции партийно-советский актив, подготовить транспорт. На прошедших совещаниях нам указывали, что следствие по делам арестованных необходимо вести упрощенным образом, то есть постановление на арест, об избрании меры пресечения не выносить, санкции на арест у прокуроров не испрашивать, прокуроров в КПЗ не допускать, обвиняемых с материалами дела не знакомить, очных ставок не проводить. Каждому начальнику райоргана, в том числе и мне, была заранее определена цифра подлежащих аресту, причем было сказано, что если в ходе следствия дела будут разворачиваться, то никаких ограничений в проведении последующих арестов не будет»².

Из показаний Г.Ф. Чернякова (самых подробных из тех, что удалось обнаружить) следует, что на непосредственную подготовку операции исполнителям отводилось несколько недель. За это время

¹ Протокол допроса. г. Молотов. 27 04 1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.14189. С. 65. Об этом же говорил курсант Свердловской межкраевой школы НКВД И.Г. Сердюк, в июле 1937 г. практиковавший в Кизеловском горотделе: «В то время нам не было известно, что лица, в отношении которых мы будем собирать компрометирующий материал, впоследствии будут арестованы». Протокол допроса свидетеля Сердюка И.Г. г. Кизел. 9.06.1956 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 11908. Т.1. С. 194–195. То же самое повторял на допросе и Л.М. Новоселов, тогда начальник ОДТО станции Пермь II: «Составляя эти списки /на антисоветский элемент – О.Л./, мы не знали, для чего это делаем. Потом списки к нам поступали из ДТО с резолюцией “арестовать”, и мы приводили это в исполнение». Обзорная справка по архивно-следственному делу № 983113 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 15225. С. 164.

² Протокол допроса свидетеля Чернякова..., С. 246.

районные отделы должны были составить «черные списки» трудпоселенцев и местных бывших кулаков, «... на которых были какие-то компрометирующие материалы», отослать их для проверки по начальству, а затем получить обратно с отметкой «...красным карандашом» против фамилий людей, подлежащих немедленному аресту. Никаких новых виз и подписей на этих списках не появилось¹.

В процессе подготовительных мероприятий органы НКВД определили круг жертв, прежде всего из числа трудпоселенцев. Им снова была присвоена номинация «кулаки». Следует заметить, что правовое положение этих людей проблематизировалось Конституцией 1936 г. Наравне с другими гражданами они получили избирательные права, тем самым их политическая ущербность, казалось, была сведена на нет. В среде трудпоселенцев циркулировали слухи о предстоящем полном восстановлении гражданских прав. «Находясь в ожидании конкретного преломления статьи 135 Новой Конституции в отношении трудссылки, имеются различного рода настроения и высказывания всевозможных предположений в отношении дальнейшей судьбы трудпоселенцев», – сообщается в одном из документов, составленных в Кизеловском горотделе НКВД в начале 1937 года. Смысл этих высказываний сводится к тому, что мы теперь свободные люди, захотим – останемся на старом месте работы, захотим – нет. «Губаха – это место ссылки и наказания, в случае, если дадут паспорта, то здесь останутся одни кадровые рабочие. <...> Я тоже поеду домой и буду работать в колхозе слесарем. Там проживу лучше, чем здесь». Следует заметить, что такие настроения разделяли и некоторые хозяйственные руководители. В документе упоминается начальник отдела кадров и одновременно парторг лесозавода Дымолазов, который «... в присутствии трудпоселенцев» сказал коменданту поселка «...сейчас трудпоселенцев нет; они свободные граждане, как и мы с тобой, <...> они свободны и могут ехать, куда угодно». Авторы «Справки» также не были уверены в перспективе сохранения

¹ «Кто производил эти отметки в списках, я не знаю». Протокол допроса. г. Молотов. 27.04.1955..., С.65. В отличие от Чернякова, заместитель начальника Пермского горотдела НКВД В.И. Былкин знал, что отметки на списках делал руководитель совещания в Перми, капитан госбезопасности С.А. Кричман. См.: Из протокола судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве. 1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. С. 176.

status quo и потому предлагали до получения распоряжений поддерживать сложившийся режим, «...обеспечить выполнение существующих условий со стороны хозяйственных организаций» и «проводить массовую воспитательную работу», чтобы закрепить этих нужных работников на предприятиях¹. Спустя некоторое время настроения поменялись: «Вожди между собой ссорятся, а из-за этого нас, трудпоселенцев, не восстанавливают в избирательных правах»². Никому, однако, не приходило в голову, что спустя несколько месяцев власти изымут их из советского общества, превратят в «...особое политическое тело, в котором не было законов и не было граждан»³.

Трудпоселенцы будут отождествлены с врагами, подлежащими искоренению по спискам.

Техника составления последних была простой. Следователи просматривали ранее составленные дела-формуляры и агентурные дела на лиц, подлежащих оперативному учету: в первую очередь на тех же трудпоселенцев, но так же и на бывших военнослужащих белых армий, членов социалистических партий, людей, отбывших заключение по 58-й статье⁴.

Другие оперативные работники, по свидетельству сотрудника Кизеловского ГО НКВД С.В. Трящина, получили приказ «...учесть по обслуживаемым им объектам контрреволюционный элемент: полуофициальным сбором данных и через агентуру составить списки с установочными данными и краткой характеристикой его деятельности...»⁵. С агентами поручили работать курсантам.

¹ Справка 4 отд. УГБ Кизеловского ГО НКВД о политнастроениях трудпоселенцев в связи с новой Конституцией СССР по состоянию на 23.01.1937 // ГОПАПО. Ф.61. Оп.16. Д.53. С. 137–142.

² Спецзаписка о политнастроениях в связи со смертью тов. Орджоникидзе Г.К. на 21.02.1937. г. Кизел // ГОПАПО. Ф.61. Оп.16. Д.53. С. 146 (об).

³ Эткинд А. «Одно время я колебался, не антихрист ли я»: субъективность, автобиография и горячая память революции // НЛО. № 73 (2005). С. 55.

⁴ См.: Протокол допроса свидетеля Тягунова Н.П. 6.04.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.7485. С. 121–122.

⁵ Справка по архивно-следственному делу № 980732 по обвинению Шахова Д.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11908. Т.1. С. 167. Что такое «полуофициальный сбор данных», разъяснил другой оперативник З.С. Джиловян: «Списки на лиц, подлежащих аресту, составлялись путем выяснения биографических данных этих лиц через паспортные столы, отделы кадров предприятий, учетные данные спецкомендатур и др.». Из протокола допроса свидетеля Джиловяна Завена Сумбатовича г. Молотов 20.05.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.10231. С. 121–122.

Так, Иван Григорьевич Сердюк, проходивший практику в г. Кизеле, получил список свидетелей, которых ему надо было допросить «...об антисоветской деятельности подлежащих аресту лиц»¹. Таких лиц по городу учли 800 человек. Свердловское начальство одобрило арест 500 из них².

Агентурные материалы добывались непосредственно перед самой операцией. Все делалось наспех. «Основным материалом для их ареста служили агентурные материалы и формуляры, что я считал вполне достаточным», – показывал на суде В.И. Былкин, руководивший операцией в Перми³. О том, как в последние составлялись формуляры, можно прочесть в показаниях И.Н. Муллова: «Еще до составления протокола меня вызвал к себе комендант трудпоселка и сказал мне, что нужно подобрать людей и компрометирующие материалы на них, после этого мы составляли характеристики, причем некоторые факты брались по памяти; на других лиц мы просматривали по карточке и книгам дисциплинарные взыскания за побег, за самовольные отлучки с трудпоселка в город, за невыход на работу и т.д., и уже после этого следователь составил протокол на всех намеченных лиц и предложил мне для подписания»⁴.

¹ Протокол допроса свидетеля Сердюка И.Г. г. Кизел. 9.06.1956 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11908. Т.1. С. 194. Тема свидетелей несостоявшихся преступлений сама по себе интересна. На самом деле, речь шла об агентах, сообщавших о реальных, или мнимых антисоветских высказываниях заранее обреченных людей. Кроме них использовались штатные доносчики. Один из них – агент по снабжению «Шахтстроя» И.Н. Мулов – «... по просьбе сотрудников Кизеловского горотдела НКВД» подписал, «... не читая, около 150 свидетельских показаний на разных лиц». Заключение по материалам расследования о нарушении социалистической законности быв. сотрудником УНКВД Свердловской области, а впоследствии б. нач. Кизеловского ГО НКВД и б. нач. УНКВД Пермской обл., мл. лейтенантом гос. безопасности Шаховым Дмитрием Александровичем 5 02 1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.12837. С. 516 (об). Об услугах органам знали, или догадывались, соседи и сослуживцы. «Среди спецпоселенцев были разговоры, что Мулов посадил многих поселенцев, давая на каждого показания». Рвение доносчика подогревали водкой. «Он все время пил и все время был пьяным». Протокол допроса свидетеля Винокурова К.Н. г. Молотов. 28.05.1956 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11908. С. 210.

² Справка по архивно-следственному делу № 980732 по обвинению Шахова Д.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11908. Т.1. С. 168.

³ Из протокола судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. С.176.

⁴ Выписка из протокола допроса свидетеля Муллова И.Н. 15.02.1939// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11908. С. 203.

Руководителям райотделов разъяснили на словах технологию проведения операции, а также ее политический смысл и предложили самостоятельно изыскать дополнительные средства: арестные помещения, транспорт и пр.

К началу операции областное управление НКВД увеличило штаты оперативных отделов за счет мобилизации вахтеров, фельдшерей, охранников и курсантов ¹.

Можно предположить, что на основании полученных списков Свердловское УНКВД разметило территорию области, выделив те районы, по которым планировалось нанесение основного удара, в том числе: Коми-Пермяцкий округ, Ворошиловский район (Березники, Соликамск, Губаха), Пермь и прилегающие к ней города и поселки. Под прицельный огонь попали те районы, где были расквартированы трудовые поселенцы, занятые в промышленности, в строительстве, на транспорте, в лесном и сельском хозяйстве. Именно туда позднее отправятся оперативные группы и следственные бригады из Свердловска.

Организационная подготовка операции этими мерами фактически исчерпывалась.

Была в процессе подготовки и политическая составляющая. На совещании в Кудымкаре капитан ГБ Ревинов разъяснил своим слушателям, что бывших кулаков следует ликвидировать не за старые грехи или конкретные преступления, а потому, что они представляют собой политическую опасность, являясь социальной базой «правых» ².

Правые, на языке июля 1937 г., это синоним врагов народа, оккупировавших руководящие должности в партийных, советских и хозяйственных учреждениях Урала³. Прежде чем начать операцию, органы НКВД произвели политическую зачистку территорий, нанеся удары по штабам. В показаниях Михаила Алексеевича Дьяконова – помощника оперуполномоченного Ворошиловского РО НКВД – содержится примечательное наблюдение: «...До проведения этих /массовых. – *О.Л.*/ операций <...> были произведены

¹ Многие оперативные работники пермского горотдела НКВД вплоть до июля 1937 г. занимали именно эти должности. См.: Из протокола судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. С.152, 157.

² Черняков, представляется, лукавил, когда расшифровывал римские цифры I или II только очередностью арестов.

³ См.: Базаров А. Дурелом, или господа колхозники. Кн.2. Курган, 1997. С. 358 – 366.

массовые аресты руководящих партийных и советских работников района и расположенных на его территории промышленных предприятий. В то время были арестованы члены партии с большим стажем, секретари райкома и Березниковского горкома, директора заводов, крупные инженеры и другие советские и партийные работники. Мне, как оперативному работнику РО НКВД, было известно, что на указанных лиц никаких компрометирующих материалов в РО не имелось, однако они были арестованы»¹. Весной того же года подобная операция была проведена в г. Перми, летом – в Коми-Пермяцком округе, в городах Лысьве, Чусовом, Кизеле, Кунгуре. Были арестованы руководители отделов НКВД в Кудымкаре и в Березниках. Об одном из них – начальнике Ворошиловского ГО капитане ГБ А.П. Морякове говорили, что «...он был противником массовых операций и необоснованного ареста граждан»². Начальник Пермского горотдела Л.Г. Лосос, непосредственно руководивший подготовкой операции, за неделю до ее начала застрелился.

Аресты номенклатурных работников являлись необходимым политическим основанием для массовых акций против рабочих, колхозников, мелких служащих. И дело здесь не в том, что прежнее руководство могло как-то помешать проведению операции или вмешаться в ее процесс. После падения И.Д. Кабакова такой дерзости от секретарей горкома ожидать уже не следовало. Разоблачение страшного заговора во властных инстанциях развязывало чекистам руки для крупномасштабной карательной акции, оправдывало в их собственных глазах применение террористических мер по отношению к незащитным людям, обеспечивало, если не поддержку, то хотя бы одобрение населения и, наконец, создавало общественную атмосферу страха и неуверенности. Как верно заметил на допросе начальник Ворошиловского РО НКВД Шейнкман: «Безусловно, в нормальной обстановке <...> такие аресты не имели бы место»³. К осени 1937 г. усилиями партийной пропаганды, при помощи массовых акций – митингов и собраний, публичных чток газетных статей и совместного прослушивания радиопередач городское

¹ Протокол допроса свидетеля Дьяконова М.А. г. Молотов 13.09.1957 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.16092. С. 73.

² Из протокола допроса свидетеля Джилоняна Завена Сумбатовича г. Молотов 20.05.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.10231. С. 121.

³ Из протокола допроса обвиняемого Шейнкмана Соломона Исааковича. 2.02.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2. С.153.

население переживало состояние коллективного психоза. Враг приобрел черты мифологического чудовища, способного своими сетями опутать близкого человека, дотянуться до соседней лавки, вывернуть лампочку в подъезде. «Горе в том, – писал Н.И. Ежову в Кремль житель Перми, благоразумно скрывшийся под псевдонимом «Зорька», – что регулярно, ежедневно, утром в тот момент, когда в долгую уральскую зиму рабочий и служащий, хозяйка и дети-ученики встают с постели, тухнет огонь, тухнет тогда, когда в городе вечно нет керосина, тысячные толпы озлобленных, страдающих людей стоят у лавки, ожидая привоза керосина. Тухнет вечером в тот момент, когда он больше всего нужен и загорается ночью, когда не нужен. Что это, случайность? Издевательство? Остатки работы паразитов человечества? А их на Урале было немало. <...> Гады делали огромные очереди с хлебом, люди мучались, росло недовольство. <...> Не электроэнергии нехватает, а еще врагов народа много осталось у руководства на Урале, в Перми»¹. Таких писем много сохранилось в фондах партийных организаций. Слово «троцкист» стало ругательством, заменившим все прежние обидные клички. Так, ветеран жалуется агитатору на соседей, не желающих в сотый раз слушать его нетрезвые речи: «В этом доме все троцкисты. Если бы вернулся 18 год, то я бы разделался с ними»².

Имело значение и то обстоятельство, что по сценарию проведения массовой операции ее руководители нуждались в особом материале: в людях с общественным положением, образованных и полностью деморализованных, способных сыграть назначенные им роли главарей повстанческих и диверсионных организаций. В показаниях С.В. Трясцына о том, как фабриковали дела в Кизеловском горотделе, содержится любопытный эпизод на эту тему: «В момент отъезда бригады УНКВД, это относится примерно к декабрю 1937 или январю 1938 года, Годенко меня лично и других некоторых работников проинструктировал, как именно нужно вести следствие. Этот инструктаж сводился к тому, что арестованные с одного объекта должны быть в единой организации. Из их среды нужно подобрать фигуру посolidней по своей прошлой деятельно-

¹ Зорька – Ежову. 8 03 1938 // ГОПАПО. Ф.1. Оп.1. Д. 1959. С. 221–222.

² Заявление агитатора Мельниковой А.Ф. в партийную организацию при участке № 18. 2.12.1937 // ГОПАПО. Ф.78. Оп.1. Д.112. С. 192.

сти, в крайнем случае, из социально чуждой среды, но чтобы был недалекovidный, и с ним уговориться, чтобы он стал руководителем контрреволюционной организации, и в его протоколе написать то, что нужно нам, т.е. он вербовал, по его указаниям делались диверсии, готовились к восстанию, и что он завербован кем-то, и что всю свою деятельность он вел в интересах германской и иной иностранной разведки, смотря кого мне назовут, кто завербовал этого человека...»¹.

Массовым операциям предшествовали оперативные удары по так называемому контрреволюционному подполью, проводимые ответственными сотрудниками Свердловского УНКВД вместе с районными работниками в апреле – июне 1937 г. в г. Березники, Кизел, Пермь и др.

«В феврале–марте 1937 г. Дмитриев ... дал указание произвести массовое изъятие руководящих работников с основных заводов. Было арестовано несколько сот человек, работавших в Уральской промышленности»².

В ходе этих акций отработывался механизм арестов, техники упрощенного следствия, но, что самое главное, метод фабрикации контрреволюционных групп из людей, объединенных разве что общим местом работы или службы, или земляческими, или просто добрососедскими отношениями. На этом поприще преуспел начальник особого отдела 82-й стрелковой дивизии, расквартированной под Пермью, Федор Павлович Мозжерин. В 1936 г. сотрудниками особого отдела было арестовано несколько красноармейцев, проходивших службу в 61-м батальоне тылового ополчения. Все они, или почти все, были людьми верующими, некоторые происходили из семей священнослужителей. По всей видимости, в увольнительные они посещали церковные службы, разговаривали с прихожанами и священниками. В течение полугода Мозжерин сотоварищи составляли из них боевую террористическую организацию: избивали на допросах, ставили на конвейер, уговаривали, подкармливали («брали

¹ Справка по архивно-следственному делу № 980732 по обвинению Шахова Д.А. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11908. Т. 1. С. 168.

² Обзорная справка по архивно-следственному делу № 960365 // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10114. С. 260.

1–2 пачки папирос, какое-нибудь мясное блюдо из буфета»¹), отдавали на расправу уголовникам и, в конце концов, добились своего ².

Подследственные (а к красноармейцам позднее добавили несколько священнослужителей и рабочих) подписали сочиненные следователями протоколы, в которых содержались признания об их участии в «Обществе трудового духовенства», намерении взорвать завод имени Кирова и железнодорожный мост через Каму. К составлению протоколов приложил руку и начальник Свердловского УНКВД Д.М. Дмитриев, который, ознакомившись с материалами, «...сказал, что над этим делом надо работать, дело хорошее»³.

Взял его к себе, переписал заново признания, что-то убрал, что-то добавил, усилил тему подготовки террористического акта, в общем, отредактировал в нужном виде. Арестованные были приговорены к расстрелу. Следователи получили награды ⁴.

Таким образом, к началу операции областное управление НКВД приняло все необходимые предварительные меры: в пределах установленных лимитов расписало количество жертв по городам и районам, проверило списки обреченных, отработало технику получения признаний от них. Городские и районные отделы подготовили учетные материалы для проведения следственных действий и изготовления альбомных справок, сформировали оперативные группы для производства арестов, оборудовали временные помещения для содержания заключенных. Одновременно был разработан сценарий, позволяющий вписать кулацкую операцию в большой процесс выкорчевывания вражеских гнезд, в разгром контрреволюционного право-троцкистского подполья.

¹ Выписка из протокола допроса Ветошкина И.П. 4 05 1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.12396. С.121.

² См.: Из протокола допроса обвиняемого Аликина Аркадия Михайловича. 17.02.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11925. С. 113–114.

³ Из протокола судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939. //ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. С.166.

⁴ См.: Выписка из протокола допроса обвиняемого Поносова П.Л. 17.02.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.12396. С.119.

СЦЕНАРИЙ КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ

Для исполнения приказа № 00447 сотрудникам Свердловского УНКВД не требовалось составлять каких-либо особых сценариев. Им вменялось в обязанность выявить и подвергнуть аресту антисоветские элементы – общей численностью десять тысяч человек: из них четыре тысячи расстрелять; шесть тысяч – отправить в лагеря на длительные сроки¹. Никаких иных процедур не требовалось. Руководство областного управления, однако, усложнило себе задачу, попытавшись объединить всех (или почти всех арестованных) в большую контрреволюционную повстанческую организацию. Иначе говоря, наркомат предписывал уничтожать заклятых классовых врагов поодиночке, местные чекисты предпочитали делать это группами. Более того, Москва приказывала подвергнуть репрессии за прошлые грехи, Свердловск наказывал за нынешние преступления.

Сценарий был прост. Летом 1937 г. начальник Свердловского управления НКВД Д.М. Дмитриев «...дал директиву начальникам городских и районных отделений НКВД», согласно которой «...аппаратом УНКВД вскрыта в Свердловской области, руководимая право-троцкистами контрреволюционная повстанческая организация, которая ... создана по принципу формирования воинских частей, делится на корпуса, роты, взводы со штабом контрреволюционных повстанческих организаций в гор. Свердловске»². Организация располагает вооружением, которое до поры, до времени хранится на складах Осоавиахима. «Дмитриев предложил следствие по делам арестованных кулаков вести в направлении выяснения их принадлежности к повстанческой организации, – пересказывал содержание летней директивы Н.Я. Боярский – в 1937 г. помощник начальника Свердловского УНКВД, – ... особо подчеркнул, что именно кулаки являются основными кадрами повстанческих формирований на Урале»³.

По следственным документам можно проследить, как формировался уральский сценарий. Все началось с ареста в апреле 1937 г.

¹ См.: Юнге М. Биннер Р. Указ. соч., С.130.

² Обзорная справка по архивно-следственному делу № 967154 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.14416. С.135.

³ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 980732 по обвинению Шахова Д.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11912. С. 251.

начальника Камского речного пароходства Григория Ивановича Кандалинцева. Кадровый рабочий, до революции машинист портовой электростанции в г. Махачкала, депутат городского Совета в 1917 г., не был твердокаменным ленинцем. Всю революцию он оставался беспартийным. «В первое время при временном правительстве, как я сейчас представляю, стоял на платформе учредительного собрания, и должен сказать, что я в то время недопонимал важности и необходимости социалистической революции и диктатуры пролетариата», – так он отвечал на вопрос о своих политических взглядах в 1937 г. ¹

В партию вступил в 1921 году и с тех пор работал на речном флоте. Мягкостью и податливостью характера Кандалинцев не отличался, в аппаратные кланы не входил, так что на одном месте долго не задерживался, кроме Астрахани, где был и начальником рейдового флота, и ответственным работником конторы судостройремонта. Там он, на свою беду, встретился с бывшим секретарем Московского комитета ВКП (б) Н.А. Углановым, им даже довелось вместе посидеть в президиуме профсоюзного съезда. Знакомство было деловым и шапочным. Однако после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) контакт с лидером правых стал событием криминальным. Сначала последовал донос в партийные органы, затем долгие объяснения в горкоме:

«Вопрос: Был ли такой случай, когда Угланов, не будучи выбранным в президиум профсоюзного съезда, сидел, а вы были председателем, внесли предложение избрать Угланова в президиум и дать ему слово?

Ответ: Нет, такого случая не было.

Вопрос: Но вы в президиуме съезда были?

Ответ: Да, был, но никаких разговоров не было» ².

Всех этих разговоров, слухов, доносов хватило, чтобы сотрудники городского отдела НКВД приняли Григория Ивановича за вожака подпольной организации правых в Перми. «Кандалинцев был реальный контрреволюционер», – повторял на суде высокопо-

¹ Кандалинцев. В бюро горкома ВКП (б). 5 03 1937 // ГОПАПО. Ф.78. Оп.1. Д.18. С. 102.

² Беседа с тов. Кандалинцевым. 3 03 1937 // ГОПАПО. Ф.78. Оп.1. Д.18. С. 105.

ставленный сотрудник УНКВД Н.А. Шариков, ведший дело бывшего начальника КРП¹. Он же это дело и сфальсифицировал.

Через месяц изнурительных допросов Кандалинцев согласился дать показания, точнее говоря, подписать протокол, продиктованный следователю – тому же Шарикову – Д.М. Дмитриевым и Н.Я. Боярским. В протокол внесли признание подследственного о существовании областного повстанческого центра. Были перечислены пять округов: в Перми, Надеждинске, Березниках, Краснокамске и Свердловске. Кроме того, в протоколе «... указывалось, что Кандалинцеву известно о существовании крупной контрреволюционной повстанческой организации в Коми-Пермяцком округе. В протоколе также говорилось, что эта повстанческая организация разбита на взводы и роты»².

Во главе организации стоит штаб, состоящий из правых и троцкистов, занимавших ключевые должности в партийном, военном и советском аппаратах. Во взводы и роты сведены белоулаки (так, напомним, называли трудпоселенцев). Каждый поселок представлял воинское подразделение. В Кизеловском бассейне, по свидетельству следователя НКВД Г.В. Марфина, аппарат горотдела искал и, разумеется, нашел «...несколько взводов: кавалерийский в Александровском заводе, взвод динамитчиков в пос. Яйва, участники которого якобы вели обучение взрывному делу под видом ловли /глушения/ рыбы. Существовал химический взвод в пос. Половинка на одной из шахт, и один, или два стрелковых взвода»³. В Перми насчитали дюжину взводов, не считая отдельных железнодорожных батальонов. Три взвода, сведенные в особую роту, «...состояли из троцкистов и правых» под командованием заведующего горono, «...четвертый пермский взвод из 28 человек церковников», пятый – из тылополченцев 9 строительного батальона; шестой – из «кулаков

¹ Выписка из протокола судебного заседания военного трибунала войск НКВД Уральского округа от 8–9 августа 1940 г. по делу бывшего начальника XI отдела УНКВД Свердловской области Шарикова Н.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11898. С. 14.

² Обзорная справка по архивно-следственному делу за арх № 24316, по обвинению Шарикова Н.А., бывш. нач. XI отдела УГБ УНКВД Свердловской обл. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11898. Т.2. С. 200.

³ Выписка из протокола допроса свидетеля Марфина Георгия Васильевича. 14.12.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 12899. С.213.

татар-националистов», седьмой – офицерский; восьмой – кулацкий, девятый – карательный ¹.

Организация готовила вооруженное выступление, приуроченное к началу интервенции «...одной иностранной державы». В меморандуме, отправленном на имя наркома внутренних дел в сентябре 1937 г., Д.М. Дмитриев выражался ясно и определенно: оперативный план действий повстанцев был составлен в соответствии с указаниями «...германского генштаба» ². В час «X» по приказу, отданному повстанческим штабом, боевики должны были устроить диверсии на железных дорогах, поднять на воздух оборонные заводы, перестрелять партийных активистов и стахановцев и приступить к захвату крупных городов. Повстанческие отряды из Коми округа должны были погрузиться на плоты и суда на реке Иньва, по ней спуститься в Каму и приступить к штурму городов Перми и Молотово.

Все это было до крайности неправдоподобно. Даже Шариков понимал, что «...Иньва – это такая река, на которой нет судоходства, и сплав плотами там не производится из-за отсутствия глубин и достаточных плесов, и является речкой мелового сплава..., а на бревне орудия не установишь, и людям плыть на нем невозможно» ³.

Впрочем, на эти мелочи в сентябре 1937 г. начальство не обратило внимания.

Для того чтобы убедить Москву в разоблачении разветвленного военного заговора, одних показаний было мало. Руководство Свердловского УНКВД нуждалось в вещественных доказательствах, а именно: в списках повстанцев и складах оружия. Дмитриев требовал от руководителей следственных бригад любой ценой найти списки участников повстанческих формирований, нужные для организации показательного судебного процесса. Приходилось их сочинять задним числом, или использовать бумаги, составленные совсем по иному поводу.

В Кудымкаре в кабинете арестованного секретаря райкома ВКП (б) Я.А. Ветошева «...нашли список стахановцев, принудили этого секретаря дать показания, что это список участников организации,

¹ См.: Обзорная справка по архивно-следственному делу № 958172 по обвинению Балтгалл К.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.10618. С.55–56.

² Дмитриев – Ежову. 8.09. 1937 // Лубянка..., С.350.

³ Обзорная справка по архивно-следственному делу за арх № 24316, по обвинению Шарикова Н.А., бывш. нач. XI отдела УГБ УНКВД Свердловской обл. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11898. Т.2. С. 204.

потом всех этих стахановцев посадили, а затем, как повстанцев, расстреляли»¹. Так, во всяком случае, рассказывал с чужих слов сотрудник Тагильского горотдела НКВД Зайцев. Боярский, а именно он проделал эту аферу со списком, о стахановцах не упоминал вообще, но утверждал, что сочинил этот список сам, включив в него «... всех арестованных и подлежащих аресту кулаков и прочих арестованных, хотя ничего и не имевших с Кривошековым (по легенде – начальником коми-пермяцкого окружного повстанческого штаба, а на деле – председателем местного Осоавиахима. – *О.Л.*) и Ветошевым. <...> Я вызвал к себе Алексева, который вел следствие по делу Ветошева и рассказал ему установку Дмитриева. Коротко говоря, я предложил Алексеву совершить подлог. <...> Алексей составил список арестованных и подлежащих аресту кулаков – общим числом около 2000 человек /точно не помню / и дал этот список засвидетельствовать как список, известных ему – Ветошеву – участников повстанческой организации»².

С оружием поступали проще. Шашки и винтовки изымали со складов Осоавиахима, грузили в автомобили и отправляли в Свердловск, в хозяйственный отдел УНКВД. Из того же Кудымкара так было переправлено около 3 тонн оружия. «Фактов обнаружения и изъятия оружия в складах-тайниках я не помню», – рассказывал спустя 18 лет Г.Ф. Коньшин, перевозивший со склада на склад казенные ружья³.

В августе 1937 г. Д.М. Дмитриев рапортовал Н.И. Ежову: «По показаниям арестованного бывшего полковника генштаба Эйгнера, бывшего члена бюро обкома ВКП (б) Яна, бывшего начальника Камского пароходства Кандалинцева и допросам арестованных кулаков устанавливается существование Уральского повстанческого штаба – рабочего органа подготовки вооруженного восстания. Штаб был создан блоком уральских троцкистов, правых, эсеров, белоофицерской организацией и представителем крупной

¹ Показания свидетеля Зайцева М.Г. 14.12.1939 / Обзорная справка по архивному следственному делу № 980732 по обвинению Шахова Д.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11912. С. 134.

² Показания арестованного Боярского Н.Я. 25.04.1939 / Обзорная справка по архивному следственному делу № 980732 по обвинению Шахова Д.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11912. С. 135–136.

³ Протокол допроса Коньшина Г.Ф. г. Кудымкар. 28.04.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.7485. С. 120.

повстанческой организации митрополитом Петром Холмогорцевым. <...> По решению штаба область была разделена на 6 повстанческих округов, во главе которых стояли повстанцы-руководители. <...> По другим показаниям было создано семь повстанческих округов. Первичными повстанческими соединениями являлись взводы, организация которых сосредотачивалась в колхозах. На каждые четыре взвода имелся уполномоченный от начальника повстанческого округа. Для приобретения оружия Головиным был завербован председатель областного Осоавиахима Васильев. Далее с этой целью был привлечен к деятельности штаба комбриг Блюм, начальник артиллерии УРВО, с целью добычи оружия на складах округа. Полковник Эйтнер называет состав белоофицерской организации. Организация имеет в своем распоряжении яды..., которыми в момент выступления повстанческих отрядов заражают питьевые источники, вагоны эшелонов»¹.

Возникает вопрос, зачем Д.М. Дмитриеву было нужно затевать такую грандиозную и небезопасную игру: фабриковать заговор, фальсифицировать документы, вскрывать воинские склады, вводить в заблуждение большое московское начальство, известное непредсказуемостью реакций. Сталин, например, ознакомившись с этой телеграммой, любезно предоставленной ему простодушным наркомом, нашел, что «Дмитриев действует, кажется, вяловато. Надо немедленно арестовать всех (и малых, и больших) участников повстанческих групп на Урале»².

Не будет бесосновательным предположить, что начальник свердловского УНКВД руководствовался в первую очередь карьеристскими соображениями. Из реплик, запомнившихся его собеседникам, следует, что Дмитриев готовил большой показательный процесс против уральских правых, на котором намеревался превзойти своих столичных учителей³. «Вы рассуждаете, как провинциал, – поучал он своего помощника, который никогда не вел больших следственных

¹ Дмитриев – Ежову. 13 08 1937//Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938... С.323–324.

² Лубянка..., С.324.

³ Опыт участия в постановке показательных процессов у Дмитриева, так же, как и у Дашевского, был. Они работали в следственной группе Л.Г. Миронова, готовившей процесс 16 в Москве. Дмитриев допрашивал супругу Л.Б. Каменева – Татьяну Глебову. Позднее – в процессе подготовки к следующему процессу – допрашивал Г.Я. Сокольникова и др. См.: Показания Дмитриева Д.М. 16.10.1938. // Лубянка..., С.586.

дел. Этот список нам крайне нужен для судебного процесса»¹. На нем можно было представить публике не только запутавшихся в шпионских сетях жалких вредителей и мелких политиканов, но и боевых организаторов контрреволюционного восстания, главарей повстанческих корпусов, сформированных из белобандитов, кулаков, троцкистов и церковников. «Было, например, распоряжение Дмитриева передопросить всех арестованных правых и троцкистов, признавшихся в своей к/р деятельности об их причастности к повстанческой деятельности», – сообщал в письме секретарю Свердловского обкома ВКП (б) в январе 1939 г. капитан ГБ Кричман². Комиссар (так за глаза называли Дмитриева его подчиненные) конструировал большую амальгаму³. В ней трудпоселенцам отводилась роль солдат и унтер-офицеров большой контрреволюционной армии, возглавляемой партийными секретарями, комдивами и директорами крупнейших предприятий. Его подчиненные на местах составляли такие же амальгамы, но меньшего масштаба. Сменивший Л.Г. Лосося на посту начальника Пермского горотдела В.Я. Левочкин на оперативных совещаниях демонстрировал схему городской контрреволюционной организации: квадраты и прямоугольники, аккуратно соединенные стрелками. В центре в кружке, обозначавшем штаб, были перечислены главари: секретари горкома, мастер по металлу, учитель средней школы; на периферии – пронумерованные повстанческие роты и взводы. Чтобы схема выглядела красиво Левочкин «... специально приглашал чертежника с завода № 10, или № 19»⁴.

На партийном языке групповой портрет контрреволюции изображался следующим образом: «Это банда правых бандитов (чуть

¹ Показания арестованного Боярского Н.Я. 25 04 1939 /Обзорная справка по архивному следственному делу № 980732 по обвинению Шахова Д.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11912. С. 136.

² Выписка из показаний, имеющихся в архивно-следственном деле № 967156 в отношении ведения следствия по делам на повстанцев // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.12945. С. 236.

³ Термин «амальгама» появился во времена большого якобинского террора. Историки французской революции понимали под амальгамой объединение в «одном и том же процессе обвиняемых, ничем не связанных между собой, но которых считали действующими заодно в их кознях против нации». Собуль А. Первая республика. М., 1974. С.132.

⁴ Справка по архивно-следственному делу № 796219 по обвинению Былкина В.И., Королева М.П. и других. 7.03.1956 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 10033. С.142.

ранее поименованная троцкистско-бухаринской бандой немецко-японских наймитов, агентами фашизма и пр. – *О.Л.*) – буржуазных националистов, эсеров, кулаков, белогвардейцев, попов, сектантов и разной другой сволочи в 1935 году блокировалась и ставила своей целью восстановление капитализма в нашей цветущей стране, уничтожение колхозного строя и восстановление власти кулаков, помещиков и капиталистов путем террора, диверсий и т.д.»¹.

Ситуация изменилась таким образом, что замысел большого процесса пришлось оставить. Вместо этого командный состав повстанческой армии выдали на суд и расправу выездным сессиям военной коллегии Верховного суда СССР, а рядовых – пропустили через особую тройку НКВД.

У сценария, сочиненного в стенах Свердловского УНКВД, была, как кажется, и иная – технологическая сторона.

Члены оперативного штаба были профессионалами следственной работы и поэтому представляли, каких усилий будет стоить хотя бы оформление альбомных справок и индивидуальных дел на 10 000 человек. Были вполне резонные опасения не уложиться в установленные сроки. И вот, чтобы облегчить задачу, они и предложили своим подчиненным готовить групповые дела на десятки лиц сразу, то есть не только арестовывать списками, но таким же способом отправлять на расстрел.

Сейчас не установить, была ли идея массовой повстанческой организации местным изобретением или продуктом коллективной мысли новой коллегии НКВД СССР, апробированным на Урале и в других регионах. Заговоры искали и находили в других местах. В Западной Сибири одновременно с Уралом. На Украине – позже. В 1938 г. на Полтавщине начальник областного управления Волков сообщал о ликвидации пяти повстанческих полков, а кроме них 14 рот и 15 отрядов². Признаем, что сценарий Дмитриева оптимизировал процесс проведения кулацкой операции, так как интегрировал ее в «...большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвар-

¹ Кудрин /инструктор ОРПО ОК ВКП (б) / – начальнику политотдела войсковой части 501. 3.12.1937 // ГОПАПО. Ф.200. Оп.1. Д.822. С.275.

² См.: Волков – Успенскому. 3.04.1938//3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2000. № 2/4 (13/15). С.149.

дейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР...»¹.

Так, во всяком случае, объяснялся большой террор в официальном партийном документе.

ИДЕОЛОГИЯ КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ

Для того чтобы сотрудники органов НКВД с достаточным рвением, не задавая ненужных вопросов, приступили к массовой операции, отменявшей все и всяческие ранее установленные нормы, только приказов и устных директив их командиров было явно недостаточно. Следовало дать им, кроме нагана, также идею. Она была достаточно простой. Оперативникам на разные голоса внушали, что они находятся на переднем крае борьбы со злым, коварным и заклятым врагом, который может притвориться кем угодно: рабочим, инженером, колхозником, партийным работником, командиром Красной Армии. И задача органов разоблачить их, т.е. сорвать маски и заставить раскрыть свое подлое контрреволюционное нутро.

«Я никак не мог смириться с тем, что тот или иной обвиняемый так легко мог подписать протокол допроса, изобличающий его в к-р диверсионно-террористической деятельности, – передавал с годовалым опозданием свои сомнения молодой оперативник Кизеловского горотдела НКВД. – По этим вопросам я неоднократно обращался к т. Годенко, но Годенко меня убеждал, что перед нами сидят враги, и имеются на них показания других обвиняемых, при этом добавляя, что в большинстве на обвиняемых уже имеется решение и сомневаться в том, что он не враг, не стоит»².

Высказывание это замечательно тем, что в нем содержатся все составные части чекистской идеи: все подследственные – враги, иначе бы они не были арестованными; их контрреволюционную сущность вскрыло руководство, более осведомленное, более бдительное, более мудрое, нежели рядовые следователи; судьба арестованных предрешена их собственными преступлениями; следователь исполняет роль вершителя правосудия.

¹ Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б). 17.11.1938 // ГОПАПО. Ф.85. Оп.20. Д. 6. С.11.

² Протокол допроса свидетеля Кужмана В.О. 16.06.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11908. Т.1. С. 181.

Мы занимались людьми, которые были «...активом базы иноразведок и вели активную к/р деятельность», – рапортовал новому областному шефу из Соликамска парторг Ворошиловского горотдела НКВД¹.

Процесс превращения советского гражданина во врага производился методом его принудительной дезидентификации. Вот типичный случай, происшедший в Краснокамске. К следователю Аликину привели на допрос двух человек, в которых он опознал *рабочих – нацменов*, вчерашних колхозников, к тому же совсем неграмотных. Следователь пошел к начальнику: не тех взяли. «Придя к Королеву, я выругался и сказал, какие же это контрреволюционеры?». Самые настоящие, – ответил начальник. И через какое-то время следователю выдали справку, в которой было удостоверено, что он ведет дело *татарских кулаков и белогвардейцев*. А руководитель следственной группы еще добавил, «...что это *мусульманские протектораты Японии*»². Так, в течение дня рабочий парень из уральской деревни был превращен в какую-то жуткую тварь, обозначаемую непонятным иностранным словом.

«Одиночек в борьбе с Советской властью нет», – разъяснял специфику будущей операции начальник СПО УНКВД Ревин. Слушатели тогда восприняли эти слова вполне конкретно: приказано раскрывать контрреволюционные группы³. Может быть, докладчик ничего другого и не имел в виду, однако, по мере расширения репрессивных практик явственно обозначилось второе дно таких высказываний. Враги представлялись не только коварными и вездесущими. Каждый из них был частицей большого вселенского зла, агентом, или функцией всемирного заговора против страны Советов, проще говоря, щупальцем зловещего чудовища, расположившегося в потустороннем буржуазном мире, где-то между Берлином и Токио, вредителем и шпионом по совместительству.

Шпион стал обыденным персонажем городского мифа. «Возьмите бдительность. В 1935 г. один рабочий ездил на курорт, через Москву с ним ехал один шпион. Приехали в Пермь. Этот

¹ Мочалов А.Д. – Викторову. г.Соликамск. 1 08 1938// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.2.С.129.

² Из протокола судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве. 1939. //ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. С. 160.

³ Протокол допроса свидетеля Чернякова Г.Ф. г. Молотов. 18.01.1956 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11912. С. 246.

шпион остановился в номерах, – повествовала с трибуны конференции в мае 1937 г. рабочая-партийка. – Один раз в трамвае мы ехали в кино, как раз ехал и этот шпион. Этот рабочий мне говорит: вот шпион, который ехал вместе со мной. Он сошел с трамвая и пошел в церковь. Скоро эту церковь закрыли. Я неграмотная и не могла об этом написать, пришла к Сычевой и спрашиваю, что делать. Она на меня накричала, как будто я к ней пришла просить деньги»¹.

Шпион – это сначала синоним иностранца. («Левецкий в апреле на совещании заявил, что если на объектах останется хоть один немец, поляк, то буду оформлять на тройку. Если кто-то хотел высказаться о своих сомнениях, то Левецкий говорил: «Не сомневайтесь в политике партии и правительства». <...> Был такой случай, когда муж привел свою жену польку, польскую перебежницу. Этот случай нам Левецкий и Былкин всегда ставили в пример, говоря, что мы коммунисты, а не можем понять того, что уже понимают граждане»²). Затем подозрительным по шпионской части объявили любого инонационала. Василий Яковлевич Левецкий говорил своим подчиненным: «Пермь надо сделать русской, а тут есть много татар, евреев»³. В конце концов, все термины: «враг народа»; «белокулак», «правый», «троцкист», «анти-советский актив» были покрыты общим именем – «шпионы».

С врагом (шпионом, диверсантом, вредителем, повстанцем) нельзя церемониться. С ним следует также поступать по-вражески: обманывать, запутывать, обкручивать. «Мне Левецкий и Былкин говорили, что если не обманешь обвиняемого, то не добьешься признания», – объяснялся на суде следователь Поносов⁴. Инструктируя курсантов Свердловской школы НКВД, прикомандированных в Кочевский райотдел, помощник начальника Свердловского управления Н.Я. Боярский наставлял своих слушателей, «...что в борьбе с врагами любые методы хороши»⁵.

¹ Стенограмма V городской партийной конференции. г. Молотово. 5–6 мая 1937 //ГОПАПО. Ф.620. Оп.17. Д.49. С.98.

² Из протокола судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939 //ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. С.161.

³ Выписка из протокола № 8/103 §1 заседания бюро Ленинского районного комитета ВКП (б) от 25.02.1939// ГОПАПО. Ф.105.Оп.186.Д. 1457. С. 5.

⁴ Из протокола судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939 //ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. С. 167.

⁵ Протокол допроса свидетеля Чернякова Г.Ф. 18.01.1956// ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.11912.С. 247.

Если враг обладает чертами мифологического чудовища, подручного «князя тьмы», то чекист, вступивший с ним в поединок от имени всего советского народа, приобретает исполинские черты. Он богатырь, сражающийся со злом – и за это вознаграждаемый по заслугам своим руководством и Советским правительством, а также и любовью населения.

Освоению этой общей идеи способствовала атмосфера, сложившаяся в замкнутых чекистских коллективах. В них постоянно циркулировали слухи о новых заговорах. Стекалась специально препарированная информация об авариях и несчастных случаях на производстве. Все жизненные ритмы были нарушены выездами на аресты, бесконечными ночными допросами. «Требовали по 10 дел в день, – жаловался оперуполномоченный Кизеловского горотдела, – жили на обогатительной /фабрике. – *О.Л./* и работали по 20–22 часа в сутки»¹. В следственных кабинетах постоянно звучала непристойная брань. Начальство грозило беспощадной расправой. Следователи кричали на заключенных, избивая их. После допросов тут же пили². В такой ситуации резко снижается порог критичности по отношению к доводам начальства, нуждающимся в идеологическом обеспечении реализуемого оперативного сценария. Для того чтобы и дальше исполнять свои палаческие и провокационные обязанности, нужно верить, что все это делается правильно – в соответствии с большими государственными интересами. После операции многие из них так и не могли понять, за что их наказывают. «В чем же мои антипартийные методы в работе по Соликамску? – жаловался на своих критиков в октябре 1939 г. не желающий примириться с нелепостью обвинений начальник следственной части Пермского УНКВД Пурьшев, – по заявлению Кузьменко, они состояли в том, что я в каждом арестованном видел врага»³.

¹ Протокол допроса свидетеля Герчикова С.Б. 10.12.1939// ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.12558. Т.3. С.113.

² Подсудимый Тюрин: «Я специально стал выпивать, чтобы меня уволили, т.к. я сам не мог терпеть того, что творилось». Из протокола судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. С.174.

³ Пурьшев А.П. – Упоровой. г. Пермь Октябрь 1939.// ГОПАПО. Ф. 105. Оп.6. Д. 143. С.76.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ

Массовые аресты начались 5 августа. За первые двое суток на территории Прикамья органы изъяли более тысячи человек. Всего же в течение августа было взято вдвое больше.

Т а б л и ц а 1

Общее количество арестов на территории Прикамья в ходе кулацкой операции в августе 1937 – июне 1938 гг.

Месяц и год	Количество арестов	Доля от всех арестов, в %
Август 1937	2062	25,9
Сентябрь 1937	694	8,7
Октябрь 1937	1969	24,7
Ноябрь 1937	372	4,7
Декабрь 1937	1355	17,0
Январь 1938	855	10,7
Февраль 1938	511	6,4
Март 1938	114	1,4
Апрель 1938	16	,2
Май 1938	10	,1
Июнь 1938	1	,0
Всего	7959	100,0

Аресты производились, как правило, ночью. В бараки, рабочие общежития входили вооруженные люди: сотрудники оперативных отделов НКВД, милиционеры, пожарники, кое-где мобилизованные партийные активисты. По спискам выхватывали полусонных людей, отбирали паспорта и справки, ничего не объясняя, заставляли их одеться и на грузовиках, а кое-где и пешком доставляли в пустующие складские помещения, амбары, недостроенные заводские здания. В обнаруженных документах не удалось найти рапортов о первом оперативном ударе. Можно только предполагать, что действия оперативных групп мало отличались от тех, что несколько позднее практиковались в Краснокамске: «Ни ордеров, ни постановлений на арест Мозжерин, Демченко и Бурылов не выносили, а просто врвались в бараки, арестовывали людей, группировали их на

грузовых автомашинах <...> Женщины и дети плакали, а некоторые мужчины высказывали явное недовольство»¹.

В Чусовом, правда, уже позже – зимой, в суматохе схватили несколько десятков подростков. «Арест 100 человек несовершеннолетних в Чусовском районе получился потому, что при массовом аресте в 500 чел. мы не могли при операции выявить, – оправдывался на суде руководитель этой операции В.И. Былкин. – Об этом я звонил в Управление НКВД на предмет их освобождения, но и там они не могли решить и рекомендовали переговорить по этому поводу с Дмитриевым. Встретив Дмитриева в вагоне, в момент, когда он ехал на сессию Верховного Совета, мною было ему доложено, и он дал указание не идти на массовые освобождения. Все же этот приказ я не выполнил и освободил всех»². В августе ночи были светлее, поэтому таких ошибок органы не допускали.

Далее события разворачивались совсем не по сценарию. Местные начальники не очень поняли, что от них, в действительности, хотят. Некоторые вообще не обратили внимание на директиву Свердловского УНКВД об уральском штабе и действовали в соответствии с оперативным приказом наркома. «В настоящее время бывших кулаков, повстанцев, членов следственных комиссий при белых, служителей культа и других оперировало 24 человека, – докладывал в Свердловск сотрудник Ординского райотдела НКВД Накоряков, – как показывает анализ дел – формуляров и агентурных, заведенных на этих людей, видно, что по большинству контрреволюционная деятельность в настоящее время не установлена, т.е. агентуре на вскрытие к-р деятельности были не направлены»³.

Другие начали формальное следствие, добиваясь от каждого арестованного признания в антисоветской деятельности. Те, естественно, запирались, не желая подтверждать агентурные донесения об их антисоветских высказываниях и террористических намерениях в адрес больших начальников, а уж тем более, соглашаться с нелепыми обвинениями, что они-де являются членами какой-то боевой организации. Следствие растянулось на недели. 85 % людей, арестованных 5 или 6 августа, были выставлены на тройку к последней

¹ Выписка из протокола допроса Аликина А.М. 9.05.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.13864. С.46–47.

² Из протокола судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939.// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. 178.

³ Накоряков Л. – Новак. 21 08 1937// ГОПАПО. Ф. 946. Оп.5. Д. 1260. С.2 (об).

декаде сентября. Причем, в альбомные справки приходилось вписывать АСА – антисоветскую агитацию. В общем, концепция заговора терпела крах. В тайне операцию также сохранить не удалось. В очередях открыто говорили и даже агитаторам повторяли, «что в Перми идут массовые аресты, чтобы люди не голосовали»¹. И тогда Свердловское УНКВД приняло чрезвычайные меры. В помощь городским отделам были направлены оперативные следственные группы с самыми широкими полномочиями. В Коми-Пермяцкий округ выехала группа Н.Я. Боярского; в Пермь, а затем в Березники – группа Я.Ш. Дашевского; в Кизел – группа М.Б. Ермана; в Соликамск – А.Г. Гайды².

Дашевский объявил, что пермский горотдел работает плохо, «...продолжает отставать», отказывается от борьбы с повстанческими организациями. В г. Молотово заместитель начальника Свердловского УНКВД высказался жестче: «Надо посадить всех сотрудников, в том числе и н-ка Молотовского РО Полуянчикова за отсутствие борьбы с контрреволюцией». Отругав подчиненных за леность и нерасторопность, Дашевский научил их, как впредь нужно действовать. Он предложил разделить арестованных на две группы – руководителей и рядовых членов. От первых следует брать обширные показания о контрреволюционной повстанческой деятельности. Дмитриев к тому времени уже дал установку «...исключить из справок антисоветские разговоры и ... предложил писать шпионаж, диверсию и террор»³. Данные, содержащиеся в этом протоколе (он назывался ведущим), затем следует включать в протоколы рядовых участников организации. Сами протоколы следует писать заранее – без участия допрашиваемых. И только потом – другой следователь должен убедить арестанта подписать этот протокол.

В октябре Дашевский прибыл в Березники и там повторил урок. Начальник Ворошиловского горотдела НКВД Шейнкман потом рассказывал, как это было: «На оперативном совещании райотдела Дашевский стал упрекать меня и остальных работников в том, что мы затягиваем следствие и у нас мало признавшихся,

¹ Кочкарев /и.о. секретаря Ленинского РК ВКП (б) г. Перми/ – в Горотдел НКВД // ГОПАПО. Ф.78. Оп.1. Д.112. С.242.

² См: ГОПАПО. Ф.641/1. Оп. 1. Д.12206. С. 20; ГОПАПО. Ф.641/1. Оп. 1. Д.11898. С.61–62; ГОПАПО. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 12558. Т.3. С. 105–106.

³ Из протокола судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. С.172, 175–176.

предложил следствие ускорить и следствие вести упрощенным методом. После совещания Дашевский составил типовой протокол допроса в двух вариантах, т.е. на рядового повстанца и организатора. Кроме протокола Дашевский составил типовое заявление, которое было размножено и роздано следователям для руководства»¹.

Ведущий протокол был обширным, не менее 20–24 машинописных страниц. Рядовой, напротив, коротким. В нем было всего четыре основных пункта: признание в контрреволюционной повстанческой деятельности, в причастности к какой-либо организации, проводящей враждебную в отношении советского государства деятельность, указание на определенное лицо, завербовавшее его в эту организацию, дату вербовки, лиц, причастных к этой организации, и конкретную вражескую деятельность себя и других лиц². «Мы когда приехали из Чердыни, привезли с собой бланки, необходимые для следствия, – отчитывался перед членами партийного бюро в сентябре 1955 г. бывший член следственной бригады в Соликамске Павел Иванович Власов, – а там оказалось ничего не надо; давался вопросник для допроса арестованного, и потому все допросы одинаковые»³.

Заявления, подписанные арестованными, также составлялись по трафарету. Начинались они так: «Обдумав все обстоятельства, я такой-то...». Дальше следовали признания в повстанческой, вредительской и шпионской деятельности⁴. Они были краткими, без какой бы то ни было детализации.

К октябрю 1937 года были не только выполнены выданные НКВД СССР лимиты, но и исчерпаны составленные ранее агентурные дела. Д.М. Дмитриев без особого труда добился в Москве новых квот на аресты, на этот раз под предлогом ликвидации базы иностранных разведок на Урале, так называемой «инобазы», и нанесения удара по эсеровским и меньшевистским подпольным организациям. «Начиная с октября месяца 1937 года, стали поступать распоряжения на аресты лиц следующих категорий, – сообщил на допросе начальник

¹ Из протокола допроса обвиняемого Шейнкмана Соломона Исааковича 2 02 1939 г. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2. С.155.

² См.: Из протокола допроса свидетеля Джилловяна Завена Сумбатовича, г. Молотов 20.05.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.10231. С.122.

³ Протокол заседания партийного бюро партийной организации Областного управления милиции УМВД. 29 09 1955 // ГОПАПО. Ф.1624. Оп.1. Д.50. С. 164.

⁴ См.: Протокол допроса свидетеля Мокина Степана Петровича, г. Свердловск. 24.08.1954 // ГОПАПО. Ф.643/2. Оп.1. Д.14095. С. 263.

Ворошиловского ГО НКВД Шейнкман, – всех перебежчиков из-за кордона, без исключения; всех лиц, ранее проживавших в Китае, или работавших на КВЖД, т.е. на лиц т.н. харбинцев, трудпоселенцев инонациональностей и всех трудпоселенцев, проживающих в погранполосе, в независимости от национальности; лиц, имевших и имеющих связи с границей, даже всех лиц, бывших как военнопленные за границей и возвратившихся в СССР после 1919 г. Впоследствии было дано указание производить аресты всех лиц инонациональностей, за исключением женщин, имеющих малолетних детей. К арестам подлежали также бывшие офицеры, духовенство, полицейские чины, эсеры, меньшевики и все лица, ранее отбывающие наказания по политическим преступлениям»¹.

Территориальные органы НКВД должны были действовать быстро и энергично, брать под арест и оформлять на тройку сотни и тысячи людей «...без наличия каких-либо компрометирующих материалов, уличающих их в антисоветской деятельности»². Брали пачками. По оценке Н.Я. Боярского, всего по области взяли 24 000 человек³. «Вместо индивидуального ареста коменданты трудпоселков объявили списки трудпоселенцам и сказали, что зачитанные едут в Тагил на прорыв. Те вооружались необходимым инвентарем и продуктами на два-три месяца. Вместе с пилами, топорами, лопатами, бритвами и балалайками их погрузили в вагоны и отправили в тагильскую тюрьму»⁴. Вместе с трудпоселенцами брали инженеров, техников и вольнонаемных рабочих, в том числе и членов ВКП (б)⁵.

¹ Из протокола допроса обвиняемого Шейнкмана Соломона Исааковича. 2 02 1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2. С.152.

² Из протокола допроса обвиняемого Попцова Н.Д. 20 04 1941/Справка по архивно-следственному делу № 15096. г. Молотов. 20.12.1957 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.13343. С.65.

³ См.: Обзорная справка архивно-следственного дела № 975186. г. Свердловск. 14.02.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 1014. С.257.

⁴ Заявление А. Г. Гайды в Свердловский обком ВКП (б). 10 02 1939/ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 9096 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.16213. С.160.

⁵ «В период массовых операций в Кизеле наряду с разрабатывавшимся а/с контингентом были необоснованно арестованы лица из социально-близкой прослойки: рабочие, служащие и инженерно-технический состав, среди которых оказалось много членов ВКП (б)». Заключение по материалам расследования о нарушении социалистической законности ... Шаховым Д.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.12837. С. 185.

Людей свозили из разных мест Свердловской области, зачастую, без каких бы то ни было сопроводительных документов. Там на них составляли анкеты, на основании которых следователи сочиняли заявление. В Соликамске это практиковалось «... при поступлении в тюрьму»¹. В иных тюрьмах – позднее – уже в камерах. А потом следователи составляли протоколы допросов. «...Заявления носили настолько лаконический характер, – жаловался на трудности работы один из высокопоставленных сотрудников УНКВД, – что даже не указывалось, кем завербован, и уже следователи при писании протокола использовали вереницу других протоколов...»².

Техника «взятия заявлений» – так называлась эта процедура – была простой, но эффективной. Условия содержания заключенных в камерах, или в специально оборудованных временных помещениях, были таковы, что сами следователи называли их бесчеловечными³. «Все арестованные были свезены в Кизел и посажены в механическом цеху законсервированной обогатительной фабрики. Условий для содержания арестованных никаких не было, люди лежали на полу, даже не было проходов, теснота жуткая, прогулок не было», – рассказывал на допросе член следственной бригады Г.В. Марфин⁴.

Пребывание в переполненных камерах само по себе было пыткой для людей, уже травмированных внезапным арестом, более похожим на похищение. Им не предъявляли ни ордеров, ни постановлений. Просто выхватывали из барака, или коммунальной квартиры, куда-то тащили, запирали в какой-нибудь амбар, потом загоняли в вагоны и доставляли в тюрьму. Под воздействием шока

¹ См.: Протокол заседания партийного бюро партийной организации Областного управления милиции УМВД. 29 09 1955 // ГОПАПО. Ф.1624. Оп.1. Д.50. С.165.

² Выписка из протокола допроса обвиняемого Воскресенского В.П. 29 05 1941 // ГОПАПО. Ф.643/2. Оп.1. Д.14095. Т.3. С. 257.

³ «Организованные временные тюрьмы, а также постоянные, были переполнены, люди содержались в чрезвычайной тесноте», – сообщал в своих показаниях Д.М. Варшавский / Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 975188, г. Свердловск 14 02 1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2. С.119.

⁴ Протокол допроса свидетеля Марфина Г.В. 14 12 1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.12558. Т.3. С.117. То же самое практиковалось и в Кудымкаре. Там в амбары, где с трудом могли поместиться по 15 человек, заталкивали по 80 арестантов. См.: Алексеев – Вышинскому. 13.02.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.6933. Т.2. С.75.

их способность к сопротивлению ослабевала, и вот здесь начиналась камерная обработка.

Специально отобранные следователями арестанты – их называли по-разному: колунами, агитаторами, колольщиками – начинали свою работу¹. Суть ее сводилась к тому, чтобы убедить своих товарищей по заключению написать заявления и дать нужные показания. Техника менялась. Важных подследственных помещали в камеру, где уже находились, по циничному выражению В.И. Былкина, «отработанные арестованные», которые сговаривали его «на признание» и помогали написать «соответствующее заявление»². В переполненных помещениях Соликамской тюрьмы пропорции, естественно, менялись. Несколько «колунов», подкармливаемых за счет следователей, агитировали сокамерников подписать заявления, убеждали, что это нужно для органов, или для Советской власти; что подписавших вскоре освободят, разве что переведут в другое поселение³.

Затем на клочке бумаги через надзирателя передавали список арестантов, согласившихся подписать заявление – и снова принимались за работу. Им многие верили, во-первых, потому что другого выбора не было, во-вторых, из-за ослабления воли к сопротивлению,

¹ Видимо, для того, чтобы увеличить штат «колунов», следователи НКВД именно в это время приступают к арестам собственной агентуры. По мере изъятия лиц, за которыми они наблюдали, осведомители исчерпывали свои возможности на воле, но еще могли послужить в тюрьме. В показании А.Г. Гайды попал выразительный диалог между заместителем начальника Свердловского УНКВД и секретным сотрудником. Тот все доказывал, что он нужнее на воле. Варшавский парировал: «Вы нам дайте показания, а мы их взвесим, что нам дороже: Вы или Ваши показания, мы люди коммерческие». Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 9096 по обвинению бывших сотрудников УНКВД Свердловской области // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.16213. С.158.

² Выписка из протокола допроса Былкина В.И. 5.04.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11957. С.99.

³ Варшавский на допросе 23 марта 1939 г. показал: «... Признания арестованных в принадлежности к иноразведкам добывались путем камерной обработки и уговариванием арестованных, что их показания нужны советскому государству для того, чтобы показать иностранным разведкам о проводящейся работе против советского правительства иностранными государствами». // ГОПАПО. Ф.641/2. Оп.1. Д.29041. Т.10. С.292. В показаниях Г.В. Марфина содержится характерная обмолвка: «...под влиянием кем-то пущенных слухов о том, что их ожидает новая ссылка..., признавали себя виновными в этом». Справка по архивно-следственному делу № 980732 по обвинению Шахова Д.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11908. Т.1. С.171.

вызванного психологической травмой, а, в-третьих, под воздействием прежнего опыта. Многие из них пережили кулацкую ссылку, сумели заново обустроить свой быт, получить профессию, завести семью, иначе говоря, вырваться из западни, в которую их уже загоняла власть. Тем более, что никакой вины за собой эти люди не знали. Парфен Федорович Порсев, после освобождения из сибирских лагерей, вспоминал, как однажды «Андрей Никифорович Зубов, учитель и коми-писатель, ...вернувшись с одного из допросов, был в очень хорошем настроении и рассказывал арестованным, что он подписал все, что ему велели, и что за это его обещали через полгода освободить, так как он ни в чем не виновен»¹.

Под воздействием всех этих обстоятельств камерная обработка приносила свои плоды.

«До чудес дело доходило с этими упрощенными методами следствия, – писал со знанием дела А.Г. Гайда. – В Соликамской тюрьме группой следователей в 4–5 человек (руководили Годенко, Клевцов и Белов) в работе с инобазой они делали 96 признаний в день. Арестованные буквально стояли в очередь, чтобы скорее написать заявление о своей контрреволюционной деятельности, и все они потом были осуждены по первой категории»².

Затем наступал следующий этап. Следователи сочиняли протоколы допросов, в которые вносили показания о диверсионных актах, шпионаже и вредительстве. Во вредительство включали сведения об авариях, нарушениях технологической дисциплины и неполадках в работе. «Перед допросом арестованных, – рассказывал В.О. Кужман, – мне обычно давались ... различные справки об авариях, имевших место на предприятиях, где работали обвиняемые до их ареста. <...> Вся эта документация впоследствии была уничтожена. <...> Имели место и такие случаи, что у арестованного спрашивали, где и кем он работал, а потом через него же выяснялось, имели ли место на этом участке и в его смену какие-либо аварии. И если арестованный говорил, что аварии были, то ему эти аварии вписывались как диверсионные акты»³. В Коми-округе

¹ Выписка из протокола допроса свидетеля Порсева П.Ф. 31.08.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.10397. С.378.

² Обзорная справка по архивно-следственному делу № 9096 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.16213. С. 160.

³ Протокол допроса свидетеля Кужмана В.О. 13.06.1956 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11908. Т.1. С. 186.

сотрудники НКВД собирали данные о лесных пожарах, падеже скота, «... и справки по этим фактам приобщались к делам обвиняемых – без всяких доказательств причастности их к этим делам»¹.

Если фактов не хватало, их приходилось сочинять. «Левочкин говорил, что надо прекратить писать в протоколах разбор железных дорог и пожары, что надо придумать другие формы обвинения. “Неужели чекисты не могут придумать?”», – вспоминал на суде один их пермских оперативников².

Следователь, писавший протокол, должен был удерживать в голове множество имен и фактов, связно излагать на бумаге им же сочиненные преступные деяния конкретных лиц, распределять арестованных по группам, добиваться совпадения имен и обстоятельств в разных протоколах, говоря языком современной науки, владеть методом триангуляции. Если обвиняемый отказывался подписать признание, его все равно «...пропускали /на тройку. – *О.Л./* по показаниям других арестованных, а в обвинительных заключениях писали, что виновным себя не признал, но изобличается другими обвиняемыми»³. Следователю приходилось очень много писать. Для перепечатки составленных протоколов не хватало ведомственных машинисток. В Кизеле, например, их собирали по всему городу, «...даже подписок с них не брали»⁴. Кроме того, сочинитель протоколов должен был составлять и альбомные справки, в которых в сжатом виде формулировать состав преступления. Его работа проверялась и редактировалась начальством. Такое дело поручали людям грамотным, проверенным и опытным, при чинах и должностях. Начальство, если была такая возможность, оберегало их от черной работы – арестов и участия в допросах. В оперативных группах эти люди считались «белой костью». К ним даже кличек не прилепили, в отличие от их младших собратьев, вынуждающих подследственных подписать признательный протокол, грозящий или смертью, или многолетним сроком заключения. Таких следователей называли

¹ Протокол допроса свидетеля Тягунова Н.П. 6.04.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.7485. С. 123.

² Из протокола судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. С. 161.

³ Из протокола допроса Гаврилова Григория Николаевича 26.05.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2. С.136.

⁴ Протокол допроса свидетеля Герчикова С.Б. 10.12.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.12558. Т.3. С.113.

«колунами», как и внутрикамерных агентов, или «диктовальщиками». Работа у них была адская. «Каждому следователю давалось на допрос арестованного с получением признания – 15 минут»¹.

Вели они себя по-разному. Некоторые (тот же Пурышев) орали на подследственных, раздавали оплеухи и зуботычины, били резиновой палкой². Другие вели себя иначе. Следователь из города Чусового «Тепышев угроз и избиений не практиковал и действовал на психику обвиняемого. Он говорил им, что, сознаешься, легче будут судить, а не сознаешься, расстреляют как врага – и семья не будет иметь доверия, а то будет арестована»³.

Впрочем, все «диктовальщики» вели себя одинаково в том случае, если арестант не поддавался на их уговоры: они отправляли его в карцер в холодный, или горячий⁴.

Умельцы из Ворошиловского горотдела НКВД изобрели прогрессивный метод допросов. Они собирали в чистой и светлой комнате 20–30 подследственных, сажали их за столы, включали радио, или заводили патефон, и долго и проникновенно убеждали собравшихся покончить с затянувшимся делом, пойти навстречу органам и Советской власти, подписать протоколы и вернуться спустя какое-то время к своим семьям. Отказывались очень немногие; таких отправляли в карцер⁵.

Людей, взятых во время операции по инобазе (октябрь 1937 – март 1938), разделили на два потока. Большую часть направили на тройку в центр, как и предписывалось соответствующей директивой наркома. «Несмотря на сплошную липу по делам инобазы, – писал А.Г. Гайда в обком ВКП (б), – сотни альбомов с тысячами справок направлялись в Москву, а там безапелляционно утверждались, и люди

¹ Заключение по материалам расследования о нарушении социалистической законности ... Шаховым Д.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.12837. С. 516.

² Об избиениях на допросах, как о чем-то само собой разумеющемся, упоминает Шейнкман, пересказывая указания нового начальника Свердловского УНКВД Викторова: «Если были случаи, когда арестованных били, то их нужно передопросить таким образом, чтобы они не заявляли об ихнем избиении». Из протокола допроса обвиняемого Шейнкмана Соломона Исааковича 2 02 1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2. С.156.

³ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 983113 Дистанова Гарафа Мисбаховича. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15225. С. 162.

⁴ См.: Справка по архивно-следственному делу № 15096 по обвинению Соловьева И.А., Попцова Н.Д. г. Молотов. 20.12.1957 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.13343. С. 65.

⁵ Из протокола допроса Гаврилова Григория Николаевича 26.05.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2. С. 136.

пускались в расход»¹. Иностранцев не хватало. Их замещали белорусами, украинцами, теми же кулаками. М.И. Фриновский, командующий операцией по инобазе во всесоюзном масштабе, выговаривал своим уральским подчиненным: «Вами представлены альбомы на 10 024 арестованных по польской, немецкой, латышской и другим операциям. По данным этих альбомов: 1. По немецкой операции Вами арестовано 4142 человека. Из них немцев только 390. В числе арестованных до 20-летнего возраста 215 человек. Почти все арестованные (3968 человек) значатся бывшими кулаками и их детьми и в то же время рабочими (3647 человек). Перебежчиков немцев арестовано только 8. <...> 6. По финской операции ни одного финна вообще не арестовано, но зато значатся 5 русских, 8 евреев и 2 прочих»².

Другой поток по тем же обвинениям отправили на областную тройку. В ней заправлял Д.М. Дмитриев, а в его отсутствие – Я.Ш. Дашевский. Секретарь обкома Б.З. Берман и военный прокурор Покровский никакой активности не проявляли. Дела не смотрели, выписки зачитывать не просили. Решали по повесткам, в которых обозначались фамилия обвиняемого, социальное происхождение, формулировка преступления и предлагаемый приговор³.

Для районов, позднее вошедших в Пермскую область, самым скорострельным месяцем стал декабрь. В самом конце 1937 года следственным бригадам удалось сократить сроки от ареста до приговора до двух – четырех недель. Из общего числа людей, арестованных 17 декабря, до нового года были осуждены 82 %. Из тех, кого взяли позже на 1 день, к 30 декабря пропустили по Свердловской тройке 92 %⁴.

Удар по инобазе на деле явился вторым этапом кулацкой операции. Так требовала Москва, так его понял и Дмитриев. «На арест кулаков сверх этого я имел отдельное распоряжение заместителя наркома – комкора Фриновского», – оправдывался он на следствии⁵.

¹ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 9096 по обвинению бывших сотрудников УНКВД Свердловской области Гайда А.Г., Харина Н.И., Халькова И.М. 10.02.1956 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.16213. С. 159.

² Фриновский – Дмитриеву. 21 03 1938// Лубянка...,С. 659.

³ Протокол допроса свидетеля Марфина Г.В. 14.12.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.12558. Т.3. С. 117.

⁴ Рассчитано по базе данных репрессированных лиц, составленной Государственным общественно-политическим архивом Пермской области. Не учтены лица, осужденные тройкой НКВД СССР.

⁵ Лубянка.... С.599.

Второй этап был наиболее массовым и наименее целенаправленным. Технологические усовершенствования, упрощающие и фальсифицирующие следственные действия, привели к тому, что под удар органов попадали люди, бывшие опорой власти: кадровые рабочие, колхозники, члены партии и комсомольцы. Их брали в суете и суматохе массовых арестов по предприятиям и колхозам, по наводке начальников цехов и партторгов. Перед началом операции следователи разъехались по конторам и заводоуправлениям и опросили местных командиров производства, есть ли у них прогульщики и аварийщики, а затем внесли названные фамилии в списки на арест. В ходе фабрикации групповых дел по диверсиям и вредительству эти людигодились так же, как инженеры и техники, машинисты врубовых машин и электромеханики, вне зависимости от их социального происхождения. Когда пришел приказ изъять всех бывших эсеров и меньшевиков, местные органы НКВД выполнили его буквально, нисколько не смущаясь ни рабоче-крестьянским происхождением, ни нынешней партийной принадлежностью новых жертв. Иногда оперативники просто сводили личные счета. Примечателен инцидент, происшедший все в том же Ворошиловском горотделе НКВД. Следователь Терехин «... сознательно составлял протоколы на коммунистов, которых он знал лично, а также знал, что на них нет никакого компрометирующего материала. Как факт, 25 марта 1938 г. Терехиным был составлен протокол на арестованного Сабурова Павла, как б/меньшевика и организатора повстанческого подразделения на ст. Усольская, ж.д. им. Кагановича. Сабуров, кадровый поездной машинист, более 20 лет работал на транспорте, член ВКП (б) с 1924 года, имеет 7 человек детей. В протокол Сабурова как участники повстанческой организации были вписаны: мастер восстановительного ремонта Зуев Капитон, член ВКП (б) с 1918 года, Константинов Степан, член ВКП (б) с 1930 года, машинисты Федоров, Черепанов, Журавлев и ряд других, всего 15 человек. Федоров и Журавлев тройкой УНКВД приговорены к ВМН, и приговор приведен в исполнение. Подпись на протоколе допроса Терехин получил путем уговора последнего, что это нужно для партии, правительства и органов НКВД. Сабуров содержится в тюрьме 15 месяцев»¹.

¹ Мешков – Шахову. Докладная записка о наличии искажения методов следствия, допускаемых сотрудниками Ворошиловского РО НКВД за 1937–1938 гг. 25.05.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.13580. С.124–125.

В беспорядочности арестов, в откровенной, поставленной на поток фальсификации следственных дел можно обнаружить кризисные явления в проведении массовой операции. Вал репрессий порождал неуверенность, страх, озлобление и даже попытки сопротивления. 28 февраля 1938 г. оперативная группа Кизеловского горотдела НКВД выехала в санях в поселок Луньевку, но была остановлена начальником лесоучастка леспромхоза Д.К. Субботиным. Он «...взял лошадь под уздцы со словами «Стой «и ругался нецензурными словами. <...> По прибытию на место, в конторе лесоучастка, Субботин неожиданно ворвался в комнату, где вел следствие участковый инспектор Шифанов, сбросил с себя пальто, схватил одной рукой Шифанова за челюсть, а второй рукой пытался нанести ему удар в лицо. При этом в злобной и нецензурной форме клеветал на органы НКВД, заявляя, «Вы нас считаете врагами народа, вы нас приехали арестовывать, вы арестовываете людей, которые завоевывали советскую власть»», – жаловался секретарю горкома начальник горотдела Шахов. – <...> После этого т. Шифанов и т. Федянин ушли производить обыск и арест эсера Березина, Субботин пошел туда и 3 раза срывал дверь с крючков и, врываясь в квартиру Березина, кричал: «Просите у них ордер на обыск и арест», при этом снова в к/р форме клеветал на органы НКВД»¹. Случаев таких было, конечно же, совсем немного, однако, они были весьма симптоматичны. Террор по мере набирания оборотов терял свою эффективность. Люди уставали бояться.

И предложенный сценарий, хоть и оптимизировал процесс репрессий, своей политической цели не достиг. Амбициозным планам Д.М. Дмитриева не суждено было сбыться. Центр так и не разрешил местному УНКВД проводить процесс против уральских правых в Свердловске. Москва санкционировала в сентябре 1937 г. процесс вредителей в Кудымкаре, на который вывели прежнего секретаря окружкома ВКП (б) А.И. Благоднарова в окружении низовых руководителей сельского хозяйства. Процесс освещался в областной печати². На февраль следующего года запланировали процесс в Кизеле над немецкими шпионами. По нему политбюро ВКП (б) 25 января 1938 г. вынесло специальное постановление, предписывающее расстрелять

¹ Шахов – Першину. г. Кизел. 11.03.1938 // ГОПАПО. Ф.61. Оп.16. Д.114. С.37. И Субботин, и Березин были членами партии.

² См.: Звезда. 4. 10. 1937.

всех обвиняемых¹. Подготовка к открытому процессу проходила с большим трудом. Несколько арестованных отказались подписать признательные показания и «...были осуждены в одиночном порядке». Следователи долго уговаривали главных фигурантов процесса сознаться в шпионаже и диверсиях, давали «... честное слово, что вышеуказанное обвинение ничего общего не имеет с судом, а только является декларацией, предназначенной для нанесения ущерба германскому фашизму». Другим подследственным обещали, что те «...никакой ответственности не понесут и после суда поедут работать, но только в другие районы». Свердловские следователи были ничем не лучше столичных, только работали топорнее, не смогли изолировать подследственных перед судом, приобщили к делу заявления осужденных о своей невиновности, в общем, не смогли упрятать концы в воду².

Поставить большой процесс Д.М. Дмитриеву не разрешили. Сталин явно сомневался в его компетентности³. По всей видимости, именно по этой причине в январе – феврале 1938 г. были расстреляны несостоявшиеся фигуранты показательного процесса: назначенные члены окружных повстанческих штабов. Тогда же ЦК ВКП (б) снова обновил руководство Свердловской области. Секретари обкома были сняты с работы, а затем осуждены.

Дмитриев, только что избранный депутатом Верховного Совета СССР, лишился политической поддержки в области. Тщетно пытался он себе приписать заслугу разоблачения очередного вражеского руководства: «Я главный виновник ареста Столяра, Бермана (второй секретарь свердловского обкома, правая рука Столяра), Грачева (председателя свердловского облисполкома – человек Столяра)»⁴. В апреле 1938 г. тройка Свердловского

¹ См.: Постановление политбюро ЦК ВКП (б) о мерах наказания для обвиняемых в г. Кизеле 25 01.1938// Лубянка...С. 467.

² См.: Выписка из обзора по следственному делу № 114 по обвинению группы специалистов-угольщиков Кизеловского угольного бассейна, арестованных в 1940–1941 гг. (так в документе! – О.Л.) //ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.12567. С. 151–153.

³ На полях пространной записки Д.М. Дмитриева о ликвидации на Урале офицерско-фашистской организации «Российского общевоинского союза» Сталин сделал характерную пометку: «Странное письмо. А кто из поименованных лиц арестован? Арестованы ли, скажем, Епифанов, Стихно, Булгаков и др.? Записка Дмитриева производит впечатление газетной статьи». Лубянка...С.414.

⁴ Показания Дмитриева Д.М.//Лубянка... С.598.

УНКВД фактически прекращает работу. Операция, как это явствует из данных, помещенных в табл. 2, затухает. И уже в мае Дмитриева, а с ним и Дашевского, настигла ударная волна перманентной чистки в центральном аппарате НКВД. Он был смещен с должности, назначен на короткое время начальником ГУШОСДОР НКВД СССР (Дашевский стал в нем начальником эксплуатационного отдела); в июне 1938 г. арестован, в 1939 – расстрелян¹.

На смену ему пришел Викторов, не отличавшийся ни честолюбием, ни энергичностью своего предшественника, что, впрочем, ему не помешало летом того же года продолжить практику массовых расстрелов ранее арестованных людей².

В июле были взяты организаторы кулацкой операции Я.Ш. Дашевский, Н.Я. Боярский и самый рьяный исполнитель – В.Я. Легоцкий. Осенью пришел черед Шейхмана, а в следующем году – Шахова, Былкина, Беланова Варшавского и др. Перед арестом Варшавский сделал доброе дело: «... без необходимой перепроверки материалов огульно освобождал арестованных из-под стражи»³.

ИТОГИ ОПЕРАЦИИ

Кулацкая операция, по замыслу ее организаторов, напомним, была призвана «...беспощадным образом разгромить банду ... антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»⁴. На территории будущей Пермской области исполнители приказа подвергли репрессии около 8 000 человек.

¹ Служба Д.М. Дмитриева в НКВД не закончилась арестом. Его последняя должность – в октябре-ноябре 1938 г. – внутрикамерный агент, или по-другому, «каменный колун». Дмитриев пытался склонить маршала В.К. Блюхера к самооговору. См.: Черушев Н. 1937: элита Красной Армии на голофе. М., 2003. С.72.

² См.: Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 975188 г. Свердловск 14.02.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2. С.116.

³ Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 975188 г. Свердловск 14.02.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2. С.116.

⁴ Оперативный приказ наркома внутренних дел СССР № 00447. г. Москва. 30.07.1937 // Книга памяти... С.767.

Т а б л и ц а 2

**Количество приговоров по кулацкой операции по месяцам
(в процентах к каждому виду репрессии) ***

Месяц и год	Приговоры				Всего (в месяц)
	ВМН с конфискацией	ВМН без конфискации	10 лет	прочие	
Август 1937	91/2,4 %	79/6,6 %	1/0,0 %	0/0,0 %	171/2,1 %
Сентябрь 1937	1317/34,0 %	250/21,0 %	99/4,3 %	1/0,0 %	1667/20,9 %
Октябрь 1937	229/5,9 %	155/13,0 %	808/35,2 %	0/0,0 %	1192/15,0 %
Ноябрь 1937	516/13,3 %	63/5,3 %	996/43,4 %	6/1,03 %	1581/19,9 %
Декабрь 1937	824/21,3 %	58/4,9 %	171/7,5 %	1/0,0 %	1054/13,2 %
Январь 1938	87/2,2 %	343/28,8 %	1/0,0 %	2/0,0 %	433/5,4 %
Февраль 1938	257/6,6 %	143/12,0 %	7/0,3 %	0/0,0 %	407/5,1 %
Март 1938	313/8,1 %	22/1,8 %	35/1,5 %	0/0,0 %	370/4,6 %
Апрель 1938	0/0,0 %	1/0,1 %	1/0,0 %	1/0,0 %	3/0,0 %
Май 1938	19/0,5 %	36/3,0 %	4/0,2 %	0/0,0 %	59/0,7 %
Июнь 1938	3/0,1 %	3/0,3 %	3/0,1 %	0/0,0 %	9/0,1 %
Июль 1938	87/2,2 %	5/0,4 %	2/0,1 %	0/0,0 %	94/1,2 %
Август 1938	85/2,2 %	23/1,9 %	2/0,1 %	0/0,0 %	110/1,4 %
Сентябрь 1938	11/0,3 %	4/0,3 %	4/0,2 %	3/0,5 %	22/0,3 %
Октябрь 1938	30/0,8 %	4/0,3 %	95/4,1 %	174/30,1 %	303/3,8 %
Ноябрь 1938	1/0,0 %	1/0,1 %	56/2,4 %	391/67,5 %	449/5,6 %
Всего (по виду репрессии)	3870	1190	2285	579	7924
	100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %

* Примечание: в таблице не учтены 29 приговоров как вынесенных позднее ноября 1938 г. (5 чел.), так и не определенных по виду репрессии (24 чел.).

Из них (табл. 2) 5060 человек (63,8 %) было расстреляно в течение года. Здесь не учтены люди, арестованные зимой 1938 г., просидевшие более полугода в ожидании смертного приговора и выпущенные на волю решением областного начальства. И хотя во всех отчетах, посылаемых Свердловским УНКВД в Москву, речь шла о «заклятых врагах Советской власти» – кулаках, белоповстанцах, карателях, на самом деле, под оперативный удар попали обыкновенные рабочие, крестьяне, служащие. По сценарию, сочиненному «в апартаментах Дмитриева» (в 1937 г. в уральской партийной среде бытовало такое выражение), им было суждено заплатить своей жизнью за участие в кровавой драме под названием выкорчевывание

врагов народа. По всей вероятности, инициаторы операции надеялись, что после чистки в деревнях и рабочих поселках стихнет ропот по адресу Советской власти: ее учреждений и символов, политики и пропаганды. Люди перестанут петь непристойные частушки о вожде народов и рассказывать злые анекдоты о вождах ВКП (б)¹. Станут более дисциплинированными и лояльными

Эти надежды не оправдались. Во время подписной кампании на государственный заем в июле 1938 г. в том же Кизеле шахтеры-трудпоселенцы с большой неохотой покупали облигации на сумму, не превышающую 10–20 % от месячной заработной платы. По разнарядке полагалось подписывать рабочих и служащих, как минимум, на месячный оклад. Не получилось. С трудом дотянули до 50 %. Люди не только не хотели расставаться с деньгами, но и публично высказывались по поводу нового налога: «Зачем нам этот заем? Советская власть и так хочет заморить нас голодом, а мы ей хотим (!) помогать», или «Подписываться я не буду, в СССР, говорят, нет принудительного труда, а на деле он существует, нас заставляют насильно работать, а также подписываться на заем», или «На черта мне нужен Ваш заем? У меня Советская власть арестовала мужа, да ей же и помогай»².

Очистить деревню от кулаков также не получилось. В ноябре 1939 г. в ходе избирательной кампании начальник Кунгурского РО НКВД сообщал секретарю райкома: «В отношении рекомендуемых в кандидаты депутатов в сельские советы мы располагаем следующими данными». Далее следовало перечисление: «Комаров Николай Васильевич имел крепкое хозяйство, <...> сам эксплуатировал чужой труд, <...> писал заявления гражданам о выходе из колхоза, был замешан в хищении семян. <...> Кужлев Василий Егорович намечался к выселению в 1931 году как кулак, применявший наемный

¹ Из Кизела в Свердловск в феврале 1937 г. была отправлена «Спецзаписка о политнастроениях в связи со смертью Орджоникидзе». В отличие от множества подобных документов, в ней помещены переведенные на канцелярский стиль анекдоты, ходившие в рабочей среде. Вот один из них: «Дело было в полумраке. Шли два бедно одетых колхозника около большой реки и услышали голос утопающего, который просил о помощи. Колхозники вытащили утопающего на берег. Тогда спасенный им сообщил, что он великий человек и за свое спасение сделает все, что они захотят. На вопрос, кто он такой, он ответил, что Сталин. После этого колхозники ему заявили: “Мы тебя спасли, но ты об этом никому не говори, а то нас колхозники убьют”»// ГОПАПО. Ф.61. Оп. 16. Д.53. С. 147.

² Шахов – Погудину. г. Кизел. 12.07.1938 // ГОПАПО. Ф.61. Оп.16. Д.114. С. 133–136.

труд, активно принимавший участие в терроризировании бедноты при колчаковщине, судим за неспасение хлеба по ст. 61 УК. <...> Лупенских Михаил Федотович, занимавшийся перепродажей хлеба и мяса, ... собственник деревообделочной мастерской» и т.д. и т.п. Один из кандидатов вообще отличился тем, что некогда «...исколочил вилкой портрет вождя Правительства»¹. В делах партийных комитетов содержится множество документов, свидетельствующих о том, что массовая операция целей своих не достигла. И в рабочей, и в колхозной среде сохранились очаги недовольства властями; время от времени проявлялись оппозиционные настроения; не затих ропот. Сильной и однозначной была реакция работников промышленных предприятий на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940: «Теперь совершенно не чувствуется Советской власти, и теперь можно забыть слова песни – я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»; «Это является мероприятием неправильным, зажим в тиски рабочих, является возвратом к прошлому»; «В таких мероприятиях, ухудшающих положение рабочих, виновны коммунисты»².

Уровень аварийности на производстве, приписки, дурная организация труда – все это сохранилось и в будущем в том же первобытном виде.

Есть одна область, в которой проявилось непосредственное влияние кулацкой операции, – область гражданских прав населения. Сотрудники рабоче-крестьянской милиции, действовавшие под прикрытием всемогущих органов НКВД, также не стеснялись в средствах: без ордера прокурора производили аресты и мобилизации, изымали малокалиберные винтовки из школ и пр³. Не оглядываясь на закон, они стали регулировать хлебную торговлю, отбирая «лишние» буханки у прохожих и разгоняя ночные очереди⁴. Подобные практики не прекращались и впредь, вплоть до середины пятидесятых годов.

¹ См.: Поваляев – Кокшарову, г. Кунгур. 21.11.1939 // ГОПАПО. Ф.970. Оп.3. Д.183. С. 7–7 (об).

² Справка об отдельных антисоветских проявлениях в связи с опубликованием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1946 года // ГОПАПО. Ф. 59. Оп.1. Д.383. С. 63–65.

³ См.: Крайнов – Чернышеву. г. Лысьва. 2.02.1939 // ГОПАПО. Ф.85. Оп.20. Д.11. С. 4 – 4 (об).

⁴ «Как начался 37-й год, все время милиция бесчинствует», – писал в редакцию «Крестьянской газеты» из Кизела Иван Носков. См.: ГОПАПО. Ф.61. Оп.16. Д.53. С.134.

Подводя итоги кулацкой операции в Прикамье, можно сформулировать некоторые выводы. Жертвами операции стали случайные люди, виновные в том, что в прежнюю эпоху принадлежали к кругу крепких крестьян, или были выходцами из их семей, что скученно проживали в трудовых поселениях, или были заняты на предприятиях промышленности, транспорта и лесного хозяйства, подвергнутых чистке.

Несмотря на кажущуюся целесообразность в обосновании операции, на рационализацию примененных в ней технологий, она остается бессмысленной бойней, завершившейся казнью ее собственных организаторов и особо рьяных исполнителей. Было бы некорректным возложить вину за провал операции на местный (или даже центральный) аппарат НКВД. Кулацкая операция была обречена на такой исход, поскольку в ее основание были заложены сугубо идеологические, не верифицируемые принципы. Приказ № 00447 имплицитно содержал в себе несколько положений: в советском обществе обостряется классовая борьба в новой – вредительской – форме. Против советской власти выступают прежние эксплуататорские классы под водительством партийных заговорщиков. Страна стоит на пороге открытого политического противостояния. Для того чтобы предотвратить контрреволюционный переворот, следует нанести опережающий, превентивный удар одновременно и по социальной базе контрреволюции, и по ее организованному авангарду. Такой задачей и объясняются громадные квоты внесудебной репрессии. Против отдельных лиц (беглых кулаков, или бывших эсеров), на свой страх и риск, ведущих партизанскую войну с системой, предлагаемые меры представляются чрезмерными. Авторы (они же идеологи) приказа исходили из теории заговора, согласно которой все виды социальной дезорганизации (аварии на производстве, низкая урожайность сельского хозяйства, перебои в торговле и пр.) являются запланированными результатами вражеских акций, а вовсе не спутниками ускоренной индустриализации, или врожденными пороками планового хозяйства. Им почему-то казалось, что неприятие советской власти, или (и) сталинской политики сосредоточено в определенной, заранее маркированной социальной группе, но не является хотя бы периферийной частью общественных настроений, разлитых по всему обществу.

Приняв концепцию приказа, местные органы НКВД привели его в исполнение надлежащим, единственно возможным способом, доведя до абсурда заложенные в нем принципы.

В.В. ШАБАЛИН

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ ПО ПРИКАЗУ № 00447

ЧАСТЬ I

ТЕРРОР В ПРИКАМСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ЦИФРЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Согласно приказу наркома внутренних дел № 00447 от 30 июля 1937 г. главным местом, где следовало искать враждебные существующей власти силы, являлась деревня. Именно здесь, по мнению руководства НКВД, действовали «бывшие кулаки», репрессированные в прошлом «церковники», бывшие участники «антисоветских вооруженных выступлений», члены «антисоветских политических партий», бывшие активные участники «бандитских восстаний», бывшие белые и т.п. Количество осевших в деревне врагов оценивалось в приказе как «значительное»¹.

*Общее количество репрессированных
и их социальное положение*

Аресты сельских жителей на территории Прикамья, инициированные приказом, были многочисленными: **2049** колхозников, крестьян-единоличников и близких к ним категорий². Однако если сравнить указанную цифру с общим количеством пострадавших, содержащихся в базе данных (7960 человек), то мы увидим, что, несмотря на ориентиры, заданные приказом, основной удар НКВД нанес не по деревне. Количество репрессированных сельских жителей

¹ См.: Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза С. С. Р. № 00447 // Биннер Р., Юнге М. Как террор стал «большим». М.: АИРО-XX, 2003. С.84-93.

² Все количественные материалы получены при анализе электронной базы данных, которая была любезно предоставлена для исследовательской работы сотрудниками пермского архива ГОПАПО.

значительно уступает количеству рабочих и кустарей и лишь не намного превосходит количество служащих. В процентном соотношении описываемая категория составляет **25,7 %** от общего числа людей, содержащихся в базе данных.

Что представляет собой, изучаемая группа? 2049 человек – это сельские жители, большая часть которых была вовлечена в непосредственную сельскохозяйственную деятельность¹. Здесь и те, кто занимался земледелием и выращиванием скота, и те, кто руководил этим процессом. Кроме того, в итоговую цифру мы внесли рабочих (например, кузнецов и плотников)², которые имели статус колхозников, наемных сельхозработников, а также людей, чья специальность с трудом включается в одну из перечисленных категорий либо по причине неясной формулировки профессии, либо из-за ее слабой распространенности. Это охотники, пастухи лесочастьков и железнодорожных разъездов, а также лица, обозначенные аббревиатурой «БОЗ» (можно расшифровать как «без определенных занятий») и «БОМЖ» (без определенного места жительства). Эти категории репрессированных были включены в наш список, во-первых, потому что вошедшие в нее люди проживали вне города, во-вторых, потому что в документах их социальное положение было определено как «крестьяне» («колхозники»)³.

Социальное положение, судя по всему, являлось главным признаком, опираясь на который работники «Мемориала» сформировали в базе данных раздел «Крестьяне». Если опираться только на эти показатели, то складывается картина, представленная в табл. 1.

¹ Местом работы указанных лиц в подавляющем большинстве случаев были колхозы, неуставные сельскохозяйственные артели, самостоятельные хозяйства (так называемые «единоличники»).

² Не менее 60 человек.

³ В базе данных содержится информация о 16 лицах БОЗ. Изучение дела одного из этих лиц (Н.М. Куляшовой) показало, что ярлык БОЗ был приклеен к крестьянке-единоличнице, которая имела несколько легальных и нелегальных источников дохода. Подробнее о деле Н.М. Куляшовой см. часть II данной статьи. К категории БОМЖ относится 1 преступник-рецидивист, который на момент ареста по приказу № 00447 уже отбывал наказание за кражу и побег. До ареста за кражу проживал в деревне. (Дел других рецидивистов нами в архиве обнаружено не было). См. Оборин И.И. // ГОПАПО.Ф.643/2.Оп.1.Д.27643.

Т а б л и ц а 1

**Социальное положение репрессированных
сельских жителей по официальным данным**

Социальное положение	Общее количество	Проценты от общего количества арестованных
Крестьяне	1897	91,8
Колхозники	54	2,6
Служащие	81	3,9
Кустари	12	0,6
Крестьяне, рабочие	4	0,2
Крестьяне, служащие	1	–

Более детальный анализ данных дает несколько иную картину. Обращает на себя внимание то, что социальное положение далеко не всегда совпадает с занимаемой должностью. Исходя из этого, нам представляется более верным, обращать внимание не на официальные показатели (социальное положение), а на статус, имеющийся на момент ареста.

Так, из более чем 750 человек, арестованных в августе 1937 г., по нашим подсчетам не менее 523 являлись колхозниками и не менее 185 крестьянами-единоличниками ¹. Как видим, данный подход дает совсем другую картину.

Руководящий состав

Помимо рядовых колхозников и единоличников в числе арестованных по приказу № 00447 оказались и руководящие работники. Среди них не менее 9 председателей сельских советов и 1 председатель поселкового совета, не менее 47 председателей колхозов ² и не менее 45 человек в должностях заведующих, членов правления колхозов и т.п.

К сожалению, в электронной базе данных не учтены бывшие руководящие работники – председатели колхозов, члены правлений и т.п. Эти данные далеко не всегда содержатся в анкетах арестованных и выявляются только при полном изучении документов архивного дела.

¹ Остальных мы отнесли к «прочим».

² К ним можно добавить и 10 человек в должности заместителя председателя колхоза.

Национальный состав

Национальный состав рассматриваемой группы довольно разнообразен (табл. 2). Обращает на себя внимание высокий процент репрессированных коми-пермяков (22,3 %), татар и башкир. Особенно это заметно на фоне 67,2 % русских. Подобный расклад не полностью соответствовал существовавшему тогда национальному составу населения Прикамья.

Сложно дать однозначный ответ о причинах указанной диспропорции. На наш взгляд, здесь возможно сочетание нескольких факторов. Во-первых, подозрительность власти по отношению к национальным меньшинствам и, в частности, к восточно-финским народам. Все 1930-е гг. арестам подвергались представители удмуртского, коми, марийского и других финоязычных народов. При чем речь идет не только об арестах интеллигенции, в среде которой могли рождаться крамольные идеи о национальном самоопределении, но и о крестьянах¹. Вполне допустимо предположение, что была устная или, даже, письменная санкция о репрессиях против коренных жителей. По крайней мере, нам известно, о подобном приказе по татарскому населению г. Краснокамска². Второй фактор – это исполнительность сотрудников НКВД Коми-Пермяцкого округа и, прежде всего, руководителя окротдела лейтенанта ГБ Беланова, который за быстрое выполнение плана был награжден значком почетного чекиста³.

Т а б л и ц а 2

Национальный состав репрессированных сельских жителей

Национальность	Общее количество	% от общего числа арестованных
Австрийцы	2	0,1
Башкиры	37	1,8
Белорусы	22	1,1
Болгары	1	0
Коми-зыряне	1	0
Коми-пермяки	457	22,3

¹ Подробнее см. Куликов К.И. Дело «СОФИН». Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997.

² Отсылка к другому разделу

³ Трушников Т.А. и другие // ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.12033.Л.359.

Окончание табл. 2

Национальность	Общее количество	% от общего числа арестованных
Латыши	5	0,2
Марийцы	8	0,4
Молдаване	4	0,2
Немцы	5	0,2
Поляки	10	0,4
Русские	1376	67,2
Татары	69	3,4
Удмурты	1	0
Украинцы	15	0,7
Финны	3	0,1
Чуваши	23	1,1
Эстонцы	3	0,1
Не указано	7	0,3
ВСЕГО	2049	100

Динамика арестов (табл. 3)

Аресты сельских жителей начались в августе 1937 г.¹ Последний зафиксированный арест произошел в октябре 1938 г. Пик арестов приходится все на тот же **август** 1937 г. После относительного спада в сентябре количество арестов резко увеличивается в октябре и почти достигает августовского показателя. Затем наступает спад, который продолжается до января 1938 г. В феврале и марте 1938 г. наблюдается незначительный всплеск арестов, не достигающий, впрочем, даже минимальных показателей 1937 г. Всплеск сменяется резким спадом репрессивных действий в апреле – октябре (10 человек). Фактически большая часть из 2049 пострадавших была арестована в **первые три** месяца проведения операции (1791 человек).

¹ По базе данных первый арест произведен 1 августа, т.е. еще до официального начала операции.

Таблица 3

**Сельские жители в общей массе
репрессированных по приказу № 00447**

Дата ареста		Общее кол-во арестованных (чел.)	Сельские жители (чел.)
Год	Месяц		
1937	Август	2062	772
	Сентябрь	694	283
	Октябрь	1969	736
	Ноябрь	372	94
	Декабрь	1355	55
Итого в 1937 году:		6452	1940 (30 %)
1938	Январь	855	15
	Февраль	511	43
	Март	115	41
	Апрель	16	2
	Май	10	4
	Июнь	1	0
	Июль	0	0
	Октябрь	0	4
Итого в 1938 году:		1508 человек	109 человек (7,2 %)
Всего:		7960 человек.	2049 человек (25,7 %)

Указанная выше тенденция наблюдается и на уровне районов (табл. 4), в наибольшей степени пострадавших от репрессий (по рассматриваемой категории).

Таблица 4

**Динамика арестов по трем районам
с наибольшим количеством арестованных сельских жителей¹**

Район (округ)	1937 г.										1938 г.										Всего			
	Месяц																							
	08	09	10	11	12	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10									
Юрлинский	60	16	42	—	4	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Юсьвинский	67	17	30	5	1	—	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Добрянский	17	15	62	14	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88

¹ Возможно, наибольшее количество арестов было произведено в Кудымкарском районе (предположительно 191 человек). Материалы, содержащиеся в базе данных, не позволяют точно определить, каким структурным подразделением НКВД арестовывался сельский житель: Коми-Пермяцким Окротделом или Кудымкарским РО.

Неравномерность арестов наблюдается и внутри отдельного месяца. Большая часть граждан (569), арестованных в августе 1937 г., была «изъята» в течение трех дней: с 5-го по 7-е.

Групповые дела

Групповые дела фиксируются в **39** районах Прикамья, где проводились аресты сельских жителей. Не обнаружены такие дела в 10 районах. В некоторых районах количество граждан, проходивших по групповым делам, было очень большим. Например, из 125 арестованных в Юрлинском районе Коми-Пермяцкого округа 99 прошли по восьми групповым делам. По всем районам Прикамья по подобным делам прошло 1139 человек.

Обвинения и приговоры

Наиболее «популярной» статьей, по которой проводили аресты и осуждали обвиняемых, являлась антисоветская агитация – сокращенно АСА (22,3 % и 23,2 % соответственно). Следующей по частоте применения шла статья «контрреволюционное повстанчество» – КРП (12,9 % и 13,8 %). В обоих случаях наблюдается примерное совпадение частоты применения. Обратный пример дает сочетание статей КРП и АСА. Если при аресте подобное обвинение предъявлялась в 9,5 % случаев, то осуждены по этим статьям были лишь 2,3 % из всей рассматриваемой группы.

Т а б л и ц а 5

Приговоры

Приговор	Общее кол-во	Проценты
Не указано	1	,0
10 лет лишения свободы	786	38,4
2 года лишения свободы	1	,0
3 года лишения свободы	3	,1
5 лет лишения свободы	7	,3
8 лет лишения свободы	4	,2
ВМН	227	11,1
ВМН, конфискация имущества	1013	49,4
гласный надзор (3 года)	7	,3
ВСЕГО	2049	100,0

Как видно из табл. 5, большинство арестованных (60,5 %) были приговорены к смертной казни. Если учесть, что еще 38,4 % арестованных были приговорены к 10 годам лагерей, то мы увидим, что подавляющее большинство (98,9 %) репрессированных сельских жителей получили максимальное из предусмотренных приказом № 00447 наказание.

Первые осужденные появились уже в августе 1937 г. (3,7 %). Последний из зафиксированных приговоров датируется февралем 1940 г.¹ Максимальное количество приговоров – 32,7 % (671 человек) падает на **сентябрь** 1937 г. Как и в случае с арестами, наибольшая их часть приходится на **три месяца**: сентябрь, октябрь, ноябрь. За это время было осуждено **83,1 %** (1704 человека) от всей рассматриваемой группы.

ЧАСТЬ II

ТЕРРОР В ПРИКАМСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ОСОБЕННОСТИ

Летом 1937 г. сотрудники райотделов НКВД столкнулись с серьезным затруднением. Им приказали в достаточно краткие сроки подвергнуть репрессиям «значительное количество» активно действующих врагов существующей власти. Напомним, что согласно приказу № 00447 врагов этих предписывалось искать, прежде всего, в деревне. Кроме того, местное начальство, в лице главы Свердловского управления НКВД Д.М. Дмитриева, требовало искать среди кулаков членов повстанческих организаций.

В чем же состояло затруднение? К 1937 г. деревня пережила несколько чисток. В 20-е гг. репрессиям подвергались те, кто активно сотрудничал с белыми и принимал участие в восстаниях, позже прошло несколько волн репрессий, связанных с коллективизацией, раскулачиванием, выкачиванием из колхозов хлеба². В 30-е гг. колхозы были наспигованы осведомителями, и все сколько-нибудь значительные оппозиционные настроения тут же пресекались. То есть

¹ В 1939 г. были осуждены 4 человека.

² О прикамской деревне в 1930-е гг. см. Иванова М.А. Коллективизация в Прикамье: насилие без границ // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь: Здравствуй, 1998. С. 47–67.

задача массовых арестов¹ активных «антисоветских элементов» в деревне была крайне затруднительной – арестовывать по большому счету было некого.

Чтобы понять, как сотрудники НКВД выходили из этой ситуации, нам надо обратиться к особенностям ведения следствия в этот период. С формальной точки зрения для начала любого уголовного дела и арестов подозреваемых должно быть основание – заявление потерпевших, сообщение о преступлении и т.п. Соответственно это должен быть документ, датированный числом более ранним, чем время ареста.

Чаще всего наиболее ранняя датировка стоит на показаниях свидетелей, в более редких случаях – на доносах и официальных характеристиках². Именно эти документы и выступали в качестве основания для ареста, однако они не дают нам представления о первоначальном импульсе для «изъятия» того или иного колхозника или единоличника. Остается вопрос – почему вдруг начинаются допросы свидетелей или почему вдруг происходит активизация десятков сельсоветов, которые направляют в НКВД персональные характеристики с компрометирующим материалом.

Ответ на этот вопрос можно найти в показаниях сотрудников НКВД 1939–1940 гг., которые они давали по поводу массовых репрессий. Например, руководитель операции в Перми В.И. Былкин показал на суде, что достаточным основанием для ареста он считал агентурные материалы. Другой чекист – сотрудник Кизеловского ГО НКВД говорил, что существовал приказ составить

¹ Согласно приказу № 00447 в Свердловской области репрессиям должны были подвергнуться 10000 человек. Мы не располагаем плановыми цифрами по районам Прикамья, в нашем распоряжении есть лишь контрольные цифры для Коми-Пермяцкого округа. Там по первой категории должны были арестовать 700–800 человек, а по второй категории – 1500. Позже была дана «дополнительная контрольная цифра» для арестов «300–400 человек поляков и др. иностранцев». Трушников Т.А. и другие // ГОПАПО.Ф.641/1. Оп.1. Д.12033. Л.358.

В Коми-Пермяцком округе в 1937 г. было 505 колхозов, в которых состояли 26 000 крестьянских хозяйств. См. Коньшин А.Е. Исторические пути и судьбы коми-пермяцкого народа // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 104.

² В следственных делах подобные документы могут находиться в разных сочетаниях.

списки «контрреволюционного элемента», основываясь все на тех же сообщениях агентов и «полуофициальном сборе данных»¹.

Эти показания объясняют, почему «вдруг» начинался опрос свидетелей, количество которых по отдельным делам доходило до 33. Секретные сотрудники (именовавшиеся в документах «источники») с говорящими именами типа «Бинокль» или «Зоркий» предоставляли оперативную информацию, а дальше начинались официальные следственные процедуры. Агентурные донесения могли представлять собой 1–2-страничные машинописные или рукописные донесения, а могли достигать и 57 листов, как в деле Е.И. Сабурова².

Что касается «полуофициального сбора данных», то здесь, по всей видимости, особую роль сыграли сельсоветы и, в меньшей степени, РИКи и правления колхозов. Официальная информация от сельсоветов находится в подавляющем большинстве следственных дел, с которыми нам удалось познакомиться. Особая роль руководителей сельсоветов в информировании НКВД не удивительна. С одной стороны, у них в централизованном порядке можно было получить информацию сразу по нескольким колхозам и единоличным хозяйствам. С другой стороны, в отличие от РИКов, эти руководители находились в непосредственном контакте с местными жителями и владели не только официальными, но и неофициальными данными.

В одном из дел содержатся показания колхозного кузнеца Ф.А. Маховикова, который был арестован в начале ноября 1937 г., получил 10 лет лагерей и смог дожить до реабилитации. В 1959 г. он вспоминал, что за месяц или полтора до своего ареста он стал случайным свидетелем разговора секретаря сельсовета с приезжим незнакомцем. Человек, приехавший в сельсовет, спросил «кто из колхозников является более зажиточным или облагался твердым заданием»³. Свидетель разговора не был кулаком, являлся председателем ревизионной комиссии колхоза, но однажды облагался твердым заданием, поэтому он попал в список лиц, названных работником сельсовета. Пострадавший колхозник считал, что именно тогда его и наметили для ареста.

¹ Подробнее об этом см. Лейбович О.Л. Кулацкая операция на территории Прикамья в 1937–1938 гг.

² Сабуров Е.И. и другие // ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.16957 нд.ЛЛ. 6-63.

³ Норин Г.Н. и другие // ГОПАПО Ф.641/1.Оп.1.Д.13913.Л.65.

Конечно, описанный случай является лишь косвенным свидетельством. Мы не можем с точностью утверждать, что незнакомец являлся сотрудником НКВД или кем-то, действующим в интересах этого органа. Однако воспоминания репрессированного дают нам представление о возможном механизме получения сведений. Здесь указаны источник и форма получения информации: секретарь сельсовета устно без всяких бумажных формальностей дает, видимо, по памяти список интересующих незнакомца лиц. Чем не «полуофициальный сбор данных»?

Вернемся к путям выхода из того затруднительного положения, в которое попали чекисты летом 1937 г. Первый путь, о нем мы говорили выше, был очевидным и привычным – обращение к агентурным разработкам и свидетельским показаниям, которым еще не был дан ход. Только из этих источников можно было получить сколько-нибудь значительный массив информации о людях, которых можно было идентифицировать как врагов. Второй путь – это прямая фальсификация, на которую подталкивали, с одной стороны, существующий план арестов и давление начальства, с другой стороны, ограниченность резерва врагов в колхозах и единоличных хозяйствах Прикамья. Рассмотрим эти пути по очереди.

«Бывшие»

На каких людей в 1937 г. у НКВД имелся компрометирующий материал? В первую очередь речь шла о бывших кулаках, священниках и церковном активе, иногда о бывших белогвардейцах или лицах, сотрудничавших с белой армией, участниках восстаний и, наконец, просто о недовольных своим положением сельских жителях. Сексоты, свидетели и доносчики сообщали в НКВД о критических разговорах, которые вели эти люди, о различных правонарушениях, но этого, видимо, было недостаточно для арестов до приказа № 00447. Приказ подводил необходимое обоснование для изъятий, ведь в нем говорилось, что «все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности»¹.

¹ См.: Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза С. С. Р. № 00447 // Биннер Р., Юнге М. Как террор стал «большим». М.: АИРО-XX, 2003. С.84–93.

7 августа¹ 1937 г. в селе Ашاپ Ординского района была арестована крестьянка Н.М. Куляшова. Сотрудникам НКВД удалось собрать целый список обличительных документов, которые должны были представить 56-летнюю женщину как матерого врага советской власти.

Самую скромную характеристику, как ни странно, мы находим в документе без названия от 22 июля 1937 г. с очередной говорящей подписью «Свой». Среди 8 сомнительных местных жителей, которые перечислены на листке, указана и «кулачка» Куляшова².

Более подробная информация содержится в рукописном документе, подписанном двумя гражданами. Из доноса мы узнаем, что Куляшова в 1919 г. выдавала коммунистов, отступала с белыми, а в настоящее время ведет среди женщин работу за срыв различных компаний³.

Еще больше подробностей в трех характеристиках сельсовета. Происхождение Куляшовой определяется как кулацкое, уточняется, что выдавала сторонников советской власти она вместе с мужем и что в 1924 г. лишалась избирательных прав «как активный участник колчаковщины». В 1930 г. она организатор протеста против закрытия ашاپской церкви⁴. В этом же году снова лишается избирательных прав (не ясно, в связи с церковными событиями или из-за чего-то другого). Кроме того, Куляшова объясняет односельчанам, что вступить в колхоз грешно, выступает «против всех проводимых компаний», а еще подрабатывает знахарством и торговлей спиртным⁵.

И, наконец, завершает картину выписку, из закрытого заседания президиума РИК от 15 апреля 1933 г., в которой содержится постановление о высылке кулака Куляшовой из Ординского района⁶. Не ясно, было ли выполнено это решение, нам известно лишь, что в 1936–1937 гг. она жила в том же селе, что и раньше. И еще один любопытный факт, при аресте у нее, лишенной избирательных прав крестьянки-единоличницы, изымают паспорт!

¹ По другим данным арест произошел 9 августа 1937 г.

² Куляшова Н.М. // ГОПАПО.Ф.643/2.Оп.1.Д.27212.Л.11.

³ Там же.Л.3.

⁴ По версии сельсовета Н.М. Куляшова подговаривала людей не допускать закрытия церкви. С целью сорвать это мероприятие была в колокола и звоном собрала вокруг храма толпу в 800-900 человек. Куляшова Н.М. // ГОПАПО.Ф.643/2.Оп.1.Д.27212.Л.12.

⁵ Там же. Л.12.

⁶ Там же. Л.8.

Несколько допрошенных в качестве свидетелей односельчан подтвердили компрометирующую информацию и дополнили ее сведениями о нелояльных по отношению к власти высказываниях.

На двух допросах (16 и 31 августа 1937 г.) Куляшова отвергла обвинения в систематической контрреволюционной агитации, создалась лишь в том, что иногда допускала критические высказывания, а также в том, что в 1930 г. призывала не вступать в колхозы. Отвергла она и обвинения в противодействии закрытию церкви, заявив, что арестовывалась по подозрению в этом в 1930 г., но была отпущена. Что касается сюжета с выявлением и расстрелом коммунистов, то здесь она признала участие своего мужа, который умер в 1924 г., но не свое. По ее словам, муж был членом следственной комиссии в 1919 г. и по его инициативе были расстреляны два человека.

Куляшова не убедила следователя. В «Обвинительном заключении», утвержденном 4 сентября 1937 г., отразился весь набор компромата из доносов, характеристик и прочих источников. Что-то даже было усилено. Участие в следственной комиссии расценивалось, например, как шпионская деятельность. К пункту 10 статьи 58, по которому изначально выдвигалось обвинение, добавился пункт 13 (контрреволюционная деятельность).

9 сентября тройкой УНКВД Куляшова была приговорена к расстрелу с конфискацией имущества, а 14 сентября 1937 г. приговор был приведен в исполнение.

С точки зрения приказа № 00447 дело выглядело достаточно гладко. Была выявлена «кулачка», сотрудничавшая с белыми, противодействующая власти. Под обвинение подобран довольно обширный материал. Однако сегодня при знакомстве с делом возникают вопросы. Главный – почему при таком количестве компрометирующих сведений Куляшову не арестовали раньше? Ответ на этот вопрос мы сформулировали выше: набранного компромата было недостаточно.

Что мы видим в деле Куляшовой? Церковная и белогвардейская линии долгое время никого не интересуют, и уже поэтому сомнительны. Кулацкое хозяйство – в дореволюционном прошлом. Остаются нелояльные разговоры, критика действий власти и нежелание участвовать в ее мероприятиях. Слишком мало для серьезного уголовного преследования, не говоря уже о ВМН.

Нужны были совершенно особые политические и юридические условия для того, чтобы начали брать людей, подобных Куляшовой, людей подозрительных, которые когда-то вроде в чем-то участвовали, но чья вина не могла быть должным образом обоснована. С этой точки зрения ситуация Куляшовой типичная, подобные случаи встречаются и в других делах людей, арестованных по приказу № 00447.

Фальсификации

Перейдем к полным фальсификациям. Среди арестованных встречаются люди, объяснить арест которых практически невозможно. Вот дело, по которому проходила группа жителей Ворошиловского района, состоящая из четырех колхозников и одного чернорабочего¹. В «Обвинительном заключении» сообщается, что «следствием в достаточной степени установлена их причастность к контрреволюционной повстанческой организации, существовавшей в Ворошиловском районе»². Это все. Присущие подобным документам подробности, вроде антисоветских разговоров, отсутствуют. По анкетам, которые заполнялись на арестованных, все они кулаки, трое еще и служили у белых, но доверия эти сведения не вызывают. Поиск оснований для ареста не дает положительных результатов. В деле нет ни агентурных донесений, ни протоколов допросов свидетелей (!), ни доносов, ни выписок из допросов лиц, проходящих по другим делам. Обвинение строится лишь на показаниях арестованных. Их допросы представляют собой 4–5 листов машинописного текста с признаниями в принадлежности к повстанческой организации. Все допросы выстроены по одной и той же схеме:

«Вопрос – Вы обвиняетесь в том, что до ареста являлись активным участником контрреволюционной повстанческой организации в деревне Гунино.

Подтверждаете Вы это?

Ответ: – Да, я это подтверждаю. Я действительно являлся активным участником контрреволюционной повстанческой организации в деревне Гунино»³.

¹ Два человека арестованы 8–9 октября 1937 г., остальные 8 ноября 1937 г.

² Норин Г.Н. и другие // ГОПАПО.Ф.641/1.Оп.1.Д.13913.Л.46.

³ Там же. Л.22.

Некоторый свет на причины ареста этих людей проливают упоминавшиеся выше показания кузнеца Ф.А. Маховикова 1959 г. Если незнакомец, о котором говорил кузнец, действительно был сотрудником ГБ, то скорее всего импульсом для ареста послужил список «зажиточных» и облагавшихся твердым заданием. Однако в показаниях 1959 г. описывается и еще один вариант ареста. Когда арестованного Маховикова привели в правление колхоза, туда же пришел «нетрезвый старик». Он заявил сотруднику НКВД: «Вот вы невиновных людей арестовываете, а у нашего кладовщика Норина Сергея в кладовой гниет зерно»¹. Тут же было собрано правление колхоза, приглашен С. Норин. Колхозники проверили пшеницу и сочли ее годной. Норина тем не менее арестовали и в числе прочих провели по рассматриваемому делу. Тема порченого зерна на допросе не поднималась².

Приведенный пример показывает нам, что проблема выполнения плана по арестам решалась любыми способами. Вероятно, к ноябрю 1937 г. был исчерпан или почти исчерпан запас оперативных материалов, что подталкивало сотрудников районных отделов НКВД к более грубым методам работы.

Помимо перечисленных категорий арестованных мы можем выделить еще одну – это сельские жители, импульсом для ареста которых являлись экономические преступления (бесхозяйственность, растраты), хулиганство, неправильные связи и т.п., выявленные незадолго до начала массовых репрессий. В обычных условиях их дела разбирались бы милицией или контрольными советскими органами, но в 1937 г. им давалась политическая оценка.

Показательно в этом смысле дело Гуляевых, по которому проходило пять колхозников Юрлинского района. Группу³ «обслуживали» два секретных агента, сведения от которых стали одним из оснований для начала следствия. Основная масса компрометирующего материала в этом деле посвящена трем из них. Вроде бы эти

¹ Там же. Л.66.

² У этого сюжета есть еще одна любопытная деталь. Маховиков знал от односельчан, что во время Первой мировой войны Норин (по анкете арестованного служил у белых) был коммунистом, сбежал из армии и находился на подпольной работе. О том, когда он вышел из партии, информации в документе нет.

³ Изначально в группе было больше пяти человек. Пять описываемых колхозников – это то, что от нее осталось (версия следствия).

трое участвовали в 1918 г. в восстании (село Полва). Сами они на допросах эти обвинения отрицали. Все трое были идентифицированы как кулаки, вели антисоветские разговоры и т.п. Все указывает на то, что они принадлежат к той же категории арестованных, что и Куляшова, о которой шла речь выше. Нам, в данном случае, больше интересны другие два участника «контрреволюционной группировки»: К.А. Анферов и А.П. Гуляев.

Ни тому, ни другому участие в полвинском восстании в вину не вменялось. У Анферова, правда, повстанцами были брат и два дяди, а у Гуляева отец. Анферов, если верить характеристике сельсовета, до коллективизации был кулаком, а Гуляев и вовсе был лишь сыном кулака. В 1930 г. оба вступили в колхоз, при этом никаких сведений об их раскулачивании или высылке в документах мы не обнаружили. Мало того, Гуляев некоторое время был членом ВЛКСМ (выбыл механически из-за неуплаты взносов и непосещения собраний).

Весь компромат на них относится к 1936–1937 гг. Анферов в характеристике сельсовета обвинялся в воровстве фуража, разложении трудовой дисциплины, а также в том, что «доводил лошадей до самой низкой упитанности»¹. Все это интерпретировалось как вредительство. На Гуляева материалов было еще меньше. Ему приписывались критические разговоры, подлинность которых под вопросом, главное же – «связи» с врагами, которые разваливают колхоз, и неправильный отец. Последнее даже было отражено в приговоре тройки: «Сын кулака, волостного старосты, расстрелянного красными в 1918 г. за участие в кулацком восстании»².

Как видим, оба колхозника не обладали богатой антисоветской биографией. Их грехи с трудом уместаются в рамки приказа № 00447. Родственные связи, на которые упирало следствие, вообще к приказу отношения не имели. Чекисты вышли из положения очень просто – «доказали», что все пятеро являлись членами «первичной к-р. повстанческой ячейки». В конце сентября 1937 г. К.А. Анферов был расстрелян, а А.П. Гуляев получил 10 лет ИТЛ.

¹ Гуляев Г.Е. и другие // ГОПАПО.Ф.643/2.Оп.1.Д.28792.Л.9.

² Там же. Л.153.

Казус Морилова

В 1936–1937 гг. кунгурский райотдел НКВД вел агентурную разработку под кодовым названием «Суслики». Информацию по этой разработке поставляли несколько секретных сотрудников, больше же всего старался некто «Марилов». В августе 1937 г. лица, находившиеся в разработке, были арестованы. Почти все они были жителями деревни Беркутово. Главным свидетелем по делу выступил их односельчанин, бывший красногвардеец, инвалид второй группы Т.С. Мориллов. Основанием для ареста, помимо оперативных данных, послужили два доноса, написанные в июне того же года. Автором одного из доносов был все тот же бывший красногвардеец.

Мориллов дал подробные показания на большинство из десяти арестованных, которые, с его слов, во время Гражданской войны были активными белогвардейцами. Картина, нарисованная Морилловым, была дополнена другими свидетелями, и на свет появилась очередная «к-р вредительская группа кулаков». Все арестованные получили по 10 лет лагерей.

В 1958 г. в период реабилитации был допрошен один из пострадавших по этому делу, а также несколько свидетелей. Все они рассказали несколько интересных подробностей о Т.С. Мориллове.

В Беркутово Мориллов приехал жить лишь в начале 1930-х гг. Поэтому источник его информации о белом прошлом местных жителей совсем не ясен. Он был очень беспокойным соседом. Любил выпить, причем за чужой счет. Пьяный бегал по деревне кричал: «Посажу всех, если не поставите поллитра». Затевал драки. В колхозе почти не работал, хотя почему-то получал трудодни. По деревне ходили слухи, что он пишет доносы.

Однажды к Мориллову с обыском нагрянула милиция. (Опустим причины обыска, они здесь не так важны). У бывшего красногвардейца были обнаружены документы, указывающие на то, что он служил в белой армии. Во-первых, удостоверение о праве «вылавливать партизан и советских работников», во-вторых, «благодарность за троих расстрелянных партизан от командования армии Колчака»¹.

¹ Гилев Н.С. и другие // ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.13553.Л.239–240.

В начале 1937 г. бывшего охотника за партизанами судили¹. На суде выяснились другие биографические подробности. До приезда в Беркутово Морилов жил в нынешней Кировской области, состоял в партии. В 1931 г. его из ВКП (б) исключили за сокрытие фактов биографии. Выяснилось, что до революции он был стражником. После этого Морилов перерезал себе горло, однако его спасли.

Суд приговорил Морилова к 2 годам лишения свободы, но он «почему-то» наказание не отбывал. Вскоре после ареста «группы кулаков» Морилов «за плохую работу» был исключен из колхоза, уехал в Свердловск, где и умер.

Материалы дела, о котором мы пишем, показывают, что Т.С. Морилов и агент «Морилов», скорее всего, одно и то же лицо. Нам неизвестно, когда и при каких обстоятельствах началось его сотрудничество с НКВД. Важно, как нам кажется, обратить внимание на другое. Современная теория истории призывает внимательно относиться к выявленным в процессе исследования аномалиям. «Всякий документ, даже самый аномальный, может быть помещен в некоторую серию. Более того: будучи адекватно проанализирован, он может пролить свет на более широкую серию документов», – утверждает известный итальянский историк Карло Гинзбург². Что мы можем увидеть, проанализировав случай с Мориловым, под указанным углом зрения?

По всем признакам Морилов – потенциальная жертва приказа № 00447, – он не просто служил в белой армии, он был карателем. Однако этот факт никого не заинтересовал, и Морилов остался на свободе. И дело, на наш взгляд, вовсе не в том, что он состоял сексотом – это для ГБ не являлось препятствием для ареста. Дело в том, что с его помощью можно было создавать групповые дела, а следовательно, быстрее выполнять план. О групповых делах и пойдет речь в следующем разделе, но прежде еще одно замечание. На разобранном выше примере мы видим, что агент мог играть в конструировании дела сразу несколько ролей. Во-первых, свою роль источника, во-вторых, роль автора доносов и, в-третьих, открытую

¹ Из показаний очевидцев не совсем ясно, сколько судов над Т.С. Мориловым прошло в то время, 1 или 2.

² Гинзбург К. Вместо заключения. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история: Сборник статей. М.: Новое издательство, 2004. С.299.

роль основного свидетеля. Подобные открытия заставляют более критично относиться к свидетельским показаниям как к источнику информации.

Групповые дела

Приказ № 00447 в Свердловской области был серьезно скорректирован местным руководителем НКВД Д.М. Дмитриевым. От подчиненных требовалось не просто обнаружить и репрессировать врагов, но еще и выявить разветвленную повстанческую организацию.

Не все райотделы сразу смогли включиться в игру. Практиковались аресты одиночек без попыток расширить круг подозреваемых (например, дело Куляшовой). Некоторые пытались найти реальные факты, хотя бы в доносах, существования организаций. 2 августа 1937 г. на имя начальника Добрянского РО НКВД поступила докладная от подчиненного. В нем со ссылкой на парторга Чиркова¹ излагался компромат на бывшего председателя Таборского сельсовета А.Е. Ворошнина и ряд лиц, намеченных для ареста. В конце докладной сотрудник сообщает: «... об организации банды, с кем он хочет действовать, Чирков сказал что он не знает и никому об этом не говорил, что Ворошнин организует какую то банду»².

То ли нквдэшники искренне хотели найти «банду», то ли Чирков не понял, что от него хотят. Так или иначе, необходимого свидетельства они не получили. Следовательно, правда, предпринял еще одну попытку. На допросе уже арестованному Ворошнину был задан вопрос – получал ли он задания от Головина³. Ворошнин ответил отрицательно, и эта тема больше не поднималась.

Аресты по делу Ворошнина шли с 5 августа по 6 сентября 1937 г. За это время добрянские чекисты, видимо, поняли, чего от них ждут наверху и сконструировали «контрреволюционную повстанческую группу церковников» из 10 человек. Все было сделано почти, как надо. Почему «почти»? В деле не была указана связь с

¹ Сообщения деревенских коммунистов и комсомольцев были еще одним, помимо сельсоветов, источником информации для НКВД. Этот вид источника в делах встречается редко.

² Дело А.Е. Ворошнина и других // ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.14346. ЛЛ.77–78.

³ Головин Василий Федорович (1893–1937), председатель Уральского облисполкома.

общеуральской повстанческой организацией. Группа получилась локальной.

Создание именно локальных контрреволюционных групп характерно для начального периода репрессий. Мы обнаружили их при анализе дел, проведенных в Добрянском, Верещагинском, Чердынском, Еловском, Ординском, Осинском и Кунгурском районах. Исключение составляли лишь районы Коми-Пермяцкого округа.

Как формировались локальные группы? Сотрудники НКВД старались выявить связи арестованного или намеченного к аресту. Соответствующие вопросы задавались и свидетелям, и обвиняемым. Секретарь Таборского сельсовета Г.Д. Тарасов, например, на вопрос о его «близких связях» заявил, что по работе и совместной выпивке связан с председателем сельсовета А.Е. Ворошниним. Тема совместного употребления спиртного, вообще, часто встречается в протоколах допросов.

Другие варианты контактов, о которых часто идет речь в делах, – это родственные связи и принадлежность к церковному активу.

Высшим достижением сотрудников прикамских отделов НКВД было превращение связанных между собой граждан в «повстанческие ячейки» и «взводы» большой общеуральской организации. Наибольших успехов в этом направлении достигли работники ГБ Коми-Пермяцкого округа. Они подключали к общеуральской организации как локальные группы, так и отдельных граждан.

Делалось это несколькими путями. Во-первых, в распоряжении ОКРО НКВД находился список Ветошева¹ и «памятная книжка» Вилесова². По версии следствия в этих документах под видом «стахановцев» и «ударников» содержались списки членов повстанческой организации. Списки облегчали работу следователей. Достаточно было обнаружить человека, например, в «памятной книжке» и необходимость в других документах отпадала.

Второй путь подключения обвиняемых к уральской организации – вспомогательный, выписки из допросов уже арестованных и признавшихся людей. Здесь тоже фигурируют списки, правда, не такие бездонные, как у Ветошева и Вилесова. Встречаются здесь и использования «мертвых душ». Выстраивалась цепочка призна-

¹ Отсылка на другой параграф.

² Вилесов И.С. – бывший председатель Юсьвенского РИКа, арестован в феврале 1937 г.

тельных показаний, причем в начале этой цепочки ставилось несуществующее лицо. По крайней мере, в 50-х гг. установить личности признававшихся и место нахождения подлинников допросов сотрудники КГБ не могли¹.

Подведем итоги. Приказ № 00447 указывал на деревню как главное место, где обитают враги советской власти. Несмотря на это, в Прикамье главный удар «кулацкой операции» был нанесен совсем не по сельской местности. Лишь четверть репрессированных в этом регионе граждан являлась деревенскими жителями. При этом самой пострадавшей подгруппой были колхозники, а если смотреть по национальной принадлежности, то русские, коми-пермяки (22,3 % репрессированных!), татары и башкиры.

С точки зрения приказа № 00447 прежде всего арестовывать следовало «бывших». Однако их поведение далеко не всегда давало повод для ареста и тем более жестокого наказания. К тому же количества этих «бывших» не хватало для выполнения плана арестов. Первая проблема снималась относительно легко – материалы следствия подгонялись под обвинение, невзирая на нестыковки. Вторую решить было невозможно, и работники ГБ начали арестовывать людей, принадлежавших к категориям, не указанным в приказе, т.е. рядовых колхозников вместе с начальством – с председателями, бригадирами, членами правлений и т.п. Судя по показаниям свидетелей 1950-х гг., среди них нередко встречались люди, лояльные к власти, и ценные работники.

Известный американский историк Шейла Фицпатрик в своей работе «Сталинские крестьяне» описывает региональные судебные процессы 1937 г. над районным начальством. Особенность этих процессов заключалась, помимо прочего, в том, что простые колхозники на них могли свободно критиковать бывшее руководство, припоминая им все обиды последних лет. Ни до, ни после этого «сталинские крестьяне» подобной свободы не имели. Для обозначения этой уникальной ситуации Ш. Фицпатрик использовала образ карнавала – праздника, на котором на время люди играют не свойственные им роли, когда многое позволено².

¹ См. например Пономарев М.В. и другие // ГОПАПО.Ф.641/1.Оп.1. Д.9926. Л.113–114.

² Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 347.

На наш взгляд, перечень социальных персонажей, участвующих в этом «празднике», можно расширить. В 1937–1938 гг. участниками кровавого карнавала становились и следователи НКВД. Они вдруг очутились в *особой ситуации*, когда совсем не обязательными стали следственные процедуры и выполнение закона. Стало возможным арестовать «бывшего» за то, что он «бывший», или подозрительного или вообще случайно подвернувшегося человека. Для статистики.

Подавляющее большинство репрессированных сельских жителей было арестовано и осуждено в течение четырех месяцев: августа – ноября 1937 года. Трудно с точностью установить причины резкого снижения количества арестов в сельском Прикамье. С одной стороны, возможно, сыграл свою роль климатический фактор. «Изъятия» деревенских жителей в зимних условиях не позволяли поддерживать необходимый темп выполнения и перевыполнения плана, которого требовали сверху. Гораздо рациональнее было производить массовые аресты в больших городах, вроде Кизела или Перми.

Основаниями для «изъятий» были агентурные донесения и показания свидетелей, датированные иногда 1935–1936 гг. Чаще всего арестованные обвинялись в антисоветской агитации и контрреволюционном повстанчестве, что влекло за собой расстрел (чаще всего) или 10 лет лагерей, т.е. максимальные из предусмотренных наказаний.

Большинство репрессированных сельских жителей обвинялись в том, что были участниками повстанческих объединений. Конструирование этих объединений следователи проводили на основе выявленных дружеских, официальных, родственных и религиозных связей арестованных. По требованию свердловского начальства обвиняемых включали в состав большой общеуральской повстанческой организации, однако не во всех районах следователи сразу начали выполнять это «пожелание». Зачастую придуманные группы имели локальный характер, т.е. их деятельность не распространялась за пределы места проживания арестованных.

А.Н. КАБАЦКОВ

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ РАБОЧИХ ПРИКАМЬЯ В 1937–1938 ГГ. ПО ПРИКАЗУ № 00447

Оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел Союза С.С.Р. № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» предписывал местным органам НКВД развернуть широкомасштабные аресты внутренних врагов, которые согласно материалам следствия по антисоветским формированиям в больших количествах затаились в сельских районах страны: «В деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмезков, дашнаков, мусаватистов, итихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т.п.»¹.

Рабочие в этом приказе не упоминаются. В тексте встречается лишь невнятное упоминание о враждебных элементах, скрывающихся в городах и организовывающих диверсии на заводах: «Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и строительство <...>. Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности»².

¹ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза С.С.Р. № 00447 // Книга памяти жертв политических репрессий. – Ульяновск, 1996. Т.1. С. 766.

² Там же.

Тем не менее можно увидеть, что в приказе подробно перечисляются «контингенты, подлежащие репрессии». Среди них сразу можно обнаружить кулаков – старых и затаившихся классовых противников новой власти, трудпоселенцев не оставивших мысли о вредительстве, прочих социально опасных элементов состоящих в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, членов антисоветских партий и даже уголовников, которые таким соседством превращаются в классовых врагов советской власти.

Получалось, что перечень врагов советской власти, в 1935–36 гг. обычно определявшихся через номинации, соотносимые с историей революционной или партийной борьбы, както: «белогвардейцы», «троцкисты», «зиновьевцы» и т.п., в рамках настоящего приказа был артикулирован иначе.

На основании текста приказа можно указать на определенную преемственность планировавшейся кампании с «кулацкой операцией», проводившейся органами ОГПУ в 1929–30 гг. Общего действительно было немало, например, разбивка разоблаченных врагов на категории и введение упрощенной процедуры судопроизводства в виде «троек» при УНКВД.

Кампанию предполагалось не затягивать и провести в четырехмесячный срок, начиная с 5 августа 1937 г.

Кампании существенно различались способом реализации установок, полученных от столичного руководства. В 1929–30 гг. массовая борьба с «кулаками» проходила вне городов и не коснулась рабочего класса. Согласно тексту приказа следовало ожидать чего-то подобного и в этот раз. Реальность оказалась совсем иной.

Из 7959 человек, репрессированных в ходе кулацкой операции, о которых есть сведения в базе данных Государственного общественно-политического архива Пермской области (ГОПАПО), почти половина – 44,8 % (3565 человек) по роду своей деятельности являются рабочими. Род занятий еще около 300 человек мы бы определили так: скорее рабочий, чем крестьянин¹.

¹ В ходе исследования была использована база данных на репрессированных в Прикамье в 1937–38 гг. Она была составлена работниками Государственного общественно-политического архива Пермской области (ГОПАПО) и включает в себя следующие сведения: фамилию, национальность, социальное положение арестованного, его профессию и место работы, место проживания до ареста, дату ареста и осуждения, обвинения при аресте и при осуждении, кем арестован и кем осужден, а также приговор и информацию о прекращении дела. Данные были обработаны при помощи программы SPSS.

Рассогласованность практики репрессий с текстом инициировавшего их документа заставляет обратить пристальное внимание на внутренние механизмы развертывания кампании, методы следствия и их эволюцию.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящий текст посвящен анализу репрессий, проводимых в 1937–1938 гг. на основании приказа № 00447 в отношении рабочих. Исследование опирается на статистические и историко-архивные методы обработки данных, полученных в результате изучения архивно-следственных дел, находящихся на хранении в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области (ГОПАПО).

На основании статистической обработки доступного массива данных о репрессиях были выделены этапы их развития, определены территориальные анклавы, подвергшиеся наибольшей и наименьшей чистке. В результате из общего массива архивных документов о репрессированных рабочих было отобрано пятьдесят дел, пропорционально представляющих временные этапы этой операции. Территориальная выборка просмотренных дел соответствует главным очагам арестов рабочих в 1937–38 гг.

В одном деле часто объединены материалы следствия на 5–10 человек, оформленных в ходе операции как «повстанческое отделение». В делах, состоящих из 3–4 томов, представлены следственные документы в отношении несколько десятков человек. В большинстве случаев повстанческие группы рабочих относительно однородны, т.к. формировались они из работников одного предприятия или жителей определенного поселка. Но точно так же причиной объединения в группу могла стать и дата ареста или допроса, или, например, содержание арестованных в одной камере. Технологии формирования контрреволюционных организаций, использовавшиеся работниками НКВД, были незамысловаты. В этом случае в одну повстанческую ячейку могли войти люди самых разных профессий и социальных статусов.

В материалах одного из следственных дел мы обнаруживаем повстанческий взвод из 9 человек. Он привлекает внимание своей

социальной разношерстностью. Сложно определить сразу, что заставило следователя сформировать из них повстанческую группу.

– Филимонов Георгий Александрович – агроном из служащих, работал учителем черчения и рисования в средних школах № 2,3 и 5 г. Соликамска. Арестован 29.10.37;

– Юркин Дмитрий Тимофеевич – конюх на опытном поле Соликамского 1-го калийного рудника, в 1929 г. на 8 лет осужден по 58-10. Арестован 27.10.37.

– Утробин Григорий Семенович – сторож при Соликамском совхозе, осужден в 1929 г. по 58-10-11 на 8 лет Коллегией ОГПУ Свердловской области.

– Галкин Василий Михайлович – плотник Соликамского сельхозкомбината, из крестьян. С февраля по июль 1919 г. служил в белой армии Колчака рядовым добровольцем. В 1931 г. был судим по ст. 79. за невыполнение государственных заданий и приговорен к 2 годам лишения свободы. Арестован 27.10.37.

– Евдокимов Иван Иванович – рядовой пожарник пожарной охраны Соликамского совхоза. Из крестьян. В бланке арестованного отмечено, что служил в белой армии Колчака рядовым в 1919 г. Арестован 27.10.37

– Галкин Александр Михайлович – разнорабочий на Соликамской сельско-хозяйственной опытной станции. По социальному происхождению – из крестьян-кулаков. В анкете арестованного отмечено, что с марта по июль 1919 г. служил в белой армии Колчака рядовым добровольцем. В 1933 г. судим по закону от 7 августа. 10 лет, отбыл 6 месяцев. Арестован 27.10.37.

– Сидоров Степан Иванович – чернорабочий Калийного комбината. Из крестьян. Отмечено, что служил в царской армии. В Красной Армии с 1920 по 1921 г. Арестован 27.10.37.

– Скупченко Василий Иванович – трудпоселенец, электромоторист Соликамского совхоза. В анкете арестованного написано, что в 1930 г. раскулачивался. Арестован 27.10.37.

– Юркин Иван Иванович – чернорабочий, сторож при сельхозкомбинате Соликамского калийного рудника. В анкете в графе социальное происхождение отмечено, что он из кулаков, а затем указано в 1919 году по мобилизации служил в белой армии рядовым. Арестован 27.10.37.¹

¹ См.: Архивно-следственное дело по обвинению Филимонова Георгия Александровича и др., всего 9 чел.//ГОПАПО Ф. 641/1 Оп.1 Д.12428

Перед нами образец произвольной амальгамы, когда в диверсионную группу сведены люди совершенно чуждые друг другу, иллюстрирующий реальное отношение следователей НКВД к социальным статусам и характеристикам арестованных. Они попросту игнорировались. Для следователя социальные достижения и жизненные коллизии арестованных были набором деталей, используемых в конструировании обвинения в диверсионной деятельности, участии в повстанческой контрреволюционной организации, шпионаже, на крайний случай – антисоветской агитации.

Приведенный список из девяти человек, скорее всего, был объединен в повстанческий взвод совершенно случайно. Их совместное присутствие в тюрьме Соликамского РО УНКВД после 27 октября 1937 г. (общей для всех даты ареста) стало достаточным основанием для фальсификации допросов и создания единого обвинительного заключения.

Аресты рабочих производились в больших масштабах. Поэтому обычно следователю не составляло особого труда объединить в отделение или повстанческий взвод арестованных на одной шахте, или на заводе. Несложно было сконструировать антисоветскую организацию и из жителей трудпоселка, которых следователь «разоблачал» как затаившихся врагов советской власти.

Спустя десятилетия, на допросе 25 мая 1955 г. бывший оперуполномоченный Ворошиловского РО НКВД Г.Н. Гаврилов рассказывал о методах формирования такой группы: «Из числа арестованных следователь выбирал более грамотных лиц, с учетом их социального происхождения, занимаемой должности и искусственно вокруг этих лиц создавал контрреволюционные диверсионно-повстанческие организации, делая наиболее грамотных резидентами (иностранных государств. – *А.К.*), путем составления фиктивных протоколов допроса»¹.

В результате такой фальсификации, в обвинительном заключении Г.С. Филимонова уже называют главой контрреволюционно-повстанческого отделения и «бывшим белым офицером-поручиком»². Таким своеобразным способом выполнялась установка на раскрытие

¹ См.: Протокол допроса Гаврилова Г.Н. // ГОПАПО Ф. 641/1 Оп. 1. Д 12141. Л.64.

² Обвинительное заключение. // ГОПАПО Ф. 641/1 Оп.1 Д.12428. Л.86.

повстанческой сети, которая по замыслу ее создателей – Дмитриева, Дашевского и Кричмана, должна была охватывать весь Урал. А чин белогвардейского офицера-поручика, присвоенный главарию повстанческой группы в последний момент, стал декоративной деталью, украшающей результат работы местных органов НКВД.

В связи с невозможностью установить какие-либо рамки следовательского произвола вряд ли стоит особенно доверять данным, внесенным в *Анкету* или *Протокол* допроса арестованного. Они заполнялись так, как было необходимо для раскрытия враждебного заговора и контрреволюционных действий арестованных.

Массовость арестов заставляла следователей работать на пределе сил. Тот же Г.Н. Гаврилов сообщал, что людей для ведения следствия не хватало. Проблему нехватки кадров решили просто – к работе привлекались «...работники милиции и пожарной охраны и военнослужащие строевых частей НКВД»¹. Отсутствие опыта у таких следователей сказывалось на качестве оформления документов. В делах заметны рассогласованность даты ареста и допроса, отсутствие некоторых бумаг и т.п.

В целом, можно сказать, что основными документами следственного дела были: постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения (или два постановления: об избрании меры пресечения и о привлечении к следствию в качестве обвиняемого); ордер на производство обыска и ареста граждан; протокол обыска; опись имущества арестованного; паспорт и другие удостоверения личности, а также фотокарточки, изъятые при обыске; анкета арестованного; его заявление о желании дать признательные показания; протокол допроса арестованного; протоколы допроса (или выписки из них) лиц, упоминавших подследственного в своих показаниях; протоколы очных ставок; обвинительное заключение; выписка из протокола заседания тройки при УНКВД Свердловской области. Иногда в деле встречались меморандумы секретных сотрудников НКВД, сообщающих своему куратору о настроениях среди рабочих или об антисоветских высказываниях отдельных лиц. Не всегда это касалось подследственных. Позже следственное дело пополнялось документами, свидетельствующими о дальнейшей

¹ См.: Протокол допроса Гаврилова Г.Н. // ГОПАПО Ф. 641/1 Оп. 1. Д. 12141. Л.63.

судьбе осужденного Тройкой – среди них переписка родственников с органами НКВД (МГБ), документы о реабилитации, справки об арестованном, направленные администрацией ИТЛ по запросу органов НКВД и т.п.

Дело, касающееся большой группы арестованных, может содержать протоколы допроса арестованных в 1938–40 гг. работников НКВД. Иногда их заменяет выписка, обычно составленная сотрудником КГБ СССР в 1955–57 гг. по материалам протоколов допросов. В этих документах бывшие сотрудники НКВД, оправдываясь, рассказывали о методах ведения следствия и технологиях получения признательных показаний. Справки так же, как и протоколы допроса бывших работников НКВД были выдержаны в разоблачительном стиле и характеризовали следствие 1937–38 гг. как основанное на фальсификациях и принуждении.

Можно отметить следующую зависимость – чем больше группа арестованных рабочих, оформленная как подразделение повстанческой организации, тем больше документов самого разного свойства хранится в деле, которое может насчитывать несколько томов. В одиночных следственных делах документов немного.

Наиболее полный набор документов, оформлявшихся при аресте, содержится в делах августа 1937 г., а затем декабря 1937 г. и января 1938 г., когда органы НКВД стали массово арестовывать инобазу, то есть действующих, но, главным образом, потенциальных диверсантов, шпионов, разведчиков сопредельных государств. Отметим, что в ноябре 1937 г. в делах появляется масса написанных от руки личных заявлений арестованных на имя следователя с выражением желания дать признательные показания о контрреволюционной деятельности. Такое заявление имело стереотипную форму, оно в обязательном порядке содержало информацию о повстанческой организации: фамилию ее руководителя, вовлекшего заявителя в антисоветскую деятельность, и список остальных членов контрреволюционной группы. В это же время протоколы допросов начинают оформляться в виде машинописного текста, в котором могла быть, а могла и отсутствовать личная подпись арестованного.

В конечном счете, работа с материалами ГОПАПО позволила автору просмотреть следственные дела, содержащие информацию о репрессировании более 400 человек из различных районов Пермского

края. Отметим, что в 1937–38 гг. Пермский край был составной частью Свердловской области, поэтому местные районные и городские отделы НКВД согласно установленной иерархии подчинялись Управлению НКВД по Свердловской области.

Особый комплекс информации о разворачивании операции против рабочих был получен в результате статистической обработки массива данных о репрессированных жителях Прикамья. Из него следует, что тройкой при УНКВД Свердловской области за период проведения массовой операции по приказу № 00447 было репрессировано 7959 человек. Здесь нужно подчеркнуть, что данная цифра не может считаться окончательной, т.к. для некоторых репрессированных не указан судебный орган, вынесший приговор, что не позволяло учитывать это лицо среди отобранного массива. Возникали сложности при детальной обработке представленной в базе информации, т.к. не у всех арестованных были заполнены графы, касающиеся места работы или профессии. Также встречалось дублирование сведений, когда один человек упоминался дважды. Выделение среди этого массива тех, кого можно было считать рабочим, также наталкивалось на ряд трудностей. Главной из них была двойственность статуса ряда людей, занятых профессиональной деятельностью рабочих, но в графе социальное положение записанных крестьянами. Те из них, кто работал в МТС или на заготовке леса, определялись как рабочие, те же, кто считался колхозником или не имел сведений о месте трудоустройства, были все же отделены от основного массива рабочих. Таковых оказалось около 300 человек.

Собственно рабочих Прикамья, прошедших через «тройку» при УНКВД Свердловской области, оказалось 3565 человек, что составило 44,8 % от общего числа репрессированных в 1937–38 гг., о которых доступны сведения в указанной базе данных.

Детальный анализ данных информационной базы по репрессированным рабочим позволил определить их состав, а также ритм проводимых арестов, то есть качественные и количественные параметры репрессий в рабочей среде.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС «РАБОЧЕГО» И «ТРУДПОСЕЛЕНЦА» В 1937 ГОДУ

Прежде чем обратиться к статистическим или архивным данным о репрессиях, необходимо решить вопрос, связанный с определением реального социального и правового статуса рабочего и трудпоселенца.

Рабочие, в отличие от крестьян, в сталинскую эпоху считались основной опорой партии и советской власти. В сводках и отчетах органов НКВД социальная категория «крестьяне» заменялась идеологизированными ярлыками: «колхозник», «сын кулака», «подкулачник», «твердозаданец», «кулак» и т.п. Но эти же термины могли быть применены по отношению к рабочим, так как многие из них были выходцами из деревни. Многие из вчерашних крестьян, ставших рабочими, сделали это отнюдь не добровольно. Они были насильственно высланы и прикреплены к заводу в ходе массовой кампании по раскулачиванию 1929–30-х гг. Следователи на допросе и в формулировках обвинения часто акцентировали это «кулацкое» прошлое. Может даже сложиться впечатление, что статус «трудпоселенца» обладал особым значением, и органы НКВД арестовывали «трудпоселенцев» не как рабочих, а именно как бывших кулаков. Эта интерпретация в целом согласуется с буквой и духом приказа № 00447.

Постановлением ЦИК СССР от 25 января 1935 г. трудпоселенцы были восстановлены в ряде прав наравне с другими гражданами СССР. Происходило постепенное стирание границы между вольнонаемными и прикрепленными работниками промышленных предприятий и трудпоселков. В материалах следственных дел иногда хранятся паспорта, выданные бывшим трудпоселенцам.

Отечественный исследователь истории кулацкой ссылки В. Земсков описывает ситуацию накануне массовых арестов 1937 г. следующим образом: «В соответствии со статьей 135 принятой 5 декабря 1936 г. Конституции СССР трудпоселенцы были объявлены полноправными гражданами. На рубеже 1936/37 гг. в трудпоселках царил эмоциональный подъем; многие надеялись, что им скоро разрешат вернуться в родные села и деревни. Вскоре наступило разочарование. Трудпоселенцам внушали, что хотя они и имеют теперь статус полноправных граждан, но ... без права покинуть установленное место жительства. Это обстоятельство делало «полноправие»

трудпоселенцев декларативным. В августе 1937 г. начальник ГУЛАГа Плинер писал Н.И. Ежову в докладной записке: «За последние три-четыре месяца усилилась подача жалоб трудпоселенцами в центральные и местные правительственные учреждения, в которых они жалуются на то, что, несмотря на принятие новой Конституции, в их правовом положении не произошло никаких изменений»¹.

Двойственность правового статуса трудпоселенца сохранялась еще долго. В этой связи примечательна ситуация второй половины 1938 г. Массовые операции были фактически закончены. В отношении ряда лиц, оставшихся в тюрьмах или под следствием и еще не прошедших по каким-либо причинам через «тройку», проводились мероприятия по доследованию их «враждебной» деятельности. В сохранившихся протоколах допроса августа-октября 1938 г. часто заметно стремление следователя выяснить только один факт биографии подследственного – действительно ли обвиняемый был выслан в 1929–33 гг., т.е. не был ли он ранее трудпоселенцем. Получив от арестованного это признание, новый следователь добавлял к ранее оформленному обвинительному заключению справку, в которой квалифицировал подследственного как «социально опасный элемент». Именно эта дополнительная справка становилась основанием для рассмотрения дела арестованного «тройкой». Обычно в отношении таких рабочих, признанных следствием «социально опасными», выносился нетипичный для активной фазы массовых репрессий 1937–38 гг. приговор – 5 лет работ в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ).

Можно утверждать, что во второй половине 1937 г. и в начале 1938 г. сам по себе статус раскулаченного считался достаточным основанием для обвинительного заключения². Действует нехитрая логика: трудпоселенец, значит, кулак. А если кулак, то враг народа, контра, не разоблаченная.

¹ См.: Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С.3–21

² В некоторых протоколах августа-сентября 1937 г. допроса статус кулака многое значит. Первые вопросы следователь задает свидетелям о социальном происхождении лица, на которого они дают показания. После выяснения его кулацкого прошлого следует сразу переход к антисоветской агитации и контрреволюционной деятельности. В обвинительном заключении термин «кулак» используется в общем ряду обвинений. См.: Дело по обвинению Шистерова Деомиды Александровича// ГОПАПО Ф. 643/2 Оп.1 Д.27179.

В обвинительных документах ссылки на кулацкое или трудпоселенческое прошлое обычно дополняются указаниями на конкретную деятельность обвиняемого против партии и советской власти¹.

В совокупности же крестьянское происхождение и обвинения в антисоветской деятельности усиливали друг друга и становились очевидным материалом для обвинения и приговора. В этом контексте термины «кулак», «из кулаков», «сын кулака» становились клише отчетных сводок, а в деле упоминались как один из видовых признаков врага народа².

Отметим, что среди репрессированных встречаются рабочие – выходцы из бедняков, из бедного крестьянства и даже из рабочей среды. Один из таких потомственных рабочих Павел Иванович Лукиных, 1892 года рождения был арестован 6 августа 1937 года. До ареста работал машинистом паровоза станции Водораздельная железной дороги им. Л.М. Кагановича. Во всех документах следственного дела проходит рабочим и по социальному положению из рабочих. Причем как в анкете арестованного, так и в протоколе допроса для обозначения социального положения выделяются две графы – до революции и после революции. И в той, и в другой Лукиных определен рабочим³. Тем не менее его арестовывают в самом начале «кулацкой операции» (следовательно, он был включен в список на арест месяцем ранее) и обвиняют в диверсионной деятельности, за что и приговаривают к ВМН⁴. Возможно причина его включения в список на первоначальные аресты в том, что он

¹ Что и происходило в ходе репрессий. См. Выписки из протоколов заседаний тройки при УНКВД Свердловской области. – ГОПАПО Ф. 641/1 Оп. 1. Д. 11641. Л.107-112.

² В материалах следственного дела № 20651 по обвинению Ремянникова Д.Я., Куталова Н.В. и др. кулацкое происхождение обвиняемых актуализируется только в справке, представленной «тройке» для вынесения приговора. В самих материалах этому внимание не уделяется. См. ГОПАПО Ф. 641/1 Оп. 1. Д. 11641.

³ См.: Анкета арестованного //ГОПАПО. Ф.543/2. Оп.1. Д.26824. Л.4.; Протокол допроса Лукиных П.И. // ГОПАПО. Ф.543/2. Оп.1. Д.26824. Л.6

⁴ За месяц до 5 августа, местный райотделы НКВД должны были составить списки на аресты. Эти списки отсылались в Свердловское управление НКВД, а оттуда возвращались с карандашной пометкой напротив фамилий. Таким образом распределялось, кто из будущих арестованных должен быть отнесен к 1-й категории и, значит, арестован сразу после приказа и «выведен» на ВМН, а кто к 2-й категории, что означало 10 лет ссылки.

числился среди исключенных из партии в 1933 г. как бывший белогвардеец. В протоколе допроса именно это вопрос записан первым: «В какое время вы ушли в гражданскую войну к белым». А в анкете в графе «Служба в белых и др. к.-р. армиях, участие в бандах и восстаниях против Соввласти» содержится запись, что он в 1919 г. был добровольцем и рядовым.

Можно было бы считать, что социальный статус рабочего у П.И. Лукиных отступал на второй план относительно его белогвардейского прошлого, тем более, что таких случаев было немало. Но арест людей, которые, как и Степан Иванович Сидоров, бывший чернорабочий Калийного комбината, происходили из крестьян и не являвшихся ни трудпоселенцем, ни кулаком, ни белогвардейцем, а наоборот, служивших в Красной Армии с 1920 по 1921 г., показывает, что социальные маркеры «кулак» или «белогвардеец», впрочем, как и все остальные идеологические штампы, не более чем внешняя атрибутика хаотического потока массовых репрессий. Упомянутый С.И. Сидоров оказался в списке контрреволюционно-повстанческого отделения, которое «входило в состав контрреволюционного повстанческого взвода Соликамского Сельхозкомбината, возглавляемого таким же сконструированным «белым офицером-поручиком» Г.А. Филимоновым, не потому, что он был в чем-то виновен или имел в прошлом грехи. Как раз этого следователю, судя по материалам дела, обнаружить не удалось. Сидоров просто работал на предприятии, где сотрудники местного РО УНКВД по Свердловской области в это время проводили массовые аресты. Именно поэтому он был приговорен к расстрелу как член ликвидированной повстанческой организации¹.

В этом отношении показательна ситуация обратной перемаркировки бывшего кулака в рабочего, которая превратила мало-заметного неграмотного ассенизатора в злостного вредителя на большом предприятии. Аюпов Идрис был взят органами НКВД, скорее всего, в декабре 1937 г., но оформлен в качестве арестованного 8 января 1938 г., в день, когда был зафиксирован его первый

¹ См.: Анкета арестованного 27.10.1937 г. Сидорова Степана Ивановича// ГОПАПО Ф. 641/1 Оп.1 Д.12428 С.25.; Обвинительное заключение. // ГОПАПО Ф. 641/1 Оп.1 Д.12428. Л.86.

допрос.¹ В анкете он определен как бывший кулак, который до ареста работал электромонтером на Бумкомбинате. В протоколе допроса лишь один вопрос и один признательный ответ:

«Вопрос: Вы арестованы как участник Диверсионно-Повстанческой организации. Признаете Вы себя в этом виновным?

Ответ: Да признаю. Ибо я, будучи завербован в 1936 году агентом Японской разведки Абатуровым Галлеем и по его заданию в июле м-це 1937 года вывел из строя три машины Эл. Мотора в цехе № 10 Бумкомбината путем заброски в него металлических стружек (?). Работал я в то время в цехе № 10 в качестве Эл. монтера»². Больше в протоколе допроса ничего нет. Тем не менее это признательное показание позволяет следователю завершить следствие, о чем и объявляется И. Аюпову 7 февраля 1938 г.³

Далее, спустя десять месяцев, на очередном допросе, который проводился 12 октября 1938 г., выясняется, что Аюпов Идрис – является малограмотным, по-русски читает с трудом и на январском допросе лишь говорил следователю, что хорошо относится к советской власти, о чем, как ему казалось, и был составлен протокол. Но важнее всего, что И. Аюпов никогда не был электромонтером на Краснокамском бумкомбинате, а являлся ассенизатором на собственной лошади⁴. Таким образом, статус профессионального рабочего в анкете Аюпова, как и все остальные показания, были сфабрикованы следователем.

Такие «ошибки» не были единичным случаем. Масштабы фальсификации были выявлены еще в 1938 г., когда последовала волна арестов следователей, осуществлявших до этого репрессии: «Произведенным расследованием по делу было установлено, что сотрудниками Пермского горотдела НКВД Былкиным, Королевым

¹ То, что дата ареста не совпадает с датой в имеющихся следственных документах, – предположение автора, основывающееся на несовпадении дат «Постановления на арест», которое числится от 9 января 1938 года, и протокола допроса, который, как и анкета арестованного, оформлен от 8 января 1938 года, т.е. получается очевидное нарушение временного порядка. Скорее всего, все эти документы были оформлены в тот момент, когда арестованного вызвали на допрос к следователю, тем более что далее из материалов следствия становится очевидным полная фальсификация дела.

² Протокол допроса Аюпова Идриса от 8.01.1938 г.// ГОПАПО Ф. 641/1 Оп.1 Д.14871. Л.5.

³ Архивно-следственное дело Аюпова Идриса// ГОПАПО Ф. 641/1 Оп.1 Д.14871. Л.7.

⁴ Протокол допроса Аюпова Идриса от 12.10.1938 г.// ГОПАПО Ф. 641/1 Оп.1 Д.14871. Л.10.

и др. в 1937–1938 г.г. производились массовые аресты граждан в большинстве случаев без наличия на них компрометирующих материалов, а следствие по таким делам арестованных велось в направлении создания искусственных шпионско-диверсионных и повстанческих организаций, которых в действительности не было»¹.

Заметим, что статус трудпоселенца, актуализированный в ходе кампании, зачастую расходился с социально-правовым положением этих людей. Независимо от того, кем они были до прихода на завод, в 1937 г. они уже были настоящими рабочими с пятилетним или шестилетним стажем. В бригадах и на участках они работали вместе с кадровыми и вольнонаемными рабочими.

Трудпоселенцы к 1937 г. стали частью рабочего класса и по образу жизни, и по кругу общения, и по своему социально-экономическому положению.

ДИНАМИКА АРЕСТОВ РАБОЧИХ В 1937–38 ГГ.

В оперативном приказе размыто и неопределенно был указан контингент, подлежащий внесудебной репрессии. Обобщенные данные о динамике ареста рабочих по отношению к общему массиву репрессированных согласно приказу № 00447 приведены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Динамика репрессий рабочих по приказу № 00447

Месяц	Кол-во арестованных рабочих (чел.)	% от общего количества рабочих	% от общего количества арестованных в указанный месяц	Общее кол-во арестованных (чел.)
1	2	3	4	5
Авг. 37	709	19,9	34,4	2062
Сен. 37	176	4,9	25,4	694
Окт. 37	608	17,1	30,1	1969
Ноя. 37	126	3,5	33,8	372
Дек. 37	981	27,5	72,4	1355

¹ Справка по архивно-следственному делу № 796219 по обвинению Былкина В.И., Королева М.П. и др. в количестве 16 человек //Дело Овчинникова Д.И. – ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11957.

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Янв. 38	681	19,1	79,6	855
Фев. 38	251	7,1	49,1	511
Мар. 38	25	0,7	21,9	114
Апр. 38	5	0,1	31,2	16
Др.мес. 38 г.	3	0,1	27,3	11
Всего	3565	100 %		7959

Из данных табл. 1 видно, что общая кампания репрессий соблюдала двухшаговый ритм: один месяц арестовывали – следующий месяц оформляли дела. Поэтому число арестованных в августе больше, чем число арестованных в сентябре, число арестованных в октябре больше, чем в последующий месяц, да и в декабре 1937 г. все равно было больше арестованных, чем в следующем за ним январе 1938 г. В феврале–марте та же картина, хотя по абсолютным цифрам видно, что кампания с осени 1937 г. пошла на спад. Причем каждый из пиков ареста имеет свое объяснение. В августе арестовывали тех, на кого подготовили списки еще в июле 1937 г., и кто в них был обозначен подлежащим аресту по первой категории, что фактически предопределяло самый суровый приговор – ВМН.

На первый взгляд, этот же ритм характерен для разворачивающейся кампании против рабочих. Август–октябрь–декабрь–февраль сохраняют преимущество в числе арестованных по отношению к следующему месяцу. Совпадение в ритме арестов рабочих и других граждан органами НКВД означает, что арест рабочих не был случайным явлением с самого начала, а для работников районных и городских отделов НКВД являлся естественным действием, направленным на выполнение распоряжений вышестоящего начальства. В то же время привлекает внимание расхождение относительно удельной доли арестованных рабочих по отношению к общему массиву арестованных в текущем месяце, в самом начале операции и в декабре 1937 – январе 1938 г.

До ноября 1937 г. число арестов рабочих колеблется от четверти до трети всех арестованных. Именно этот период в основном совпадает с арестами по спискам, составленным в июле 1937 г.

В конце 1937 г., когда согласно первоначальному плану операция уже должна была завершиться, она была продлена при помощи дополнительных приказов и сделан идеологический акцент на «изъятии инобазы», т.е. шпионов иностранных разведок¹. Необходимость быстро выполнять новые планы по «разоблачению врагов» проявилась в увеличении доли рабочих в общем контингенте репрессированных.

Местные оперуполномоченные НКВД смогли выполнять новые планы по аресту только за счет рабочих, поэтому доля последних в декабре–январе 1937–38 гг. составляет более 70 % от общего числа арестованных. В декабре можно зафиксировать пик репрессий против рабочих – почти тысяча человек, более четверти всех арестованных в этой социальной группе за всю операцию. Отметим, что в этот месяц 53 % прошедших через «тройку» рабочих было осуждено за шпионаж. В январе 1938 г. резкого спада арестов в производственной среде не произошло, хотя их на треть меньше, чем в декабре, но рабочих все же арестовано больше, чем в октябре, и их продолжают осуждать за шпионаж. Так как все, кого легко было «провести» по этой статье, в основной своей массе были «оформлены» месяцем ранее, то здесь более популярны относительно «легкие» статьи – антисоветская или контрреволюционная агитация, недонесение и прочее².

С февраля 1938 г. начинается постепенное затухание операции.

¹ Для районных следователей НКВД не было особой разницы, кого арестовывать и за что арестовывать. В декабре–январе 1937–38 гг. дела по разоблачению шпионов тесно переплетаются с разоблачением диверсионной деятельности арестованных. В любом случае «разоблаченных врагов» старались включить в состав контрреволюционной повстанческой организации.

² По данным архивно-следственных дел, на основании того, как были оформлены дела, можно предполагать, что в действительности часть людей, арестованных в декабре, была оформлена только в январе, т.к. органы НКВД не справлялись с потоком арестованных, не успевали заводить на них формуляры и т.п. Поэтому реальная цифра фактических арестов в декабре вполне может быть выше расчетной, а январские аресты могут все же вписаться в общий ритм спада активности на следующий месяц после пика.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ РАБОЧИХ

Прикамье в 30-х гг. XX века было регионом, в котором интенсивно развивалась промышленность. Велось строительство крупных заводов в г. Перми и в ряде городов области. Отличительной чертой региона было интенсивное развитие сырьевой базы. В те годы основным источником топлива был уголь. Прикамье было крупным его добытчиком. От угля Кизеловского бассейна зависела работа промышленности как в области, так и за ее пределами.

Продолжал работу построенный еще до революции Чусовской металлургический завод, строилось несколько крупных предприятий в г. Перми, среди них завод № 119 будущий завод им. Сталина (сейчас это группа предприятий «Пермские моторы»), химическая промышленность начинала определять образ Березников, также велась стройка больших комбинатов по обработке древесины в городах Соликамске и Краснокамске. В лесной промышленности не было крупных концентрированных рабочих поселений, подобных упомянутым промышленным центрам, но тем не менее она также была очень развитой отраслью в Прикамье, т.к. обеспечивала разворачивающиеся стройки региона и другие области деревоматериалами.

Именно по этим территориям и был нанесен основной удар репрессий.

Основная масса арестованных рабочих была из шести районов Прикамья: г. Пермь (8,4 % от всех арестованных); Кизеловский район (29,1 %); Ворошиловский район (8,4 %); Краснокамский район с небольшим г. Краснокамском (7,7 %); Чердынский район с г. Чердынь (9,1 %); и Чусовской район с г. Чусовым (14,3 %), т.е. 77 % репрессированных рабочих было из шести районов, а всего районов было более пятидесяти. В целом здесь довольно высокая корреляция с тем территориальным распределением промышленного производства, которое имеет современное Прикамье. Это указывает на некую пропорциональность числа арестованных рабочих социальному составу региона. Не имея точных данных о социальной структуре населения Прикамья в 1930-х гг., мы не можем сделать более определенных выводов о связи арестов и того контингента населения, который был в районах.

Полученные после статистической обработки данные позволяют посмотреть на общую отраслевую дифференциацию рабочих подвергшихся репрессиям (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Сводная таблица по отраслям народного хозяйства,
в которых работали репрессированные рабочие**

	Число арестованных (чел.)	В % от общей массы арестованных рабочих
Тяжелая промышленность	1787	50,3
Легкая промышленность	37	1,0
Местная промышленность (артели и пр.)	252	7,1
Лесная промышленность и сельское хозяйство	1050	29,5
Транспорт и строительство	337	9,5
Сфера услуг	67	1,9
Другие, и с неустановленным местом работы	23	0,7

Из данных табл. 2 видно, что половина репрессированных рабочих работала в тяжелой промышленности. Еще почти треть была занята в лесной промышленности или обслуживала сельское хозяйство. В последнем случае чаще всего это были МТС, которые располагали техническим парком для сельского хозяйства.

Интересны цифры, касающиеся местной промышленности и промартелей. Если вернуться к идеологическому контексту приказа № 00447, то кажется очевидным, что именно против кустарей должно было быть направлено острие репрессий. Этого не произошло. Если проанализировать зависимости ареста рабочих из местной/артельной отрасли промышленности от их территориального распределения, то в числе лидеров будут те же самые регионы, что и в целом среди рабочих: г. Пермь (15,9 % от всей совокупности рабочих артельных и местной промышленности), Ворошиловский район (9,5 %), Кизеловский район (11,5 %), Чердынский район (9,5 %), Чусовской район (9,9 %).

Иными словами, для тех, кто осуществлял арест, политической разницы между работником большого государственного предприятия и мелкого частного хозяйствующего субъекта, скорее всего, не было.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ РЕПРЕССИРОВАННЫХ РАБОЧИХ

Вывод о том, что для оперуполномоченных НКВД были мало значимы социальные статусы рабочих, подтверждается анализом данных о квалификации арестованных. Конвейер арестов захватывает работников промышленности без разбора, независимо от уровня квалификации и важности работы (табл. 3). В него попадают и чернорабочие, и плотники, но также токари, машинисты или электромеханики. По общим данным 25 % среди арестованных рабочих составляли люди, выполнявшие сложные трудовые операции при помощи техники или обслуживающие технику, – токари, слесари, машинисты, электромеханики, электромонтеры и т.п. Три четверти репрессированных рабочих – (75 %) чернорабочие, плотники, лесорубы, сплавщики и т.п., т.е. выполняющие работу, где в основном были востребованы навыки ручного труда.

Особенно показательно, что в числе арестованных встречаются паровозные машинисты и водители шахтных локомотивов. Должность машиниста на железной дороге предполагала высокую квалификацию. Потерю такого человека на производстве нельзя было с легкостью возместить. Подготовка к этой работе занимала годы, и начальство, желающее, чтобы поезда отправлялись в рейсы, должно было ценить этих людей. Правда, в Верещагино, где аресты железнодорожников были наиболее массовыми, руководство депо было арестовано заранее ¹.

¹ По делу № 20760 на В.К. Змеева проходит более 50 человек, работавших в самых разных должностях на ст. Верещагино и ст. Менделеевской ж.д. им. Л.М.Кагановича. Все они стали активными участниками контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации. См. Обзорная справка по архивно-следственному делу № 20760. – ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13841. Л. 72-74.

**Динамика ареста рабочих разной квалификации
в % к общему числу арестованных рабочих
в указанном месяце**

Квалификация рабочих	Дата ареста						
	08.37	09.37	10.37	11.37	12.37	01.38	02.38
Неквалифицированные рабочие	75,2	76,8	78,6	71,4	77,2	79,1	70,5
Квалифицированные рабочие	24,8	23,2	21,4	28,6	22,8	20,9	29,5
Итого:	100	100	100	100	100	100	100

Приведенные данные по основным месяцам, когда осуществлялись массовые аресты, показывают, что пропорции между категориями репрессированных рабочих в целом соответствуют соотношению квалифицированного и неквалифицированного труда в промышленности (в целом не означает полностью). Доля квалифицированных рабочих среди репрессированных выше, чем их доля в промышленности в целом.

Доля профессиональных кадров среди репрессированных не опускается ниже 20 %, но и не поднимается выше 30 %, т.е. уже более обоснованно можно сделать вывод, что профессиональную подготовку рабочего, его ценность для народного хозяйства страны, органы НКВД не принимали во внимание.

В списки подлежащих аресту мог попасть работник любой квалификации.

ОСУЖДЕНИЕ РАБОЧИХ В ХОДЕ ОПЕРАЦИИ 1937–38 ГГ.

Если смотреть на общие показатели, то рабочий, дело которого рассматривалось «тройкой», обычно получал высшую меру наказания (2252 человека), т.е. расстрел. Конечно, вполне могли наказать, присудив какой-либо срок исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ): 10 лет (820 человек), 8 лет (151 человек) или 5 лет лагерных работ (278 человек). Несколько десятков рабочих получили в качестве приговора «гласный надзор» – 41 человек; 1 отправили в ссылку.

Внутренняя дифференциация этих приговоров свидетельствует, работник более высокой квалификации мог получить более суровый приговор. Его обвинения носили обычно более тяжелый характер (табл. 4,5).

Т а б л и ц а 4

Обвинения рабочих разной квалификации в % к общему числу обвинений в приговоре по данной категории¹

Квалификация рабочих	Тяжесть обвинения				
	Диверсии, вредительство, террор	КРПО, повстанческая организация, контрреволюционная деятельность	Шпионаж	АСД, КРД, КР, СОЭ, недонесение	АСА, КРА, агитация, пропаганда, соучастие
Неквалифицированные рабочие	69,9	82,0	80,2	80,0	79,1
Квалифицированные рабочие	30,1	18,0	19,8	20,0	20,9
Итого:	100	100	100	100	100

Т а б л и ц а 5

Приговоры рабочим разной квалификации в % к общему числу вынесенных приговоров данной категории

Квалификация рабочих	Вид приговора				
	ВМН	10 лет	8 лет	5 лет	Гласный надзор
Неквалифицированные рабочие	74,4	77,8	84,1	86,1	80,5
Квалифицированные рабочие	25,6	22,2	15,9	13,9	19,5
Итого:	100	100	100	100	100

¹ При подсчете учитывалась только самая тяжелая категория обвинения. В таблице тяжесть обвинения указана по нисходящей: от «диверсий, вредительства и террора» – как самой тяжелой, до АСА, КРА и других вариантов агитации и пропаганды – как самых слабых обвинений. Степень «тяжести» обвинения достаточно условна, т.к. приговор ВМН мог быть дан и за самое «мягкое» обвинение.

И обвинения, и приговор к высшей мере наказания демонстрируют устойчивую тенденцию, что человек, выполнявший более сложные трудовые операции, обвинялся в диверсиях, вредительстве и терроризме чаще, чем тот, кто занимал должность чернорабочего или работал по старинке, используя, в основном, физическую силу.

Диверсии и терроризм, как показывают данные, представленные в табл. 6, считались самыми тяжкими видами преступлений и за них чаще, чем за другие обвинения, приговаривали к высшей мере наказания – расстрелу.

Т а б л и ц а 6

Обвинения рабочих в % к общему числу вынесенных приговоров данной категории

Приговор	Вид приговора				
	ВМН	10 лет	8 лет	5 лет	Гласный надзор
Диверсии, вредительство, террор	42,9	25,4	32,5	18,7	26,8
КРПО, повстанческая организация, контрреволюционная деятельность	15,9	22,7	14,6	9,0	4,9
Шпионаж	20,4	2,9	13,9	16,9	19,5
АСД, КРД, КР, СОЭ, недонесение.	10,6	14,4	34,4	48,9	48,8
АСА, КРА, агитация, пропаганда, соучастие	10,0	33,8	4,6	6,1	
Итого:	100	100	100	100	100

В табл. 6 представлены данные, демонстрирующие нам, что высшая мера наказания двум из пяти осужденных рабочих давалась за диверсии и террор, каждый пятый расстрелянный обвинялся в шпионаже и лишь один из десяти обвинялся по более «легким» статьям за антисоветскую/контрреволюционную агитацию или антисоветскую/контрреволюционную деятельность. Среди тех, кого приговорили к 10 годам колоний, треть обвинили в антисоветской/контрреволюционной агитации, и каждый четвертый имел более тяжелые обвинения в диверсиях/терроре или участии в

контрреволюционной повстанческой организации. Из тех, кто получил восемь лет, равными долями, по трети, осуждались за тяжелые преступления – диверсии и шпионаж, и антисоветскую/контрреволюционную деятельность. Среди тех, кто получил самый легкий приговор – 5 лет, основную массу составляли люди, прошедшие через «тройку» по самым «легким», с точки зрения вредительства, статьям – антисоветской/контрреволюционной агитации.

Соотнесение данных табл. 6 и предшествующей табл. 5 заставляет нас обратить внимание, что среди тех, кто получал небольшие сроки, доля неквалифицированных работников выше, чем их доля в общей массе рабочих. Иными словами, профессионально подготовленный рабочий автоматически попадал в категории, где обвинения были «самыми тяжелыми» и срок наказания был больше.

Указания приказа № 00447 по зачистке самых опасных антисоветских элементов были реализованы как суровое репрессирование наиболее квалифицированных рабочих.

КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СРЕДЕ РАБОЧИХ

Выявленную при помощи статистического анализа массива данных зависимость, что рабочий, обладающий высокими профессиональными навыками, обвинялся в более серьезных преступлениях и диверсиях, следует рассмотреть более подробно. Исходя из архивных материалов нет оснований приписывать эту направленность в кампании рационально осмысленной атаке органов НКВД на профессионально подготовленный рабочий класс. Скорее, нам при помощи статистической обработки данных удалось обнаружить один из компонентов технологии ведения следствия по делу арестованного рабочего.

Необходимо учитывать, что следователю райотдела НКВД было необходимо подготовить дело, которое вышестоящее начальство сочтет соответствующим ряду требований. При этом времени на оформление материала отводилось немного. Это накладывало определенный отпечаток на методы следствия, на стиль допроса (если он проводился) и на появление новаций в виде «конвейера» и «камерной обработки» подследственных с целью получить от них

желаемые показания. Здесь речь идет не об этих нарушениях, допускаемых следователями, а о том, что именно они «вписывали» в фальсифицируемые дела рабочих и в чем было отличие от остальных социальных категорий арестованных.

В самом начале кампании дела рабочих оформлялись согласно разработанной в июле 1937 г. Свердловским руководством УНКВД схеме. Она предполагала объединение в единую сеть контрреволюционных повстанческих организаций всех будущих арестованных. Низовой уровень – отделения и взводы организации предполагалось провести через ускоренное судопроизводство троек. Директорат и партийную номенклатуру, которые предписано было возглавлять, местные батальоны и полки повстанцев положено было осуждать на выездных сессиях Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

В августе-сентябре 1937 г. удел рабочих был таким же, как остальных, – стать массовой составляющей вскрытого органами НКВД заговора. Затем место рабочих в повстанческой сети меняется. Со временем свердловскому и столичному начальству требуется все больше и больше доказательств о диверсиях и других серьезных преступлениях повстанцев. Именно здесь оказался незаменим рабочий класс. Сталкиваясь в ходе своей трудовой деятельности с машинами, рабочие естественным образом могли быть записаны виновными в тех многочисленных неполадках и сбоях работы, которые наблюдались на производстве в середине 30-х годов. Крестьянина-колхозника всего и можно было «подверстать» как диверсанта-вредителя через поджог колхозных полей и лесов, уничтожение запасов зерна. Со временем таких «поджигателей» становилось намного больше, чем насчитывало гектаров леса или посевов сельское хозяйство, да и несерьезно выглядели эти диверсии для решения главной задачи, которую ставило перед собой Свердловское руководство, – большого публичного судебного процесса над главарями Уральской повстанческой организации.

Кроме того, за счет рабочих было легче выполнять плановые цифры по арестам. Они проживали компактно, и их легче было арестовывать, чем крестьян, которые жили в далеких и разбросанных по районам деревнях, к тому же труднодоступных в зимний период, когда дороги замело снегом.

АВГУСТОВСКОЕ ДЕЛО ЯЙВИНСКИХ ПОВСТАНЦЕВ

В качестве примера рассмотрим материалы архивно-следственного дела № 12567 по обвинению Ивана Кирилловича Ефименко и других, всего 36 человек. В деле присутствуют 4 тома материалов. Вели следствие сотрудники Кизеловского ГО НКВД помощник оперуполномоченного Герчиков и сотрудник УНКВД по Свердловской области Гаршин. В деле объединены две группы повстанцев. Ядро одной сформировано из рабочих карьера «Известняк», а другой – из работников леспромпхоза. Общим для них является проживание в Яйвинском трудпоселке, так как кроме упомянутых работников в общий список вошли и работники местной промартели.

В ряду других это дело выделяется по нескольким основаниям. Оно относится к августу-сентябрю 1937 г., но подготовка к нему может быть датирована июлем этого года, когда оформлены первые протоколы допроса свидетелей и даже обвиняемых (аресты обвиняемых начаты на неделю ранее официальной даты начала кампании – 5 августа). В то же время всех обвиняемых осудили через тройку. Примечательно, что Герчиков, готовивший основную часть материалов по этому делу, полтора года спустя сумел избежать осуждения за эти репрессии.

Важным фактором, определившим выбор этого дела из череды других, можно считать его территориальные координаты – Кизеловский район, который был местом самых массовых репрессий рабочих в Прикамье.

Документация по оформлению дела очень обширна, к тому же она аккуратна, можно даже сказать образцовым образом, оформлена. Есть свидетельские показания, обличающие врагов соввласти. Затем подшиты ордера на обыск и арест граждан. Присутствует и постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения со всеми положенными визами и даже с подписью арестованного. Содержатся описи имущества, составленные при обыске. Как положено, оформлены анкеты арестованных. Причем все это оформлено согласно правилам в хронологическом порядке. В отличие от более поздних дел Кизеловского ГО УНКВД нет впечатления, что это делалось в один день, прямо на допросе. Соответственно протоколы допроса содержатся после всей выше-

перечисленной документации. Такое доказательно оформленное дело, в ходе сбора следователем прямых и косвенных сведений об антисоветских настроениях обвиняемых, разросшееся до 2 томов (3-й – 4-й тома относятся к последующей судьбе осужденных), позволяет увидеть некоторую «эталонную» модель конструирования следователем схемы разоблачений, которой его научили на инструктаже. Видимо, она должна была стать основным инструментом следователя в разоблачении на Урале масштабной повстанческой контрреволюционной сети. Реалии кампании внесли свои коррективы, и следователи вынуждены были отказаться от такого детального и тщательного делопроизводства.

Все началось заявлением старосты Яйвинского трудпоселка А.Я. Толока (датировано 2 августа 1937 г.), в котором он сообщает, что в трудпоселке из антисоветски настроенных лиц организовалась контрреволюционная группировка. Толок собственноручно составил список этих лиц. Помимо фамилий, в списке представлена краткая характеристика антисоветских высказываний и настроений¹. Всего в этом списке 15 человек. Две трети из числа людей, упомянутых в списке, были осуждены по описываемому делу № 12567 о контрреволюционной повстанческой организации. Спустя двадцать лет, на допросе по факту этого заявления и протоколов допроса Толок говорил, что «это было написано по просьбе сотрудника НКВД (фамилию не помню) с журнала всех замечаний и докладных на трудпоселенцев, работающих на пос. Яйва. Журнал этот хранился в спецкомендатуре, и замечания в него вносились разными лицами»².

Кроме этого заявления, 4 и 5 августа А.Я. Толок подписал 15 протоколов допроса, в которых сообщал сведения об антисоветских высказываниях упомянутых в заявлении лиц. На том же допросе в 1957 г. он пояснял, что «...ни один из подписанных мной протоколов допроса при мне не писался и как правило уже готовый составленный он мне давался на подпись сотрудником НКВД. <...> сотрудник НКВД только устно заявлял мне, что на такое-то лицо мне

¹ Заявление от т/п Толока Андрея Яковлевича в гор. Отдел НКВД Кизеловского района Свердловской области от 2 августа 1937 г.//ГОПАПО ф.641/1 Оп.1. Д.12567. Т.1. Л.16-17.

² Протокол допроса Толока А.Я. от 25 июня 1957 года//ГОПАПО ф.641/1. Оп.1 Д.12567. Т.3. Л.63.

нужно подписать протокол допроса»¹. Примерно то же сообщали на допросах в 1957 г. Х.Я. Головки и П.М. Коледа, подобно Толоку выполнявшие роль свидетелей по этому делу². Отметим, что эти и другие свидетели (всего их 8 человек³) были соседями обвиняемых или же их коллегами по работе. В их анкете свидетеля были записаны аналогичные обвиняемым биографические данные – «кулак», «сын кулака», «сын торговца» «с 1933 года трудпоселенец» и т.п. Некоторые из них занимали административные должности – старосты/коменданта поселка или работника отдела кадров и потому знали широкий круг людей, живших в поселке или работавших на лесозаводе. При желании следователь мог вполне включить в общий список повстанческой группы и их фамилии.

Яйвинский список стал одним из элементов, позволивших следователю сконструировать из мирных обитателей рабочего поселка повстанческую группу. Но еще до этого списка следователи проводили ряд допросов для сбора компрометирующей информации на некоторых работников карьера «Известняк». Первые из имеющихся в деле показаний датированы 30 июня.

Откуда возникла необходимость в списке? Вполне возможно, что на последнем инструктаже перед началом операции следователям была дана инструкция – составлять и подшивать к делам списки, так как они объединяют членов повстанческой организации в единое целое. Оформление дела неоднократно свидетельствует о прилежании Герчикова, можно сказать, что и в этом вопросе он решил все сделать согласно указаниям и оперативно составил список, используя в качестве источника журнал коменданта трудпоселка, где за предыдущие годы за бытовые проступки были отмечены разные фамилии жителей поселка.

Со временем показания свидетелей со стороны окажутся ненужными, хотя и осенью 1937 г. они еще встречаются в других

¹ Протокол допроса Толока А.Я. от 25 июня 1957 года.//ГОПАПО Ф.641/1. Оп.1 Д.12567. Т.3. Л.63.

² См.: Протокол допроса Коледа П.М. от 26 июня 1957 года.//ГОПАПО Ф.641/1. Оп.1 Д.12567. Т.3. Л.68-69. Протокол допроса Головки Х.Я. от 26 июня 1957 года.//ГОПАПО Ф.641/1. Оп.1 Д.12567. Т.3. Л.65-67.

³ В дальнейшем автору не встретилось больше ни одного следственного дела, где следователь строил свою доказательную базу при помощи такого количества свидетелей. В сентябре-октябре 1937 г. еще встречаются дела, в которых содержатся 1–2, редко больше, протокола допроса одного или двух свидетелей.

делах. А списки членов организации, наоборот, будут очень востребованы, особенно в ноябре-декабре 1937 и январе 1938 гг., когда каждый фальсифицированный протокол допроса арестованных будет пестрить сведениями о тех, кто входил в повстанческое отделение, кто осуществлял вербовку, с кем держали связь и т.д. О механизмах этой фальсификации рассказывали сами работники НКВД, когда были, в свою очередь, арестованы в к. 1938–1939 г.¹

В настоящем деле надо подчеркнуть еще одну особенность – свидетельские показания брали у людей, которые затем не были привлечены к судебной ответственности «за связь» с повстанцами. Проверка по базе репрессированных показала, что свидетели не были осуждены через тройку, то есть их не привлекали в рамках исследуемой кампании к ответственности за связь с «врагами народа» о которых они обладали столь обширной информацией. Да и протоколы допроса некоторых свидетелей в 1957 г. говорят о том, что они не были арестованы за документально подтвержденную в протоколах допроса связь с повстанцами. Уже в октябре-ноябре 1937 г. таких свидетелей могли и арестовать, так как само по себе письменное оформление факта знакомства с арестованными становилось основанием для включения в повстанческую группу.

Таким образом, в настоящем деле свидетель – это еще независимая фигура, которая выполняет самостоятельную роль в спектакле, поставленном следователем НКВД. И если свидетель все делает правильно, то остается на свободе. В более поздних делах необходимость в подобных свидетелях со стороны отпала, и их заменили перекрестными показаниями и списками членов организации, «полученными» от самих обвиняемых.

¹ Можно указать на показания бывшего начальника отделения Молотовского горотдела НКВД П.М. Королева, который на допросе 22 мая 1939 г. сообщал: «Моя преступная деятельность началась с октября 1937 г., когда ко мне как к начальнику отделения приходил ряд следователей для корректировки протоколов. Корректируя явно вымышленные протоколы и поправляя их, я вписывал дополнения по шпионско-диверсионной деятельности этих арестованных /фамилии не помню/, давал следователю предположительные вопросы и ответы для дополнения протокола и таким образом как начальник отделения создавал вымышленные шпионско-диверсионные организации без наличия соответствующих материалов.» Цит. по Справке по архивно-следственному делу по обвинению Былкина В.И., Королева П.М., и других в количестве 16 человек. От 14 сентября 1955 года//ГОПАПО Ф.641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т.3. Л.173.

Важность роли свидетеля подтверждается многочисленностью допросов. Тот же Толок подписывал отдельный протокол на каждого из будущих повстанцев. Судя по ним, свидетели давали многословные показания, обличая в своих соседях антисоветчиков и вредителей. Вполне допустимо, что допрошенные в 1957 г. бывшие свидетели – Толок, Коледа и Головки были правдивы в своих пояснениях, что их показания от 1937 г. были составлены следователем заранее. Хотя вполне возможно, что свидетели были «подготовлены» следователем – как следует отвечать, либо хорошо понимали ситуацию, и вопрос следователя лишь подсказывал допрашиваемому нужную тональность ответа. Нам же важно, что по материалам дела свидетельские показания формируют основания для привлечения новых фигурантов по делу. Базовый «список» повстанческой группы дополняется новыми фамилиями, состоящими из знакомых и коллег по работе назначенных следователем повстанцев.

В этих ответах видна следственная схема, используемая для оформления компрометирующей информации. Вначале обозначался круг знакомых того, либо иного подозреваемого или арестованного. «Штатный свидетель» мог рассказать о нем сам, сразу подробно отвечая на вопрос «Знаете ли Вы *такого-то*». Именно так поступал А.А. Воробьев, дававший многочисленные показания против семьи Ефановых. На допросе 31 июля 1937 г. он рассказал про знакомство Ефанова Ивана с Истоминым Федором Михайловичем, описал круг его знакомств, и вспомнил, как тот на «...работе заявил, что в управлении государством находятся люди, которые издеваются над народом, устанавливают большие нормы выработки, а платят за работу мало»¹.

Если допрашиваемый сразу не понимал, о чем надо рассказывать, то следователь готов был задать дополнительный вопрос: «Расскажите с кем Ефанов Николай в близких взаимоотношениях на работе и в быту?», – а затем, продолжая «помогать» свидетелю, уточнял полученные данные: «Кто из перечисленных Вами лиц ведет антисоветскую агитацию или антисоветски настроен?»².

¹ Протокол допроса свидетеля Воробьева А.А. от 31 июля 1937 г.// ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т.2. Л.53.

² Протокол допроса свидетеля Веденикова Н.Д. от 30 июля 1937 г.// ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т.2. Л.71.

Таким образом следователь получал информацию о круге знакомых подозреваемых в антисоветской деятельности и вполне уже мог выстраивать сети повстанческой организации с опорой на эти сведения, корректируя текст протокола допроса, как это было ему необходимо.

Однако такое интенсивное использование свидетелей налагло и свои ограничения. Результаты допросов могли стать известными в поселке, а «будущие обвиняемые» могли сбежать. Кроме того, свидетель на свободе был подвержен только ограниченному воздействию. Такой человек готов был подписать показания, где говорится о кулацком прошлом человека, на которого собираются компрометирующие данные, – тем более это было реальным фактом биографии и свидетеля, и всех его соседей по поселку, либо вспомнить высказывания, которые можно было бы трактовать как антисоветские. Но если показания не были сочинены заранее, то здесь сложно было добиться рассказов о серьезной диверсионной деятельности обвиняемого. Может быть, поэтому материалы следствия, опиравшегося на показания свидетелей, позволяли добиться лишь разоблачения антисоветски настроенных лиц. Со временем это стало считаться слабым фактором для подготовленных материалов, и потребовались более ясные показания на обвиняемых «изобличающих» их в диверсионной деятельности.

В протоколах допроса яйвинских свидетелей, а затем в признательных протоколах арестованных остались следы выделения важной для следователя информации о доказательствах антисоветских настроений или контрреволюционной деятельности. Подчеркнутые предложения – это воспоминания о бывших когда-то разговорах и произнесенных в них критических высказываниях в адрес власти и начальства.

Надо упомянуть, что такие разговоры до кампании по приказу № 00447, т.е. пока репрессии затрагивали в основном начальство, были естественным элементом рабочего быта. О них упоминается в донесениях «секретных сотрудников» НКВД, сохранившихся в нескольких просмотренных делах. Датированы эти сообщения 1933–35 гг., т.е. следователь карательных органов до 1937 г. понимал, что использовать эти сведения нет смысла. Руководство не одобрит раскрытие «дела», в котором только и есть что предъявить – это доносы «агентов» о разговорах человека, в которых он

критикует власти за плохое снабжение продуктами или маленькую зарплату.

Репрессии против рабочих начинались не 1937 г., они были и ранее. Если бы у следователей была возможность использовать такие данные, то она была бы реализована, но тогда арестовывать надо было бы практически любого, а это стало возможным только с началом кампании 1937 г.

В августе 1937 г. следователь получил санкцию на широкое использование при подготовке доказательного материала вольных пересказов разговоров, которые велись за полгода до допроса свидетеля. Фактически они напоминали рассуждения на темы, обсуждавшиеся в рабочих кругах.

Типичный пример сообщаемой следователю информации «штатным свидетелем»: «В апреле месяце 1937 года на квартире Ефанова Николая, в присутствии Ефанова Ивана, Гладкова Ивана. В разговоре Ефанов Николай заявил: «Советская власть только на дураках и проезжает <...> Как найдется хороший человек, который направляет на правильный путь жизни рабочих и крестьян, во всю Европу, троцкист! Троцкист!; а мы – бараны и рты разинем слушаем, как обедню агитаторы служат. Мы вот с вами живем без цели, а вот взять Троцкого, Тухачевского они имели цели и, конечно, пока будет жив Троцкий он своей цели достигнет, у него много друзей и авторитетный человек, не как наши руководители – дураки, на них смотрят везде, как на волков. Раз Троцкий больше имеет друзей, и авторитет, значит за ним сила, которая имеется и у нас. Вы не смотрите на то, что кричат ура Сталину, это потому что народ запуган, особенно мы трудпоселенцы. Мы ждем освобождения поэтому больше надо молчать. Вот только сейчас поднимись что-нибудь, получится как Пугачевское восстание, но только с победой, ведь каждый честный человек зубы точит и ждет своего время. Такие люди найдутся и у нас в карьере, хватит господам коммунистам на закуску, но только зубы поломают!». Эту контрреволюционную повстанческую агитацию проводил Ефанов Николай и Ефанов Иван, а Гладков поддакивал и частично добавлял»¹. Примечательно, что эта информация свидетеля А.А. Воробьева зафиксирована дважды,

¹ Протокол допроса свидетеля Воробьева от 1 августа 1937 г.// ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т.2. Л.74-75.

следующий раз он в этом же стиле высказывался на допросе от 2 августа 1937 г., только разговор тех же лиц уже был датирован более близкой к дню допроса датой – 16 июня 1937 г.¹

В описываемом деле на Ефановых собрано несколько показаний различных свидетелей, причем почти все они датированы датами до 5 августа 1937 г., когда официально начались аресты по изучаемой операции².

Фундаментом обвинения здесь становится «разговор», произошедший где-то и когда-то. Он становится фундаментом обвинения не только для Ефановых. Подобными «высказываниями» пестрят материалы, собранные следователем и на других арестованных.

Недостатки этой схемы проявились почти сразу. Следователь должен был вести скрупулезный сбор самой различной информации. И лишь на ее основе формулировать итоговое обвинение. Собственно допросы участников контрреволюционной группы в рамках этой схемы не имеют особого значения, так как их признание подтверждает уже доказанную вину, а отказ свидетельствует о естественном запирательстве виновного. Еще одним недостатком и, пожалуй, самым крупным для той ситуации, было медленное развитие событий по этой модели. За полтора месяца работы два следователя смогли «вскрыть» повстанческую сеть всего из 36 человек. Эти темпы не устраивали свердловское руководство, которое стремилось не просто в срок выполнить план по арестам 10000 человек, но и перекрыть нормативы³.

¹ Протокол допроса свидетеля Воробьева от 2 августа 1937 г.// ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т.2. Л.95–96.

² Т.к. по делу проходило трое Ефановых: Василий-отец и двое сыновей: Иван и Николай, то протоколы допроса А.А. Воробьева были оформлены против каждого из них. См.: Протокол допроса свидетеля Воробьева от 1 августа 1937 г.//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т.2. Л.74-75; Протокол допроса свидетеля Воробьева от 2 августа 1937 г.//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т.2. Л.95-96. и Л.98-100. Помимо А.А. Воробьева по антисоветской деятельности Ефановых был допрошен в качестве свидетеля П.С. Поставалов. Основной акцент был сделан на высказываниях против советской власти Василия Ефанова. См.: Протокол допроса свидетеля Поставалова П.С. 2 августа 1937 г.//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т.2. Л.101 (с оборотом).

³ Необходимо отметить, что для следователей до августа 1937 г. вполне обычным делом был сбор доказательств на группу в течение полугода или даже больше. Следствие, завершенное за полтора месяца, – это уже были ускоренные темпы работы, выполненные добросовестно, и в том виде, как их понял Герчиков из июльских и августовских инструктажей.

Следуя первоначальной схеме подготовки материалов следственного дела, помощник оперуполномоченного 4-го отделения УГБ Кизеловского горотдела Герчиков подготовил обвинительное заключение на 36 человек лишь к 10 сентября. В нем было указано: «что в пос. Карьер Известняка и Яйвинского Лесозавода, Кизеловского р-на, существовали контрреволюционные повстанческие вредительские группы, имеющие между собой организационную связь и возглавляемые активными членами повстанческой вредительской организации «правых» на Урале, директором карьера Известняка Волковым Василием Андреевичем и директором Яйвинского Лесозавода Сысоев Алексей Михайлович»¹. Иными словами, арестом и осуждением рядовых участников повстанческой организации работа следователя не завершалась, а создавала основания для разоблачения организаторов этой контрреволюционной организации и других звеньев «повстанческой сети».

Спустя три дня – 13 сентября 1937 г. В.А. Волков был арестован, включен в «разоблаченную» повстанческую сеть, которая объединяла руководителей различных предприятий и некоторых партийных работников районного уровня. Он до ноября отказывался признать себя виновным, но затем все же подписал показания сообщив, что был завербован в контрреволюционную организацию в 1936 г. бывшим секретарем Кизеловского ГК ВЛКСМ – Калининым. В списке людей, завербованных в повстанцы под его руководством, было указано 23 человека, причем большинство из них проходили по описываемому августовскому делу. На суде от данных следователю показаний он отказался, но выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР 19 января 1938 г. осудила В.А. Волкова к расстрелу. О А.М. Сысоеве в деле достаточных материалов не представлено, лишь замечено, что в ходе допросов Волкова он упоминался, как известный тому «со слов Калинина», член контрреволюционной повстанческой организации – наряду с бывшим секретарем Кизеловского РК ВКП (б) Борисовым, бывшим секретарем РК ВЛКСМ Гарником, бывшим председателем

¹ Обвинительное заключение от 10 сентября 1937 года//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т.2. Л.320. Уместно отметить, что директор карьера «Известняк» был арестован спустя три дня после подготовки обвинительного заключения, но в силу должности он был «оформлен» органами НКВД по другой линии, т.е. осуждался не тройкой.

районного совета Осовиахима Шерстобитовым, директором Александровского завода Голубевым и др.¹

В обвинительном заключении были сделаны завершающие штрихи, дело приведено в соответствие с приказом № 00447. Получен вывод, что в трудпоселках вскрыты «вражьи гнезда», организованные «бывшими кулаками», враждебно настроенными к советской власти, решившими организованно объединиться против нее в большую повстанческо-вредительскую организацию. Во главе встали директора соответствующих предприятий, на которых при их прямой поддержке и произошло организационное оформление повстанцев из рабочих, за спиной которых были различные грехи, в основном в виде кулацкого прошлого.

В целом, соответствуя задачам операции в том виде, как их сообщили на инструктаже, работа по методу, описанному выше, оказалась слишком медленной в условиях, когда за несколько месяцев следователи должны были оформить дела на тысячи человек. Поэтому необходимо было модернизировать разработанную перед операцией модель сбора доказательной базы.

РАБОЧИЕ-ВРЕДИТЕЛИ В КАМПАНИИ 1937–38 ГГ.

Модификация первичных следственных схем проходила разными темпами в районах области. Изучение этой эволюции может представлять собой самостоятельное направление анализа хода кампании 1937–38 гг., но в таком случае оно должно опираться на более масштабный анализ материалов архива. В рамках нашей работы сама по себе эволюция техники ведения следствия представляется второстепенной задачей.

Для завершения комплексного образа кампании, развернувшейся против рабочих, обратим внимание на анализ обвинений рабочих, вписанных в повстанческие организации. Помимо рассмотренной в предыдущем разделе антисоветской агитации, обвинительный материал против рабочих содержал многочисленные упоминания о конкретных актах вредительства и диверсионной деятельности. С развертыванием репрессий показатели диверсионной активности арестованных

¹ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 958460. От 28 мая 1957 года //ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т.3. Л.16–19.

приобретали особое значение. Они позволяли органам НКВД предъявить столичному руководству материалы о серьезной антисоветской деятельности разоблаченных врагов.

В отличие от кампаний конца 1920-х и начала 1930-х годов по аресту «вредителей», здесь главным источником опасности выступает не инженер, который нарочно плохо управляет производственным циклом, а рабочий, выполняющий диверсию самым примитивным образом – бросая гайки в электромоторы, чтобы они сломались.

Проблемы в работе советских промышленных предприятий наблюдались постоянно. В феврале 1936 г. начальник Лысьвенского Горотдела УНКВД по Свердловской области Давыдов информировал Секретаря Горкома ВКП (б) о многочисленных фактах аварий и происшествий, наблюдавшихся в январе-феврале 1936 г. на Лысьвенском металлургическом заводе. Причинами неполадок объявлялись «погоня за рекордами» и «некачественный ремонт», что ставило под угрозу срыва работу по стахановскому методу: «Печь № 4 находилась в ремонте около месяца, производили перекладку сводов, пола и задней стенки. Работой руководил молодой техник Степанов. Заднюю стенку печи и притолоки выложили из мороженого кирпича, при кладке был сделан неправильный уклон самой арматуры, стенка оказалась не наклонной, а прямой. Печь достаточно не просушили, в результате 16 февраля, при первой плавке в смену сталевара Труханова произошел обвал половины задней стенки, а также притолоков, произошел поджог свода. Были вынуждены весь металл разлить по коробкам, за исключением 16 слитков, тогда как он должен был быть пущен в изложницы. Металла испорчено 20 тонн. Несколько часов печь простояла»¹.

Для начальника Горотдела УНКВД в 1936 г., очевидно, что причиной этих аварий является не диверсионная акция рабочих, а неправильная организация труда. Виновниками плохой работы объявляются специалисты заводоуправления, которые заставляют простых рабочих трудиться до изнеможения, что образно описывается в изложении частной беседы заведующего оперативно-производственным отделом завода: «Лучшие мастера

¹ Справка «О ненормальностях в работе завода, тормозящих стахановскому движению». Составлена 27.02.1936 г.//ГОПАПО Ф.85. Оп. 18. Д. 6. Л.5.

цеха Стяжкин, Захаров ходят как тени, а Мальцев имел даже мысли броситься под поезд»¹.

Резюме в справке звучит как обвинение корыстолюбивых специалистов: «Стахановское движение, прежде всего, материально выгодно для специалистов, поэтому каждый стремится к максимальной производительности своего участка, но декада проходит в напряженных условиях, напряжение слишком велико и выдержать такой темп работы едва ли можно в течение продолжительного времени»².

Можно отметить, что НКВД в середине 1930-х гг. озабочено условиями труда рабочих. Они видят свои функции не только в надзоре, но и в опеке этой неспособной на самостоятельную защиту своих интересов социальной группы. В деле защиты интересов рабочего класса НКВД были помощниками партийных комитетов. Последние пристально смотрели за производственной жизнью, увязывали успехи производства с ударным трудом рабочих, а проблемы – с «кознями» врагов, окопавшихся среди управленцев.

Интересно, что социальная обстановка на заводе переплетается в сознании рядовых партийных работников с конкретными трудовыми успехами и неудачами. На партийных собраниях при обсуждении аварий и сбоев производства в общем потоке критики всплывает тема плохого обеспечения питания или быта рабочего человека. Производственные травмы рабочих становятся еще одним из признаков работы вредителей³.

В 1937 г. ситуация предстает иной.

Для НКВД рабочий становится социальным врагом, каким был ранее инженер, служащий, словом образованный технический специалист. Именно рабочие – непосредственная причина аварий и сбоев работы на предприятии. Они совершают диверсии, объединяются в диверсионные группы и разворачивают масштабное вредительство. Во главе совершающих диверсии групп следователи стремятся ставить мастеров и другой исполнительный персонал, способный присутствовать в цехе или на месте диверсий по своему

¹ Там же. Л.4.

² Там же. Л.6.

³ См.: «Из информационной сводки по итогам проведения партийных собраний 28.01.37 г. в парторганизациях металлургического куста». Итоги 9-го пленума Свердловского обкома ВКП (б) и облсполкома// ГОПАПО Ф.620. Оп. 17. Д. 64. Л.12–17.

должностному положению. Специалист-служащий выполняет более важные роли. Он организует первичные диверсионные группы в единую сеть. Тем самым меняется его роль в следственных сценариях по созданию масштабной контрреволюционной сети на Урале.

В документах по делу машиниста Чусовского паровозного парка М.Д. Якунчикова содержится обзорная справка, подготовленная по делу бывшего начальника Пермского отделения железной дороги им. Л.М. Кагановича Павлова Михаила Андреевича. Сам Якунчик обвинялся в конкретных диверсионных актах и вместе с группой из еще 6 человек был осужден тройкой к расстрелу. Интересующая нас обзорная справка, видимо, была включена в материалы дела в ходе подбора документов по реабилитации в 1955–57 гг. Из текста самого документа становится видно, что арестованные специалисты были нужны следователю для формирования связанной сети из разрозненных групп. Поэтому они подолгу содержались в камерах, к ним применяли особые методы «обработки», их неоднократно вызывали на допрос и когда все же вывели на суд (далеко не всегда это была тройка), то такой инженер-специалист превращался в энергичного организатора уральского восстания против советской власти. Его связи с заговорщиками проникали в другие города, достигая Свердловска.

Когда репрессии ослабли, арестованный бывший начальник Пермского отделения железной дороги им. Л.М. Кагановича М.А. Павлов смог отказаться от своих прежних показаний. Это произошло на допросе 22 сентября 1938 г. Среди причин самооговора он назвал влияние со стороны сокамерников: Корчагина (бывшего начальника службы пути) и Тихонова (бывшего начальника планового отдела дороги): «...Корчагин и Тихонов мне доказывали, что у меня другого выхода нет, как только давать показания, хотя и выдуманные, указав вербовщика и якобы завербованных мною лиц. В противном случае также будет репрессирована моя семья, несмотря на то, что дети малолетние, жена в положении... Кроме того, Тихонов, учившийся в школе красной профессуры, политически развитый, доказывал, что сейчас существует особая политика по борьбе с действительными врагами народа и что наши показания в деле борьбы с действительными врагами будут играть решающее значение, нас направят куда-нибудь на работу, а действительных врагов будут уничтожать. Доводы Тихонова

активно поддерживал и Корчагин, заявляя, что наши показания, хотя они и ложные, нужны для партии и правительства. Я поверил Тихонову и Корчагину и начал давать вымышленные показания..., убедившись в том, что мои ложные показания никому не нужны я категорически отказываюсь от всех мной данных показаний, как в первый раз, так и на очных ставках со Станинным и Суетиным»¹.

Выписка из докладной записки следователя, который вел дело Павлова, позволяет подробнее понять механизм формирования следствием из специалиста-инженера махрового контрреволюционера и организатора повстанческой сети:

«...Для того, чтобы Павлов дал показания, мы поместили его в камеру № 13 .. к Корчагину и Тихонову, которые Павлова быстро обработали. По приходе на допрос Павлов советовался со мной, как начинать давать показания, что, собственно говоря, нужно писать и просил моей помощи. ...В процессе ведения следствия, вернее после подписания Павловым протокола были получены показания двух машинистов ст. Чусовская – Поздеева, Шихарева, которые показали, что в контрреволюционную организацию они завербованы Павловым, но так как они в показаниях не фигурировали, я уговорил Павлова дать дополнительные показания. На что Павлов согласился, сказав «раз это следствию нужно, то Я не возражаю». Даты вербовки, согласованные с датами из протокола допроса Поздеева, Шихарева... Приблизительно в июне с.г. оперуполномоченный 2-го отделения Габов неоднократно обращался ко мне и просил, чтобы Павлов дал показания на Суетина /для закрепления дела Суетина/ и чтобы Павлов подтвердил свои показания на очной ставке с Суетиным. Я вызвал Павлова и предложил ему дать нужные Габову показания и подтвердил бы свои показания на очной ставке с Суетиным. Павлов согласился, сказав: «Раз сказал «А», нужно сказать «Б»»².

Новое распределение ролей оказалось очень удобным и практичным. Оно позволило объединить в единое целое разрозненные элементы социальной амальгамы, которую представляли собой арестованные. Вместе с тем иерархически организованная, выстроенная по канонам бюрократической модели повстанческая организация

¹ Обзорная справка по делу Павлова Михаила Андреевича //ГОПАПО ф.641/1 Оп.1 Д.15008. Л. 153

² Там же. Л.160.

приобретала размах и масштаб. При этом основанием всех обвинений становилась конкретная вредительская деятельность, совершавшаяся рабочими или крестьянами как рядовыми исполнителями приказов своего повстанческого начальства. В случае крестьян функции роль связующего с центральным штабом инженера-организатора выполнял арестованный председатель колхоза.

Естественных диверсий «на всех» арестованных не хватало, и поэтому следователи вынуждены были фальсифицировать и этот пункт обвинений.

Примечательна ситуация с разоблачением диверсионной деятельности контрреволюционной диверсионной кулацкой группы на шахте им. Ленина (г. Кизел).

В.П. Меркулов по социальным характеристикам в анкете арестованного обозначен как трудпоселенец, навалотбойщик шахты. 5 января 1938 г. подписано постановление об избрании меры пресечения в виде ареста. 18 января – первый протокол его допроса. Он сразу признается в том, что являлся участником контрреволюционной диверсионной группы, существующей на шахте им. Ленина и по заданию этой группы срывал угледобычу, для чего вывел из строя мотор...¹.

С иными членами группы Меркулов объединен при помощи показаний других арестованных. В показаниях С.Н. Голдырева, И.П. Додатко, М.Г. Кочегура и других членов диверсионной группы, следователь включил Меркулова в общий список разоблаченного повстанческого отделения, занимавшегося диверсионной деятельностью по указанию немецких разведывательных органов².

Что-то не получилось, но материалы по этой группе задержались у следователя до мая 1938 г., когда налаженный конвейер репрессий ареста и осуждения через месяц на тройке начал сбывать. Свердловское руководство потребовало от починенных более обоснованного оформления документов. В мае 1938 г., видимо, после соответствующего запроса следователя, к делу приобщена справка о неполадках в работе шахты им. Ленина

¹ Протокол допроса Меркулова В.П. 18 января 1938 г. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12604. Л.6.

² См.: Дело Меркулова В.П. Протоколы допросов // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12604. Л.7–9.

треста «Кизелуголь». В ней сообщается о конкретных фактах неполадок на шахте:

«В начале ноября мес. 1937 г. был выведен из строя конвейерный привод путем заложения железного болта. В августе мес. 1937 г. был выведен из строя электромотор путем короткого замыкания с помощью постороннего предмета.

В результате чего была сорвана нормальная работа участка».

На справке стоит оригинальный штамп – Управление государственного Кизеловского каменно-угольного треста, контора, шахта им. Ленина.¹

Тем не менее это оказалось недостаточным для немедленной передачи дела на рассмотрение тройкой. Меркулова продержали под следствием еще несколько месяцев. В сентябре 1938 г. в ходе повторных допросов было за протоколировано признание в кулацком прошлом. И только после 17 сентября 1938 г. обвинительное заключение от 16 мая дополняется заключением об его участии в контрреволюционной шпионской организации, сообщаящем, что принадлежность Меркулова к повстанцам «в процессе следствия подтвердилась шестью показаниями других обвиняемых, а диверсионная деятельность – соответствующим документом, находящимся в следственном деле...»².

Приговоренному к 10 годам ИТЛ Меркулову повезло – в 1939 г. он был освобожден, так как свидетели при передопросах отказались от своих показаний. Редкий случай, но бывший следователь Кужман направил в адрес начальства записку, в которой сообщал о том, что показания Меркулова были сфальсифицированы – писались без участия самого обвиняемого, и подписывал он их после камерной обработки.

Несмотря на освобождение Меркулова, окончательно вопрос о причастности его коллег по работе в шахте к поломке врубовых машин был разрешен только в 1955–57 гг.

В справке полученной из треста «Кизелуголь» сообщалось:

«1. Данные о фактическом выполнении плана добычи угля по тресту: в 1935 году план выполнен на 81,6 %, в 1936 году на 79 %,»

¹ Справка Управления государственного Кизеловского каменно-угольного треста, контора, шахта им. Ленина. От 13 мая 1938 года. № 1305// ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12604 Л.13.

² См.: Дело Меркулова В.П. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12604 Л.17.

причины невыполнения плана добычи угля сообщить не представляется возможным, так как архивные документы не сохранились.

Выполнение производственной программы по шахтам треста в 1937 году следующие:

Шахта им. Ленина – 67,6 %, им. Володарского – 88,8 %, Комсомолец – 62,6 %, 9-Делянка – 69,3 %, им. Крупской – 66,7 %, им. Калинина – 94,7 %, им. Урицкого – 84,4 %, Усьва – 72,1 %, Объединенная № 4 – 87,2 %. (С. 69)

<...>

5. В 1937 году на шахтах треста применялось несколько типов врубовых машин, в том числе фирмы Эйгофф, Мевор-Коульсон, Самсон/ и отечественные Горловского завода – ДТ, ДТ2.

Для машин иностранных фирм запасных частей не поступало, поэтому машины работали на износ и ремонтировались деталями, изготавливаемыми несовершенными способами в шахтных мастерских.

Машины ДТ, ДТ 2 для подрубki крепких углей на шахтах треста с большими включениями пирита были маломощны.

Такое положение, безусловно, приводило к авариям и поломкам машин».

Два года спустя один из бывших репрессированных за эти же поломки, на допросе в Кизеловском УКГБ пояснял: «Факты порыва режущих цепей врубовой машины происходили. Но рвались эти цепи по чисто техническим причинам или попадалась твердая порода, или от чрезмерного ослабления самой цепи». Его слова подтверждались показаниями Душлид Федора Дмитриевича от 26 августа 1957 г., забойщика шахты, который сообщал: «Могу показать, что вообще никакого умышленного вывода из строя механизмов на шахте Ленина я не замечал. Таких аварий, указанных в их показаниях, якобы имевших место в 1937 году, я не помню. Правда, в тот период времени аналогичные аварии имели место, но объяснялись они чисто техническими причинами. Я помню, что в тот период времени в шахте проходили очень трудоемкую лаву, да и сама организация работ была не совсем правильной»¹.

Таким образом, естественные сбои производства, работающего на изношенном стахановскими перегрузками 1936–37 гг. оборудовании, да к тому же в условиях дефицита запасных частей оказались еще одним материалом для арестов и обвинений рабочих в ходе репрессий по приказу № 00447.

¹ См.: Дело Меркулова В.П. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12604. Л.70–78.

ИТОГИ ОПЕРАЦИИ ПРОТИВ РАБОЧИХ

Подведем итоги операции органов НКВД в Прикамье по приказу № 00447 против рабочих.

Приказ был особым образом истолкован как Свердловским руководством УНКВД, так и местными районными следователями. Они нашли многочисленных врагов в заводской и промышленной среде городов, в трудпоселках, где компактно проживали работники леспромхозов и шахт. Массовость и скорость арестов регулировали их действия в этой кампании.

В дело был пущен самый разнообразный компрометирующий материал. Идеологические штампы 1920-х годов стали политическим языком новой кампании. Методы арестов приобрели гибкость и ситуативность. Арестованный становился виновным в силу самого факта доставки в тюремное помещение.

На время операции работники НКВД забыли о классовой близости рабочих социалистическому государству. Тех, кто строил индустриальные гиганты, добывал для них сталь и уголь, т.е. обеспечивал работу самого развивающегося сектора советской экономики, превратили в толпу, состоящую из заговорщиков. У них не было социальных характеристик, а был лишь один облик «врага», стремящегося навредить государству.

Рабочие стали ядром этой толпы. Они оказались скомпрометированы тем, что приняли в свою среду вчерашних классовых врагов – кулаков. Антисоветская агитация этих врагов сделала каждого рабочего противником социализма. Вербальный протест против тяжелых условий труда привел их в диверсанты. Подчинение приказам руководства сделало их частью повстанческой сети.

Кампания сделала частные разговоры политическим разговором. Соседи превратились в осведомителей. С ними стало опасно общаться. Коллеги по работе стали провокаторами, шпионами и диверсантами. Социальные связи, сформированные общей производственной жизнью, преодолением трудностей и невзгод, оказались разрушены. У рабочих усилилось социальное отчуждение от производственной среды. В конечном счете, кампания приостановила и повернула вспять процессы социальной интеграции бывших крестьян в рабочий класс. Масштабные репрессии разобщили людей и сделали их беспомощными по отношению к всемогущей власти.

А.С. КИМЕРЛИНГ

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СЛУЖАЩИХ ПРИКАМЬЯ В 1937–1938 ГГ. ПО ПРИКАЗУ № 00447

Репрессии против служащих по приказу № 00447 исследуются в данной статье на основании материалов, хранящихся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области (ГОПАПО). Во-первых, это следственные и надзорные дела арестованных (более 50 единиц хранения, некоторые дела объемом до 5 томов). Во-вторых, это база данных на репрессированных в Прикамье, составленная работниками архива. В базе в качестве значимых были выбраны следующие данные: имя, партийность, социальное положение, образование, профессия и место работы, характер предыдущих репрессий и компрометирующие данные, место проживания до ареста, дата ареста и осуждения, обвинение при аресте и при осуждении, кем арестован и кем осужден, приговор и информация о прекращении дела. Анализ статистических данных производился при помощи программы SPSS.

Однако эти данные нельзя считать совершенно точными в связи с некоторыми особенностями имеющейся базы: 1) не у всех репрессированных, перечисленных в базе, указан осуждающий орган, то есть «тройка» УНКВД; 2) графы «социальное положение» и «место работы» не всегда были заполнены; 3) в базе были обнаружены неточности, например, в графе «социальное положение» некоторые служащие оказались в категории крестьян или рабочих, а некоторые крестьяне, рабочие или служители культа были названы служащими. Последнюю проблему удалось решить путем тщательного просмотра графы «место работы» и отсева «не служащих».

Таким образом, по базе репрессированных было обнаружено, что из 7959 человек, осужденных «тройкой» при УНКВД за период

проведения массовой операции по приказу № 00447, было 1151 служащих, что составляет 15,5 % от общего количества.

Национальный состав репрессированных служащих довольно разнообразный, есть даже 1 голландец, по 2 марийца, мордвина, серба, болгарина, венгра, удмурта, чеха. Количество представителей разных национальностей примерно соответствует общей картине проживающих на территории Прикамья народов и территориальному распределению репрессий по приказу 00447. Коми-Пермяцкий округ третий по количеству репрессированных служащих, поэтому 63 коми-пермяка – вполне объяснимое количество.

Можно предположить, что среди раскулаченных, высланных на территорию Прикамья, большинство должны быть украинцами и белорусами. Однако по базе мы этого не наблюдаем. Большинство репрессированных служащих – русские (793 человека – 68,7 %). Кроме того, таблица в очередной раз свидетельствует о том, что следователи НКВД не делали различий между особыми приказами. Среди множества национальностей мы можем наблюдать и немцев (26 человек), и прибалтов (43 человека), против которых были направлены другие секретные приказы. Но судила их местная тройка НКВД, что свидетельствует об их принадлежности к приказу № 00447. Здесь еще не следует забывать, что изъятие инобазы сопровождалось приписыванием национальной принадлежности, когда поляками (по базе их слишком уж много – 51 человек) становились, например, белорусы.

Наибольшее количество репрессированных служащих было в Перми (251 человек), в г. Кизеле и Кизеловском районе (127 чел.), Кудымкаре и Кудымкарском районе (93 чел.), в г. Березниках (76 чел.), в Ворошиловском районе (66 чел.), Чердынском районе (48 чел.), г. Краснокамске (40 чел.). Менее 5 репрессированных служащих было в Соликамском, Оханском, Очерском, Частинском, Сивинском, Пермско-Сергинском, Нытвенском, Большесосновском, Чермозском, Еловском, Черновском, Усинском, Уинском, Кишертском, Березовском, Верхне-Муллинском, Верхнее-Городском, Фокинском, Красновишерском районах.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СЛУЖАЩИХ, РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПО ПРИКАЗУ № 00447

Особого внимания заслуживает квалификация служащих и отрасль хозяйства, в которой работали репрессированные. Ведь очень важно понять, могли ли руководящие или высоко квалифицированные кадры, играющие важную роль в народном хозяйстве, пройти по упрощенному следствию и быть приговоренными к высшим мерам наказания.

С высшим и неоконченным высшим образованием в Прикамье были репрессированы 41 человек. И это довольно большая цифра, люди с высшим образованием встречались редко. Даже самой квалифицированной работой порой занимались работники со средним образованием, или даже низшим. Например, бухгалтер Пермпромбанка, приговоренный тройкой за контрреволюционную повстанческую деятельность к расстрелу, имел лишь начальное образование. Служащие с высоким уровнем образования занимали должности, требующие соответствующей квалификации, важные для народного хозяйства. Среди арестованных есть руководители разных уровней и инженеры (главный инженер отдела капитального строительства Березниковского химкомбината имел высшее образование¹, всего было репрессировано 7 инженеров). Наиболее значительные руководящие должности – это технический директор фабрики «Гознак», коммерческий директор завода «Коммунар», директор лесозавода, главные бухгалтеры и их заместители, заведующий отделом снабжения Пермского пединститута, руководитель духового оркестра. Есть два завуча, один директор школы и директор педучилища.

В результате массовой операции по приказу № 00447 сильнее всего пострадали специалисты в разных хозяйственных отраслях (табл. 1.2). Их было 63,8 % от общего количества пострадавших в операции служащих. А руководители, в большинстве мелкие, составляли 32,8 % репрессированных.

¹ Дело по обвинению Гибнера Г.Г., Катаева И.К. ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп.1. Д.29792.

Таблица 1

**Категории репрессированных служащих
по уровню занимаемой должности**

Категория	Количество репрессированных служащих	В % к общему кол-ву репрессированных служащих
Руководители	378	32,8
Специалисты	734	63,8
Канцелярские служащие	16	1,4
Прочие	23	2
Всего	1151	100 %

Таблица 2

**Отрасли хозяйства, в которых работали служащие,
репрессированные по приказу № 00447**

Наименование	Количество репрессированных служащих	В % к общему кол-ву репрессированных служащих
Промышленность	363	31,5
Сельское хоз-во	106	9,2
Транспорт	90	7,8
Лесное хоз-во	141	12,3
Связь	17	1,5
Здравоохранение	76	6,6
Образование	105	9,1
Торговля и финансы	130	11,3
Строительство	28	2,4
Наука и культура	28	2,4
Государственные и общественные органы	24	2,1
Спорт и ОСОВИАХИМ	7	0,6
Не указано	36	3,1
Всего	1151	100,0

Таблица 3

**Процентное соотношение уровня
занимаемой должности и отрасли хозяйства,
в которой работали служащие, репрессированные
по приказу № 00447**

Наименование отрасли	Руководители %	Специалисты %	Канцелярские служащие %	Не указано	Всего
Промышленность	125 (34 %)	228 (63 %)	5 (1,5 %)	5 (1,5 %)	363 (100 %)
Сельское хоз-во	35 (33 %)	67 (63 %)	2 (2 %)	2 (2 %)	106 (100 %)
Транспорт	51 (57 %)	38 (42 %)		1 (1 %)	90 (100 %)
Лесное хоз-во	39 (27,6 %)	100 (71 %)	1 (0,7 %)	1 (0,7 %)	141 (100 %)
Связь	4 (23 %)	12 (71 %)	1 (6 %)		17 (100 %)
Здравоохранение	12 (16 %)	64 (84 %)			76 (100 %)
Образование	16 (15 %)	88 (84 %)	1 (1 %)		105 (100 %)
Торговля и финансы	57 (43,8 %)	72 (55,4 %)	1 (0,8 %)		130 (100 %)
Строительство	9 (32,1 %)	18 (64,3 %)		1 (3,6 %)	28 (100 %)
Наука и культура	7 (25 %)	21 (75 %)			28 (100 %)
Государственные и общественные органы	10 (42 %)	11 (46 %)	3 (12 %)		24 (100 %)
Спорт и ОСОВИАХИМ	4 (57 %)	3 (43 %)			7 (100 %)
Не указано	9 (24 %)	12 (35 %)	2 (6 %)	13 (35 %)	36 (100 %)
Всего	378 (33 %)	734 (64 %)	16 (1 %)	23 (2 %)	1151 (100 %)

31,5 % репрессированных служащих работали в промышленности (табл. 3). Причем 63 % из них были специалистами, а 34 % занимали руководящие должности, чаще всего руководили небольшими коллективами. Например, завмаги, начальники цехов, мастерских и промартелей.

9,2 % репрессированных служащих работали в сельском хозяйстве. Здесь специалистов – 63 %, руководителей – 33 %. Количество довольно значительное, поскольку к категории служащих в колхозах можно отнести очень немногие профессии. Это агрономы, агротехники, ветеринары, бухгалтеры, счетоводы, учетчики, уполномоченные сельхозартели.

На транспорте было репрессировано больше руководителей (57 % от общего количества репрессированных транспортных служащих), чем специалистов (42 %). Речь идет о начальниках на железной дороге, в сплавных рейдах.

В леспромхозах работали до ареста 12,3 % репрессированных служащих, а еще 11,3 % работали в торговле, например, завмагами или начальниками потребкооперации.

Были среди репрессированных и государственные служащие: судья народного суда г. Березники, судебный исполнитель нарсуда г. Усолье, начальник команды служебного собаководства 188-го полка НКВД, зав. архивным бюро Юрлинского райисполкома, секретарь Чердынского горсовета, делопроизводитель кудымкарского райвоенкомата, участковый инспектор милиции.

От науки и культуры были метеорологи, лаборанты, цирковые актеры и музыканты духового оркестра. 7 из 28 занимали командные должности.

Самой частой профессией репрессированных служащих можно назвать профессию бухгалтеров, счетоводов и экономистов – 317 человек. Это объясняется, с одной стороны, распространенностью данного вида деятельности, ведь каждой сельскохозяйственной и промартели нужны счетоводы, а на каждом предприятии работал бухгалтер. С другой стороны, сама эта работа, видимо, была доступна для бывших белогвардейцев, кулаков и бывших членов социалистических партий. Да и сама связь с деньгами, похоже, не способствовала чистоте репутации в советском обществе. Видимо, бухгалтеры и счетоводы часто становились жертвами доносов. И даже во время «кулацкой» операции нескольких бухгалтеров обвинили при аресте, помимо антисоветской деятельности, в массовых обсчетах в зарплате. Например, про одну из репрессированных писали: «Овчинникова (бухгалтер вагонного участка ст. Зуевка. – А.К.), являясь дочерью служителя религиозного

культы (попа), будучи враждебно настроенной по отношению к советской власти, проводила антисоветскую агитацию, распространяла клеветнические слухи по поводу неприкосновенности личности гражданина СССР, обзывала оскорбительными словами руководителей Советской власти. Извращала конституционное положение о демократических выборах в Верховный Совет СССР. Производила массовые обсчеты рабочих в заработной плате...»¹.

ДИНАМИКА АРЕСТОВ И ОСУЖДЕНИЯ СЛУЖАЩИХ ПО ПРИКАЗУ № 00447

Операция официально началась 5 августа 1937 г., однако некоторые подследственные оказались арестованными до этого. Например, Березниковский РО НКВД арестовал начальника пожарной охраны сплавконторы Я.Д. Франтика 2 августа 1937 г.² По приказу к одной из категорий относились «содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены». Толкуя этот пункт расширительно, можно было репрессировать и тех, кто просто арестован до вступления приказа в силу, но «изобличен следственными материалами».

Очень редко, но несоответствие даты ареста и выхода приказа, видимо, казалось следователям неправильным. В деле счетовода П.Ф. Полина на ордере на обыск все написано одной ручкой и одним почерком, и стоит дата – 28 июля 1937 г., но она зачеркнута и другими чернилами исправлена на дату начала действия приказа № 00447 – 5.8.37 г.³ Почему появилось это исправление? Могли и так отдать его на суд тройки, но, скорее всего, решили следовать букве приказа.

¹ Постановление о прекращении следственного дела // Наблюдательное дело Овчинниковой Нины Николаевны ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.6260. Л.4–5.

² Дело по обвинению Франтика Я.Д. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.14297. (Его обвинили в шпионаже и приговорили к расстрелу).

³ ГОПАПО. Дело по обвинению Полина Петра Фроловича. Ф.641/1. Оп.1. Д.14564.

Таблица 4

Динамика арестов служащих по приказу № 00447

Месяц, год	Кол-во арестованных служащих (чел.)	% от общего количества служащих	% от общего количества арестованных в указанный месяц	Общее кол-во арестованных (чел.)
Авг.37	257	22,3	13,4	2062
Сен.37	125	10,9	19,2	694
Окт.37	284	24,7	15,5	1969
Ноя.37	71	6,2	20,1	372
Дек.37	177	15,4	13,3	1355
Янв.38	67	5,8	7,8	855
Фев.38	126	10,9	27	511
Мар.38	35	3	34	114
Апр.38	6	0,5	37,5	16
Май.38	3	0,3	30	10
Июн.38	0	0	0	1
Всего	1151	100 %	–	7959

В первый месяц так называемой «кулацкой» операции из 2062 арестованных 257 были служащими. В следующем месяце последовал спад арестов, объясняющийся, видимо, тем, что органы НКВД не успевали оформлять дела арестованных. Еще три пика арестов служащих приходится на октябрь, декабрь 1937 г., и февраль 1938 г. Наибольшее количество служащих были арестованы в октябре 1937 г. – 284 человек, это 27 % от общего количества арестованных в процессе операции (табл. 4).

А в феврале 1938 было арестовано 511 человек и больше трети арестованных были служащими (126 человек), аналогичная ситуация сложилась и в следующие три месяца, хотя количество арестов резко пошло на спад (всего 114 арестов в марте, 16 – в апреле и 10 – в мае 1938 г.).

Динамика осуждения служащих по приказу № 00447

Дата	Кол-во осужденных служащих (чел.)	% от общего количества репрессированных служащих
Авг. 1937	9	0,8
Сент. 1937	188	16,3
Окт. 1937	189	16,4
Нояб. 1937	228	19,8
Дек. 1937	163	14,2
Янв. 1938	96	8,3
Фев. 1938	83	7,2
Март 1938	84	7,3
Май 1938	21	1,8
Июнь 1938	4	0,3
Июль 1938	21	1,8
Авг. 1938	10	0,9
Сент. 1938	5	0,4
Окт. 1938	24	2,1
Нояб. 1938	22	1,9
Янв. 1939	1	0,1
Не указано	3	0,3
Всего	1151	100,0

Наибольшее число осужденных служащих обнаруживается на четвертый месяц массовой операции, в ноябре 1937 г. было осуждено 228 человек (табл. 5). Столь же большие и примерно одинаковые цифры были в сентябре, октябре и декабре. Последний служащий был осужден тройкой в январе 1939 г¹. Операция по изъятию подозрительных и враждебных элементов среди служащих продолжалась дольше, чем предписанные 4 месяца. Она длилась 16 месяцев, наиболее активные аресты и осуждения продолжались 8 месяцев, до марта 1938 года, когда было осуждено 84 служащих.

Чаще всего процесс оформления документов на арестованного длился около месяца, то есть более 50 % арестованных в один

¹ Это следственное дело агента отдела снабжения фабрики «Пермодежда» Козбе Г.А., получившего ВМН за шпионаж // ГОПАПО. Ф.643/2. Оп.1.Д.30037.

месяц были осуждены в следующем месяце. Но были случаи, когда следователи укладывались и в течение одного календарного месяца. Конструктора КБ 1-го калийного рудника г. Соликамска В.Н. Безукладникова успели приговорить к 10 годам лишения свободы всего за 10 дней¹, хотя есть случаи и более быстрого оформления дел, если человека присоединяли к группе в конце «расследования». Причем в ходе развития операции темпы работы НКВД увеличивались. И если за август 1937 г. успели довести до конца 9 дел на служащих, то в октябре осудили 45 арестованных в течение календарного месяца, а в декабре осудили 84 арестованных за декабрь. Похоже, работа с арестованными была уже поставлена на поток, и оформление документов занимало уже значительно меньше времени (табл. 6).

В ЧЕМ ОБВИНЯЛИ СЛУЖАЩИХ

Наиболее часто служащих обвиняли в самых тяжких преступлениях, их легко было поставить во главе любой контрреволюционной организации. Обвинения редко были связаны только с одним видом преступления. 229 человек было осуждено за шпионаж по совокупности с другими преступлениями, с повстанческой и диверсионной деятельностью и т.д., 189 из них обвинялись только в одном шпионаже (96,3 % из них были расстреляны). Исключительно за антисоветскую агитацию (АСА) репрессировали 125 служащих (из них приговорили к расстрелу 49 %, к 10 годам – 51 %), однако в совокупности АСА встречается в 470 случаев. В повстанческой деятельности в качестве довеска к другим преступлениям обвинили 330 человек, вредительство добавили 136 служащим, в диверсионной деятельности обвинили 208 человек. В террористической деятельности обвинили 51 человека. Получается, что вменяемое в вину преступление не имело решающего значения для выбора степени тяжести приговора. Ведь даже при обвинении в шпионаже 3 человека получили в наказание 3 года гласного надзора, а одному был зачтен срок заключения.

¹ Арест Безукладникова – 5 ноября 1937 г. Обвинительное заключение – 12 ноября 1937 г. Приговор тройки от 15 ноября 1937 г. // Дело по обвинению Безукладникова Владимира Николаевича. ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1. Д. 13721.

Таблица 6

**Зависимость даты осуждения служащих от даты ареста органами НКВД по приказу № 00447
(абсолютное количество и % от числа арестованных в соответствующем месяце)**

Дата ареста	Дата осуждения																
	08.37	09.37	10.37	11.37	12.37	01.38	02.38	03.38	05.38	06.38	07.38	08.38	09.38	10.38	11.38	01.39	
08.37	9	171	65	6	5	1											
	3,5%	66,3%	25,5%	2,4%	2,0%	0,4%											
09.37		17	79	20	4	5											
		13,6%	63,2%	16,0%	3,2%	4,0%											
10.37			45	161	55	19	1		2			1					
			15,8%	56,7%	19,4%	6,7%	0,4%	0,7%				0,4%					
11.37				41	15	13	1	1									
				57,7%	21,1%	18,3%	1,4%	1,4%									
12.37					84	58	15	10	1	1		1		2	4	1	
					47,5%	32,8%	8,5%	5,6%	0,6%	0,6%		0,6%		1,1%	2,3%	0,6%	
01.38							17	14		1			3	11	17		
							25,4%	20,9%		1,5%			4,5%	16,4%	25,4%		
02.38							49	59	4	1		2	1	3			
							38,9%	46,8%	3,2%	0,8%		1,6%	0,8%	2,4%			
03.38									14	1	12			7	1		
									40%	3%	34%			20%	3%		
04.38											2	2	1	1			
											33,3%	33,3%	16,7%	16,7%			
05.38											3						
											100%						
Всего	9	188	189	228	163	96	83	84	21	4	21	10	5	24	22	1	
	0,8%	16,3%	16,4%	19,8%	14,2%	8,3%	7,2%	7,3%	1,8%	0,3%	1,8%	0,9%	0,4%	2,1%	1,9%	0,1%	

Ситуация с получением в качестве наказания более легких приговоров заслуживает особого внимания. Гласный надзор на 3 года получили всего лишь 11 служащих (среди них осужденный за диверсионную, шпионскую и повстанческую деятельность), еще одному зачли срок предварительного заключения. Почему так случилось? Эти люди были приговорены в октябре – ноябре 1938 г., когда операция сходилась на нет (однако другие 36 человек, осужденные в это же время, получили: ВМН – 2 чел., 10 лет – 10 чел., 8 лет – 8 чел., 5 лет – 13 чел., 3 года – 1 чел.). Например, Анна Богомолова была калькулятором столовой опторга п. Сараны Чусовского района Пермской области. По делу 2202 она проходила одна. Была арестована за шпионаж в январе 1938 г, но ее не осудили сразу. Заседание тройки состоялось только в ноябре, и в нем значится только антисоветская деятельность¹. С товароведом облпотребсоюза Александром Гутырчиком почти та же история: 2 марта 1938 г. – арест, обвинение в шпионаже в пользу Польши, 20 марта на него сфабрикованы показания других подследственных, затем странная задержка, а 11 октября он отказывается от прежних показаний и 19 октября получает от тройки 3 года гласного надзора². И так со всеми, получившими в конце 1938 г. сроки ниже 10 лет³. По составу вменяемого в вину преступления разительно отличается дело А.И. Миримовой В протоколе тройки, приговорившей ее к 3 годам гласного надзора, написано: «Подозревалась в том, что являлась агентом польской разведки, что следствием не подтвердилось»⁴, и все!

¹ См.: Дело по обвинению Богомоловой Анны Петровны. ГОПАПО. Ф.641/1, Оп.1. Д.2202.

² См.: Дело по обвинению Гутырчика Александра Степановича. ГОПАПО. Ф.641/1, Оп.1. Д.10540.

³ Например, дело «немецкого разведчика» Ф.Е. Мартыненко, культурного работника трудпоселка Колчим Чердынского района, приговоренного к 8 годам лагерей. Но уже не за шпионаж, а за антисоветскую деятельность и социальную опасность // Дело по обвинению Мартыненко Федора Емельяновича. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11221.

⁴ Протокол заседания тройки УНКВД от 27 октября 1938 // Дело по обвинению Миримовой Антонины Ивановны. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.2402. Л.24.

Таблица 7

**Соотношение количества репрессированных
по уровню занимаемой должности и тяжести приговора**

Категория	10 лет лишения свободы	3 года лишения свободы	5 лет лишения свободы	8 лет лишения свободы	ВМН	Гласный надзор (3 года)	Гласный надзор (3 года), высылка в БССР	Зачет в наказание срок предварительного заключения	Прочие	Всего
Руководители	93		4	3	276	1			1	378
	24,6 %		1,1 %	0,8 %	73,1 %	0,3 %			0,3 %	100 %
Специалисты	176	1	9	4	535	9		1	2	734
	24,0 %	0,1 %	1,2 %	0,5 %	72,4 %	1,2 %		0,1 %	0,3 %	100 %
Канцелярские служащие	4				12					16
	25,0 %				75 %					100 %
Прочие	6			1	6		1			23
	26,1 %			4,3 %	65,2 %		4,3 %			100 %
Всего	279	1	13	8	835	10	1	1	3	1151
	24,3 %	0,1 %	1,1 %	0,7 %	72,5 %	0,9 %	0,1 %	0,1 %	0,3 %	100 %

Никаких отличий в соотношении по уровню занимаемой должности и тяжестью приговора не наблюдалось (табл. 7). Около 72 % всех служащих были приговорены к расстрелу, примерно 24 % – к самому длительному сроку заключения – 10 годам.

Все обвинения, и при аресте, и при осуждении фабриковались следователями НКВД. Причина ареста и содержание обвинительного заключения совпадали в большинстве случаев. Часто к одному обвинению добавлялось другое. Например, 125 служащих были арестованы за антисоветскую агитацию (АСА). 75 % из них были осуждены за АСА, а 3,1 % – за АСА и контрреволюционную повстанческую деятельность, 1,9 % – за АСА и контрреволюционную деятельность.

Иногда были и достаточно редкие обвинения при аресте. Например, хранение оружия, бандитизм, злостное уклонение от уплаты алиментов, хранение мелкой разменной валюты, массовые обшеты в

зарплате, подрыв стахановского движения, служба в белогвардейском карательном отряде, троцкизм, недонесение о контрреволюционном преступлении, террористические намерения, организация подпольных собраний, разглашение сведений, нарушение правил прописки паспорта. Они обычно прибавлялись к другим обвинениям при аресте.

Однако все обвинительные формулировки в протоколах тройки были более традиционными и формальными. Из редких остались только хранение оружия, террористические намерения, призыв к совершению террористических актов.

Служащие проходили по делам либо в одиночку, либо были частью сфабрикованной группы, в которую входили также другие социальные категории – рабочие, крестьяне, священнослужители. 2–4 служащих проходили по 109 делам, 5–8 человек – по 35 делам, 9–13 человек – по 6 делам. Были и особо крупные группы служащих, целые повстанческие диверсионные организации, состоящие по большинству из служащих: от 19 до 27 человек проходили по 5 делам, и 1 дело объединило целых 46 служащих. (Дело бывших белых офицеров № 17092 хранится в фонде 641/1).

КАЗУСЫ В ВЫПОЛНЕНИИ ОПЕРАЦИИ ПО ПРИКАЗУ № 00447 В РЕПРЕССИЯХ ПРОТИВ СЛУЖАЩИХ

По приказу № 00447 антисоветские элементы в первую очередь искали в деревне, именно поэтому операция получила название «кулацкой». Но в приказе также отмечалось, что часть перечисленных элементов, «уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорта и на строительство». О служащих, как о подозрительной категории в приказе не говорилось, но можно предположить, что среди них могли «окопаться» подозрительные элементы, жившие ранее в деревне, служившие в царской или белой армии, бывшие члены различных партий. Однако, как показал анализ имеющихся в Пермском архиве дел, компрометирующие данные, соответствующие букве приказа, были далеко не у всех. Да, в приказе упоминаются церковники, но там нет ни слова о их детях. Однако клеймо «сын священнослужителя» оказывается достаточным основанием для ареста по «кулацкому»

приказу¹. При этом из 1151 служащего, попавшего в базу репрессированных, 414 вообще не были ранее судимы и не принадлежали ни к одной из возможных категорий «социально чуждых элементов». В деле контрреволюционной повстанческой белогвардейской организации среди «бывших» есть имя военрука Пермского индустриального рабфака В.С. Абрамова. Он служил в РККА с 1922 по 1930 г., имел неоконченное высшее образование, его отец был крестьянином-бедняком. На допросах своей вины не признавал, но в «Обвинительном заключении» написано, что признал (приговорен к 10 годам лагерей). Это при том, что многие компрометирующие данные целенаправленно фабриковались в ходе следствия. Главный бухгалтер треста «Коми-Пермлес» значится в анкете арестованного как «сын кустика», однако в «Обвинительном заключении» он уже превратился в «сына кулака и белогвардейца»².

Дела надо было доводить до тройки слишком быстро, времени на приведение документов в соответствие явно не хватало. Ошибок и несостыковок в следственных делах по приказу № 00447 было довольно много. Например, в протоколе заседания тройки от 30 декабря 1937 г. у приговоренного к ВМН забыли напечатать слово «Расстрелять»³.

В приказе № 00447 говорится, что «семьи приговоренных по первой и второй категории, как правило, не репрессировываются», исключение составляют члены семей, которые «способны к активным антисоветским действиям». Однако начальник Ныробского РО НКВД Н.П. Тигунов в 1955 г. свидетельствовал, что «Коми-Пермяцким

¹ Педагог детского отделения психлечебницы г. Перми Г.С. Старцев был приговорен в ВМН. Он был причислен к членам контрреволюционной повстанческой группы церковников только потому, что был сыном священника // Дело по обвинению Старцева Г.С., Славнина П.И., Старикова М.К. и Дроздовского К.Я. 5.08.37. – 11.9.37 ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д.10429.Л.20.

² Дело по обвинению Порсева П.Ф., Катаева И.К. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д.6933. Л. 132

³ Дело по обвинению Томского И.А., Петренко М.А. и др., всего 77 человек. ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.11671. Л. 292 (Томский И.А. был учителем взрослых по математике при фабрике Госзнак, до 1933 г. был членом ВКП (б). За декабрь 1937 он превратился в руководителя «разветвленной контрреволюционной диверсионной организации кулаков-трудоселенцев, бывших участников кулацких восстаний», раскинувшей свои сети по Камскому бумкомбинату, Гознаку и заводу № 98. Из 77 подследственных была одна женщина, дочь торговца, жена белого офицера, регистратор 3-й поликлиники г. Краснокамска. Все были расстреляны).

отделом НКВД в 1937 г. были подвергнуты аресту жены ряда лиц, арестованных в период массовой операции..., компрометирующих материалов... не было... арестованы они были только за то, что арестованы были их мужья... Была арестована жена бывшего окружного прокурора Юркина, арестованного как троцкиста (фамилия жены Кузнецова)»¹. Кстати, троцкисты в приказе не упоминаются, тем более жены троцкистов.

Тем не менее следователи и для жен троцкистов находили более веские причины для осуждения, хотя при этом и не были излишне добросовестными. Показательно дело учительницы русского языка школы № 25 г. Перми М.В. Комаровой. В ее «Обвинительном заключении» вписано все, что нужно, но сделано несколько серьезных ошибок. Там сказано, что она избалована документами, имеющимися в деле, в скобках указаны пять разных страниц дела, на которых нет никаких документов, а есть протоколы допросов Комаровой². Далее все, как положено, выписка из протокола тройки гласит: Комарова «обвиняется в том, что является активным участником ликвидированной контрреволюционной троцкистской организации ж.д. транспорта, ставившей своей целью свержение Соввласти. По заданию контрреволюционной организации вела террористическую пропаганду, призывая к совершению терактов над руководителями Партии и членами Совправительства»³. В деле есть письмо Марии Владимировны Комаровой (ее осудили на 10 лет), в котором она рассказывает о методах ведения допросов: «Следующим вопросом было: что моими близкими друзьями были зав. Горно Нетупская и Зубов, который я должна была подписать, а я его зачеркнула, но все не успела, Кашин (следователь. – А.К.) очень рассердился и не велел безобразничать. Зав. горно Зубов и Нетупская для меня были только начальство и от которых я кроме неприятностей ничего не имела...

¹ Протокол допроса Тигунова Н.П., начальника штаба МВО Александровского механического завода, ранее работал в 1936-38 начальником Ныробского РО НКВД. от 6.04.55. // Дело по обвинению граждан Ремизова А.М., Соколовского В.А., Фарина Ф.Е. и др. в числе 25 человек. 19.12.37–24.12.37. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.10397. Т.1. Л.382.

² Обвинительное заключение // Дело Комаровой М.В. 8.12.37.–31.12.37. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12863. С.18–19.

³ Выписка из протокола заседания тройки при УНКВД Свердловской области от 3 марта 38 г.// Дело Комаровой М.В. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12863. С.20

Между написанным следователем и моей подписью оставались большие расстояния... Не слушая меня, не давая мне говорить, он тем самым дал страшное освещение фактам»¹. Просматривая протоколы допросов, в которых Комарова не признает своей вины, можно обнаружить, что никаких расстояний между текстом и подписью не осталось, они полностью заполнены следователем.

Согласно букве приказа можно репрессировать в рамках массовой операции уже находящихся под следствием, но арестованных до приказа № 00447, граждан. Однако безрезниковские следователи сумели провести упрощенное следствие с уже осужденной женщиной. История трагичная и исключительная для этой массовой операции произошла с Анной Николаевной Тупициной, работницей безрезниковской больницы. Первый раз ее арестовали 1 февраля 1937 г. По показаниям свидетелей, соседей по бараку, она «крыла нецензурными словами конституцию Сталина», говорила о безработице в СССР, среди работников Химкомбината дискредитировала вождя, дискредитировала закон о запрещении абортов². Подследственная, пройдя через четыре допроса и очные ставки, признала лишь то, что, когда ее выселяли из квартиры, послала коменданта вместе с конституцией. Спецколлегия Свердловского облсуда приговорила ее 7.06.1937 к 3 годам без поражения в правах. Казалось бы, это дело не имеет отношения к массовой операции, но это не так. У дела есть продолжение. В Соликамской тюрьме А. Тупицина не была образцовой заключенной. Она «в общей женской камере нарушала правила внутреннего распорядка, кричала в окна похабные песни, систематически выражалась нецензурными словами, оскорбляла женщин, лиц надзора, называла их жандармами, сопровождая свои слова нецензурной бранью с контрреволюционными выкриками в адрес Советской Власти»³, а на старшину Мальцева набросилась с кирпичом, заблокировала дверь ногой и ударила по рукам. Вначале ее изолировали в одиночную ка-

¹ Письмо Комаровой М.В. в Верховный Суд СССР от 16.03.39 // Дело Комаровой М.В. 8.12.37.–31.12.37. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12863. С. 22–22 об.

² Следственное дело Тупициной Анны Николаевны. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 2210. Л.2.

³ Постановление дежурного помощника н-ка Соликамской тюрьмы Зебзеева И.И. 23.5.37 // Дело по обвинению Тупициной А.Н. ГОПАПО. Ф.643/2.Оп.1. Д.28770. Л.2.

меру с содержанием в более строгом режиме, а потом 11 августа 1937 ходатайствовали о возбуждении против нее уголовного дела, называя ее неисправимым бандитом и террористом. 7 октября 1937 ее допрашивали уже в рамках приказа № 00447, обвиняли в контрреволюционной агитации и высказывании террористических намерений. Она все отрицала, но это не помогло. Два свидетельских показания и 22 сентября 1937 тройка приговорила ее к ВМН.

СЕТЬ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОВСТАНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Именно служащие становились руководителями и главными действующими лицами наиболее крупных, сфабрикованных следователями НКВД, контрреволюционных организаций. Все они, якобы, готовили вооруженное восстание. Нарастивая количество антисоветских элементов, следователи строили сеть из связанных друг с другом организаций, проходивших по разным следственным делам. Здесь были дела на 50–75 человек и одиночные дела, в которых связи подтверждались копиями протоколов допросов подследственных по совершенно другим делам. Среди них имеются дела организаций, практически полностью состоящих из служащих.

1) Пожалуй, самой разветвленной была придуманная НКВД контрреволюционная повстанческая белогвардейская организация, которую в Перми возглавлял статистик промысловой артели «Звезда» В.И. Ушаков¹. Связи этой организации распространялись на Уральский областной повстанческий штаб в г. Свердловске, харбинский филиал РОВСа², Уральскую организацию троцкистов и правых (Кабаков, Головин, Пшеницын и др.), на секретаря Кудымкарского райкома ВКП (б) Ветошева и секретаря Кагановического райкома ВКП (б) Балтгалва. В Пермском повстанческом округе было 6 боевых отделений³, разделенных на 12 или 13 взводов, базировавшихся

¹ Следственное дело Ушакова В.И., Азбукина А.Я., Анисимова М.В. и др. в числе 53 чел. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.17092. В 4 томах.

² РОВС – Русский общевоинский союз, воинская организация, созданная 1 сентября 1924 г. Врангелем.

³ Протокол допроса Кривошекова Я.А. // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11242. Л.32. (Сам председатель совета окружного ОСОВИАХИМа Кривошеков был приговорен тройкой к расстрелу 7.9.37 как руководитель контрреволюционной повстанческой организации, разработавший план вооруженного восстания).

на оборонных заводах, на крупных строительствах и просто в поселках¹ (причем, в этом деле тоже есть нестыковка – в «Обвинительном заключении» взводов осталось 11 и появился один батальон с общим количеством 235 человек, большинство из которых были осуждены ранее²). Кроме белых офицеров по делу проходили бывшие кулаки и священнослужители, при этом 46 из них были служащими.

К делу белоофицеров подходили очень тщательно. От первого ареста 3 августа (в этот день, еще до начала операции, был арестован счетовод промартели «Кама» А.Я. Азбукин) до «Обвинительного заключения» 14 октября 1937 г. прошло два с половиной месяца. Было составлено 3 тома документов, что составляет около 500 листов, большинство с оборотами, одних протоколов допросов было примерно 800 страниц. По делу проходили 53 человека, из которых служащими были 49. На первом коротком допросе всем задавали 4 примерно одинаковых вопроса: назовите ваших знакомых по г. Перми и другим городам СССР; назовите ваших знакомых по службе в царской армии (белых офицеров); кто из ваших знакомых и родственников проживает за границей; кто из ваших родственников был репрессирован? Потом подследственных уговорили написать собственноручное заявление о желании признать свою вину. И на втором допросе главные фигуранты дали признательные показания, которые были напечатаны следователями заранее. С остальными время тратить не стали. Из 53 человек виновными себя не признали 35.

Никакой связи между признанием вины и возможностью сохранить свою жизнь не было. Из 47, приговоренных к расстрелу, не признали себя виновными 32 человека, а из 6, приговоренных к 10 годам лишения свободы, таких было трое. Скорее всего определяющее значения для избрания меры пресечения имела пометка о первой или второй категории приписанной данному лицу. Однако обнаружить списки с информацией о категории не представляется возможным.

¹ Протокол допроса Азбукина А.Я. от 1.10.37 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.17092.Т.1.Л.16-18. (Азбукин был счетоводом Пермской промысловой артели «Кама», бывшим офицером армии Колчака в чине подпоручика. Арестован был еще до начала массовой операции по приказу № 00447 – 3.08.37, приговорен к ВМН 14.10.37).

² Обвинительное заключение по делу Ушакова, Азбукина и др., всего 53 человека // ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.17092.Т.3.Л.182–183.

2) Одновременно шла ликвидация другой белоофицерской повстанческой организации, участниками которой были диспетчер завода № 172 М.И. Мокшин, заведующий Домом отдыха Пермского Горздравотдела М.М. Тараканов и еще 36 человек, из них 22 были служащими. Их руководителями были названы все те же Ушаков и Азбукин (в деле использованы их показания). Первым 5 августа 1937 г. был арестован Михаил Тараканов, и аресты продолжались до конца октября. 5 декабря состоялось заседание тройки и 21 человек получили ВМН¹.

3) Дело польской националистической организации, руководимой ксендзом Будрисом, имело 5 томов. В деле нет самого Будриса, но есть содержательница его квартиры Я.К. Чеховская, ревизор завода № 172 им. Молотова Ц.В. Новицкий², лаборантка Стоматологического института г. Перми М.В. Беганская, кассир клинической больницы И.П. Столович, машинистка оборонного завода № 98 К.Г. Сачковская, управделами мединститута О.А. Вильчинская, начальник отдела финансирования Пермского коммунального банка И.И. Аухимик. Всего 41 человек – 14 служащих, 8 студентов педрабфака, 12 рабочих, 4 пенсионера, 3 лица без определенных занятий.³ Двое были членами ВКП (б). Им приписывали подготовку вооруженного восстания в союзе с повстанческой организацией белых офицеров, связали их через Азбукина. Арестованы в течение августа, когда кампании против инобазы еще не было. Осуждены тройкой 1 октября 1937 г. 36 человек получили ВМН, а 1 из студентов умер в тюрьме.

4) Группой следователей во главе с Боярским в Коми-Пермяцком округе были подготовлены материалы, пожалуй, на самую сложную и разветвленную сеть репрессированных. Здесь не было крупных многотомных дел. В ГОПАПО были просмотрены 10 одиночных дел на служащих. Все они изобличались показаниями одних и тех же людей: Благодравов А.И. (первый секретарь

¹ Дело по обвинению Мокшина М.И., Тараканова М.М., Авдеева К.Н., Холоднякова М.А. и др. в числе 38 человек. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.10366.

² Показания Новицкого от 9.10.37 имеются в «Деле Ушакова, Азбукина и др.». В деле самого Новицкого этих показаний нет// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.17092. Т.1. Л.130–137.

³ См.: Дело по обвинению Чеховской Я.К., Столович И.П., Завадского И.М., Новицкого Ц.В. и др., всего 41 чел. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.11903. Дело в 5 томах.

Коми-Пермяцкого окружкома ВКП (б) до ареста в июне 1937 г., названы в его отпечатанных на машинке показаниях от 22.07.37 более 40 человек, опять же связь с Кабаковым), Ветошев Я.А. (секретарь Кудымкарского райкома ВКП (б)), Зубов А.Н.¹ (преподаватель педучилища, коми-пермяцкий писатель, приговорен тройкой к ВМН), Зубов С.И. (зав. педагогическим техникумом, помощник технического секретаря Коми-Пермяцкого окружкома ВКП (б), приговорен тройкой к 10 годам лишения свободы), Кривошецов Я.А. (председатель Окружного совета ОСОАВИАХИМА г. Кудымкар, приговорен тройкой к ВМН). Всех обвиняли в причастности к контрреволюционной националистической повстанческой организации, существующей в Коми-пермяцком округе. Здесь можно выделить Дело коми-пермяцкого писателя Ф.А. Тупицина² и Дело заведующего Кудымкарским окружным отделом народного образования

¹ Первый допрос 28 августа 1937г. напечатан на 34 страницах. В нем список руководителей националистической организации на 28 человек // Дело по обвинению Зубова А.Н. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 7029.

² Преподавателя коми-языка в педагогическом училище Кудымкара, работника Коми-издательства Ф.А. Тупицина арестовали до начала операции 13 июня 1937 г. Он был из крестьян-бедняков, до 1919 был членом РКП (б), но служил в белой армии по мобилизации рядовым. Почти месяц его просто держали в камере без допросов. В первом допросе от 2 июля он подтвердил знакомство с уже арестованным местными писателями Лихачевым и Зубовым, с Дерябиным, арестованным в 1932 г. (осужден коллегией ОГПУ по делу контрреволюционной финской организации «Софиц», с профессором Лыткиным В.И. (арестован в 1933) и с Чечулиным (арестован за участие в контрреволюционной националистической организации в 1933). Ему вспомнили запрещенную книгу стихов «Гора-зюль» (Громкий шар) на коми-языке 1927 г., в которой были и его стихи: «Прекрасный Удмурт! От одного корня мы с тобой родились, с одной ложки пили и ели, на одном языке говорили. Потом нас русские прогнали из-за моря, где мы раньше жили и оставили имя своей нации той земле. Русский, пришедший с Запада, нас победил. Много убил, на земле нас оставил мало. В топких болотах мы тонули, в темном лесу умирали... Один народ, а стал называться по разному, который коми, который удмурт, который мари, который нудь. Мы, коми-народ, все старались к русским пролезть и за это дорого поплатились... Если мы объединимся, то свой народ на светлый путь мы выведем». Его обвинили в том, что он создал местный кружок национальных писателей, в состав которого входили Тараканов, Зубов, Лихачев и др., что желал отделения финно-угорских племен от Москвы, был членом контрреволюционной повстанческой организации, связанной с финским посольством. О нем написали, что он происходит из кулаков, эсер, колчаковец. Тройка приговорила его к расстрелу // Дело Тупицина Ф.А. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 10298. Л. 48–53.

А.М. Щукина¹, как наиболее тщательно подготовленные и интересные в связи с профессиональной принадлежностью подследственных. В этих делах встречалось множество имен тех, кто уже был арестован ранее или кого собирались арестовать в ближайшее время.

5) Дело контрреволюционной повстанческой организации, возглавляемой преподавателем математики в школе фабрики Госзнак И.А. Томским (17 декабря его арестовали, а 30 декабря было постановление тройки, большинство других арестовали 23.12.37). Организация была создана в г. Краснокамске якобы по указанию бывшего председателя Свердловского Облисполкома Головина, связанного с делом Кабакова. Им приписывают подготовку вооруженного восстания. По делу проходили 75 человек, среди них одна женщина – дочь торговца, жена белого офицера, регистратор 3-й поликлиники. Опять наблюдалось стандартное деление организации на части в соответствии с местом работы, с Камского бумкомбината – 4 ячейки, с Гознака – 2 ячейки, с завода 98 – 1 ячейка. Все приговорены к расстрелу. По этому делу видно, что следственные мероприятия уже поставлены на поток, между арестом главного фигуранта и приговором 13 дней, для остальных подследственных хватило 7 дней.

6) Не менее активно плели сети в Кизеловском НКВД. Там выдумка со списком членов повстанческой диверсионной организации, подделанном под список стахановцев, была поддержана. Список здесь якобы принадлежал руке главного инженера Кизелшахтстроя Г.Э. Гасмана. Были использованы как боевые единицы те же стандартные диверсионные группы из ссыльных кулаков и белогвардейцев. По делу проходили 52 человека, но служащих среди них трое, все бухгалтера. По этому делу можно проследить, как по-разному работали следователи. Двух главных фигурантов – Соколова и Веселова допрашивал опытный сержант Годенко, он печатал протоколы, добивался признаний. А третье лицо в деле, бухгалтера К.Н. Иванова, допрашивал помощник оперуполномоченного Няшин.

¹ Щукин А.М. Член ВКПб с 1919 по 1921, вышел в связи с непониманием нэпа, вновь вступил в 1925. Никакого компромата. Чистое происхождение – сын середняка. Служил в Красной Армии. Арестован 16 августа 1937 г. Приговорен тройкой к ВМН 21 сентября. // Дело по обвинению Щукина Андрея Матвеевича. ГОПАПО. Ф.641/1.Оп. 1. Д.12252.

21 мая 1956 г. В.Н. Няшин давал показания о своей работе в НКВД в период массовой операции: «Обычно перед допросом арестованных руководителем следственной группы (это и был Годенко. – А.К.) мне лично давался протокол допроса руководящего участника той или иной контрреволюционной организации, в котором как участники этой организации были вписаны те арестованные, которых я должен был допрашивать. При этом давались указания добиваться признательных показаний»¹. Но с Ивановым у следователя не получилось признания вины, однако это не помешало приговору, ведь его «изобличили» другие 12 человек. 30 декабря всех приговорили к расстрелу.

Важную роль для доказательства существования повстанческих групп, готовящих вооруженное восстание, играли служащие Осоавиахима, работники райвоенкомата, военруки техникумов, начальники отделов взрывных работ на шахтах. Ведь для правдоподобности у повстанцев должны были находить оружие, а военный подход к организации диверсионных групп могли обеспечить только действующие или бывшие военные. Эйдеман – председатель Центрального совета Осоавиахима, в качестве главного (шел не по тройке), М.А. Яковкин – начальник боевой подготовки Дорожно-транспортного совета Осоавиахима железной дороги им. Кагановича (Ф.641/1.Оп.1.Д.11260), И.П. Косых – зав. складом тары Рабторгпита ст. Пермь-2 и работник Осоавиахима (Ф.641/1.Оп.1. Д.15399), М.А. Васильев – начальник автотранспортного военно-учебного пункта Пермского городского Осоавиахима, А.А. Анисимов – начальник отдела боевой подготовки Осоавиахима Пермского горсовета (Ф.641/1.Оп.1.Д.13082). Все они были связаны с Кабаковым и Пшенициным, но проходили по разным повстанческим делам. Все были приговорены к расстрелу.

В работе по выполнению приказа № 00447 по отношению к служащим использовался стандартный для массовой операции в Прикамье подход. Предпочтение отдавалось формированию амальгамы взаимосвязанных между собой дел как с большим количеством

¹ Протокол допроса В.Н. Няшина от 21.05.56. // Дело по обвинению Богданова М.Ф., Соколова Г.А., Веселова М.А, Иванова К.Н. и др. в количестве 52 человек. 17.12.37 – 26.12.37. В 3 т. ГОПАПО.Ф.641/1.Оп.1. Д. 11908

подследственных, так и дел на одного человека¹. Но даже одиночное дело вплеталось в общую картину заговора. Дела по приказу № 00447 сразу тесно соединились с изъятием инобазы. НКВД фабриковало дела националистических и шпионских организаций параллельно с делами контрреволюционных повстанческих организаций, готовящих вооруженное восстание. И между ними, порой, тоже образовывались связи.

Итоги

В приказе № 00447 нет такой категории, как служащие, но их было репрессировано более тысячи человек. Под действие приказа попали разные категории служащих, руководители и специалисты, они были людьми со связями, а это помогало следователям фабриковать повстанческие организации, связанные через отдельных, наиболее высокопоставленных представителей, в единую сеть. Причем, если, на первый взгляд, кажется, что наиболее образованных и занимающих значительный пост служащих можно отправить на какой-либо процесс, то на деле выходило, что их проводили через ту же местную тройку УНКВД.

«Изъятие» мелких и средних служащих, оказавшихся жертвами массовой операции, высоко квалифицированных специалистов могло оказать влияние на развитие промышленности. Проблемы и так существовали, пятилетки не выполнялись, в сельском хозяйстве был кризис хлебозаготовок. И свалить вину на вредительство было одним из возможных выходов. Однако качественных работников и так было недостаточно, а массовая операция еще сократила их количество.

Пик арестов служащих падает на октябрь 1937 г. В течение месяца проходило оформление дел, поэтому на ноябрь приходится самое большое количество осуждений. Самыми распространенными обвинениями были шпионаж и антисоветская агитация. Приговаривали их, чаще всего, к расстрелу. И признания, хотя и были

¹ Начальник отдела боевой подготовки Осоавиахима Анисимов был завербован троцкистом Болтгалв Карлом Андреевичем, председателем Пермского городского Осоавиахима. Приговорен в ВМН // Дело по обвинению Анисимова А.А.ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.13082

желательны, но почти не влияли на исход дела. Ведение следствия было последовательным, но не всегда добросовестным.

Можно вывести типологию дел на служащих, которая, скорее всего, совпадает с типологией дел по другим социальным категориям:

1) Дела, объединяющие группу подследственных. Они могут быть многотомными. Показания пишутся следователями и изобличают других арестованных по этому и другим делам. Признание обязательно только для главных фигурантов. На приговор это не влияет. Несмотря на форсирование скорости выведения дел на тройку, даже в декабрьских делах имеются доносы и сводки секстов. Пример: в деле о контрреволюционной диверсионной вредительской организации в системе Пермского городского коммунального хозяйства имеются выписки из нескольких статей областной газеты «Звезда» о враче Семеновой, в начале дела 2 доноса на комплектовщика фабрики Пермодежда Каменева от 13.05.37 и 2.06.37, писали рабочие в горотдел НКВД, а также рукописные сводки агента «Ударник» от 28.10.37 г. о зав. коммунальным отделом Кагановического райсовета Колчине, что он «за свою «работу» берет маслом, Мясокомбинат продавал Колчину мясо только по 2 р. 50 коп. килограмм. ...содействовал какой-то семье приобрести дом, у этих граждан живет в Сочи дочь... должна его бесплатно содержать...»¹. Арест всех 10 человек был в один день 18.12.37. В деле есть связь с ранее арестованным Пелевиным – начальником пермского Горкомхоза и зам. директора мединститута. Приговор тройки – ВМН был от 30 декабря 1937 г.

2) Дела с показаниями свидетелей, меморандумами агентов или доносами. Эти дела обычно были на одного человека и редко связывали его с какой-либо организацией. Не арестованные свидетели рассказывали об антисоветских высказываниях подследственных. Эти показания в период массовой операции брали в один день, сразу после ареста, свидетелей редко было больше трех. Например, Дело Пыстогова Николая Алексеевича. Ф.641/1. Д. 13393. Учитель Кудымкарского педагогического училища. В деле 3 допроса свидетелей – все от 17 сентября 37 г. Этим же числом датируются арест и

¹ Дело по обвинению Каменева Т.Д., Оборина Н.Т., Булютина А.Р. и др., всего 10 человек. ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп.1. Д. 27814. С. 25-25 об.

обыск. Тогда же допросили самого подследственного в 2 вопроса, он вину не признал. А 18 сентября – обвинительное заключение: «За систематическую контрреволюционную пропаганду, антисоветские анекдоты ... и высказывания типа «газеты врут и восхваляют жизнь в СССР...», л.21, а 13.10 37. тройка приговорила его к 10 годам заключения.

3) Дела с показаниями других обвиняемых. В деле только те материалы, которые перечислены в Оперативном приказе № 00447 в разделе «Порядок ведения следствия» п.2, и изобличающие показания. Признание обвиняемого роли не играет. Например, кассир-инкассатор Пермского дегазационного отдела Осоавиахима была арестована 17.12.37, не призналась в участии в шпионской организации. Все, кто дал на нее показания, были передпрошены, якобы ранее скрыли Базилевич от следствия. 15.01.38 г. тройка приговорила ее к ВМН¹.

¹ Дело по обвинению Базилевич Серафимы Алексеевны. ГОПАПО. Ф.643/2.Оп.1.Д.30879.

А.И. КАЗАНКОВ

**РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ДУХОВЕНСТВА
В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ
В ПРИКАМЬЕ (1937–1938 ГГ.)**

Данное исследование представляет собой попытку разобраться в том, как репрессии, проводимые согласно «Оперативному приказу народного комиссара внутренних дел Союза СССР № 00447», затронули сравнительно небольшую и очень специфическую группу – духовенство. Выполнено исследование на основании материалов, хранящихся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области (ГОПАПО). Прежде всего, это следственные и надзорные дела арестованных (51 единица хранения). Помимо этого использовалась база данных на репрессированных в Прикамье, составленная работниками архива. В базе нами были отобраны арестованные, в качестве места работы/должности которых было указано следующее: «священник», «дьякон», «поп», «мулла», «служитель культа», «старообрядческий поп», «псаломщик», «церковный староста», «монах/монашка», «протоиерей». Они, в свою очередь, были разбиты на две категории: собственно служители культа и те, кто на советском жаргоне именовались «активными церковниками». Как правило, по одному и тому же следственному делу вместе со священниками¹ и «активными церковниками» проходят несколько прихожан или, так сказать, «технический персонал» вроде церковных и кладбищенских сторожей и т.п., которых мы исключим из предмета нашего исследования.

¹ В базе данных значатся всего пять мулл, поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться термином «священник», если контекст не потребует дополнительного определения.

К сожалению, нам не удалось обнаружить сколь-нибудь значительных данных о репрессированных сектантах, хотя из директивы, разосланной секретарем обкома ВКП (б) Кабаковым 24 апреля 1937 года горкомам и райкомам ВКП (б), явствует, что сведения об их «контрреволюционной и террористической деятельности» органам НКВД известны, и партийное руководство об этих сведениях информировано¹.

В самом тексте приказа № 00447 исследуемая группа упомянута дважды. Первый раз в преамбуле, где констатируется тот факт, что в деревне осело «много в прошлом репрессированных церковников и сектантов», а второй раз при перечислении контингентов, подлежащих репрессии, в пункте 6: «Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, *сектантских активистов, церковников* и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там антисоветскую подрывную работу». Если предположить, что исполнители приказа строго придерживались бы его буквы, то объектом репрессий стали бы преимущественно лица духовного звания, уже судимые по ст. 58 УК РСФСР, находящиеся в ссылке, или трудопоселенцы. Однако даже беглого знакомства со следственными делами вполне достаточно, чтобы убедиться – это далеко не всегда так. Если прежние аресты и судимости условно обозначить как «биографию», а нахождение в тюрьме, лагере, местах ссылки и трудовом поселении – как «географию», то и по «биографии», и по «географии» приказ трактовался вольно и расширительно.

В связи с этим возникает проблема, которую, в общем, можно сформулировать так: в каком качестве тот или иной человек захватывался действием репрессивной машины? Или по другому – в какой мере те или иные социальные качества репрессируемого оказывались коррелятом тех номинаций, которые фигурируют в определении тройки при УНКВД по его делу?

Если предположить, что арестован, допустим, колхозник, раскулаченный и в прошлом судимый по ст. 61 УК (т.е. как неплательщик налогов и сборов), оказавшийся сектантом, да еще к тому же – немцем, осужденный затем тройкой как участник контрреволюционной повстанческой организации, что именно сыграло в этом

¹ ГОПАПО. Ф. 970. Оп. 3. Д. 118. Л. 76-80.

определяющую роль? Не исключено, что он просто оказался подходящей «вешалкой» для заранее придуманной следователем «сказки», будучи вскользь упомянут другим арестованным. В таком случае он мог бы быть и ранее не судимым бухгалтером, русским, неверующим, а зачисление его в любую группу по любому значимому критерию выборки носило бы случайный характер, сама же подобная группа являлась бы лишь статистической.

Применительно к предмету нашего исследования, как будет показано в дальнейшем, ситуация складывалась по-другому. Иначе говоря, анализ следственных дел показал: попа арестовывали именно как *попа*, и «в нем самом» было *нечто такое*, что делало священника практически идеальным объектом репрессий. Но для того, чтобы выяснить, почему это так, нам необходимо рассмотреть несколько существенных аспектов отношений церкви и советского государства, которые являются контекстом анализируемых событий.

ЧЕРТ В ОГОРОДЕ, ИЛИ ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦЕРКВИ В УСЛОВИЯХ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

В августе 1937 года в селе Богородске Щучье-Озерского района объявился нечистый. Князь тьмы материализовался в совершенно неподходящем месте, а именно – в огороде, возле которого играли дети. Напугав их до полусмерти, черт куда-то сгинул. А через некоторое время к детишкам подошла бывшая монашка Клавдия Никитична Змеева, которая, как написал в газете «Вперед» от 19 сентября аноним, скрывшийся под псевдонимом «Богородский», «стала их агитировать, что вот мол, хотят закрывать церковь, так появился «нечистый», «сатана». Велела передать это родителям»¹.

Как выяснилось впоследствии компетентными органами, в деле не было ни грана inferнального – сатаной нарядилась сама вышеупомянутая Клавдия Никитична. Путем этой незамысловатой любительской инсценировки она стремилась побудить односельчан бороться за сохранение Богородской церкви, здание которой (по словам того же анонима) «пришло в негодность, может обрушиться и повлечет за собой десятки человеческих жертв»² (оставляем стиль на совести автора).

¹ ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27468. Л. 8.

² ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27468. Л. 8.

Вся эта история «черта в огороде», выдержанная в водевильно-бурлескном духе, могла бы стать лишь поводом для сатирических упражнений в какой-нибудь газете «Воинствующий безбожник», – если хотя бы на секунду забыть о том, что и сама Клавдия Змеева, и дьякон Богородской церкви Василий Дульцов (вдохновитель «провокации») были приговорены тройкой при УНКВД к высшей мере наказания и расстреляны. История, безусловно, показательная во многих отношениях, но приведена в данном случае как метафора, демонстрирующая положение самой церкви в 1937 году.

В самом деле, чем она еще могла выглядеть тогда, как не выходцем из «потустороннего мира», невесть почему находящимся в нашем «социалистическом огороде»? Действительно, в общественной жизни страны церковь к середине 30-х годов оставалась едва ли не единственным уцелевшим осколком дооктябрьского прошлого, массовой организацией, которую новая власть не смогла (или не захотела) интегрировать. Но если развернуть эту метафору далее, то в ней обнаружатся еще несколько любопытных смысловых оттенка. Во-первых, как и полагается всякому уважающему себя дьяволу, церковь занимается ловлей душ, и при этом совершенно по-дьявольски лжет, «ибо нет в нем истины; когда говорит он лож, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (От Иоанна, 8: 44). Но ведь от нашего внимания не должно ускользнуть, во-вторых, то, что и сам черт-то на проверку – подложный, не настоящий. Пугало для детишек, да и только.

Относительно последнего никаких сомнений быть не должно – вопрос о соотношении «царства и священства» в советской России был решен окончательно и бесповоротно уже к 1922 году, в ходе кампании по изъятию церковных ценностей. Как это было проделано на Урале, вполне убедительно показано на основе многочисленных источников в работе М.Г. Нечаева¹. Второй, не менее сильный удар церковь испытала в период коллективизации – в просмотренных нами делах неоднократно упоминаются церкви, закрытые в 1933–1934 годах по решению общего собрания колхозников. Лишенная имущества, ограбленная, контролируемая

¹ См. Нечаев М.Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922: Монография/ Уральский гос. ун-т; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2004.

извне и «просвечиваемая» изнутри «осведомами» из рядов духовенства, церковь явно не могла быть по-настоящему серьезным противником. Тем не менее в 1937 году в ходе «кулацкой операции» по ней будет нанесен новый, невиданный по жестокости удар. Возникает вопрос: зачем же так всерьез заниматься экзорсизмом, если дьявол фальшивый?

Как представляется, можно указать два резона подобных действий. Первый, совершенно очевидный, заключается в том, что даже сломленная церковь могла быть источником какого-то беспокорства и (пусть мелких) неприятностей. Второй состоит не в том, что она делала, а в том, что она являлась общенациональной иерархизированной организацией. Рассмотрим оба мотива.

Если не принимать в расчет бредни относительно комплектования повстанческих взводов из прихожан (с церковными старостами в роли командиров) или создания мобильных бригад из полоумных нищесбродов-юродивых для разбора железнодорожных путей¹, равно как и срыва посевной (или уборочной) методом отмечания церковных праздников, в сухом остатке все же остается несколько способов, которыми церковь могла досадить власти.

Первый имеет сугубо конъюнктурную природу и относится только к периоду от опубликования сталинской Конституции в 1936 году до первых выборов в Верховный Совет в 1937 году. Поскольку каждой совершеннолетней живой душе было даровано избирательное право, вопрос об их ловле приобретал некоторое политическое значение. Разумеется, власть сделает все необходимое для того, чтобы в Верховном Совете не появилась «черная фракция», строго указав, например, что церковная община не является общественной организацией, следовательно, – не может выдвигать своих кандидатов. И после первых же выборов стало понятно – «Они не пройдут!». Но, как явствует из многочисленных показаний подследственных и агентурной информации, в 1936–1937 годах и духовенство, и церковный

¹ Из воспоминаний террориста Петра Севастьянова: «В детстве, как мне рассказывала мать, что мой отец будучи пьяным во время ее избияния выбросил, якобы, меня из качалки на улицу через окно, с того времени у меня получается некоторая ограниченность». Из акта освидетельствования его в Пермской психиатрической больнице докторами Вертгеймом и Старициным: «Обнаруживает врожденное умственное недоразвитие (слабоумие в глубокой степени) и за свои деяния не ответствен». ГОПАПО Ф. 641/1 Оп. 1. Д. 13385. Т 2. Л. 54.

актив из прихожан питали на этот счет некоторые иллюзии¹. Следовательно, возможны (гипотетически) некоторые эксцессы во время предвыборной кампании и в ходе самих выборов. А за это местное начальство по головке не погладят.

Второй более общий повод для беспокойства заключался в том, что для правящей партии церковь по-прежнему оставалась идейным противником. Не стоит, конечно, при анализе причин репрессий придавать особое значение идеологии, но это обстоятельство имело совершенно определенный прагматический аспект. При любой активизации деятельности духовенства в адрес представителей партийной номенклатуры соответствующего уровня мог раздаваться (и часто раздавался) начальственный окрик – дескать, что-то черти в вашем огороде расшалились, плохо антирелигиозная пропаганда поставлена. За этим могли последовать оргвыводы – со всеми вытекающими в 1937 году последствиями.

Но главное, как представляется, все-таки было другое. Дело не столько в том, что ВКП (б) рассматривала церковь в качестве конкурента на ниве «ловли человеков». Дело в том, что церковь и партия были удивительно похожи структурно и организационно. Уподобления партии церкви (орден меченосцев и т.п.), как и демонстрация религиозноподобных черт догматизированного марксизма, набили оскомину. Но можно взглянуть на это и с другой стороны – иерархические церковные структуры были совершенно изоморфны партийным и формировались (если можно предложить такое определение) по *параноменклатурному принципу*. Применительно к конкретной епархии это означало то, что существовало определенное количество «номенклатурных позиций» настоятелей церковных приходов, священников, заполняемых методом назначения сверху из строго определенного контингента, отвечающего каноническим требованиям. Несколько приходов объединялись в благочиние, а назначаемый благочинный выступал промежуточной инстанцией («инструктором обкома») между ним и архиереем. Снуя как челнок между приходом и епархиальным центром, он находился в личном

¹ Пример «расширительного» толкования конституции 1936 года: протокол допроса дьякона Плотникова от 1 сентября 1937 г. о контрреволюционной деятельности единоличника А.И. Першина. ГОПАПО. Ф. 641/1 Оп. 1. Д. 13385. Т 1. Л. 10–11.

контакте, с одной стороны, с его главой, а с другой – с приходским советом, попом, дьяконом, псаломщиком и т.п. Священники частенько по делам навещали епархиальное управление, общались друг с другом, вместе праздновали церковные праздники, выпивали (как без этого!), обсуждали церковные (и не только) дела.

Одним словом, духовенство действительно было закрытой корпорацией, пронизанной личными связями, организованной и централизованной. В этом смысле самоопределение церкви как земного тела Христова – удачная метафора, т.к. обнаружение «контрреволюции» в любом из его органов, подобно раковой опухоли, неизбежно должно было поразить метастазами все тело. А уж арест епископа, разумеется, должен был бы иметь для его клира такие же последствия, как и арест секретаря обкома для всех тех, кто делал при нем номенклатурную карьеру. Поистине духовенство – идеальная среда для конструирования всяческих антисоветских центров, организаций и их подразделений, вербовок и т.д. Такой возможностью не воспользовался бы только ленивый, а в 1937 году в НКВД ленивые не задерживались.

СТО ДНЕЙ ДО ПРИКАЗА

Судьба духовенства пермской епархии, в общем, была predetermined задолго до появления приказа № 00447. Первым признаком надвигающейся бури стало разосланное всем городским и районным комитетам партии секретное письмо секретаря Уральского обкома ВКП (б) И.Д. Кабакова, от 24 апреля 1937 года, специально посвященное деятельности духовенства. В нем указывалось: «За последнее время в области в целом ряде районов развивают активную контрреволюционную деятельность церковники и сектанты, которые наряду с попытками использования легальных возможностей новой Конституции перешли к острым формам контрреволюционной работы. Безусловно, церковники и сектанты будут пытаться использовать совпадение пасхи с первым днем мая для своей контрреволюционной агитации, попытки срыва Первомайских праздников, срыва разворота сева»¹.

¹ ГОПАПО. Ф. 970. Оп. 3. Д. 118. Л. 76.

Вслед за приведением фактов активизации «контрреволюционной деятельности» следовал безапелляционный вывод: «По своим формам контрреволюционная работа сектантов и церковников носит диверсионный и террористический характер, указывает на наличие единого организующего центра, которым нередко является японская разведка и троцкисты»¹. Далее раздавались затрещины местным партийным начальникам: «Районные комитеты партии антирелигиозной пропагандой, политической агитацией не занимаются, не знают, что делают церковники и сектанты в их районах. Первичные партийные и комсомольские организации оторваны от масс, среди верующей молодежи не ведут антирелигиозной пропаганды, проходят мимо контрреволюционной работы церковников и сектантов»².

В числе приводимых «фактов» фигурирует, например, поп Калашников, совместно с другими попами организовавший в Чернушинском районе группу бродячего монашества из 7 человек, которые поставили перед собой цель совершать железнодорожные крушения, особенно с поездами, в которых будут ехать члены советского правительства. Действительно, священник И.Ф. Калашников был арестован 17 апреля 1937³. В то время, как партийные организации благодумствовали, органы НКВД не дремали.

По сути, в письме Кабакова все уже сказано. Духовенство активизирует свою деятельность, и это связано с принятием новой Конституции. За этой активизацией церковников проглядывает некий центр, связанный с внутренней контрреволюцией и иностранной агентурой. Партийным и комсомольским организациям предписано усилить активность. Подразделения НКВД уже действуют, т.к. из письма видно, что аресты уже начались. Мы находим подтверждения этому и в других источниках. Так, 19 мая начальник Ворошиловского РОНКВД капитан ГБ Моряков направляет секретарю Ворошиловского горкома ВКП (б) Павловскому спецсообщение «О контрреволюционных проявлениях со стороны духовенства Ворошиловского района». Оно демонстрирует прекрасную осведомленность о деятельности церкви. Приведена понедельная статистика

¹ Там же, л. 77.

² Там же, л. 80.

³ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 13385. Л. 14.

пришедших на исповедь в дни великого поста, и сообщается об антисоветской пропаганде священника из Ленвинской церкви В.В. Кочеткова и священника Городищенской церкви А.И. Словоцова, с указанием, что «Попы Словоцов и Кочетков арестованы»¹.

Впоследствии дела на Калашникова, Словоцова, Кочеткова попадут на рассмотрение тройки при УНКВД Свердловской области, созданной согласно приказу № 00447. В том же апреле началось дело о «черной свадьбе» в поселке Александровск², а начальник особого отдела 82-й стрелковой дивизии, расквартированной под Пермью, Федор Павлович Мозжерин произвел первые аресты по делу «Союза трудового духовенства».

Таким образом, основные узелки будущего широкомасштабного «заговора церковников» начинают сплетаться умелыми руками оперов НКВД еще весной 1937 года. Два начатых в апреле дела – попа-террориста Калашникова и «Союза трудового духовенства» быстро дадут выход на руководителей епархии: управляющего делами епархии обновленческой ориентации архиерея И.Н. Уфимцева, митрополитов М. Трубина, архиепископа П. Холмогорцева, епископа П. Савельева. А от них потянутся ниточки ко всем так или иначе связанным с ними клирикам. В итоге всех их подверстают к Уральскому повстанческому штабу, созданному усилиями начальника Свердловского УНКВД Д.М. Дмитриева.

Но даже анализ этих «доприказных» дел, относящихся к периоду апреля-августа 1937 года, вполне позволяет увидеть скрытую анатомию строения будущих следственных фабрикатов. Прежде всего, заметно наличие агентурных источников и добровольных информаторов. Так, о содержании «антисоветских высказываний» попа Словоцова известно из доноса председателя церковного совета Мельникова, направленного им, правда, не в НКВД, а благочинному Лузянину. Поскольку высказывания, которые позволял себе в проповедях Словоцов, вызывали оторопь даже у «активного церковника», он счел за благо попросить прислать другого священника взамен «бешеного батюшки» и тем самым предотвратить закрытие

¹ ГОПАПО. Ф. 59. Оп.1. Д. 302. Л. 106.

² В основе дела – история женитьбы дьякона М. Кукшинова на активистке-общественнице Т. Механошиной.

церкви¹. Каким-то образом органам было известно и содержание этого письма, отвезенного благочинным Лузяниным 16 апреля в Свердловск епископу П. Савельеву, и о произошедшей ранее, 31 марта встрече благочинного со строптивым батюшкой. Но иногда председатели церковных советов не брезговали писать и прямо в НКВД².

Вторая характерная деталь – интерес к связям в среде духовенства. При личном обыске и у Слоцова, и у Кочеткова были изъяты блокноты и, судя по всему, внимательно изучены, т.к. первого на допросе спрашивали, откуда у него адрес бывшего архиепископа пермского Виталия Покровского³ (к этому времени отбывающего наказание в Талицкой ИТК). Второй подтвердил, что в записной книжке у него действительно есть адрес митрополита М. Трубина⁴. Простой и незамысловатый прием – у пожилых, как правило, священников обязательно есть «поминальник» с адресами – вот тебе и контрреволюционные связи.

Следующим элементом фабрикации дела (пожалуй, основным) является система номинальных переквалификаций тех или иных действий арестованного. Так, например, в рождественской проповеди, прочитанной 7 января 1937 года, Слоцов совершенно апологетически уподоблял Ленина Христу, тем самым его «...дискредитируя»⁵ (не Христа, понятно, а Ленина), а призывая молиться за Сталина, «чтоб дал хорошую жизнь»⁶, он «опошлял» вождя партии. В деле о «черной свадьбе» регулярные попойки попов А. Колмогорова, А. Пастухова, дьякона М. Кукшинова и церковных активисток М. Лыхиной и А. Мехоношиной именуется «контрреволюционными сборищами», их пьяные беседы –

¹ См. протокол допроса Слоцова от 2 мая. ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп.1. Д. 29333. Л. 9-11.

² В деле Калашникова хранится донос председателя церковного совета Василия Касьянова о бродячем попе, распространяющем антисоветские слухи. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 13385. Л. 15.

³ ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп.1. Д. 29333. Л. 13. Слоцов поясняет, что к нему обратился священник Бухряков с просьбой оказать репрессированному архиепископу материальную помощь. Самое интересное, что просьба была выполнена – Слоцов выслал 15 рублей осенью 1936 г.

⁴ ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп.1. Д. 29335. Л. 12.

⁵ ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп.1. Д. 29333. Л. 32.

⁶ Там же. Л. 33.

«антисоветской пропагандой», а участники – «контрреволюционной группой»¹.

Подследственному словно бы навязывается определенная языковая игра, в которой задача допрашивающего – показать, «как это правильно называется». Обычно необходимая номинация содержалась в вопросе, например, так: «Вы признаете факт своего участия в контрреволюционной группе, где вели контрреволюционную пропаганду?». Если спрашиваемый не догадывался сразу о правилах и отрицал свое участие, следовало возражение вроде: «Вы говорите ложь». После чего предъявлялись показания другого арестованного о том, что они выпивали на пасху и обсуждали гражданскую войну в Испании – признаете? Признание, фактически, означало принятие правил игры и затем все шло как по маслу.

Ничто из перечисленного выше не является специфической чертой дел, сфабрикованных именно против духовенства. Это, так сказать, общая технология. Определенную специфику им придает то, на что мы указали ранее – иерархичность, корпоративность, широкая сеть личных связей (поп Словцов – благочинный Лузянин – епископ П. Савельев), пристальное внимание со стороны НКВД и партийных структур к деятельности духовенства. Эти дела лишь свидетельствуют о том, что к развязыванию большого террора против церкви все было готово. Доносы на попов регулярно поступали от доброхотов и осведомителей, чьи настоящие имена скрыты агентурными кличками («Карандаш», «Зоркий» и т.п.). Нам, правда, удалось обнаружить нескольких рассекреченных сексотов из рядов духовенства. Один был абсолютно безобиден, т.к. показаний ни на кого не дал, да и к тому же оказался чрезвычайно болтливым. Это священник Килин Владимир Кельсович, работавший на два фронта, за что и посаженный на 10 лет в октябре 1937 года. Как явствует из обвинительного заключения по его делу, «будучи завербован в 1932 г. в секретные сотрудники ОГПУ, не работал..., двурушничал, скрывая группиро-

¹ Из показаний Кукшинова: «На средства извлекаемые от пожертвований верующих мы систематически устраивали попойки, в которых принимали участие Пастухов, Колмогоров, Механюшина, Лыхина. Эти попойки устраивали как на квартирах, так и в помещении церкви, в палатке. Помню такой случай, что в сентябре 1936 года поп Колмогоров напившись пьяным валялся с крестом в руках в канаве». Однако, из этих же показаний следует, что все указанные выше – участники контрреволюционной группы.Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 58.

ванных церковников и монашек, имея с ними связь. В 1935 расконспирировал себя и *других осведомов из попов и Епископов*¹ (выделено нами, сохранены стиль и орфография. – А.К.). С князьями церкви дело обстоит гораздо интереснее, но не будем забегать вперед.

С апреля IV отделом УНКВД разрабатывались каналы и связи, придумывались организации и центры. Копившийся материал ждал своего часа, и этот час пробил в июле 1937, когда стали составляться списки «включенных в операцию» по первой и второй категориям. Массовые аресты духовенства начались в соответствии с приказом № 00447 с 5 августа. С этого времени процесс приобретает статистический характер, в котором можно выделить некоторые закономерности.

ЧИСЛА

Массовые аресты духовенства с разной степенью интенсивности проводились с августа 1937 по февраль 1938 года. Территориально они охватили практически весь нынешний Пермский край. Как видно из табл. 1, наиболее интенсивными аресты были в Верецагинском (5,4 % от общего количества арестованного духовенства), Ординском (9,5 % от общего количества арестованного духовенства), Суксунском (9 % от общего количества арестованного духовенства) и Пермском районе (5,4 % от общего количества арестованного духовенства). Практически не затронутыми репрессиями оказались Бардымский, Больше-Сосновский, Еловский, Косинский, Лысьвенский, Пермь-Серьгинский, Усинский, Фокинский, Чернушинский, Чусовской, Щучье-Озерский районы: в них было произведено не более двух арестов, что составляет менее 1 % от общего количества арестованного духовенства. Стоит обратить внимание на то, что аресты, производимые в декабре 1937 и феврале 1938 года, имеют четкую локализацию. Подавляющее большинство декабрьских арестов произвел городской отдел НКВД г. Перми, а в феврале аналогичная ситуация сложилась в Осинском районе. Стоит отметить, что приговоры, вынесенные тройкой именно по этим делам, отличались крайней жестокостью и выносились в кратчайшие сроки. Невольно складывается впечатление, что кто-то, спохватившись, «довыполнял план» для очередного квартального или годового отчета.

¹ ГОПАПО. Ф. 643/2, Оп.1. Д. 6533. Л. 71.

Таблица 1

**Районирование репрессий в отношении духовенства
по приказу № 00447**

Район	Количество арестов							Всего	% к общему количеству арестованного духовенства
	1937 год				1938 год				
	08	09	10	11	12	01	02		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бардымский	2							2	0,9
Березовский	4+2		4+1					8+3 = 11	5
Б.-Усинский	2+1							2+1 = 3	1,4
Б.-Сосновский			2					2	0,9
Верещагинский	3+4	1	4					8+4 = 12	5,4
Ворошиловский	1	1	1	2+1			2+1	7+2 = 9	4
Добрянский	1+4	3	+1				+1	4+6 = 10	4,5
Еловский		1						1	0,45
Карагайский	1+1	+1	2		1			4+2 = 6	2,7
Кизеловский	+1	1	1					2+1 = 3	1,4
Кишертский	2+4	1	1+2	+2				4+8 = 12	5,4
Косинский	+1							+1	0,45
Кудымкарский	1	1						2	
К.-Пермяцкий округ	2+1	1	+1					3+2 = 5	3,15
Куединский	1		1	+2				2+2 = 4	1,8
Кунгурский	5+1		1+5	1				7+6 = 14	6,3
Лысьвенский			1		1			2	0,9
Нытвенский	+1		3					3+1 = 4	1,8
Ординский	7+1	1	5+6		1			14+7 = 21	9,46
Осинский			2				7	9	4
Оханский	4							4	1,8
Очерский		1	4+2	+1				5+3 = 8	3,6
Пермский г. Пермь	1 2		2			7		1 11	5,4
П.-Сергинский		+1						+1	0,45
Сивинский		1	3					4	1,8
Суксунский	4+9	1	4+2					9+11 = 20	9
Уинский	2		4					6	2,7
Усинский	2							2	0,9
Фокинский	1		1					2	0,9

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Частинский	3							3	1,4
Чердынский	+3	2					1	3+3=6	2,7
Чермозский	1		2					3	1,4
Черновский		3	1					4	1,8
Чернушинский	1+1							1+1=2	0,9
Чусовской		+1						+1	0,45
Щ.-Озерский			1+1					1+1=2	0,9
Юсьвенский		2	+1				+1	2+1=3	1,4
Прочие	2	3	1					6	2,7
Итого	55 +35 = 90	24 +3 = 27	51 +22 = 73	3 +6 = 9	10 = 10	+1 = 1	10 +2 = 12	153 +69 = 222	

Примечание: курсивом выделены церковники и сектанты

Анализ динамики производимых арестов отчетливо показывает (рис. 1) чередование подъемов и спадов активности при общем уменьшении ее амплитуды: за августовским пиком следует сентябрьский спад, и новый пик в октябре, не достигающий размера августовского. Затем новый спад в ноябре и далее – затухание интенсивности арестов в январе-феврале 1938 года.

Рис. 1. Динамика арестов духовенства в августе 1937 – феврале 1938 года:

- ▨ – священники,
- ▤ – церковники и сектанты

Если рассмотреть аресты духовенства (табл. 2) в масштабе кулацкой операции в целом, они не производят особенного впечатления: доля арестованных в этой группе по отношению ко всем репрессуемым оказалась максимальной в августе (4,4 %)

и минимальной в январе 1938, когда, в соответствии с базой данных, по всему краю арестовали 1 церковного старосту в Добрянском районе (0,1 %).

Т а б л и ц а 2

**Динамика арестов духовенства в отношении
к общему количеству арестованных**

Месяц, год	Количество арестованного духовенства (чел.)	% от общего количества арестованного духовенства	% от общего количества арестованных в указанный месяц	Общее количество арестованных в указанный месяц
Август 1937	90	40,5	4,4	2062
Сентябрь 1937	27	12,2	3,8	694
Октябрь 1937	73	32,9	3,7	1969
Ноябрь 1937	9	4	2,4	372
Декабрь 1937	10	4,5	0,7	1355
Январь 1938	1	0,5	0,1	816
Февраль 1938	12	5,4	2,4	500
Всего	222	100	—	7768

Приведенные далее данные иллюстрируют уже не деятельность органов НКВД, а деятельность тройки. По делам духовенства тройка при УНКВД выносила всего два вида приговоров: священников, церковников и сектантов либо расстреливали (с конфискацией имущества либо без таковой), либо приговаривали к десяти годам лишения свободы. Согласно нашим наблюдениям приговор совершенно не зависел от того, кто и по каким обвинениям осужден. Как выяснилось, единственным значимым параметром оказалась дата ареста и, в какой-то мере, время рассмотрения дела тройкой, зависящее помимо даты ареста еще и от продолжительности следствия.

Из таблицы 3 и рис. 2 видно, что наибольший шанс остаться в живых был у тех, кто был арестован в сентябре 1934 года, и никаких шансов у тех немногих, кто был арестован в декабре-январе.

По-видимому, это объясняется тем обстоятельством, что сначала арестовывались те представители духовенства, которые попали в первую категорию (или были перекаленицированы из первой во вторую).

Т а б л и ц а 3

Соотношение приговоров, вынесенных тройкой при УНКВД, (ВМН или 10 лет лишения свободы) представителям духовенства, арестованным в указанном месяце

Приговор	08.1937	09.1937	10.1937	11.1937	12.1937	01.1938	02.1938	Всего
ВМН	56 (62 %)	5 (19 %)	27 (37 %)	3 (33 %)	10 (100 %)	1 (100 %)	11 (92 %)	112 (50,5)
10 лет лишения свободы	34 (38 %)	22 (81 %)	46 (63 %)	6 (67 %)	—	—	1 (8 %)	110 (49,5)
Всего	90 (100 %)	27 (100 %)	73 (100 %)	9 (100 %)	10 (100 %)	1 (100 %)	12 (100 %)	222 (100 %)

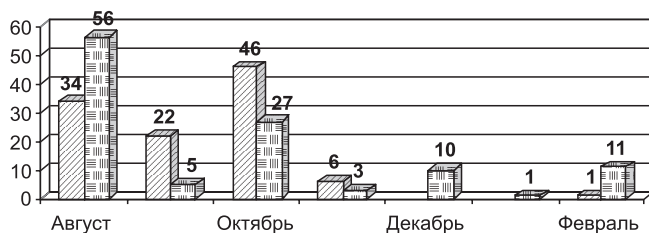

Рис. 2. Соотношение приговоров вынесенных тройкой при УНКВД представителям духовенства, арестованным в указанном месяце:

- ▨ — 10 лет лишения свободы,
- — ВМН

В табл. 4 мы видим другую закономерность. Шанс сохранить жизнь минимален у осужденных в августе (все вынесенные приговоры – расстрельные) и сентябре, т.е. у тех, чьи дела были «сшиты» быстро. Вероятность быть расстрелянным существенно ниже у осужденных в октябре (тогда как раз и судили арестованных в сентябре). После она вновь начинает убывать – в ноябре количество арестов минимально, но тройка трудится, не покладая рук, осуждая взятых во время второго, октябрьского пика арестов. Относительно

декабря можно сказать следующее: хотя всех, арестованных в декабре, в декабре же и осудили к ВМН, статистику несколько улучшают дела, тянувшиеся часто более трех месяцев.

Т а б л и ц а 4

Динамика вынесения приговоров духовенству (помесечно)

Месяц, год	ВМН	% от общего кол-ва приговоров дух-ву в текущем месяце	10 лет	% от общего кол-ва приговоров дух-ву в текущем месяце	Общее количество вынесенных приговоров духовенству в текущем месяце
Август 1937	5	100	–	–	5
Сентябрь 1937	52	93	4	7	56
Октябрь 1937	11	15	61	85	72
Ноябрь 1937	19	37	33	63	52
Декабрь 1937	14	67	7	33	21
Январь 1938	–	–	–	–	–
Февраль 1938	5	100	–	–	–
Март 1938	7	87	1	13	8
Позже	3	100	–	–	3
Всего	116	–	106	–	222

Если скорость выполнения следственных действий (от производства ареста до направления дела на рассмотрение тройкой) является значимым показателем, то нужно сказать и о ней, тем более что тут налицо устойчивая тенденция. Мы проанализировали зависимость скорости рассмотрения дел от месяца, в котором был произведен арест по трем показателям: минимальная продолжительность следствия, максимальная продолжительность следствия, средняя продолжительность ведения следствия для арестованных в данном месяце. Результаты приведены в табл. 5 и 6. Из них видно, что от месяца к месяцу средний срок следствия сокращался сначала на 20, а затем на 7–5 дней ежемесячно, и параллельно сокращался разрыв между минимальным и максимальным интервалом между арестом и

осуждением. Самую поразительную «скорострельность» продемонстрировал в декабре 1937 года Пермский городской отдел НКВД, уложившийся при рассмотрении дела священника Оленева в 2 дня. Возникает даже вопрос о том, как это было возможно технически.

Т а б л и ц а 5

**Зависимость скорости рассмотрения
дел священников от месяца ареста**

Месяц ареста	Минимальный срок рассмотрения дела (дни)	Максимальный срок рассмотрения дела (дни)	Средний срок рассмотрения дела (дни)
Август 1937	14	122	55
Сентябрь 1937	15	86	35
Октябрь 1937	8	89	22
Ноябрь 1937	6	33	15
Декабрь 1937	2	23	10
Январь 1938	–	–	–
Февраль 1938	14	32	26

Т а б л и ц а 6

**Зависимость скорости рассмотрения
дел церковников и сектантов от месяца ареста**

Месяц ареста	Минимальный срок рассмотрения дела (дни)	Максимальный срок рассмотрения дела (дни)	Средний срок рассмотрения дела (дни)
Август 1937	17	124	53
Сентябрь 1937	18	44	28
Октябрь 1937	7	36	16
Ноябрь 1937	7	34	19

Национальный состав арестованных служителей культа выглядит однородно – абсолютно преобладают русские – 184 человека (97 %), затем идут татары – 3 человека (2 %) и башкиры – 2 человека (1 %). Прочие национальности встречаются только в среде сектантов (3 финна, 2 коми-пермяка, 1 коми-зырянин, 1 полька, 1 мариец).

Как показывает анализ обвинений (табл. 7), по которым были осуждены арестованные священники, единственными статистически значимыми квалификациями оказались, в конце концов, антисовет-

ская агитация (АСА) – 44 приговора (29 % вынесенных в данной категории), а также АСА в сочетании с участием в контрреволюционных повстанческих организациях – 27 приговоров (18 % вынесенных в данной категории) и АСА в сочетании с антисоветской деятельностью – 9 приговоров (6 % вынесенных в данной категории), АСА в сочетании с контрреволюционной деятельностью – 12 приговоров (8 % вынесенных в данной категории) и КР, повст. (?) – 13 приговоров (8 % вынесенных в данной категории). Это, как ни странно, показывает практически полный провал попыток представить священников деятельными террористами, диверсантами и т.п. Основным ядром обвинения все-таки осталась «болтовня» – т.е. агитация, чего и следовало ожидать от священников и мулл, чья профессиональная деятельность так или иначе неизбежно связана с произнесением публичных речей – молитв, проповедей и т.п. Примерно каждый третий приговор, следовательно, сводился к сакраментальному «Превратил церковный амвон в трибуну для антисоветской агитации».

Т а б л и ц а 7

**Характер обвинений, по которым были осуждены
арестованные священники**

Квалифика- ция тройки при УНКВД	Месяц, в котором был произведен арест							Всего
	Август 1937	Сен- тябрь 1937	Ок- тябрь 1937	Ноябрь 1937	Де- кабрь 1937	Январь 1938	Фев- раль 1937	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
АСА	13	10	17	1	3			44
АСА, КР, повст.	10	1	9	1	6			27
КР, повст.	6		4	1			2	13
АСА, АСД, террор.	6							6
АСА, КРД	5	3	3				1	12
АСА, АСД	3	1	5					9
АСА, КРП	2		1					3
КРД, КРА	2							2
КРП	2		2				1	5
АСА, КРА	1							1
АСА, КР, повст., шп.	1							1

Окончание табл. 7

1	2	3	4	5	6	7	8	9
КРД	1		1				3	5
КРД, КРПО	1	1						2
КРД, КРП, терр. намер.	1							1
АСА, КРПО	1	1	2		1			5
КР, повст., террор., шп., АСД	1	4						5
КР, повст., террор.		1						1
КР, повст., КРД		1						1
КРПО, шп., террор		1						1
КРПО, АСА, КРД			1					1
КР, повст., диверс., КРП			2				1	3
КРПО, ди- верс.			1				1	2
КРПО, ди- верс., КРП			1				1	2
Всего	56	24	50	3	10		10	153

Рассмотрим несколько репрезентативных в том или ином отношении дел. Одно из них, хотя и рассматривалось тройкой при УНКВД Свердловской области, было завершено до появления приказа № 00447 и попало под его действие «задним числом». Это дело – прекрасный пример «активизации деятельности церковников» и того, что за ней обычно следовало, т.е. ликвидации небольшой, локальной и, как выяснилось, выдуманной контрреволюционной группы. Точнее было бы выразиться так: группа-то была реальной, а вот контрреволюционной ее сделало следствие. Однако, как бы там ни было, дело о черной свадьбе писано почти с натуры, и эта натура подчас намного увлекательнее всех фантазий оперуполномоченных НКВД.

Второе – дело о бродячем попе является враньем, причем, как сказано у классика, «интереснее всего в этом вранье то, что оно – вранье от первого до последнего слова». Зато рассмотрение этого

дела позволяет в деталях познакомиться с процедурой фабрикации «повстанческих ячеек» в Коми-Пермяцком автономном округе. Дело о «бродячем попе» можно считать эталонным для репрессий, производимых в среде духовенства согласно приказу № 00447: в своей безукоризненной «технологичности» и абсолютной оторванности от каких бы то ни было реальных оснований, оно ясно демонстрирует специфическую внутреннюю рациональность процесса.

ДЕЛО О «ЧЕРНОЙ СВАДЬБЕ»

*Съезжались к церкви кареты,
Там пышная свадьба была...*

Действующие лица:

Кукшинов Михаил Иванович – дьякон Александровской церкви, 27 лет, регент церковного хора. Не дурак выпить и приволкнуться за женщинами.

Тамара Механошина – воспитатель детского сада, 19 лет, кандидат (?) в члены ВЛКСМ, участница агитбригады в поселковом клубе.

Пастухов Александр Александрович – священник, выпускник Казанской духовной академии, 53 года.

Колмогоров Яков Степанович – священник Александровской церкви, 55 лет, собутыльник Кукшинова.

Лыхина Мария Александровна – председатель церковного совета, 63 года, сестра Пастухова, властная и энергичная дама. Активная церковница.

Механошина Анна Матвеевна – 66 лет, церковный староста и казначей Александровской церкви.

А также: поселковые сплетницы, баянист с гармошкой, прихожане и прихожанки, оперуполномоченные НКВД, помощник областного прокурора, тройка при УНКВД Свердловской области.

Прологом к этой истории служит небольшая публикация, появившаяся 11 марта 1937 года в кизеловской районной газете с боевым названием «Уральская кочегарка». В заметке, относящейся к классическому жанру советского политического доноса, стилизованного под вопрос «Куда смотрит общественность?», некто К. Ерохин выражал крайнюю обеспокоенность активностью церковников в поселке Александровск. Особенно его тревожило то, что хищные

ручонки «черного воинства» протянулись к самому дорогому: «А кому доверено воспитание детей? Мать А.И. Механошиной состоит в хоре церковных певчих, сестра ее замужем за дьяконом, отец – активный церковник, а сама она верующая, и ей вверен детский садик»¹.

Удар был либо интуитивно точен, либо нанесен с хорошим расчетом, так как К. Ерохин явно «попал в десятку». Уже 1 апреля церковь в Александровске была закрыта, 19 апреля – допрошены первые свидетели по делу о «черной свадьбе», а 24 апреля произведены аресты пяти фигурантов: Кукшинова, Колмогорова, Пастухова, Лыхиной и Механошиной². Но корреспондент «Уральской кочегарки» все-таки отчасти погрешил против истины: сестра Антонины Механошиной *уже не была* замужем за дьяконом. 3 марта 1937 года брак Михаила Кукшинова и Тамары Механошиной был расторгнут поселковым советом Александровским³.

Таким вполне прозаическим финалом завершилась история, на протяжении всего предыдущего года будоражившая поселок и служившая тучной почвой для слухов и сплетен.

К сказанному, пожалуй, можно добавить то, что уже после начала первых допросов (и как раз накануне задержания обвиняемых) в газете «Уральский рабочий» от 22 апреля была помещена статья без подписи с красноречивым названием «Преступление в поселке Александровском»⁴. В ней еще до всякого суда и следствия все было названо своими именами: в поселке Александровск группе церковников удалось завлечь в свои сети юную девушку-активистку, вынудить оставить общественную работу, скомпрометировать и добиться ее согласия на брак с дьяконом местной церкви. Не получив в нужный момент поддержки общественности, несчастная жертва была торжественно отведена под венец при обильном стечении народа. Данное венчание суть не что иное, как инсценировка, грандиозная антисоветская провокация, наглая демонстрация влияния религии на молодежь. Лексикон статьи был вполне определенным: «охвостье кулачества», «омерзительное преступление», «только в обстановке идиотской беспомощности руководителей, в обстановке полной безнаказанности могла настолько зарваться преступная кучка церковников» и т.п.

¹См. «Черное воинство». Александровские церковники за работой // Уральская кочегарка. 11 марта 1937 г. ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 139.

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 1-5.

³ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 135.

⁴ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 140.

Именно этой сюжетной канвы и будет в итоге придерживаться следствие – с незначительными вариациями. Оно велось недолго – окончено к 30 апреля, а уже 9 мая было составлено обвинительное заключение. Дело сработано добротнo – постановление об избрании меры пресечения, ордера на обыск, протоколы обыска, анкеты арестованных, постановления о привлечении к следствию в качестве обвиняемых, показания обвиняемых и свидетелей, протоколы очных ставок, свидетельства о предъявлении материалов следствия обвиняемым, обвинительное заключение, определение прокурора – все в наличии. В деле полно вранья, но сквозь сплетаемое следствием словесное кружево, тем не менее, отчетливо видна правда. Ее-то мы и реконструируем, попутно отмечая поправки, внесенные произволом оперуполномоченных НКВД в прозу повседневной жизни поселка Александровск. А было все, скорее всего, так...

Марию Лыхину и Анну Механошину всерьез беспокоил моральный облик дьякона Александровской церкви Михаила Кукшинова. Вел он себя совершенно неподобающим для православного образом. Во-первых, пил, не просыхая. Чего стоила одна история с соборованием, приключившаяся на старое Рождество? Тогда у Кукшинова чирей на шее вылез, он и собрался помирать. Позвал к себе попа Колмогорова – причаститься перед смертью. А смерть что-то все не шла. Ну, хватили по рюмочке, затем – по другой... В конце концов, оба «напились до бессознания, пили до 12 часов ночи, так, что, даже нарыв у дьякона прорвался»¹. До того доходило дело, что дьякон вместе с собутыльником-попом появлялся в церкви, напившись до положения риз, за что неоднократно были самой же Лыхиной из храма изгоняемы взащей. Как-то в сентябре 1936 года (после очередного выпроваживания) поп сверзился с церковной паперти в канаву, где и остался почивать – прямо с наперсным крестом в руках². Но еще хуже было то, что дьякон тешил блудного беса с поселковыми женщинами – Осинниковой и Тиуновой, чем окончательно дискредитировал светлый образ духовного лица.³

¹ Показания Лыхиной. ГОПАПО.Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 67.

² См. показания Кукшинова: ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 58.

³ См. показания Лыхиной: ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 66 об.

Где-то в начале 1936 года терпение активисток церковного совета лопнуло. Кукшинову был предъявлен ультиматум – либо ты остепенишься, женишься, наконец, либо «они не дадут возможности ему служить в церкви, и добьются его снятия с должности дьякона»¹. Когда дьякон расскажет об этом эпизоде на допросе 25 апреля 1937 г., сей факт будет интерпретирован как предварительный сговор церковников². Вначале кандидатура суженой-ряженой была еще окончательно не определена – мало ли невест в округе? Но после того, как одна из них – Ангелина Анянова – дьякону отказала, планы наших кумушек изменились. Нашли ту, которая будет сговорчивей.

Жениться было велено на дочери церковной активистки Вассы Спиридоновны Механошиной – Тамаре. Тем самым надеялись убить сразу двух зайцев: по принципу «венец все покроет» поправить реноме Кукшинова (а может, и заставить его вести себя сообразно сану), но еще и пресечь сплетни, ходившие о девушке по поселку. Суконным языком протокола суть этих сплетен изложена так: судачили «об использовании ее в половом отношении ее отцом»³. О таких, как Тамара, по деревням шептались: «девка порченная»; и это было приговором окончательным, обжалованию не подлежащим. Потом, в ходе следствия, в распространении этих слухов обвинят, конечно, церковников. Но в деле имеется справка о заявлении, поданном нашей героиней, в котором девушка утверждала, что обе сестры Механошины – и старшая Антонина, и сама Тамара были изнасилованы отцом⁴. Позднее она от заявления отказалась, и делу не дали хода. Однако складывается впечатление, что в этой семейке все-таки пахло инцестуозным душком.

¹ См. показания Федосеевой: ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996.

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 57.

³ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 27 об.

⁴ Из постановления народного следователя Кизеловского района Свердловской области Костоусова о прекращении дела по обвинению Механошина Ивана Гордеевича от 1 августа 1934 г.: «Гражданкой Механошиной Тамарой Ивановной было написано и подано заявление на своего отца, Механошина, что якобы последний пытался ее изнасиловать и кроме того он, Механошин, изнасиловал свою старшую дочь – сестру Тамары Антонину еще будучи в то время 12 лет, а в настоящее время Антонине 25 лет, о чем сама Антонина подтвердила (!), но ею о насильстве ее отцом Механошиным раньше заявлено не было». ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 143.

...А он ее не любил. Точнее, он любил другую. Следы этой греховной, с точки зрения церковной старосты и казначея, страсти явственно видны в деле. Уже дав показания на всех, сказав все, что от него хотели услышать, дьякон Кукшинов 9 мая вновь сам вызовется дать показания с единственной целью – выгородить Ее – Евдокию Осинникову. Дескать, в контрреволюционной организации не состояла. Все мы состояли, она нет. И антисоветской пропаганды не вела. Все мы вели, она – опять-таки нет. Простая прихожанка.¹

...Она тоже его не любила. Молодая девушка, почти закончила семилетку, активистка – участвовала в клубной агитбригаде. Любила петь и танцевать. Работала воспитательницей детского сада. И то, и другое, скорее всего, было просто способом вырваться из дому. Зачем ей дьякон-пропойца? Но с какого-то момента и у него, и у нее просто не оставалось выбора.

Первый шаг сделал Кукшинов. Хочешь, не хочешь, а надо «жениться». И в январе 1936 года дьякон зачистил в дом Механошиных, куда наши кумушки предусмотрительно перенесли спевки церковного хора (знали бы они, что на следствии это будет истолковано как начало реализации коварного заговора). По поселку немедленно пошли разговоры. Как сказал поэт, «зимую жизнь в провинции сонлива, как сурок», а тут такая пикантная ситуация. И вот уже поселковые сплетницы всю смакуют факт «интимной связи» Тамары и Кукшинова. Разговоры, косые взгляды, ухмылки преследовали ее повсюду. Как показала девушка на допросе 19 апреля 1937 года, «когда мне приходилось бывать даже и в магазине, то все начали называть меня дьяконицей».² Подливал масла в огонь и поп Колмогоров, в присутствии посторонних лиц тоже ласково называя Тому «дьяконицей», чем «давал повод к укреплению связи между ними и прельщал Механошину»³.

Между тем интрига заворачивалась все круче. Когда слухи о связи Кукшинова и Тамары дошли до сожительницы дьякона Осинниковой, та из ревности взяла, да и написала заявление заведующей детсадом Загайновой, в котором обвинила соперницу ... в

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 63.

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 85.

³ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 27 об.

связи с дьяконом¹. Из детсада Тамару немедленно уволили. Но этот демарш лишь поспособствовал реализации матримониальных планов Кукшинова. Тамара оказалась без работы, денег на жизнь не было, а дьякон тут как тут – ты, мол, из-за меня пострадала, как честный человек предлагаю тебе руку и сердце. Вначале Тамара ему отказала, и тогда за нее принялись Лыхина с Механошиной. Ходили, расхваливали дьякона, воздействовали через религиозную мать, и, наконец, в марте добились своего. Сговор состоялся честь по чести: «пили чай, приносили им вина ½ литра, по свадебному обычаю, дома были все, в том числе и дьякон Кукшинов»².

Вскоре после этого Тамара перестала ходить в клуб, забросила агитбригаду, стала чаще бывать в церкви. Нашим кумушкам это льстило и провоцировало их к необдуманным демонстративным действиям. 11 апреля 1936 г., на Святую Пасху, когда церковь была забита народом, они заставили будущую дьяконицу публично исповедоваться и причаститься у священника Колмогорова, что, по мнению попа Пастухова (которого в данном случае можно считать экспертом), противоречило церковной практике³. На следствии в этот эпизод буквально вцепятся – как же, контрреволюционная группа церковников в действии: заставили активистку-общественницу принародно отречься от комсомола, продемонстрировали влияние церкви на молодежь. Одержали, так сказать, символическую победу, совершили первую идеологическую диверсию, «скомпрометировав Тамару в глазах общественности».

По-видимому, успокоившись, активистки ослабили давление на Кукшинова, и дьякон «задурил» – раздумал жениться «и месяца два не ходил к Механошиным под влиянием порочащих слухов, которые распускала о Тамаре сожительница дьякона Осинникова»⁴. Дело растянулось до осени – традиционного времени деревенских свадеб. По поселку пошла новая волна слухов, и чтобы покончить с ними, в октябре дело повели к венцу. Тамаре отдали принадлежащую

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 85 об.

² ГОПАПО Показания Лыхиной. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 66.

³ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 27.

⁴ Показания Анны Механошиной. ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996.

церкви шелковую шаль «как подарок в знак солидарности в связи с выходом замуж за дьякона»¹, которую, впрочем, после свадьбы забрали обратно (когда следствие будет доказывать версию о том, что вся свадьба – не более чем инсценировка, это «отбирание шали» станет одним из аргументов). Любопытство публики было подогрето настолько, что соседку Кукшинова Феклу Старцеву замучили расспросами: «Когда же? А платье у Томки какое?». Та не выдержала и повесила на заборе возле поселковой почты самодельное объявление: «Сегодня венчается дьякон при полном свете, при участии хора певчих. Платье невесты из шелка по 40 р. метр»². Но как ни старались потом оперуполномоченные НКВД представить это как агитацию контрреволюционной группы церковников, не удалось.

Перед венчанием для молодой, по старинному обычаю, истопили баню. Когда этот эпизод впоследствии всплыл в показаниях попа Пастухова, шаловливое перо ведшего допрос капитана госбезопасности Костина прибавило скабрзную подробность: мытье в бане носило, мол, унижительный для Тамары характер, поскольку сопровождалось «подглядыванием церковников». Но на этом эротические фантазии капитана Костина не закончились. Для того, чтобы показать исключительно фиктивный, пропагандистский характер свадьбы, он двумя строками ниже недрогнувшей рукой поместил следующий пассаж: «Дьякон Кукшинов, занимавшийся онанизмом, не способен к нормальной половой жизни и вся эта процедура с его женитьбой была направлена на то, чтобы дискредитировать комсомол и общественность и показать влияние церкви»³. Это была полная чепуха, так как к началу следствия у Тамары живот на нос лез – она прижила от дьякона сына Юрия.

Народу в церкви в тот день, 25 октября, было столько, что яблоку упасть некуда. Пировали три дня. Гуляли широко, все упились, в том числе и попы. «Провокация» и впрямь получилась шикарная, на свадьбе было замечено 4 комсомольца. Из

¹ Показания Тамары Механошиной. ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 87.

² Показания Старцевой. ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 80 об.

³ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 34.

заводского клуба принесли гармошку, на которой играл клубный баянист Полушин¹.

Тут бы и истории конец, дескать «и я там был, мед-пиво пил»..., но не тут-то было. Жизнь у молодых не заладилась. Невестку, как водится, невзлюбила свекровь. Тиранила, заставляла сыну в ноги кланяться. В покаянном письме, направленном впоследствии в редакцию «Уральской кочегарки», Тамара будет и вовсе страсти рассказывать: мать Кукшинова неоднократно подкладывала ей в постель иголки!² Сам дьякон беспробудно запил, стал пропадать ночи напролет – старая любовь не ржавеет – у Осинниковой. На почве пьянства и комплекса вины стал чудить, по словам Тамары, «ревновал меня без малейшего повода, устраивал инсценировки самоубийства. Как, например, разведет уксусную эссенцию в мое отсутствие, а при мне льет ее в стакан и пьет, затем инсценирует отравление. Уходил из квартиры во двор, надевал петлю на шею, пытался заколоть себя вилкой, зарезать ножом, как например, в первых числах января мес. 1937 г. взяв нож, хотел перерезать себе горло, но в этот момент в квартиру зашла моя мать и пыталась у него нож отобрать, но он ударил ее кулаком по голове и побежал топиться, а когда я пошла за ним, то он ударил меня кулаком в спину и убежал в квартиру моей сестры Антонида»³.

Такая супружеская жизнь не могла продлиться долго. Но что именно произошло в феврале 1937 года с нашими героями – выяснить точно не удастся. Анонимный автор заметки «Преступление в поселке Александровск» утверждал, что коварный дьякон бросил беременную жену. Тамара в своих показаниях, данных уже в ноябре 1959 года, скажет, что она сама ушла от Кукшинова, уличив его в супружеской измене⁴. Как бы то ни было, они развелись, а неделю спустя вся эта история попала в газеты – сначала в районную, потом в областную. Скандал получился громким, «общественность» требовала примерного наказания виновных. И «компетентные товарищи» приступили к расследованию.

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 66.

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 104.

³ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 89 и 89 об.

⁴ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 172.

После того, как временно исполняющий должность начальника 4-го отделения УГБ сержант госбезопасности Тюрин завел следственное дело № 6276, бытовая драма стала быстро превращаться в высокую трагедию. Начало следствия удивительно точно совпадает с рассылкой упоминавшегося ранее секретного письма секретаря обкома Кабакова. То, что история «приобрела звучание», подтверждает и факт прибытия в г. Кизел помощника начальника 4-го отделения УНКВД по Свердловской области капитана госбезопасности Костина – на «усиление».

Капитан, похоже, изначально знал, что искать. Факт демонстративной «черной свадьбы» и наличия в ней умысла, предварительного сговора в подтверждении не нуждался – он подтверждался общенными к делу свидетельскими показаниями Тамары Механошиной и священника Пастухова от 19 апреля. Из них же можно было выудить и банальную уголовщину (вроде принуждения к браку), и «бытовое разложение». Но о контрреволюционной организации упоминалось только в показаниях Тамары, да и то как-то вскользь. Между тем, в секретном письме Кабакова утверждалось, что организации церковников *есть и действуют*. Первый допрос попа Колмогорова, произведенный сержантом Тюриным 23 апреля в присутствии прокурора г. Кизела, не привел в этом отношении ни к чему. Костин немедленно приступил к делу, и буквально сразу же ему улыбнулась удача.

Дьякон Кукшинов оказался сговорчив и речист. На первых же допросах 24 и 25 апреля (на второй попросился сам, в деле хранится его собственноручно написанное заявление¹) он сразу дал показания и о существовании в Александровске контрреволюционной организации, и назвал ее персональный состав (он сам, священники Колмогоров и Пастухов, церковная староста Лыхина и церковный казначей Анна Механошина). Помимо этого он признал, что его женитьба изначально замысливалась как провокация, часть плана по распространению влияния церкви на молодежь. Кроме того, контрреволюционная деятельность группы проявлялась в систематических антисоветских высказываниях. Все члены группы регулярно пьянствовали за счет церковной кассы, а Колмогоров еще и пионеров обижал².

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 49.

² См. показания Кукшинова: ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 50–54. Об избииении пионера Юрия Липина: копия приговора. – Л. 142.

Последовавшие за этим 26 апреля допросы производились разными людьми. С Пастуховым работал Костин. Перед священником вопрос сразу был поставлен ребром: признает ли он факт участия в контрреволюционной организации церковников? Пастухов своего участия не признал, но подтвердил факт существования такой организации в поселке Александровск. Сообщил подробности об антисоветской агитации: как-то раз в январе 1937 года на квартире Колмогорова ему довелось стать свидетелем беседы попа и дьякона Кукшинова о событиях в Испании. Говорили они о том, что фашистские мятежники побеждают, а газеты, мол, все врут о том, что побеждают коммунисты¹. Этот сюжет с обсуждением испанских событий станет поистине бродячим – его можно обнаружить почти в каждом втором деле. А всякий бродячий сюжет принадлежит мифологии.

Второй характерный ход, столь же распространенный – обсуждение законодательства о выборах: «Кроме того, в апреле месяце с.г. приезжающий в Александровск благочинный Попов мне сказал, что религиозные общины, где имеется значительное количество верующих и где имеется сильный актив церковников, имеют якобы право выдвигать свои списки кандидатов в состав Советов».² Вот мы, значит, своей группой и обсуждали, как бы нам в Советы проникнуть. Скорее всего, это тоже «сказка», придуманная следствием. Напоследок капитан Костин сдобрил эти показания вуайеризмом и онанизмом и, судя по всему, отбыл. Более в допросах он не участвовал.

Лыхину и Анну Механошину допрашивал помощник облпрокурора Пруссак. Судя по всему, он плохо ориентировался в ситуации, поскольку в протоколе допроса именовал Кукшинова «Кувшиновым», а Колмогорова «Холмогоровым». Старушки честно рассказали ему о сватовстве, со вкусом – о пьянстве духовных особ, но обе решительно заявили о том, что ни о какой контрреволюционной организации не знают и в ней не состоят.

После этого сержант Тюрин и оперуполномоченный 4-го отделения Кизеловского горотдела НКВД младший лейтенант госбезопасности Трясцин допрашивали свидетелей – церковный актив, уборщицу Александровской церкви, соседей, какую-то трудпоселен-

¹ См. показания Пастухова: ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 31 об.

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 33-33 об.

ку, и все они единодушно подтверждали версию следствия. После чего 29 апреля обвиняемых еще раз передопросили. Пастухов и Кукшинов подтвердили свои признательные показания и «вспомнили» новые детали. Колмогоров, Лыхина и Анна Механошина по-прежнему ни в чем не признавались. 30 апреля были проведены очные ставки, но они не дали ничего нового.

Обвинительное заключение было составлено Тюриным 9 мая 1937 года. Арестованные обвинялись в преступлениях, предусмотренных ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 УК РСФСР. Дело решено направить через 8-й отдел УГБ УНКВД по Свердловской области в Спецколлегия Свердловского областного суда для рассмотрения в судебном порядке.¹

10 мая обвиняемые ознакомились с содержанием дела.

Пропутешествовав по инстанциям более двух месяцев, 15 июля дело попало на стол помощника областного прокурора Митрофанова, который вынес определение о том, что следствие проведено с соблюдением всех норм социалистической законности. Но эта двухмесячная задержка окажется для обвиняемых фатальной. Не дождав-шись рассмотрения в суде, дело о «черной свадьбе», согласно приказу № 00447, попадет на рассмотрение тройки при УНКВД Свердловской области.

9 августа тройки приговорила всех пятерых к высшей мере наказания – расстрелу.

19 августа приговор был приведен в исполнение.

Капитан Костин был арестован в том же 1937 году за участие в заговоре правых.

Михаил Александрович Тюрин был осужден в 1939 году к 6 годам ИТЛ за фальсификацию следственных дел.

Тамара Механошина вместе с сыном жила и здравствовала все в том же Александровске еще в начале 60-х. О своем кратковременном замужестве вспоминала спокойно. Когда ей дали прочитать показания тридцатилетней давности, Тамара Ивановна сказала, что в целом их подтверждает. Вот только насчет контрреволюционной организации она ничего не говорила. Это следователь не с ее слов записал, а со своих².

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 156.

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 173.

ДЕЛО О БРОДЯЧЕМ ПОПЕ

*Один солдат на свете жил,
Красивый и отважный.
Но он игрушкой детской был,
Ведь был солдат бумажный...*

Б. Окуджава

Всякое архивно-следственное дело напоминает детективный роман, хотя бы тем, что на последних страницах все загадки непременно разрешаются, и сгорающий от любопытства читатель узнает, наконец, кто преступник. Ведь именно туда в свое время подшивались полупрозрачные, тоненькие кальки дел о реабилитации и другие, столь же интересные документы. Например, выписки из протоколов допросов сотрудников НКВД, производившихся в 1939 году и позже. Дело № 16248 – не исключение. Если листать его с конца, можно сразу же познакомиться с тем, как импровизированно, в порыве вдохновения начальником УНКВД Свердловской области Д.М. Дмитриевым был придуман Уральский повстанческий штаб, чем занималась в Коми-Пермяцком округе оперативная группа Н.Я. Боярского, как именно сотрудники ОКРО НКВД Беланов, Кулипанов, Игошев, Порфирьев добивались признательных показаний и т.п.

Но нас (как было сказано ранее) интересует другой вопрос, прямого ответа на который не найти даже там. По какому принципу в вилку между стратегической задачей (проведение образцово-показательного процесса над «правыми») и тактическими средствами ее реализации («конвейер», сговор, шантаж, произвольное номинирование) попал конкретный – «вот этот» – человек? И для того, чтобы обнаружить этот принцип *индивидуации*, мы попытаемся воссоздать процесс конструирования дела, в котором обычные сельские жители – мужчины и женщины были сбиты в существовавшие лишь на бумаге повстанческие роты и звенья, а также выяснить, какую роль в этом «марше бумажных солдатиков» отводили духовенству.

А начнем нашу историю с того, как солнечным утром 14 июля 1937 года на проселочной дороге в 12 километрах от села Демино путешествующий по казенной надобности член ВКП (б) счетовод

Василий Семенович Фирсов повстречал едущего в телеге председателя Выринского колхоза Харина. Помимо Харина в телеге сидел изрядно пьяный (несмотря на раннее время) священник. Дальнейшее нам известно из удивительно безграмотно и бессвязно написанного доноса, направленного Фирсовым в органы НКВД.¹ На вопрос «Куда поехали?» взялся отвечать поп и заявил, что ездил в Кировский край, «отпевал всех коммунистов». В том ли дело, что (по свидетельству самого Фирсова) вопрос был задан наполовину по-русски, наполовину по коми, либо во всем виноваты винные пары, но поп вместо ответа на вопрос «куда?» стал отвечать на вопрос «откуда?», и лучше бы он вообще промолчал. Коммунист Фирсов взъярился и затеял перепалку. Слово за слово, и «он на меня с большого матюка и говорит: Сталин-то что говорит и 135 статья Конституции? Я говорю, что вам дано свободно что-ли творить контрреволюцию и искажать конституцию, все равно мы вам не позволим и не выберут тебя в Советы. Он говорит: Нет, вас коммунистов не выберут, а меня выберут»² (сохранена орфография и пунктуация оригинала).

Вот этот-то выпивоха и матершинник и есть наш герой – бродячий поп (иногда подобных типов называли «поп-передвижка») Тудвасев Владимир Григорьевич. О нем нам известно, что с 1919 года Тудвасев работал священником церкви в селе Бормотово вплоть до ее закрытия в 1928 г. (так указано в характеристике, данной на него Верховским сельсоветом уже после ареста³), по другим свидетельствам – в 1930 году. Оставшись без места, поп перебрался в Кузьвинский сельсовет, но там не задержался и в 1933 г. вернулся в деревню Русаково, где и прожил до ареста. Но «прожил» в данном случае не вполне подходящее слово, т.к. Тудвасев на месте не сидел. В поисках заработка он неустанно ходил по всему Коми-Пермяцкому округу, добираясь иногда даже до Кировской области. Основным его занятием было отправление треб на дому, но священник не брезговал и физическим трудом – «занимался сапожным делом – шил обувь по просьбам местных жителей, а так же изготовлял железные трубы из материала заказчика»⁴. Иногда даже подрабатывал в колхозе, и, по отзывам односельчан, «мы, колхозники, жили

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 2.

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 2.

³ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 138.

⁴ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 252.

лучше него». Для того чтобы оценить это «лучше», заметим, что колхозники в Коми-Пермяцком округе в 30-е годы никогда досыта не едали, а в 1936 неурожайном году там случился настоящий голод.

О личных качествах «бродячего попа» можно судить только косвенно и с чужих слов. «Более в близких отношениях Тудвасев находился с местным жителем Русаковым П.Г. (погиб на фронте), вместе с которым обычно занимался распитием спиртных напитков, особенно самогона. Со слов Русакова мне известно, что Тудвасев был плохим попом в том смысле, что он ругал по матерному попов, проклинал веру, что чаще всего разговоры вел не о вере, а о том, как бы побольше подзаработать денег»¹. Был грех, любил батюшка выпить, а во хмелю становился сварлив. Доставалось всем, но особенно часто Тудвасев недобрим словом поминал колхозы. По его мнению, они непременно должны будут развалиться. Им была даже разработана доморощенная историсофская схема: «В доказательство своей контрреволюционной агитации привел пример о том, что была коммуна, из коммуны превратился колхоз, а из колхоза превратятся единоличники».²

Это, в свою очередь, не ускользнуло от внимания органов НКВД Коми-Пермяцкого округа, и в 1936 г. Тудвасева арестовали по подозрению в ведении антисоветской агитации (ст. 58-10 УК РСФСР). И хотя в тот раз его освободили «за недоказанностью», в ходе подготовки кулацкой операции прошлогодний арест автоматически превращался в «черную метку». Но в Кировской области бродячий поп тоже примелькался. Возвращаясь домой в июле 1937 года, Тудвасев еще не знал, что по еще не остывшим следам его недавнего пребывания в Зюздинском районе идут оперуполномоченные НКВД. Местному райотделу тоже требовалось произвести аресты сообразно опущенным лимитам.

В результате получилось вот что: нашего героя включили и утвердили в списки «по изъятию АСЭ и К-Р элемента» сразу два подразделения НКВД: сначала Зюздинский РО НКВД Кировской области, затем Коми-Пермяцкий ОКРО НКВД. 30 июля на имя начальника Коми-Пермяцкого ОКРО НКВД лейтенанта госбезопасности Беланова поступил срочный запрос из села Афанасьево от

¹ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 252.

²ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 11.

младшего лейтенанта госбезопасности Шабалова на попа Тудвасева, который «...неоднократно в данном 1937 г. приходил в наш р-н, проводил нелегальным образом религиозные обряды, имея связь с церковниками нашего района, одновременно проводил активную контрреволюционную деятельность. Тудвасев намечен нами к аресту и привлечению к уголовной ответственности»¹. Беланов прямо поперек бланка запроса наложил резолюцию – выяснить, что у нас есть на этого попа. Ничего не оказалось. В деле нет ни агентурных сведений, ни свидетельских показаний о Тудвасеве, полученных из Коми-Пермяцкого округа, которые предшествовали бы его аресту.

В такой ситуации, возможно, следовало бы уступить священника Кировским коллегам – у них-то на него материал имелся, и они со всей определенностью определили его во вторую категорию.² Получил бы Тудвасев 10 лет ИТЛ, да и дело с концом. Как выяснится впоследствии, для него это было бы лучшим исходом. Но Беланов, по-видимому, решил, что «такая корова нужна самому», и тоже включил его в операцию. Арестуем, а там посмотрим. Фигура мобильного, вирулентного священника-агитатора сулила некоторые (пускай еще не вполне ясные) перспективы, поскольку установка Дмитриева на раскрытие контрреволюционной повстанческой организации в Свердловской области была доведена до каждого руководителя подразделения НКВД.

Тудвасева арестовали 6 августа на территории Коми-Пермяцкого автономного округа и неделю вообще не допрашивали. За это время помощник оперуполномоченного ОКРО НКВД сержант госбезопасности Порфирьев успел допросить 10 и 11 августа двух свидетелей, подтвердивших факты контрреволюционной пропаганды, и запросить собранный материал из Кировской области. 12 августа очередь дошла и до арестованного священника. В своих показаниях бродячий поп не отрицал факта антисоветской агитации на Визйской тракторной базе («Был я тогда в нетрезвом виде»³), на дороге из Кировской области – тоже (но что там было – не помнит по той же причине). В ведении пораженческой и антиколхозной пропаганды Тудвасев не признался,⁴ он ясно указал, что связи ни с кем не

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 4.

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 3.

³ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 141.

⁴ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 141 об.

имел. После этого никаких следственных действий до 11 сентября в отношении него не проводилось.

Тем временем поступили материалы из Кировской области. Из них следовало, что хотя Тудвасева вряд ли примут в бойскауты, ничего серьезного ему вменить в вину нельзя. Крестил детей по домам колхозников,¹ вел религиозную пропаганду, страшил 12-летнюю девочку-пионерку Чераневу Настю: «Кто в бога не верует, у того черти волосы выдерут, так у тебя выдерут черти волосы»². Выходило так, что все это по-прежнему тянуло не более чем на вторую категорию. А между тем стоит помнить, что к этому времени уже были арестованы сотни «кулаков», из которых вполне возможно было соорудить широко разветвленную сеть повстанческих организаций. И тут-то снующий взад-вперед бродячий поп мог бы сыграть исключительно важную роль организатора, вербовщика, координатора. Но это было бы еще только полдела: его самого нужно связать с вышестоящими уровнями повстанческой иерархии. А эта связь все не просматривалась...

В этом пункте оперативники ОКРО НКВД, ничего не добившись от Тудвасева, начинают движение в обход, и мы вынуждены двигаться вместе с ними, оставив на время нашего героя.

6 августа Коми-Пермяцким окружным отделом НКВД были арестованы священник церкви села Пешнигорт Кудымкарского района Шелепин Николай Дмитриевич и бывший священник, а ныне – ссыльный, работающий сторожем стойконторы в деревне Заболотная Пономарев Константин Дмитриевич, а 8 августа – Рукавишников Эммануил Сергеевич, священник Верх-Иньвенской церкви. Все трое отбывали в округе ссылку – Шелепин и Рукавишников в прошлом, Пономарев – на момент ареста. Двое из них (Рукавишников и Пономарев) были осуждены по ст. 58-10 УК РСФСР, и уже поэтому их арест с началом кулацкой операции был предрешен. А вот на что они могли сгодиться, будучи уже арестованными, зависело только от умелости оперативников. И Рукавишников, и Пономарев до ссылки служили в церквях, расположенных неподалеку от областного центра, *могли контактировать* (а может, и в самом деле встречались) с руководством епархии и, следовательно, могли быть включены в

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 10

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 11.

опорно-двигательную систему контрреволюционной повстанческой организации. Однако у каждого из них были черты, делающие их не вполне подходящими кандидатурами на роль центрального опосредующего звена между Уральским повстанческим штабом и местными первичными ячейками.

Вот, например, Рукавишников был обновленцем, а в Коми-Пермяцком округе преобладали священники староцерковной, тихоновской ориентации. В принципе, такие тонкости сотрудников НКВД нимало не смущали, и мы увидим, как они их обойдут. Хуже было другое – Эммануил Сергеевич оказался малообщительным человеком и (в том числе и в силу указанного выше обстоятельства) не обзавелся знакомствами в среде местных церковников. В своих подлинных, т.е. действительно записанных от руки со слов допрашиваемого показаниях от 15 августа он утверждал, что «...в пределах Коми-Пермяцкого округа из служителей культа мне знакомых не было, хотя я знал священников пешнигортской церкви и самковоской церкви, Немчинова и второго, фамилию не знаю, где между нами связи не было». И добавил, что уже давно утратил связь с руководством епархии, не получая отсюда ни письменных, ни устных указаний¹. Фигура Пономарева и вовсе выглядит маргинальной. После высылки в Коми-Пермяцкий округ он даже не служил в церкви, имел ограниченный круг знакомых, связей со Свердловском не поддерживал.

Иное дело – Шелепин. Прежде всего, *он был благочинным*, и сам не отрицал контактов с епископом Пермским Глебом Павловским и епископом Свердловским Петром Савельевым. Он *лично* знал всех священников своего благочиния (тихоновцев – и не только) и неоднократно встречался с ними. В своих показаниях от 17 августа, аутентичность которых не вызывает сомнений, Шелепин в числе знакомых служителей культа в Коми-Пермяцком АО назвал *Тудвасева, Рукавишникова, Тиунова, Немчинова, Лобовикова, Пономарева, Швецова, Грамолина, Нечаева*. Помимо этого, Шелепин родился и вырос в Белоруссии, под Полоцком, *и вполне мог иметь связи в Польше*.

Но и это еще не все. Николай Дмитриевич оказался человеком с секретом. Листая страницы дела, касающиеся его прошлого, можно с удивлением обнаружить, что в тех местах, где так или

¹ ГОПАПО Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 31214. Л. 84-85.

иначе упоминается причина высылки Шелепина из Белоруссии на Урал, возникает какая-то невнятица. Даже статья УК, по которой он был осужден, всякий раз называется другая. В обвинительном заключении названа ст. 74 УК БССР, но и это неправда. Правду мы обнаруживаем в «Справке по архивно-уголовному делу № 20496» от 13 января 1966 г., сообщающей, что Шелепин «привлечен по делу в качестве обвиняемого по ст. 211 УК БССР за то, что, будучи спецосведомом органов ГПУ, расшифровал методы работы ГПУ»¹. Был осужден на три года, которые отбывал сначала в Вишерских лагерях, затем в Майкорском заводе.

Все это делало его идеальным кандидатом на роль организатора контрреволюционного подполья в Коми-Пермяцком округе по линии церковников. Но на допросах этот сексот на покое повел себя странно. Протокол первого допроса в деле вообще отсутствует, вместо него подшиты собственноручные показания Шелепина. Вот фрагмент из них:

«У епископа Савельева Петра был в августе прошлого года и визит продолжался не более часа. Он снабдил меня миром и получил 15 рублей, назначил священника Бахматова Федора к Захаровской церкви Кудымкарского района, в то время еще не закрытой и написал об этом нужную бумагу. Все это заняло 30–40 минут времени; затем он спросил меня, привез ли я обычные полугодичные взносы на содержание иерархии, и на мое заявление, что вносить 100 рублей в год от церкви обременительно, он сказал, что это ничуть не много и что деньги, которые к нему поступают расходуются не только на содержание его и высшей иерархии, но на поддержку безработного бедствующего духовенства и вообще контрреволюционные цели для чего, говорил он, имеется целая организация церковников; ни фашистской, ни повстанческой он эту организацию не назвал и предложил мне как члену *духовной корпорации* примкнуть к этому делу, к этой организации, и когда я выразил согласие, то поручил вербовать среди верующих благонадежных жертвователей на это дело» (выделено нами. – А.К.)².

Из показаний Шелепина видно, что ему действительно было предложено участвовать в организации своеобразной «черной кассы» духовенства и привлекать к этому делу других. Как говорится,

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 320.

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 118 и 118 об.

будут деньги – высылайте. Вскоре арестованный священник поймет, что эту организацию следует именовать «контрреволюционной повстанческой организацией», и примет это правило номинирования. Но больше он ничего к своим показаниям не прибавит. В августе с ним будет работать сам Боярский, после его отъезда за Шелепина примется Игошев – и потерпит полное фиаско¹.

Стойкость Шелепина, однако, ничего не изменила в общей диспозиции следствия. 29 августа в деле «бродячего попа» намечается прорыв: начальнику ОКРО НКВД Беланову и легендарному оперативнику Кулипанову (у которого создавались все и во всем) удалось сломить Пономарева и заставить его подписать сочиненную ими «сказку». Согласно обычной практике, машинописная копия этого протокола была вложена в следственное дело № 13836².

Пономарев «показывал», что был привлечен в контрреволюционную фашистскую повстанческую организацию в октябре 1934 года управляющим делами Свердловской епархии обновленческой ориентации Уфимцевым Иваном Николаевичем у него на квартире в г. Свердловске при канцелярии епархии.

Уфимцев сообщил Пономареву, что он является членом «Союза защиты церкви и России», объединяющего всех честно верующих, *независимо от религиозных течений* и назвал имена 22 членов организации. «После перечисления указанных лиц, *Уфимцев уверил меня, что в этой организации состоит все духовенство обновленческой ориентации, входящее в Свердловскую епархию.* Тут же он указал, что в Свердловске существует так называемый «Объединенный церковно-политический центр» (выделено нами. – А.К.).³ В состав этого центра согласно «показаниям» Пономарева входили:

1. Сергей Корнеев – митрополит Свердловской области обновленческой ориентации.

2. Звездов Макарий (Матвей Дмитриевич) – Свердловский и Ирбитский архиепископ тихоновской ориентации.

3. Холмогорцев Петр – архиепископ григорьевской ориентации Свердловской и Челябинской области.

¹ См. «Справку о поведении на допросах обвиняемого Шелепина» от 24.09. 1937 г. //ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 120.

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 36-48.

³ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 39.

4. Он – Уфимцев Иван Николаевич.
5. Федорин Павел Федорович
6. Львов Евгений Иванович

Целью организации являлось вооруженное выступление в тылу в момент нападения на СССР Японии и Германии. В Свердловске был сформирован повстанческий штаб, а область была разделена на повстанческие районы: Свердловский, Суксунский, Кунгурский, Пермский, Кудымкарский и Соликамский. Далее названы руководители повстанческих районов по линии церковников: Зубарев Василий Александрович – епископ Александровского завода, руководитель Соликамской и Кизеловской контрреволюционной организации; Платонов Сергей Николаевич – епископ г. Перми, руководитель пермской повстанческой организации; Савельев Петр Алексеевич – епископ, руководитель повстанческой организации церковников в Кунгурском районе; Холмогорцев Петр – руководитель контрреволюционной организации церковников Свердловского района, председатель областного повстанческого штаба; Овчинников Иван – Верх-Иньвенский священник, руководитель организации по Кудымкарскому району (в 1935 году выехавший куда-то в Сибирь).

Уфимцев, якобы, заявил Пономареву: «Наша повстанческая организация построена по принципу военных организаций – звено, взвод и рота, причем при каждом подразделении стоит командир»¹.

Пономарев «получил задание» вербовать в организацию новых членов, но не смог этого сделать, т.к. был арестован и выслан в Коми-Пермяцкий округ. Там он летом 1936 г. «случайно» познакомился с Шелепиным, и во время второй встречи с ним, 12 июля (видимо, почувствовав необыкновенное доверие друг к другу) они выяснили, что оба являются участниками контрреволюционной фашистской повстанческой организации. Шелепина туда, оказывается, вовлек епископ Глеб Покровский. В следующее воскресенье Шелепин сообщил, что в Кудымкарском районе им создано несколько организаций во главе со священниками:

1. Рукавишников Эммануил Семенович – священника села Верх-Иньва.
2. Тиунов Александр Николаевич – священник села Отево, бывший черносотенец.

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 41.

3. Швецов Даниил Николаевич – священник с. Юрлы.

4. Лобовиков Григорий – священник с. Кувы.

5. Немчинов Николай Николаевич – священник с. Самково.

Сравнение этого списка с перечнем знакомых Шелепина показывает почти полное совпадение, но Нечаев, Грамолин и «бродячий поп» Тудвасев в нем почему-то отсутствуют. После этого сообщения Шелепин с гордостью «отчитывается» перед Пономаревым о проделанной работе: первичные повстанческие отряды созданы в селе Пешнигорт – до 30 человек, в деревне Внуково – до 25 человек, в деревне Бараново – до 20 человек, и в деревне Юково – до 15 человек. Пешнигортским взводом командовать назначен церковный староста Климов Алексей Николаевич¹. Итого – 90 повстанцев. Рота, однако.

А неутомимый благочинный все продолжал делиться сокровенным – на территории округа существует мощная и широко разветвленная повстанческая организация, в которую входят местные националисты, представители правых и эсеры, а возглавляет организацию некий Кривошеков Яков Алексеевич, орденноносец.

Напоследок Пономарев показал, что осенью 1936 г. Шелепин сам сообщил ему о том, что является резидентом польской разведки, и предложил заняться сбором шпионской информации.

«Сказка», состряпанная Белановым и Кулипановым, является в прямом смысле слова убийственным документом. Между ее строк читается приговор всему руководству Свердловской епархии, всем священникам Коми-Пермяцкого округа и тысячам рядовых «повстанцев», сотням «взводных», десяткам «ротных». А чего стоят, например, слова протоиерея Уфимцева о том, что все священники-обновленцы являются участниками контрреволюционной повстанческой организации? На основании только этого можно арестовывать каждого из них. По первой фигуре простого категорического силлогизма, модус *AAA*: «Все обновленцы суть повстанцы. Имярек – обновленец. *Ergo*, он – повстанец».

Можно проследить, как впоследствии эта «сказка» превратится в универсальную матрицу фабрикации признаний священников. Рукавишников расколется 4 сентября, и копия его «показаний» опять будет вложена в дело². Оказывается, он тоже завербован

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 44.

² ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 70-82.

Уфимцевым еще в 1932 году. Перед ссылкой в Коми-Пермяцкий округ в 1933 г. Рукавишников успел повидаться с ним, и Уфимцев, прощаясь, сообщил, что руководителем контрреволюционной организации в Кудымкарском районе является завербованный им священник Верх-Инвьевской церкви Овчинников. Список священников – участников организации немного расширен. В «показаниях» Рукавишникова не забыли упомянуть и Тудвасева¹. Все остальное в точности так, как в показаниях Пономарева.

Уфимцев, Уфимцев, снова Уфимцев. Кто же этот коварный паук, вовлекающий в свои сети все новых и новых жертв? И с какой же сокрушительной силой карающий меч органов НКВД должен обрушиться на его голову? Тут нас ожидает сюрприз. Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 8214 мы узнаем, что «Уфимцев И.Н. был арестован 7 апреля 1935 года Ирбитским отделением ПП ОГПУ по Уралу и обвинялся в разглашении секретных сведений, известных ему в силу его положения как секретного сотрудника ОГПУ. Постановлением Особого Совещания при НКВД от 22/VII-35 он был осужден к 3 годам ИТЛ»². Жаль, что Беланов не сочинил сцену вербовки Шелепина Уфимцевым, было бы забавно: действующий спецосведом вербует бывшего спецосведома.

Обратим внимание на то, что показания Рукавишникова набрасывают петлю на Тудвасева. Но, оказывается, для надежности к делу приобщен рассказ о его повторной вербовке, сочиненный лично начальником IV отдела УНКВД по Свердловской области капитаном госбезопасности Боярским 31 августа³. «Сказка» – заслушайтесь, с колоритными подробностями. Оказывается, бродячего попа завербовал бывший белый каратель Боромотов, собственноручно расстрелявший из пулемета 53 бойца РККА из своего взвода, которых перед этим склонил перейти на сторону Колчака в 1919 году: «Тудвасев, не колеблясь, дал свое согласие бороться с ненавистной ему властью и заявил мне, что если он сам не раздобудет оружие, чтобы я его обязательно снабдил им»⁴.

¹ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 76.

² Справка приложена к делу Рукавишникова. ГОПАПО Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 31214.

³ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 55–69.

⁴ ГОПАПО Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 66.

Наша история близится к финалу. 11 сентября Беланов и Кулипанов вынудят Тудвасева подписать отпечатанный на машинке протокол допроса, составленный по стандартной схеме: вербовка Овчинниковым – создание повстанческих ячеек – контакт с Шелепиным – предложение шпионить. Мобильность «бродячего попа» была использована на все 100 %: ему приписали создание организаций в Зюздинском районе Кировской области (7 человек), в Кудымкарском районе (6 человек), в Верх-Иньвенском и Деминском сельсоветах (35 человек, а затем еще 11 человек). Итого – 59 повстанцев. Полуорта. Из не встречавшегося ранее в показаниях – утверждение (со слов Овчинникова) о наличии всесоюзного Объединенного церковно-политического центра в Москве. Якобы от обновленцев в него входит протоиерарх Виталий Введенский.

В период с 8 по 13 сентября по делу № 16248 будет произведено еще 5 арестов. Возьмут всех, кто был упомянут Шелепиным в числе знакомых: Лобовикова, Швецова, Тиунова, Грамолина, Нечаева. Все, кроме Швецова и Нечаева, согласятся подписать заранее отпечатанные протоколы, избличающие Шелепина и Тудвасева. Содержание показаний выстроено по схеме, восходящей к показаниям Пономарева, но с незначительными вариациями. Так, получает развитие тема «московского центра». От тихоновцев туда якобы входит митрополит Московский и Коломенский Сергей Старгородский, он же является и конечным адресатом шпионской информации, передавая ее неназванному сотруднику польского консульства.

24 сентября Кулипанов предпринял последнюю попытку добиться признания у Шелепина. Ему были предъявлены выписки из протоколов допроса Пономарева, Грамолина, Тиунова и даже епископа Петра Савельева, но Шелепин все отрицал. Никакого значения это уже не имело, т.к. он «полностью избличался» чужими показаниями. Очные ставки не проводились. Никаких следов участия представителей прокуратуры в деле не имеется.

Спустя четыре дня Кулипанов составит обвинительное заключение, 13 октября следственное дело № 13836 будет рассмотрено на заседании тройки при УНКВД Свердловской области. Решением тройки бродячий поп В.Г. Тудвасев и благочинный Н.Д. Шелепин приговорены к расстрелу, 4 ноября приговор был приведен в исполнение. Остальные получили по 10 лет ИТЛ.

Подведем итог. Дело о бродячем попе является типичным продуктом конструкторских усилий сотрудников НКВД. Оно наглядно демонстрирует, что в Свердловской области священники подвергались репрессиям (используя выражение Шелепина) «как члены духовной корпорации». Духовенство оказалось идеальным объектом репрессий. Вертикальные и горизонтальные корпоративные связи квазиноменклатурной структуры церкви использовались как каркас, на который наращивались повстанческие ячейки из арестованных крестьян-прихожан. Фигуры «попа-передвижки» и благочинного оптимально дополняли друг друга: один сновал челноком в горизонтальной плоскости, другой – в вертикальной, сплетая тонкие нити личных отношений в плотную ткань контрреволюционного заговора. В соответствии с амбициозным замыслом Дмитриева все антисоветские элементы объединялись в грандиозную амальгаму из правых, церковников, националистов, троцкистов, руководимую Уральским повстанческим штабом. При каждой возможности выдумывалось присутствие иностранной разведывательной агентуры. Предусмотрительно оставлялись следы, ведущие от региональной организации в Москву.

В результате репрессиям мог подвергнуться любой «церковник», что и было сделано. В своих показаниях Шелепин утверждал, что к 1937 году в Коми-Пермяцком округе действовало 7 церквей. Элементарный подсчет арестованных в августе и сентябре показывает, что 100 % духовенства в Коми-Пермяцком округе было репрессировано. Едва ли в других территориях картина была иной.

А.А. Колдушко

РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ

Оценка места и роли партии в осуществлении массовых операций историками рассматривается неоднозначно. Еще во времена Сталина родилось представление о том, что он не знает о творящемся беззаконии, что массовые репрессии – это дело рук местных начальников и прежде всего органов НКВД, которые «вышли из-под контроля» партийных органов. По словам Хрущёва, «руководители такого даже, как я, довольно высокого положения... оказывались в полной власти документов, представленных работниками НКВД»¹. Чтобы крепче повязать партийных функционеров участием в репрессиях, Сталин, как вспоминал Хрущёв, «выдвинул идею, что секретари обкомов партии должны ходить в тюрьмы и проверять правильность действий чекистских органов... Это получался не контроль, а фикция, ширма, которая прикрывала их действия... Теперь ясно, что Сталин сделал это сознательно, он продумал это дело, чтобы, когда понадобится, мог бы сказать: «Там же партийная организация. Они ведь следят, они обязаны следить» ... Фактически не партийная организация следила за чекистскими органами, а чекистские органы следили за партийной организацией, за всеми партийными руководителями»². Однако такой подход: кто виноват – партия или НКВД, естественно, не дает ответа на вопрос о причинах массовых репрессий, который до сих пор остается одной из главных проблем историографии.

В конце 1930-х гг. полемика о сущности Большого террора велась в русле марксистской идеологии между двумя антиподами:

¹ Вопросы истории. 1990. № 6. С. 91.

² Вопросы истории. 1990. № 2. С. 104.

Сталиным и Троцким. В этот период в официальной периодике репрессии рассматривались, прежде всего, как необходимая и единственно правильная мера для ликвидации сначала «классовых врагов», потом «врагов народа», «шпионов», «диверсантов» и т.д. В частности, о результате процесса над «бандой» Тухачевского и др. говорилось: «Расстрел, к которому их приговорил советский суд, – стократно заслуженная ими кара. Народ, который они продавали, ... требовал беспощадной кары и выразил горячее одобрение приговору советского суда»¹.

В отличие от Сталина Троцкий считал Большой террор реакцией переродившейся бюрократии на социальный протест «низов», сохранивших верность идеалам социализма². Тезис Троцкого уже в 1990-е годы был развит В.З. Роговиным: «противоречие между бюрократией и народом, всё более дополнялось противоречием между революционными и термидорианскими элементами внутри самой бюрократии. Опираясь на бюрократию против народа и на термидорианцев против революционеров, Сталин неуклонно двигался к термидорианской «монолитности», т. е. к подавлению всех остатков революционного духа и малейших проявлений политической самостоятельности. Такая «монолитность» могла быть полностью достигнута лишь путём физического истребления тех представителей бюрократии, которые сохраняли приверженность большевистским идеям и традициям и потому внутренне противостояли интересам своего социального слоя»³.

Иное представление о причинах большого террора, заключающееся в изменении соотношения сил между партийными и карательными органами в пользу последних, имел Н.И. Бухарин. «В настоящее время, в своем большинстве, так называемые органы НКВД, эта переродившаяся организация бездейных, разложившихся, хорошо обеспеченных чиновников, – говорилось в «завещании Н.И. Бухарина», – пользуясь былым авторитетом ЧК, в угоду болезненной подозрительности Сталина, боюсь сказать больше, в погоне за орденами и славой, творят гнусные дела, кстати, не

¹ Большевик. 1937. № 12. С.2.

² Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. М., 1994.

³ Роговин В.З. Партия расстрелянных....

понимая, что одновременно уничтожают самих себя – история не терпит свидетелей грязных дел»¹.

Однако «настоящая» история все-таки пишется в регионах. Исследования по истории взаимоотношений территориальных партийных комитетов и отделов НКВД только начинают появляться. Как отмечают М. Юнге и Р. Биннер, «местные партийные кадры, по современным данным, приняли гораздо меньшее участие в массовых операциях, чем НКВД, и гораздо меньше были ими затронуты»². Ватлин, исследуя историю Большого террора на территории одного района, обратил внимание на роль партийных органов в этом процессе. При этом он, отмечая крайнюю скудость источников, ограничился «отдельными фрагментами из истории взаимоотношений райкома ВКП (б) и райотдела НКВД, которые могут послужить в лучшем случае затравкой для будущих дискуссий»³. Таким образом, проблема влияния территориальных партийных комитетов на процесс репрессий, на характер проведения массовых операций исследована явно недостаточно.

Как известно, 2 июля 1937 года Политбюро приняло постановление «Об антисоветских элементах». В постановлении указывалось: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, – являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах, совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности». На этом основании партийным органам поручалось «взять на учёт всех возвратившихся на родину «кулаков» и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через «тройки», а остальные менее активные, но всё же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

¹ Бухарин Н. Будущему поколению руководителей партии // Реабилитирован посмертно. Вып. 1. М., 1988. С. 253–254.

² Юнге М. Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С.232.

³ Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937-1938 гг. М., 2004. С. 73.

ЦК ВКП (б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав «троек», а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке»¹. Таким образом, первоначально идея проведения «кулацкой операции» была рождена в недрах партии. И только 30 июля 1937 г. на утверждение Политбюро был вынесен оперативный приказ 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

Знали ли о существовании постановления и оперативного приказа местные партийные руководители? Насколько активной и существенной была их роль в осуществлении этого приказа на территории Прикамья? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Формально начальник отдела НКВД находился под партийным контролем: так, например, в 1937 г. начальник городского отдела НКВД г. Перми входил в номенклатуру горкома ВКП (б)². В номенклатуре Молотовского горкома ВКП (б) за 1940 г. этой должностной единицы уже нет, она перешла в номенклатуру обкома ВКП (б). Однако фактически дело обстояло прямо противоположным образом: с начала 1937 г. каждый партийный руководитель являлся объектом неослабного контроля и манипулирования со стороны этих органов. Была узаконена практика обязательного получения партийными органами справок из НКВД на всех назначаемых руководящих работников. Все материалы следствия находились исключительно в руках органов НКВД, а на долю партийных секретарей оставалось только визирование представлений на аресты и приговоры. Так, в течение некоторого времени после ареста первого секретаря Ворошиловского горкома ВКП (б) Павловского подписывал протоколы заседаний пленумов и вел сами заседания начальник городского отдела НКВД Шейнкман. В своих выступлениях он при каждом удобном случае старался подчеркнуть свою принадлежность к НКВД, использовал «чекистскую» лексику: «как говорят на нашем чекистском языке, у меня был маленький компрометирующий мате-

¹ Цит. по: Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК. Решение от 2.07.1937 г. «Об антисоветских элементах» // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». М., 2003. С. 78–79.

² См., например: Номенклатура Пермского горкома ВКП (б). ГОПАПО. Ф.1. Оп.1. Д.1674. Л. 530–535.

риал»¹, «двурушники и приспешники врагов народа на партийной конференции не должны быть, им место на «пятилетке» в соответствующем органе»² и др. На заседаниях бюро, пленумов и конференций Шейнкман вел себя по-хозяйски: определял задачи партийного руководства, критиковал деятельность горкома партии и советских органов. По словам секретаря Ворошиловского горкома ВКП (б) Андреева, «у нас получается, что начальник НКВД своим авторитетом давит на парторганизацию, какая-то надстройка»³.

Основным источником анализа стала переписка партийных органов (горкомов, райкомов ВКП (б)) и соответствующих отделов НКВД. Особенное внимание было обращено на разнообразные списки, отправляемые горкомами и райкомами в отделы НКВД.

Переписка велась по следующим направлениям: Исходящие из ГК и РК: отсылка сообщений, содержащих компрометирующие сведения на членов партии, запросы о проверке на наличие компромата, ответы на запросы из НКВД по исключению из ВКП (б) – отправление выписок из протоколов с соответствующим решением, отправление списков исключенных из партии с указанием причины и даты исключения. Входящие из НКВД: запросы на документацию о членах партии, сообщения об арестованных членах ВКП (б), сведения о *намеваемых* (курсив мой. – А.К.) к аресту лицах, прочие сведения (сводки о движении преступности, о заболеваемости, о состоянии хлебной торговли, об авариях и др.). Кроме того, в переписке Ворошиловского горкома ВКП (б) с отделом НКВД была найдена служебная переписка между отделениями городского отдела НКВД.

Наиболее активную переписку партийные органы и отделы НКВД вели в г. Перми и Молотове, Ворошиловском районе, Коми-Пермяцком округе. Прослеживается четкая зависимость: чем интенсивнее аресты – тем обширнее переписка.

Однако переписка местных партийных органов с отделом НКВД по вопросам оперативной работы НКВД с начала массовой операции была прекращена. В переписке отделов НКВД с соответствующими партийными органами было найдено всего несколько документов, характеризующих деятельность НКВД в борьбе с «контр-

¹ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 308. Л. 48.

² Там же. Л. 49.

³ ГОПАПО. Ф.59. Оп.1. Д. 322. Л. 154Об.

революционными элементами»: докладная записка о нанесенном оперативном ударе по контрреволюционным шпионско-диверсионным и троцкистским элементам за время 1935/36 и 1937 г. (от 22.04.1937 г.)¹, докладная записка о контрреволюционных проявлениях со стороны троцкистских, фашистских, церковных, сектантских и кулацких элементов в Ворошиловском районе (от 25.04.1937 г.)², спецсообщение о контрреволюционных проявлениях со стороны духовенства Ворошиловского района (от 19.05.1937 г.)³, докладная записка по делу ликвидированной контрреволюционной организации в Кочевском районе (от 21.05.1937 г.)⁴. С начала августа 1937 г. мы находим лишь исходящие просьбы начальника горотдела НКВД выслать выписки из протоколов соответствующих партийных организаций об исключении арестованных из партии и ответы на них⁵.

При этом начальник Ворошиловского ГО НКВД Шейнкман сетует, что его «не всегда понимают»: «Иногда я посылаю записки т. Зубарову (секретарь Ворошиловского горкома ВКП (б). – А.К.), например, о детворе пишу, на нее не реагируют, пошлешь еще какую-нибудь записку о состоянии котельного хозяйства в городе – этот вопрос важный, также не реагируют, хотя в конце записки я пишу, что нужно данный вопрос поставить на бюро горкома. На что реагируют? Когда я пишу, что такого-то арестовали, нужно его исключить из партии, на это сразу реагируют»⁶. С другой стороны, от лица партийных работников высказывается недовольство работой органов НКВД: «У нас имеется заявлений от членов и кандидатов партии десятка полтора, которые заявляют о том, что арестован брат, арестован тесть и всевозможные родственники. Запрашивали соответствующие органы, ни звука не отвечают»⁷.

Верификация данных списков исключенных из партии, которые отправлялись по требованию НКВД, проводилась с использованием базы данных ГОПАПО, составленной на основе архивно-следственных дел.

¹ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302. Л. 108-114.

² ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302. Л. 99-104.

³ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302. Лл. 105-107.

⁴ ГОПАПО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 843. Л. 98-100 Об.

⁵ См., например, ГОПАПО. Ф.1. Оп. 1. Д. 1686. Л. 62, 63, 95.

⁶ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 308. Л. 51.

⁷ ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1899. Л. 10-11.

Наибольшее количество списков было обнаружено в переписке Молотовского горкома ВКП (б) с Молотовским УГБ НКВД. 8 августа ответственный секретарь Молотовского горкома ВКП (б) Опарин получил секретное письмо, подписанное начальником Молотовского ГО НКВД, старшим лейтенантом госбезопасности Полуянчиком и помощником оперуполномоченного 4-го отделения Чубуковым. В письме содержалась просьба «самым тщательным образом учесть всех исключенных из членов и кандидатов ВКП (б) по Молотовской парторганизации, составить по указанной форме списки и не позднее 11 августа прислать их в Горотдел»¹. При этом всю работу необходимо было провести «негласным путем, можно через секретарей первичных парторганизаций, которые могут заполнить списки на исключенных из ВКП (б), работающих в подразделении, обслуживаемой данной первичной парторганизацией»². Структура списка должна была включать в себя следующие персональные данные: фамилия, имя, отчество; год рождения; профессия или специальность; социальное происхождение и социальное положение; время вступления в ВКП (б) и время исключения из ВКП (б); причина исключения; состоял ли в других партиях; место службы и должность к моменту исключения из ВКП (б) и передвижение по службе после исключения из ВКП (б). Несмотря на то, что срок отправки списков был ограничен 11 августа, первый список датируется 15 августа. 10 сентября 1937 г. Молотовский городской отдел НКВД вновь отправляет письмо с просьбой выслать списки на исключенных из членов и кандидатов ВКП (б) по Молотовской партийной организации. Вместе с тем необходимо было выслать на каждого исключенного из ВКП (б) «копии протоколов первичных парторганизаций и бюро горкома ВКП (б) об исключении из ВКП (б) и другие материалы, характеризующие личность исключенного и причины его исключения из ВКП (б)»³. Последний список, отправленный в Молотовский ГО НКВД, датируется 31 октября 1937 г.

Список от 15 августа (71 фамилия) включает в себя исключенных из партии, но работающих в цехах и учреждениях:

¹ ГОПАПО. Ф. 620. Оп. 17. Д. 60. Л. 61.

² Там же.

³ ГОПАПО. Ф. 620. Оп. 1. Д. 60. Л. 119.

Молотовском торге, совхозе сельскохозяйственного треста, жилкомхозе завода, автогараже, ковочном и электрическом цехе завода¹. Из них было арестовано 8 человек (11 %): после ареста на 2 человек дело было прекращено за недоказанностью вины, тройкой был осужден только 1 человек («мясниковец»), двойкой – 1 человек (эстонец по национальности), 1 арестованный умер, 3 человека были осуждены в 1940–42 гг. Особым совещанием. Следующий список, отправленный в августе (84 человека), состоит из работников электромонтажного, механического цеха № 2,3, отдела технического контроля завода, а также сельскохозяйственного техникума, горздравотдела и горкомхоза, исключенных из партии². Из этого списка было арестовано 17 человек (20 %): на 13 арестованных дело было прекращено (почти все они ранее состояли в партии эсеров), два человека (поляки по национальности) двойкой были приговорены к ВМН, два человека, были осуждены в 1940–42 гг.

В более поздних списках исключенных из партии членов и кандидатов, арестованных органами НКВД, практически нет: в списке из 42 человек имеется 1–2 арестованных (чаще всего как белогвардейцы)³. В списках за 25 сентября 1937 г. нет ни одного арестованного⁴, за 16 октября 1937 г. – 1 арестованный (дело прекращено)⁵, 17 октября – 2 арестованных (один осужден тройкой к 10 годам лишения свободы, другой освобожден за недоказанностью вины)⁶. Подобная практика отправки списков существовала и в других регионах области⁷.

Как видим, списки исключенных из партии (именно в качестве списка) не использовались. Сам факт отправки подобных списков был обычной практикой как до массовой операции, так и после нее. Подобные списки отправлялись в отделы НКВД и после предыду-

¹ ГОПАПО. Ф. 620. Оп. 17. Д. 60. Л. 42–49.

² ГОПАПО. Ф. 620. Оп. 17. Д. 60. Л. 63–70.

³ См., например: ГОПАПО. Ф. 620. Оп. 1. Д. 60. Л. 72–79.

⁴ ГОПАПО. Ф. 620. Оп. 1. Д. 60. Л. 101–104

⁵ Там же. Л. 105.

⁶ Там же. Л. 109.

⁷ См., например: Списки исключенных, но работающих на Березниковском химкомбинате от 23. 04. 38 г. // ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 323. Л. 115–120.

щих чисток: например, в марте 1936 г. помощником секретаря Ворошиловского горкома ВКП (б) Смольниковым в ГО НКВД был отправлен список членов и кандидатов ВКП (б), исключенных и механически выбывших из партии в период проверки партийных документов соответствующей партийной организации ¹.

Кроме списков исключенных из ВКП (б), в отделы НКВД отправлялись и списки людей, на которых имелись какие-либо компрометирующие сведения. Так, Ворошиловским горкомом ВКП (б) в ГО НКВД был отправлен список сотрудников госбанка с перечислением фамилий тех, у кого арестованы родственники, «чуждое» социальное происхождение (дети священников, кулаков и т.д.), а также ранее судимые². Отдельно составлялись списки на членов и кандидатов ВКП (б), ранее состоявших в других партиях; находившихся на территории белых; служивших в царской армии и у белых и др.³ Проверка списков показала, что 6 из 7 человек, состоявших ранее в других партиях, было арестовано, однако осуждено из них только два, причем один приговорен 13.08.38 г. к высшей мере наказания Военной Коллегией Верховного суда СССР, а другой – Особым совещанием 27.07.38 г. к 10 годам исправительно-трудовых работ. Проверка списков членов и кандидатов ВКП (б), находившихся на территории белых⁴, служивших в царской армии и у белых⁵, дала отрицательный результат – ни один человек из этих списков не был арестован.

Отметим, что интенсивность сотрудничества партии и НКВД в разных районах Прикамья была неодинакова.

Известно, что массовые репрессии мало коснулись юга региона. Так, к примеру, в Большесосновском районе не были арестованы даже секретари райкома, что в условиях тотальных репрессий выглядит совершенно неожиданным, поскольку широко распространенным является тезис о том, что «от репрессий в те годы не спасся почти ни один партийный секретарь (райкома, горкома, обкома и ЦК нацкомпартий), ни один председатель исполкома любого урвня,

¹ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 257. Л. 12.

² ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302. Л. 26.

³ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 323. Л. 55, 141, 153 Об.-156.

⁴ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 323. Л. 141.

⁵ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 323. Л. 153 Об.-156.

ни один директор крупного завода, ни один союзный или республиканский нарком»¹. Красноречиво о масштабах распространения репрессий свидетельствует переписка секретаря райкома ВКП (б) Юркова и начальника РО НКВД Баранова. Дело за 1937 г. содержит всего несколько документов, один из которых был отправлен в разгар кампании против троцкистов в январе 1937 г. начальником Б.-Сосновского РО НКВД Барановым: «Довожу до Вашего сведения, что в дер. Буграх Таракановского с/совета колхозник ... употребляет дохлый скот, и был случай ..., он зажарил и съел кошку, тогда как он же ... имеет средства существования и имеет в наличии большую тушу свиного мяса, а прикидывается голодающим. Прошу Вас принять меры ... для устранения подобных вылазок...»². Безусловно, протоколы партийных собраний содержат высказывания о необходимости борьбы с «врагами народа», но в глубинке партийный актив больше беспокоился о хозяйственных проблемах, чем о выискивании «чуждых элементов». Так, на общем закрытом партийном собрании в Б.-Сосновском районе один из выступающих заявил: «Я сигнализировал о том, что в Левино есть враги и с конским поголовьем плохо»³.

Оценивая степень инициирования арестов партийными органами членов партии, возникает вопрос: что было первичным: исключение из ВКП (б) или арест? В большинстве случаев этот вопрос решался органами НКВД: секретарю партийной организации направлялось сообщение о том, что член партии намечается к аресту и что необходимо разрешить вопрос о его партийности⁴. А начальник Ворошиловского ГО НКВД Шейнкман прямо заявил на заседании пленума Ворошиловского горкома ВКП (б) 4 августа 1937 г.: «[Я] считал удобнее, чтобы Бусыгина (председатель райисполкома. – *А.К.*) исключили, а потом его забрать»⁵. Иногда руководящие органы и вовсе в известность не ставились: «Дряннов (председатель Горсовета. – *А.К.*) обижался, что я его не предупреждаю, кого я буду арестовывать...»⁶.

¹ Роговин В.З. Партия расстрелянных. С. 155.

² ГОПАПО. Ф. 856. Оп. 1. Д. 205. Л. 1.

³ ГОПАПО. Ф. 856. Оп. 1. Д. 206. Л. 34.

⁴ См., например: ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 322. Л. 170.

⁵ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 261. Л. 148.

⁶ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 261. Л. 148.

Таким образом, территориальные органы НКВД становятся хозяевами регионов, полностью подминают под себя партийные комитеты. Однако иногда местные партийные органы проявляли инициативу разоблачения «врагов народа» и на «запредельной территории»: так, на VI пленуме Кизеловского райкома ВКП (б) от 22 октября 1937 г. начальнику городского отдела НКВД Файнбергу было выражено «политическое недоверие». Он обвинялся в том, что, имея на руках материалы о вражеских действиях Борисова (бывший первый секретарь горкома ВКП (б). – *А.К.*), Пыхтеева (бывший председатель Горсовета), «... он не поднял внимание на выкорчевывание врагов народа, а, наоборот, участвовал на банкетах у них»¹. Кроме того, ему вменялось в вину и более серьезное преступление – покровительство друзьям: из дела на своего хорошего знакомого вырвал листы и после этого направил дело к прокурору с надписью, что «ничего контрреволюционного тут нет»².

Несмотря на то, что операция имела крайне секретный характер, все же направления поиска «врагов» были известны. Так, на партийном собрании завода им. Ленина отмечалось, что помощник директора по найму и увольнению Шварц снимает с работы «только рабочих от станка, а не начальство и не руководящих работников... Недавно Шварц снял с работы в заводе рабочего Жукова за то, что он был мобилизован на два месяца в Колчаковскую армию»³.

Следует отметить, что изменение установок по осуществлению «кулацкой операции» косвенным образом отражалось и в выступлениях начальников отделов НКВД на заседаниях пленумов и бюро партийных комитетов. Если с начала 1937 г. общим направлением был поиск «врагов народа», «вредителей» и т.п., то к моменту завершения «кулацкой» операции тон выступлений меняется на противоположный. В своей речи на городской партийной конференции 18 мая 1938 г. по решениям январского пленума ЦК ВКП (б) начальник Ворошиловского ГО НКВД Шейнкман заявил: «Решение ЦК партии ... нас учит о внимательном и бережном отношении к человеку. Это великое слово «Человек». ... Вина наших партийных руководителей заключается в том, что мы еще ...

¹ ГОПАПО. Ф. 61. Оп. 16. Д. 46. Л. 139 Об.

² ГОПАПО. Ф. 61. Оп. 16. Д. 46. Л. 140.

³ ГОПАПО. Ф. 889. Оп. 1. Д. 192. Л. 9Об.

не продумываем все то, что, что говорим о человеке, а нужно научиться до конца продумывать, потому что речь идет о *человеке*»¹ (курсив мой. – *А.К.*). Несмотря на такие заявления, в случае несогласия с Шейнкманом по какому-либо вопросу, обсуждаемому на заседании, он угрожал членам бюро горкома ВКП (б) арестом². В сентябре 1938 г., после ареста начальника УНКВД Дмитриева, на партийных совещаниях местные начальники НКВД уже вынуждены оправдываться. Так, на совещании членов бюро Ворошиловского горкома ВКП (б) от 23 сентября 1938 г. секретарь горкома Андреев процитировал слова секретаря Свердловского обкома ВКП (б) Валухина: «не будет такого положения, когда НКВД стоит над парторганизацией»³. На этом же совещании в адрес Шейнкмана было сказано: «Для Шейнкмана ... горкома партии не существует»⁴. «Шейнкман сделал ошибки и не говорит о них. ... Вы пишете ряд бумажек, просите санкцию на арест, а после освобождаете»⁵. На что Шейнкман пояснил, что «была дана оперативная установка на очищение района, поэтому некоторые арестовывались без санкции прокурора и никто из них не освобожден»⁶. Далее он сообщил, что у него есть «указание: в комбинате (имеется в виду химический комбинат. – *А.К.*) надо освободиться от 2,5 тыс. человек, но этого сразу сделать нельзя, у меня есть указание бывших эсеров и т.д. нужно освободить от работы с комбината, независимо от того, есть или нет на них какой материал»⁷. В результате поведение Шейнкмана бюро горкома ВКП (б) оценило как «превышение прав и служебного положения, и авторитета члена бюро ГК ВКП (б) в личных целях» и решило «поставить вопрос на пленуме ГК ВКП (б) о поведении члена бюро т. Шейнкман, просить обком ВКП (б) поставить вопрос перед управлением НКВД»⁸.

Как ни странно, среди жертв операции по приказу 00447 оказались два секретаря райкомов ВКП (б). Главным репрессивным

¹ ГОПАПО. Ф.59. Оп. 1. Д. 308. Л. 49.

² ГОПАПО. Ф.59. Оп. 1. Д. 322. Л. 154.

³ ГОПАПО. Ф.59. Оп. 1. Д. 322. Л. 151Об.

⁴ Там же. Л. 152.

⁵ Там же. Л.151-151Об.

⁶ Там же. Л. 151Об.

⁷ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 322. Л. 152.

⁸ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 322. Л. 158.

органом, осуществлявшим расправу над партийной номенклатурой в регионах, была выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР. По специальному постановлению ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. дела о государственных преступлениях, расследуемых НКВД и его местными органами, подлежали рассмотрению в Верховном Суде СССР, а также в краевых и областных судах, где для рассмотрения этих дел образовывались специальные судебные коллегии. Дела об измене родине, шпионаже, терроре, диверсиях направлялись на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР и военных трибуналов округов¹. Более половины секретарей райкомов и горкомов ВКП (б) было осуждено именно выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР. Сама направленность операции в принципе исключала попадание в число «уголовников», «кулаков» и прочих представителей номенклатуры ЦК ВКП (б)². Тем не менее два секретаря райкомов попадают на тройку. Факт наличия в жертвах «кулацкой операции» представителей партийной номенклатуры очень важен и показателен: это говорит о полной бессистемности действий сотрудников НКВД по приказу 00447.

Безусловно, секретари райкомов ВКП (б), осужденные тройкой, заслуживают особого внимания. Это Яков Александрович Ветошев, бывший секретарь Кудымкарского райкома ВКП (б)³ и Николай Федорович Тукачев, секретарь Гаинского райкома ВКП (б).

Яков Александрович Ветошев, 1899 г.р., рабочий по социальному положению, был выдвинут на первую властную должность после участия в Гражданской войне. С 1920 г. работал в пределах Коми-Пермяцкого округа сначала райпродинспектором, затем районспектором, зав. РайФО, нарследователем. Затем он был выдвинут на должность председателя райисполкома, и несколько лет «перебрасывался» с советской работы на партийную, и наоборот (председатель райисполкома – секретарь райкома – председатель окрколхозсоюза – секретарь райкома – заместитель председателя

¹ Стецовский Ю. И. История советских репрессий М., 1998. Т.1. С. 288.

² Секретари райкомов и горкомов ВКП (б) входили в номенклатуру ЦК ВКП (б), и утверждались им.

³ На момент ареста был директором леспромхоза.

окрисполкома – секретарь райкома)¹. Я.А. Ветошеву Коми-Пермяцкой окружной партийной конференцией было выражено политическое недоверие, и 10 июня 1937 г. пленумом Кудымкарского райкома ВКП (б) он был освобожден от работы секретаря райкома ВКП (б). Среди причин отвода были названы перегибы в хлебозаготовках 1931 г., нарушение колхозного устава и перегибы во время хлебопоставок 1935 г., разглашение партийной тайны, расхищение средств². В письме, адресованном заведующему отделом руководящих партийных органов Маленкову и и.о. секретаря Свердловского обкома ВКП (б) Столяру, он признался в «идиотской беспечности»: «Я встретил на крыльце соседа по дому..., который спросил меня о новостях из Свердловска. Я, не обдумав, ...допустил грубую политическую ошибку, сказал, что Кабаков (первый секретарь Свердловского обкома ВКП (б). – А.К.) арестован, как руководитель правых на Урале»³. Таким образом, покаявшись в совершении ошибок, он подписал себе смертный приговор. 9 августа 1937 года он был арестован как один из руководителей повстанческой организации на Урале.

Идея существования на Урале (и как отделение – в Коми-Пермяцком округе) повстанческой организации принадлежала Д.М. Дмитриеву, начальнику УНКВД. Так, начальникам гор- и райотделов НКВД была дана директива, в которой было указано, что «аппаратом управления вскрыта на Урале большая повстанческая организация, созданная по принципу формирования воинских частей, что эта организация делится на корпуса, полки, роты, взводы, со штабом организации в Свердловске, что повстанческие формирования имеют базы вооружения через организации Осоавиахима»⁴. По прибытии в Кудымкар следственная бригада в составе Алексева, Карташева, Шахова, Титова, Шишлина, Дермана и Дистанова и занялась раскрытием повстанческой организации. Согласно показаниям члена следственной бригады, работавшей в Кудымкаре, Дистанова, «руководителем повстанческого округа» стал Кривоше-

¹ Заявление Ветошева Маленкову 10. 06. 1937 г. // ГОПАПО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 822. Л. 44.

² Там же.

³ Там же. Л. 45.

⁴ ГОПАПО.Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10443. Л. 106.

ков (председатель окрсовета Осоавиахима. – *А.К.*) и крупную должность получил секретарь райкома ВКП (б) Я.А. Ветошев, к тому времени уже арестованный¹. При допросе Ветошев показания Кривошекова о существовании повстанческой организации в Коми-округе подтвердил. Казалось бы, дело по разоблачению повстанческой организации раскрыто, но нет. В показаниях Дистанов отмечал: «О полученных показаниях Кривошекова и Ветошева я доложил по телефону Дмитриеву. Последний спросил меня, отобраны ли при аресте Кривошекова и Ветошева списки участников повстанческих формирований. Я ответил, что таких списков отобрано не было. Тогда Дмитриев мне дал понять, чтобы я при любых обстоятельствах этот список имел бы... Такими указаниями Дмитриева я был озадачен, я думал, как можно добыть списки повстанческой организации, и решил составить подложный список, в который включить уже арестованных и подлежащих аресту кулаков и прочих арестованных, хотя ничего и не имевших с Кривошековым и Ветошевым»². Так появился список повстанческой организации, состоявший из 2000 человек. По делу Я.А. Ветошева проходит более 30 «завербованных» им участников повстанческой организации³. 7 сентября 1937 года Я.А. Ветошев был расстрелян.

Тукачев Николай Федорович, 1903 г.р., крестьянин по социальному положению, начал продвижение по партийной «лестнице» с учебы в Пермской советско-партийной школе (СПШ), поступив в нее после службы в РККА. По окончании СПШ он был направлен на работу заведующим Овченковской избы-читальни в Очерском районе. Далее Тукачев был взят на работу пропагандистом этого же райкома. Переехав в Коми-Пермяцкий округ, работал заведующим культпропотделом, зав. Орготделом, потом зам. секретаря Юсьвинского райкома ВКП (б). В январе 1935 г. был направлен на работу секретарем Гаинского райкома ВКП (б)⁴. В отличие от Я.А. Ветошева, Н.Ф. Тукачев был выведен из состава членов пленума Коми-Пермяцкого окружкома ВКП (б) и Гаинского райкома ВКП (б) «по

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10443. Т.2. Л. 106.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 10443. Л.107.

³ ГОПАПО. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 10242.

⁴ Автобиография Н.Ф. Тукачева // ГОПАПО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 759. Л. 5-50б.

факту», то есть уже как «враг народа» и без его присутствия. По постановлению заседания бюро Коми-Пермяцкого окружкома ВКП (б) от 14 августа 1937 г. Тукачев был выведен из состава членов пленума окружкома ¹, 16 августа того же года был выведен из состава пленума райкома ВКП (б) как враг народа ². На партийном собрании, посвященном исключению Тукачева из партии, сообщалось: «Систематически по вине Тукачева отсутствовало партийное просвещение, в дни политзанятий члены и кандидаты партии командировывались (так в документе. – *А.К.*) по району. ... Тукачев и Борисов (бывший председатель райисполкома. – *А.К.*) получили из ЛПХ 3 тысячи рублей на свои цели». Сообщалось также, что из выделенных по линии ЛПХ 15 тысяч рублей (премиальный фонд), было израсходовано «не более 8 тысяч, а остальные 7 тысяч неизвестно куда девали»³. Много говорилось и о негодном «стиле руководства». Например, говорилось, что «Тукачев руководил по телефону матом»⁴, а начальник НКВД на партийном собрании сообщал: «Когда органы НКВД отметили, что райком трещит по всем швам, то Тукачев кулаками стучал по столу и говорил, что докажите»⁵. Хотя в характеристике от 28. 06. 1937 г. (всего за два месяца до ареста!) отмечалось, что «Тукачев в Гаинской парторганизации пользуется авторитетом»⁶. Отметим, что подобный «стиль руководства» практиковался повсеместно.

Органами НКВД Тукачев (находившийся, кстати сказать, в отпуске) был арестован 23 августа 1937 г. Допрошен он был всего один раз – 12.09.1937 г. и не признал себя участником контрреволюционной организации. Согласно данным архивно-следственного дела 21.09.1937 г. Н.Ф. Тукачев был приговорен тройкой к высшей мере наказания. Однако в письме и.о. областного прокурора Алек-

¹ Выписка из протокола № 18 заседания бюро Коми-Пермяцкого окружкома ВКП (б) от 14. 08. 1937 г. // ГОПАПО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 759. Л. 13.

² Протокол № 5 районного партийного собрания Гаинской партийной организации от 16. 08. 1937 г. // ГОПАПО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 823. Л. 128.

³ Там же.

⁴ Демин. Протокол № 5 районного партийного собрания Гаинской партийной организации от 16. 08. 1937 г. // ГОПАПО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 823. Л. 131.

⁵ Бурдов. Протокол № 5 районного партийного собрания Гаинской партийной организации от 16. 08. 1937 г. // ГОПАПО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 823. Л. 129.

⁶ Характеристика на Тукачева Н.Ф. // ГОПАПО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 759. Л. 7.

сеева прокурору СССР Вышинскому от 13.02.1939 г. сообщалось: «Тукачев после допросов и конвоирования в уборную прыгнул в колодец и убили насмерть»¹. К сожалению, исходя из имеющихся материалов, невозможно доказать, идет ли речь о Николае Федоровиче Тукачеве: тройкой к высшей мере наказания было приговорено два человека с такой фамилией. Тем не менее виден масштаб фальсификаций: через тройку могли «провести» даже умершего человека (вероятно, это был один из способов выполнения лимитов).

Закономерным вопросом, возникающим перед исследователями, является вопрос о том, почему партийные руководители так безропотно восприняли массовые аресты и аресты в собственном кругу. Лучшим ответом на этот вопрос станут слова бывшего первого секретаря Кизеловского горкома ВКП (б) С.В. Борисова, адресованные в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС в апреле 1955 г.: «Я верил в орган, руководимый Ежовым. Для меня то время было не «ежовщина», как об этом сейчас говорят, а Ежов, посланный на эту работу ЦК нашей партии. Я тогда задумывался, почему это происходит, и приходил к мысли: лес рубят (действительных врагов), щепки летят... То, что делается, так видно это нужно. И я в своем сознании не мог быть в обиде на кого-либо... Сопrotивление для меня казалось ненужным и бесполезным»².

Таким образом, в ходе Большого террора территориальные органы НКВД становятся полными хозяевами региона, а партийные комитеты теряют прежнюю лидирующую роль и вынуждены подчиняться. Местные партийные органы выступали в качестве своего рода «посредника» в осуществлении операции: переправляли в отделы НКВД имеющиеся компрометирующие сведения, доносы и пр., причем не особенно охотно. Вместе с тем компрометирующие данные, отправляемые в отделы НКВД, не использовались как основания для ареста. В территориальных отделах НКВД существовали иные источники сбора информации для осуществления операции.

Отметим, что «кулацкая операция» носила секретный характер, местным партийным органам был указано лишь направление

¹ Алексеев-Вышинскому. 13. 02. 1939 г. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6933. Л. 74.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15214. Л. 183.

поиска «врагов». Сам термин «кулацкая операция» нигде в партийных документах не употреблялся.

Переломный момент в постепенном возвращении партийной номенклатуры к прежним властным позициям наступает осенью 1938 г., когда руководители НКВД, прокуроры, секретари ВКП (б) республиканского, областного, городского и районного масштаба получили постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»¹. Маятник репрессий качнулся в обратную сторону: террор был направлен уже против исполнителей – сотрудников территориальных органов НКВД.

¹ Цит. по: ГОПАПО. Ф.85. Оп. 20. Д. 6. Л. 11-12.

А. ЧАЩУХИН

УЧАСТИЕ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ПРОВЕДЕНИИ «КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ» В ПРИКАМЬЕ

Выполнение приказа № 00447 наделило органы НКВД исключительными полномочиями. Принадлежность к партийной, к советской или хозяйственной номенклатуре уже не могла служить охранной грамотой от террора. В этих условиях состав «тройки» – основного по приказу карающего органа выглядел во многом формальным. Первый секретарь обкома, прокурор области явно были оттеснены на второй план фигурой начальника областного УНКВД, играя, по существу, роль послушных подручных. Тем не менее для реконструкции механизма террора представляется полезным рассмотреть проведение операции и с внешней по отношению к НКВД стороны – с точки зрения советских структур. В чем выражалась реакция официальных государственных органов власти на проводимую кампанию? Какие механизмы приспособления к ситуации пытались выработать люди, которые формально продолжали осуществлять властные функции, фактически – были отстранены от политических ресурсов?

Рассмотрение всех государственных ведомств выходит за рамки данной статьи. Наше внимание будет сосредоточено, прежде всего, на тех структурах, которые непосредственно примыкали к проведению «кулацкой» операции. Речь идет, прежде всего, о прокуратуре, участие которой в операции в лице областного прокурора было оговорено в приказе. Кроме того, формально прокуратура была обязана выполнять надзорные функции по отношению к НКВД. Хозяйственные органы власти в этой статье будут представлены так называемыми Отделами найма и увольнения при заводах (ОНУ). Созданные в 1934 г. с целью очистки заводов от социально чуждых элементов, ОНУ сыграли существенную роль в проведении массового

террора. Наконец, в этой статье будут рассмотрены отдельные сюжеты, связанные с советами и избирательными комиссиями. Рассмотрение этого направления необходимо по двум причинам. Во-первых, Советы и избиркомы выполняли важную для власти функцию формальной легитимации режима. Во-вторых, рассмотрение этих структур необходимо для демонстрации общего настроения властей в условиях массовых репрессий.

В ходе исследования были использованы документы, отложенные в фондах двух областных архивов: ГАПО и ГОПАПО. В отношении прокуратуры наиболее важными источниками стали хранящиеся в ГАПО документы фонда прокуратуры Камского бассейна. К сожалению, фонды городской и областной прокуратур слабо наполнены интересующими нас документами. В двух же фондах районных прокуратур вообще не содержится необходимой для нас информации. В целом источники по прокуратуре можно разделить на три типа: 1) руководящие материалы: внутренние циркуляры, приказы и распоряжения союзного и областного уровня, 2) отчеты и доклады, 3) внутри- и межведомственная переписка. Так же, в качестве необходимого дополнения в работе были использованы следственные дела репрессированных прокуроров, хранящиеся в фондах ГОПАПО. Кроме того, были привлечены документы партийной проверки прокуратуры Коми-округа.

Материалы по ОНУ представлены как в фондах ГАПО, так и ГОПАПО. В связи с тем, что в количественном отношении рабочие были наиболее пострадавшей категорией от операции¹, мы рассмотрели, прежде всего, ситуацию на трех наиболее крупных заводах Перми: им. Дзержинского (завод № 10), им. Молотова (завод № 172) и им. Сталина (завод № 10). Кроме того, были привлечены материалы Чусовского и Лысьвенского металлургических заводов. Материалы по этим заводам содержатся в фондах ГАПО. Помимо этого были обнаружены дополнительные материалы в фондах Мотовилихинского и Свердловского РК ВКП (б) ГОПАПО. Наконец, в процессе исследования была использована полная база репрессированных в Прикамье, хранящаяся в «партийном» архиве. Данные этой базы оказались крайне полезны для верификации тех гипотез, которые возникли в отношении работы ОНУ.

¹ Подробнее смотрите: Кабацков А.Н. Репрессии против рабочих Прикамья в 1937–1938 гг. по приказу № 00447.

Советы и избирательные комиссии были рассмотрены, прежде всего, на примере Перми, Лысьвы и Чусового. Их деятельность реконструировалась на основе протоколов заседаний парткомов и пленумов. Кроме того, были использованы следственные дела репрессированных советских руководителей.

1. СОВЕТЫ И ИЗБИРКОМЫ

В ответе на вопрос, почему органы советской власти оказались бессильны перед произволом НКВД, необходимо учитывать то обстоятельство, что удар по государственным органам власти был нанесен еще до операции. Летом 1937 г. в Свердловской области стало стремительно раскручиваться дело контрреволюционной организации правых. Вслед за Свердловским начальством полетели головы руководителей всех уровней Прикамья. Обратим здесь внимание на то, что после ареста областного прокурора Чудновского последовал и арест его преемника Леймана. Таким образом, к моменту начала операции представители прокуратуры имели наглядный пример, остерегавший их от тщательного выполнения надзорных функций. Еще раньше, был арестован и приговорен 23 марта 1937 г. к ВМН председатель Свердловского облисполкома В.Ф. Головин. Дело Головина оказалось связанным с делом председателя Кизеловского горсовета В.М. Пыхтевым. Последний, в свою очередь, был связан с коллегами в Перми¹.

Таким образом, мы видим, что за несколько месяцев до кулацкой операции местному начальству было устроено кровопускание, достигшее своего апогея в конце лета 1937 г. Именно в этой обстановке в г. Чусовой происходят события, которые, с нашей точки зрения, характеризуют поведение официальных властных структур накануне и во время операции. Народные гуляния, организованные 12 июля по случаю открытия водной станции, закончились трагедией. Затонул перегруженный паром, в результате чего погибло два человека. Основанием для ареста ремонтировавшего паром Лузина стала 109-я ст. УК, однако через неделю она превратилась в ст. 58-7. После этого дело стремительно докатывается до Чусовского горсовета. Цепочка: работник горкомхоза Лузин – начальник горкомхоза Щербаков –

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12298. Следственное дело Пыхтева Василия Матвеевича. Л. 199–202, 249–259.

председатель горсовета А.А. Гудков соединяется следствием ровно за две недели (последний был арестован уже 27 июля) 1. В этой истории наиболее примечательными для нас являются две вещи. Во-первых, следствие изначально велось не НКВД, а прокуратурой. Во-вторых, для данного случая весьма характерна реакция коллег и непосредственного начальства. Обратим внимание на то, что с подачи помощника облпрокурора отдела по спецделам Митрофанова через неделю после начала дело квалифицируется по 58-й ст. В последующую неделю начинают сажать городское начальство. Через четыре дня (24.07.37 г.) на стол председателя свердловского Облсисполкома Алексеева ложится докладная записка инструктора по кадрам Дамешека. Суть записки в том, чтобы как можно быстрее разобраться с вопиющим инцидентом в Чусовом и по всей строгости закона привлечь к ответственности виновных. Далее прилагался список городского начальства, состоящий из 27 человек. В их числе помимо указанных выше были зав. ГорОНО, зав. Горздравотделом, зав. Горзо и т.д. и т.п.². Реакция Дамешека очевидна: необходимо как можно быстрее сбросить балласт, который способен утянуть на дно. Паника и сопутствующий ей маниакальный психоз в поисках вредителей, естественно, охватывают и Чусовской горсовет. 17 августа начался пленум, посвященный последним событиям. На заседании все 43 выступавших посчитали своим долгом «плюнуть» в сторону арестованных и указать на наличие врагов, которых необходимо раскрыть в самое ближайшее время³. Подобное поведение было к тому времени уже типичным⁴. 13 сентября виновные были осуждены по ст. 58-7 и 58-14 на 6 и 10 лет. Лузин был приговорен к ВМН. В последующем, однако, все остались живы и не досидели положенного им срока. Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР 25 июня 1938 г. переквалифицировала дела на

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 1284. Л. 1–13

² Там же. Л.77-84

³ Там же. Л. 171–175

⁴ Ритуалы публичного поиска врагов среди коллег и устного «избавления» уже арестованных воспроизводились одинаково и в горсоветах, и на заводах. Ниже приведен неполный список источников, демонстрирующих указанное поведение.

См. ГАПО. Ф. р-69. Оп.2. Д. 8. Лысьвенский металлургический завод. Протоколы совещаний партийно-хозяйственного актива. Л. 1–2, 55–62.

ГОПАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1111. Протоколы заседаний парткома МПРЗ. Л. 100.

ГОПАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 75. Протоколы заседания парткома при Пермском горсовете. Л. 12-14.

ст. 111, после этого «расстрельному» Лузину дали три года, остальным – по два¹. Пока отметим смену прокурорской ретивости на милость с тем, чтобы позже вернуться к этому сюжету.

Одной из основных, помимо хозяйственных и социальных функций советов была организация легитимации власти посредством проведения выборов. По конституции 1936 г. с точки зрения формального права исчезала категория «лишенцев». Выборы же проходили в период апогея террора. Естественно, что обойтись без эксцессов было невозможно. Работа органов НКВД подчинялась собственным темпам и логике, не обращавшим внимания на проведение избирательных кампаний². Объявленный сегодня кандидатом мог завтра быть арестован, что не могло не ставить в опасное положение партийную и советскую власть. Так, например, произошло в Чусовом с неким Языковым, оказавшимся в последний момент скрытым врагом, кандидатура которого была «выдвинута церковниками»³. Не лучшим образом дело обстояло и со списками избирателей. «Списки были составлены неправильно, до последнего дня в списках избирателей числились арестованная жена Самохвалова и осужденный на 5 лет один преступник»⁴. В целом, можно выделить несколько взаимодополняющих друг друга условий, затруднивших работу избиркомов:

1. *Стремительная работа НКВД*, которая, как уже было сказано, подчинялась собственным ритмам, темпам и логике.

¹ Там же, л. 268

² Проблема взаимосвязи террора 1937 г. и выборов в Верховный Совет по-разному рассматривается в современной отечественной историографии. В качестве полярных точек зрения можно выделить взгляды И.В. Павловой, с одной стороны, и Ю.Н. Жукова – с другой. Оба автора, противоположным образом оценивая роль Сталина в проводимом терроре, тем не менее исходят из тезиса определенной взаимосвязи террора и выборов в Верховный Совет. В целом данная проблема находится за рамками данного исследования. Вместе с тем стоит отметить, что указанное утверждение о собственной логике и ритмах работы НКВД базируется на выводах, представленных в следующих текстах:

А. Колдышко. Роль партийных органов в осуществлении репрессий.

О.Л. Лейбович. Кулацкая операция на территории Прикамья.

В данных текстах демонстрируется безразличие органов НКВД к поступающей от партийных органов информации, содержащей компрометирующий материал.

³ ГОПАПО. Ф. 1241. ОП.1. Д. 273. Чусовской ГК ВКП (б) Свердловской области. Протоколы заседаний пленума ГК и собраний партактива района.

⁴ Там же, л.99

2. *Отсутствие нормальных для работы списков*, многие из которых уже устарели. Судя по всему, избиркомы в принципе не могли знать, сколько избирателей должно придти на участок для голосования. Представитель Горсовета Кузнецов жаловался: «Хотя бы взять составление списков. Мы не имеем ни одной конкретной цифры, сколько у нас в районе избирателей, потому что нам запретили пользоваться цифрами последней переписи. Это нам дало большое затруднение. Списки стали составляться сразу путано...»¹.

3. *Некомпетентность работников*. В ответ на оправдания Кузнецова звучали обвинения в халатном исполнении обязанностей: «Горсовет к составлению списков подошел не серьезно. Поручили это дело машинисткам, которые по целым десяткам номеров пропускали при печатании списков»².

3. *Запутанность и непонимание избиркомами того, что нужно делать вследствие изначального противоречия политического курса букве провозглашенной конституции*. Представитель избирательной комиссии пытался оправдаться: «Хочу подчеркнуть, когда слушали нас на Горкоме, то мне сказали, зачем проводите работу со спецпереселенцами, а потом пришлось начинать сначала».

Каждая причина в отдельности и все вместе взятые и приводили к опасным для партийных и советских властей ситуациям, когда кандидат и избиратель могли оказаться «врагами народа». Естественно, что те, кто стоял в отдалении от выборов, усматривали в этом вылазки классового врага, те же, кто непосредственно отвечал за процесс, сетовали на объективные трудности. Вообще, способ двойной трактовки действительности, который условно можно назвать «объективно-идеологическим», являлся универсальным для того времени. Авария на заводе и ошибка избиркома могут трактоваться, с одной стороны, как следствие обстоятельств и некомпетентности, с другой – как акт сознательного контрреволюционного вредительства. К подобным трактовкам можно отнести следующие реплики выступающих на цитируемом здесь пленуме Чусовского Горкома. «Мы имеем сопротивление классового врага. На 8-й избирательный участок парторгом пробрался кулак...». «Вражеская практика в Чусовском отделении продолжается. План по

¹ Там же. Л. 19

² Там же. Л. 82

узлу не выполняется. В ремонте паровозов много брака... Семьи арестованных разлагают лучших людей, надо их через органы прокуратуры через известное время убрать из квартир»¹. В условиях проведения массовой операции «объективная» трактовка по силе воздействия должна была проигрывать идеологической, так как была, по существу, оправдательно-оборонительной тактикой. Когда же наметилось свертывание операции, ситуации, за которые сажали и расстреливали, стали трактоваться «объективно», действия же НКВД в последнем квартале 1937 г. – идеологически (несправедливые репрессии вызваны засевшими в НКВД «врагами народа»). Как видно из этого, метод трактовки действительности, оставшись прежним, просто изменил свою направленность. Инквизиторы оказались еретиками.

Итак, аресты местных руководителей и начавшаяся операция вызвали шок у представителей местных властей. Методом преодоления страха стали активные поиски врагов в собственной среде. Навешивание ярлыков вредителей друг на друга вряд ли вело к обязательному аресту. Тем не менее подобные действия ослабляли органы советской власти перед лицом НКВД, создавая необходимые условия для дальнейшего террора.

2. ПРОКУРАТУРА

Как уже отмечалось, удар по советским органам власти, в том числе и по прокуратуре был нанесен еще до «кулацкой» операции. Арест областного прокурора Чудновского, а затем и его преемника Леймана должен был указывать на то, что принадлежность к следственно-надзорному ведомству сейчас уже не являлась охранной грамотой. На допросе 23 сентября 1937 г. Лейман «сдает» семерых работников своего ведомства². Двое из этого списка – Волнушкин и Никиенко были соответственно прокурором и заместителем прокурора г. Перми. Непонятно почему, но с момента получения компромата до ареста Волнушкина прошло больше 5 месяцев (был арестован только 5 марта 1938 г.). По данным полной базы репрессированных ГОПАПО всего в Прикамье за время проведения операции

¹ Там же. Л. 20, 56

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д.9846. Следственное дело Волнушкина Михаила Ивановича. Л. 24-27

пострадало 9 работников прокуратуры. Из них трое было арестовано в октябре 1937 г., один – в декабре того же года, трое – в январе и двое – в марте 1938 г. Таким образом, НКВД обеспечило отстранение прокуратуры от проводимой операции. В докладе о работе прокуратуры Камского бассейна за 1937 г. говорится: «Утверждать о правильности количества дел, находящихся в стадии расследования в органах НКВД в данное время, не представляется возможным, вследствие того, что ряд дел органами НКВД направлялись оконченными следствие для просмотра и дальнейшего направления через УНКВД разных областей, а от последних о движении этих дел точно мне неизвестно»¹. Говорить, однако, о полной отстраненности от проводимой операции мы не можем. Рассмотрим деятельность прокуратуры с двух точек зрения: внутриведомственной и со стороны взаимодействия с органами НКВД.

В начале операции НКВД проводило аресты без санкции прокурора. Однако в скором времени свердловское начальство потребовало соблюдения некоторых формальностей. «Будучи на оформлении следственных дел, последние в начале направлялись в УНКВД г. Свердловск, без санкции прокурора, а затем поступило распоряжение, что не завизированные прокурором следственные дела не высылать, и те, что уже были ранее высланы, также были возвращены»². Примечательно, что в поисках «хорошего» прокурора ГО НКВД обратилось не к городскому прокурору Волнушкину, а к и.о. прокурора Камского бассейна Щукину. Первому начальник ГО НКВД Левозцкий не доверял. На то были причины. Во-первых, Левозцкий не мог не знать, что в показаниях арестованного областного прокурора Леймана Волнушкин фигурировал как член контрреволюционной организации правых. Во-вторых, прокурор г. Перми был хорошо знаком по старому месту работы с репрессированным еще в октябре 1937 г. окружным прокурором Юркиным. В третьих, Волнушкин с 1935 г. оставлял после себя «дурной» след в местной прессе. К следственному делу аккуратно были приобщены вырезки из газеты «Звезда» за 1935–37 гг., в которых Волнушкин критикуется за

¹ ГАПО. Ф. р-1195. Оп. 2 Д. 5. Доклад о работе прокуратуры Камского бассейна с 1 января по 31 декабря 1937 г. Л. 5

² Пермская область накануне Великой Отечественной войны. Сборник документов. Пермь 2005. С. 121.

«бюрократизм»¹. Ставить на человека, который вот-вот подвергнется аресту, Леоцкий не мог. Персона Щукина напрашивалась сама собой, тем более, что осуществление кулацкой операции началось в Прикамье с дела Кандалинцева и репрессий на Камском речном пароходстве. Сержант госбезопасности Распопов давал в 1939 г показания: «...Леоцкий вкратце рассказал Щукину, что заставляет его нарушать процессуальный кодекс, сославшись на то, что-де в начале массовой операции была установка – аресты производить без санкции прокурора, а сейчас-де предложил заручиться санкцией прокурора, а поскольку-де это уже является пост-фактом, то и задумываться над этим не стоит. Заручившись согласием Щукина, что он это сделает, и по его уходу из кабинета Леоцкого, последний в присутствии меня, Горчилина и т. Лизунова иронически бросил реплику: «С таким чудачком можно все сделать», а Горчилин добавил: «Щукин вообще любит подписывать и давать свою визу, так что мы его тут используем на все 100 %»².

В дальнейшем можно проследить за процессом «штамповки», в котором принимал участие Щукин и его заместитель Сюркаев. «Процесс самой штамповки происходил следующим образом: готовили сразу 200–300 дел, и в те сутки, когда нужно было отправлять дела в Свердловск, вызывали прокурора с печатью, когда он говорит, что [с] этим количеством не справиться, что ему нужно посмотреть, то здесь его уговаривали, что дела во что бы то ни стало необходимо сегодня же отправить, что ему помогут. Действительно, ему выделялось иногда 2–3 человека сотрудников, которые писали на постановлениях: «Арест санкционирую, и.о. прокурора Камского бассейна», а прокурор только расписывался и ставил печать, правда, слегка перелистывал дела и заносил в свой список, который он вел здесь же при просмотре, успевая только записать имя, отчество и фамилии». Интересно, что этот «список Щукина» потом, в 1938–39 гг. так и не был обнаружен, поэтому судить о том, сколько конкретно дел было «проштамповано» прокурором Камского бассейна невозможно. Известно только, что визировались в том числе и следственные дела, никакого отношения к Камскому

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д.9846. Следственное дело Волнушкина Михаила Ивановича.

² Пермская область накануне Великой Отечественной войны. Сборник документов. Пермь 2005. С. 121–122.

пароходству не имеющие. В этом случае копии санкций направлялись Волнушкину. Но, опять же, потом ни санкций, ни списка обнаружить не удалось¹. В октябре 1939 г. зам. областного прокурора Александров сообщал прокурору Камского бассейна: «...ориентировочно возможно располагать – Сюркаевым до 600 (санкций), Щукиным до 100»². Известно так же, что в ряде областей работников водного транспорта могли привлечь и с санкции территориальных прокуроров³. Входили ли Свердловская область и Прикамье в разряд этих областей неизвестно. Важно другое. Работникам НКВД нужно было, чтобы какой-нибудь прокурор завизировал дело.

Не всегда прокурор становился послушным подручным для НКВД. Городской прокурор г. Лысьвы Кукарских усилиями начальника ГО НКВД Корнилова был в ноябре 1937 г. исключен из партии, а 8 января 1938 г. арестован. «...Кухарских отказывал в арестах Корнилову, т.е. без предварительного просмотра материалов отказывал в санкциях на аресты, этим лишал возможности Корнилова создавать искусственные дела и не из врагов народа делать врагов», – будет писать в докладной записке помощнику прокурора РСФСР в июле 1939 года бывший подчиненный И.С. Гилев⁴. Вряд ли возможно установить мотивы непослушания со стороны прокурора. Применительно к лысьвенскому энкэвэдэшнику помимо очевидных мотивов (прокурор тормозил работу) можно усмотреть и другой мотив. Для Корнилова Кукарских был человеком, чрезвычайно тесно связанным со старым, арестованным летом 1937 г. начальством. В материалах дела Кукарского есть свидетельства того, что прокурор был в дружеских отношениях с секретарем горкома, пытался прикрыть редактора районной газеты Степанова, обвиняемого в изнасиловании домработницы, и оградить некоторых хозяйственных руководителей от террора⁵. Пьяная драка, затеянная его коллегой – народным судьей во Дворце культуры, влекла за собой не более чем разбор на партсо-

¹ ГАПО. Ф. р-1195. Оп. 2. Д. 10. Л. 45–45 об.

² Там же, Л. 160

³ Там же, Л. 45–45 об.

⁴ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16800. ГОПАПО. Л. 108–110

⁵ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16800. Постановление прокурора следственного отдела прокуратуры РСФСР Хромова о привлечении к уголовной ответственности работников Лысьвенского Горотдела НКВД Корнилова В.Г. и Липкина в связи с делом Кукарского (бывшего прокурора г. Лысьвы). Л. 209–215.

брании с последующим строгим выговором¹. Лысьва не была здесь исключением из правил. Подобная ситуация была и в Коми-округе² и в других районах Прикамья³. Этим объясняется то, что во всех рассмотренных следственных делах на арестованных работников прокуратуры вне зависимости от даты ареста четко обозначается связь арестованных с делом Кабакова.

Рассмотрим теперь внутриведомственные изменения в прокуратуре. Уже 7 августа 1937 г. в циркуляре прокурора СССР за № 5/051580 осуждается практика квалификации некоторых дел как хулиганских вместо статей 58-10 и 59-7. Из Свердловска этот циркуляр 21 августа был направлен районным и городским прокурорам⁴. В дальнейшем прокуратура пытается ускорить темпы своей работы. 11 сентября областное начальство с подачи Вышинского дает указание ускорить рассмотрение дел о фактах вредительства и диверсий в системе заготзерна, оканчивая дела в пятидневный срок и проводя их через суды по ст. 58-7⁵. В конце октября дается указание о пересмотре прошлых дел. «...Предлагаем Вам под личную ответственность немедленно выбрать из архива дела, рассмотренные Вашим судом в период 1934, 1935, 1936 и 1937 гг. независимо от того, были они в рассмотрении в вышестоящих судебных органах ли нет (вплоть до Верховсуда) по ст. 60, 61, 79, 79 п. 1, 2, 3, 4., 109, 110, 111, 112, 113, 115, 116, 117, 120, 128, 78, 105, 62, 182 п. а, б, в, г, и, д, 169 п. 1–12»⁶. Большинство из представленных статей с легкостью переделываются в пункты 58-й статьи. На основании этого можно констатировать, что с началом массовой операции прокуратура как союзного, так и областного уровня пытается активизировать свои структуры в борьбе с «контрреволюцией». Подобную активизацию

¹ ГОПАПО. Ф. 354. Оп.1. Д.1. Суд прокуратура Лысьвенского района. Протоколы партсобраний (13.04.37-22.12.38 гг.). Л. 12-15.

² ГОПАПО. Ф. 200. Оп.1. Д. 428. Л.51-53.

³ В материалах следственных дел арестованных прокуроров помимо контрреволюционного компромата всегда присутствуют данные о бытовой связи прокуроров с местным начальством. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 1254, ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 9846, ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16800, ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп.1. Д. 26910, ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 1306, ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2829.

⁴ ГАПО. Ф. Р-1365. Оп. 2с. Д. 13. Приказы, инструкции, циркулярные письма Прокуратуры СССР РСФСР, прокуратуры Свердловской области. 21 февраля 1936 – 8 января 1938. Л. 86.

⁵ Там же. Л. 96.

⁶ Там же. Л. 124

в форме переквалификации статьи (еще до распоряжения сверху) и последующего конструирования контрреволюционного дела можно усмотреть и в аресте председателя Чусовского горсовета Гудкова, о чем уже упоминалось в начале статьи. Однако сколько вообще дел было переквалифицировано с обычных уголовных на контрреволюционные по имеющимся данным сказать невозможно. В прокурорских отчетах таких данных не было обнаружено. Также чрезвычайно сложно говорить о работе районных прокуратур, материалы которых за редким исключением отсутствуют в фондах ГАПО. В наиболее полном виде в ГАПО представлены материалы прокуратуры Камского бассейна, поэтому судить об общих тенденциях работы ведомства приходится именно на основании этих весьма фрагментарных для Прикамья данных.

Если о масштабах переквалификации текущих и прошлых дел мы не можем говорить точно, то весьма подробную информацию об общем количестве контрреволюционных дел нам дает прокурорская статистика, отраженная в отчетах и докладах. В течение всего 1937 г. наблюдается рост количества привлеченных прокуратурой водного транспорта лиц по контрреволюционным делам. Если в первом квартале 1937 г. таковых было привлечено 188 человек, во втором – 323 человека, в третьем – 307, то в четвертом количество привлеченных практически удваивается и достигает 602 человек.¹ Соответственно наблюдается и рост возбужденных контрреволюционных дел, что наглядно отображено в представленных таблицах.

Т а б л и ц а 1

Число поступивших за 1937 г. в прокуратуру водного транспорта дел по контрреволюционным обвинениям²

Период	Поступило дел	
	Всего	В том числе проведено водной прокуратурой
I квартал	142	2
II квартал	224	15
III квартал	246	34
IV квартал	460	66
Всего за 1937 г.	1072	117
Было в 1936 г.	513	–

¹ ГАПО. Ф. р-1195. Оп. 2. Д. 6. Л. 152

² ГАПО. Ф. р- 1195. Оп. 1. Д.14. Л. 7

**Динамика возбуждения контрреволюционных дел
в Прикамье в ведомстве прокуратуры Камского бассейна
(название дано автором текста) ¹**

Возбуждено дел	1936		1937		1938	
	Кол-во дел	Привл. людей	Кол-во дел	Привл. людей	Кол-во дел	Привл. людей
Всего	24	37	111	144	36	46
В том числе прокуратурой	2	2	16	20	–	–

За вычетом дел, проведенных водной прокуратурой, мы получаем количество дел, проведенных НКВД. В таблице 1. представлена ситуация по всей прокуратуре водного транспорта. Данные этой таблицы демонстрируют резкую активизацию водной прокуратуры по линии возбуждения и проведения следствия по контрреволюционным делам в течение 1937 г., и особенно в 4-м квартале, т.е. во время проведения кулацкой операции. В табл. 2 отражена ситуация в Прикамье. Как видно из представленных данных в 1937 г. количество возбужденных контрреволюционных дел возрастает в 8 раз. В 1938 г. дела подобного рода прокуратура Камского бассейна вообще не возбуждает. К сожалению, форма отчетности прокурора Камского бассейна не предоставляет нам такую же поквартальную информацию, как данные по всей прокуратуре водного бассейна. Тем не менее представляется возможным допустить, что тенденции, характерные для всего ведомства, были типичны и для такой его части, как прокуратура Камского бассейна.

Подобное рвение прокуроров в 1937 г. (особенно в 4-м квартале) представляется неслучайным. Власть прокуратуры к осени 1937 г. становится номинальной в сравнении с полномочиями и властными ресурсами НКВД. В этих условиях надзорному ведомству

¹ Из отчета Главному прокурору водного транспорта СССР Альтушуллеру о работе прокуратуры Камского бассейна за 1938 г. / Пермская область накануне Великой Отечественной войны: Сборник документов. Пермь, 2005. С. 118.

остаётся послушно подписывать дела, параллельно пытаясь в соответствии с правилами самосохранения и межведомственной борьбы «соревноваться» с НКВД, используя собственные структуры. С другой стороны, из представленных в таблицах данных видно, что скорость ведения прокурорских дел сильно уступала скорости НКВД. Соревноваться на равных в то время прокуратура не могла. Во-первых, нельзя отбрасывать того, что прокуратура в отличие от НКВД была обязана все-таки хоть и формально, но оглядываться на существующее законодательство. Во-вторых, объективно прохождение дел через прокурорские и судебные инстанции требовало гораздо больше времени, чем прохождение дел через тройки. В-третьих, в большинстве случаев прокуроры районного и городского уровня были неспособны вести дела в ускоренном темпе в силу инертного стиля работы. В отношении проводимой операции прокуроры во многом становились заложниками советского законодательства. Реализация приказа № 00447 неизбежно ставила перед прокурорами много «мелких» вопросов. Как реагировать на увольнение родственника арестованного? Должна ли проводиться конфискация имущества, и в каком объеме она должна осуществляться? О формулировке самого приказа районные, окружные и городские прокуроры имели, видимо, весьма смутные представления. Иначе не было бы необходимости областному прокурору отправлять 8 октября 1937 г. на места инструкцию следующего содержания. «Операция, проводимая органами УГБ НКВД по решениям тройки, регулируется рядом совершенно секретных указаний. Поэтому если Вам что-либо непонятно в этой области, Вам надлежит предварительно запросить Облпрокуратуру, прежде чем принимать то ли иное решение или давать предложение органами НКВД. Так как в противном случае Вы рискуете тем, что я буду вынужден отменять ваше решение, так как подтвердить их для выполнения НКВД я могу только в том случае, если это находится в соответствии с существующими на сей счет законами. В данном случае разъясняю Вам, что конфискация лиц, осужденных тройкой, проводится правильно, причем размеры ее должны быть такие же, как и по приговору суда. Никаких постановлений тройки семьям осужденных контрреволюционеров НКВД представлять не должно...»¹.

¹ ГАПО. Ф. Р- 1365. Оп. 2с. Д. 14. Приказы, инструкции и циркулярные письма Прокуратур СССР и РСФСР и прокуратуры Свердловской области. Л. 22

С февраля 1938 г. курс прокуратуры поэтапно изменяется на 180 градусов. Вслед за приказом прокурора СССР от 7.02.38 г. о восстановлении неправильно уволенных прокуроров в 1937–38 гг., 25 февраля Вышинский в приказе № 187/7с требует от своих подчиненных прекратить порочную практику переквалификации обычных дел на дела по 58-й статье без достаточных оснований. Кроме того, райпрокурорам запрещалось возбуждать контрреволюционные дела без санкции областного прокурора. Чуть позже, в дополнении к приказу райпрокурорам запретили выдавать санкции органам НКВД без разрешения областного начальства¹. Наконец, с 3 мая 1938 г. приказом № 436/13с всем прокурорам было запрещено возбуждать дела о контрреволюционных преступлениях без санкции Прокурора СССР и производить аресты по всем делам без санкции областного начальства². Таким образом, мы видим, что с февраля по март московское начальство упорно пытается ограничить рвение своих подчиненных. Эти усилия были результативны.

Т а б л и ц а 3

Число лиц, привлеченных по контрреволюционным делам прокуратурой водного транспорта в 1937–1938 гг.³

1937 г.		1938 г.	
I квартал	188	I квартал	416
II квартал	323	II квартал	414
III квартал	307	III квартал	305
IV квартал	602	–	–

В табл. 3 отчетливо просматривается снижение активности прокуратуры в возбуждении контрреволюционных дел в течение 1938 г. В четвертом квартале 1938 г. лиц, привлеченных за этот вид преступления, в данном ведомстве уже нет. По всей видимости, прокурор Камского бассейна отличался большей чувствительностью к меняющемуся политическому курсу в сравнении со своими коллегами по другим регионам. В 1938 г. прокуратура Камского

¹ ГАПО. Ф. р-1195. Оп.2. Д.9. Л. 10, 25

² Там же. Л. 43

³ ГАПО. Ф. р-1195. Оп. 2. Д.6. Из доклада прокурора Камского бассейна Черноусова прокурору Водного транспорта СССР Рагинскому. Л. 152.

бассейна вообще не завела ни одного контрреволюционного дела, полностью уступая эту деятельность органам НКВД (см. табл. 2). Резкое снижение активности можно объяснить также с позиций межведомственной борьбы. Этим объясняется работа прокуратуры в г. Чусовой, о которой упоминалось в начале статьи (дело Гудкова). Напомним, что если обычная уголовная статья в июле 1937 г. была быстро переделана на 58-ю, то 25 июня 1938 г. уже после обвинения вновь произошла переквалификация обвинения на статью 111 УК. Выражаясь «футбольным» языком, резкое снижение активности со стороны прокуратуры ставило органы НКВД в положение «вне игры». Одновременно Вышинский организовано выводил из-под удара своих людей. С сентября 1937 г. надзор за НКВД со стороны прокуратуры усиливается, а после 17 ноября – завершение операции. Прокуратура начинает брать реванш за страх и бессилие августа 1937 – марта 1938 гг.

3. ОТДЕЛЫ НАЙМА И УВОЛЬНЕНИЯ

Новая заводская управленческая структура под названием «Отдел найма и увольнения» возникает после оргпостановления ЦК ВКП (б) и приказа Наркомтяжпрома от 1 августа 1934 г. Этим распоряжением ОНУ был выделен из отдела кадров, полностью реорганизован и подчинен непосредственно помощнику директора по найму и увольнению¹.

Определенный свет на работу и структуру этой инстанции проливает первый доклад начальника ОНУ за период с августа 1934 по апрель 1935 г. В отделе найма и увольнения завода Дзержинского работало 22 человека. В ведении начальника находились его личная «канцелярия» – секретарь и машинистка, бюро найма и увольнения, учетно-плановое бюро, паспортный и военный стол. «Правой рукой» помощника директора по найму и увольнению был его заместитель, руководивший бюро. Именно его аппарат после личной беседы рабочего с начальником перепроверял и оформлял необходимые бумаги, проводил анкетирование и посылал запросы о выяснении его личности в местные НКВД и советы².

¹ ГАПО. Р-42. Оп. 2 с. Д. 318. Государственный союзный завод им. Дзержинского. Руководящие указания и отчеты о работе отдела найма и увольнения с 4 апреля 1935 по 17 ноября 1935 г. Л. 53

² Там же. Л. 53–59 об.

В последующие три года, предшествовавшие кулацкой операции, ОНУ отработывает процедуры работы с контингентом завода, взаимосвязи с НКВД, НКТП, местными партийными и советскими органами власти. За этот период центральной властью было проведено несколько кампаний, исполнение которых легло на плечи указанного отдела. Практически с момента возникновения ОНУ берутся за обмен паспортов на удостоверения у рабочих оборонных заводов, после циркуляра НКВД и НКТП № 62 от 14.04.35 г. «Об очистке 68 военных заводов особого списка от опасных для производства лиц» – за поиск и увольнение социально-чуждых элементов. Последняя кампания, по всей видимости, и закрепила за этим ведомством те функции, которые пригодятся в дальнейшем НКВД во время кулацкой операции. Выполнение циркуляра об «очистке» военных заводов заставляло ОНУ усилить работу по сбору компрометирующих материалов. О масштабах проделанной работы свидетельствует акт о приемке ОНУ новым начальником – лейтенантом госбезопасности Титовым 15.06.38 г. В третьей описи принимаемых документов упоминается 1054 дел личных дела, имеющих ком/материал, три старых списка на социально чуждых лиц, две книги учета, 161 непроверенных доносов¹. Указанная чистка с самого начала была негласной. В апреле 1935 г. начальник ЭКО УГБ Миронов инструктировал «онушника» завода № 10 Лебедева: «...увольнение опасных для производства лиц должно носить исключительно негласный характер, необходимо на всех лиц, подлежащих, по мнению органов НКВД, увольнению с военных заводов, составлять списки и неофициально передавать их помощникам директоров по найму для доклада директору завода, по распоряжению которого производится увольнение...увольняемым ни в коем случае не объявлять основных причин, послуживших к их увольнению, например: харбинец, кулак и т.п., а увольнение производить под благовидным предлогом – несоответствие, за невозможностью использовать, за недисциплинированность и т.д.». К подобной секретности местные начальники ОНУ приспособивались старым шпионским способом – договоренностью об условных

¹ ГАПО. Ф. Р-42. Оп. 2с. Д. 332. Государственный союзный завод им. Дзержинского. Руководящие указания и отчеты о работе отдела найма и увольнения с 11 января 1938 г. по 22 декабря 1938 г. Л. 13.

знаках в документах. Таким знаком могли быть буквы «НИ» (невозможность использования) рядом с исходящим номером или определенные числа¹.

Еще с середины 1934 г. на основе приказов НКВД и НКТП № 004 централизованно начинают составляться и рассылаться в ОНУ при заводах «черные» списки лиц чуждого социального происхождения². Указанные категории: «кулак», «белогвардеец», «сын священника» позже точно воспроизведутся приказом № 00447.

Отработка возложенных на ОНУ функций не означала, впрочем, что их начальники всегда справлялись с работой. «По имеющимся у нас данным пом. директора по найму и увольнению рабсилы завода имени т. Молотова – тов. Шварц за последнее время значительно ослабил руководство по очистке завода от чуждого элемента, в частности, ГО НКВД установлено на заводе до 1000 человек, указавших при анкетировании неправильные адреса места своего происхождения, крайне медленно идет увольнение с завода выявленных НКВД чужаков из предложенных к увольнению 173 человека (причем значительное количество из них было предложено уволить еще в апреле, июне, июле, августе месяцах 1935 г.), до сего времени не уволено ни одного человека. В аппарате ОНУ имеется до 2000 шт. анкет на лиц неизвестно работающих или нет на заводе. Все эти моменты являются прямым нарушением постановления ЦК ВКП (б) об очистке режимных заводов», – писал в 1936 г. начальник Пермского ГО НКВД Лосос секретарю Молотовского ГК ВКП (б) Кузнецову³. Преемник Шварца Ермолаев в 1937–38 гг. со своей работой справлялся, судя по всему, лучше. В феврале 1937 г. он, сообщая Молотовскому ГК ВКП (б), что им выявлено на заводе 279 человек чуждого элемента, требует помощи в дальнейшей работе. «...Этих лиц на заводе значительно больше. Выявить большее количество по нашим материалам не представляется возможным ввиду того, что весь состав завода анкетировался в 1934 году и лица в то время состоявшие в партии в последующее время исключались, а у нас же по анкетам числятся как члены ВКП (б). Для выявления более точного количества лиц, исключенных из ВКП (б), ранее

¹ ГАПО. Ф. Р-42. Оп. 2с. Д. 318. Завод им. Дзержинского. Руководящие указания и отчеты о работе найма и увольнения с 4.01.35 г. по 1.04.35 г.

² Там же. Л. 23-26.

³ ГОПАПО. Ф. 620. Оп. 17. Д. 32. Л. 42

состоявших в других политпартиях, прошу дать указания парторганам цехов и отделов о предоставлении Вам списков на лиц ранее состоявших в ВКП (б) и других политпартиях. По мере поступления таких списков последние прошу высылать мне»¹.

Изначально структура ОНУ создавалась как ведомство, наделенное особыми полномочиями. Помощник директора по найму и увольнению, как правило, был сотрудником НКВД. Таким образом, обеспечивалось покровительство отдела со стороны «синих кантов». Это могло проявляться, например, в требовании к директору завода № 10 начальника ГО НКВД Лососа дать лучшее помещение ОНУ. Уволить своего помощника директор завода не мог напрямую. Тем не менее, судя по всему, данный отдел был весьма сильно загружен социальной работой².

Рутинной обязанностью помощника директора по ОНУ было ведение переписки на предмет проверки и перепроверки кадров завода. Адресатами являлись ГО и РО НКВД, Наркомат оборонной промышленности и, естественно, коллеги в погонах с других оборонных заводов. В материалах завода им. Дзержинского нами была обнаружена переписка помощника директора ОНУ с различными ведомствами за 1938 г. Суть этой переписки в постоянных запросах и ответах по поводу социального происхождения того или иного рабочего в связи со слухами или доносами, плановые перепроверки в связи с литерой «Ч» (это, предположительно, форма допуска). Помимо этого, лейтенант Титов переправлял своим коллегам на завод им. Молотова и им. Сталина списки уволенных лиц с прилагающимся к ним компроматом³.

Основные мотивы увольнения и интересующая Титова информация – родственная связь с кулаками, белыми, служителями культа, проживание родственников за границей. Чаще всего упоминается кулачество. На втором месте среди компроматов стоит служба в белой армии. На третьем – наличие родственников за границей, на последнем – служители культа и инациональность.

¹ Там же. Л. 18.

² Косвенные свидетельства об использовании со стороны дирекции заводов ОНУ не по прямому назначению видны в тексте приказа Рухимовича – см. ГАПО. Ф. р-33. Оп. 2. Д. 122. Материалы по заводу им. Ленина. Л. 52.

³ См. Переписку НКВД: ГАПО. Ф. Р- 142. Оп. 2с. Д. 335

Мотивы часто не разделяются и сочетаются друг с другом. Естественно было бы предположить, что данные подобной переписки могли служить в дальнейшем основанием для арестов. Социальные категории, а точнее, ярлыки «кулак», «белогвардеец», «служитель культа» соответствуют букве приказа № 00447. Проверка упоминаемых фамилий по базе данных, однако, не обнаружила ни одного совпадения со списком лиц, прошедших через «тройки». Переписка, касающаяся отдельных лиц, видимо, была слишком слабым подспорьем для проведения массовой операции. Изучение «плотности» переписки не обнаруживает какого-либо снижения после конца операции и лишней раз подтверждает, что подобные действия начальника ОНУ были скорее рутинным делом, а не основанием для ареста. Это не исключает, впрочем, что итогом этой переписки в отдельных случаях могло стать занесение человека в «список» или использование этой информации в конструировании следственного дела.

Тем не менее некоторые документы переписки проливают определенный свет на механизм работы заводских структур. Речь идет здесь не об ОНУ, а о «родственной» ему инстанции на заводе – 1-м отделе. Летом 1938 г. начальник 1-го отдела завода № 10 Теплоухов отправил начальнику ГО НКВД Вайнштейну сообщение. В связи со снятием прежнего городского начальства НКВД (Левощкого и др.) Теплоухов просил проверить, сохранилась ли отправленная им корреспонденция. Список впечатляет: «О засоренности завода чуждым элементом вплоть до бывших эсеров» – 8 сообщений, «О попустительстве со стороны дирекции и непривлечении к ответственности лиц за разглашение секретных данных завода» – 4, «О преступных вредительских действиях со стороны бывшего руководства завода во всех областях х-ва завода» – 3 (включая доклад на 36 листах), «О фактах аварий на заводе и подготовка к авариям» – 101. Таким образом, за апрель 1937 – апрель 1938 гг. начальником 1-го отдела было отправлено 27 официальных сообщений в ГО НКВД. Помимо этого были еще и неофициальные доклады, о которых Теплоухов также упоминает.

¹ ГАПО. Ф. Р- 142. Оп. 2с. Д. 186. Государственный Союзный завод им. Дзержинского. Переписка с НКВД о работе завода и личном составе. Л. 104–107

Интересно, что интенсивность его переписки с ГО НКВД резко возрастает в декабре и составляет 7 сообщений. Пока можно только предположить, что это связано с наивысшим пиком террора в отношении рабочих.

Данные спецотделов заводов в НКВД, по всей видимости, были востребованы. Сержант госбезопасности С.Н. Окулов вспоминал об инструктаже Леоцкого: «...Кроме того, нужно задокументировать факты их «вредительства», для чего вызовите нач-ка спец. части завода № 172 и др. предприятий, скажите от моего имени, чтобы они выдали справки о имевшем место подобной аварии. В г. Молотове были посланы т.т. Борисов и Новиков или т. Каменских, точно не помню. Ими было привезено до 50 шт. справок, подписанными нач. спец. части, фамилии его не помню». Отработанные процедуры в сочетании с покровительством со стороны НКВД позволили ОНУ с началом репрессий усилить свое влияние. Вряд ли докладная записка начальника ОНУ Коваленко об аварии на заводе № 10 послужила бы началом дела главного инженера завода Далингера годом раньше, в обстановке раскручивания «кабаковского» дела записке дали ход². Больше года начальник ОНУ Морзо на заводе им. Сталина боролся с директором Побережским, его усилия увенчались успехом только в начале 1938 г.³

Накануне массовой операции ОНУ получают поддержку наркомата оборонной промышленности, благодаря чему они в еще большей степени выводятся из под власти директора завода. 28 июля 1937 г. нарком М.Л. Рухимович в своем приказе требует от дирекции заводов наведения порядка в организациях ОНУ. Из пунктов приказа можно выделить следующие: «...4. «Назначение и смещение начальников Отделов кадров производить исключительно приказами Начальника соответствующего Главного управления...6. Начальникам Главных Управлений проводить назначение Начальников Отделов кадров лишь после личного ознакомления с ними...»⁴.

¹ ГОПАПО. Ф.1. Оп. 1. Д. 11216. Т.5

² ГОПАПО. Ф.641.Оп.1. Д.2242. Следственное дело Далингера.

³ ГОПАПО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 21. Сталинский РК ВКП (б). Л. 154–169.

⁴ ГАПО. Ф. р-33. Оп. 2. Д. 122. Материалы по заводу им. Ленина. Л. 52.

Взросший «политический вес» ОНУ не мог не вызывать конфликта между начальником этой структуры и директором завода. В фонде Свердловского РК ВКП (б) ГОПАПО хранятся документы, связанные с продолжительным конфликтом между директором завода Побережским и его помощником по кадрам – Морзо. Суть достаточно типичного для того времени конфликта проста: директору для выполнения плана необходимы квалифицированные кадры из числа рабочих и инженеров, его помощнику необходимо найти и уволить лиц сомнительного социального происхождения, зачастую тех же самых, которые нужны директору. Анализ взаимоотношений между Побережским и Морзо мог бы стать отдельной темой для исследования. Нас интересует другое. Этот конфликт во многом проливает свет на участие ОНУ в массовой операции. Морзо в 1937 г. уже не довольствуется просмотром анкет и посылаемыми запросами. Он начинает вести допросы людей в специально отведенной комнате. Это пытался ставить ему в вину на заседании бюро Побережский: «...А что представляет комната № 2, которую Вы создали в ОНУ, ставшей притчей «во языцех». Вы молчите. Создаете комнату № 2, вызываете людей, допрашиваете «член ты организации и т.д.» Этим самым Вы встали на путь подмены органов НКВД...». Сам Морзо так пояснял свои действия: «Придя в ноябре 1935 г. на завод, ...я начал свою работу с проверки людей...Результатом проделанной работы было выявлено 500 человек кулаков, белогвардейцев, попов, торговцев, харбинцев, бывших членов ВКП (б), троцкистов, правых и лиц немецкого, польского, латвийского происхождения и имеющих заслуживающее внимание связи с границей, явно подозрительных на шпионаж. Эти люди мною были уволены с завода. Уволил я их правильно, так как в 1937 г. из числа уволенных до 175 человек арестовано и они оказались врагами народа», – говорил Морзо на заседании Бюро Сталинского РК ВКП (б) 9 января 1938 г¹. Очевидно, что гордость начальника отдела кадров за правильно выявленных врагов несколько лукава, более вероятно то, что именно на основании его списков, переданных НКВД, аресты и производились. В том же фонде был обнаружен список лиц, уволенных с завода². Из 304 человек по этому списку, уволенных с

¹ ГОПАПО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 21. Сталинский РК ВКП (б). Л. 154-155.

² Там же. Л. 33-53.

завода им. Сталина 15 было арестовано. Аресты были произведены с декабря 1937 г. по апрель 1938 г., в связи с чем можно предположить, что список был предоставлен органам НКВД не позднее декабря 1937 г. (в деле нет точного указания времени составления списка и времени увольнения). С этим, возможно, связан достаточно низкий процент «попадания» людей в список арестованных. Масштабы репрессий в 1938 г. уступали масштабам 1937 года. Тем не менее есть свидетельства того, что именно этот список был задействован при арестах. Пять фамилий из числа арестованных в списке уволенных идут подряд (не в алфавитном порядке). Авторство же Морзо очевидно – к тому времени он еще не ушел с завода. Если вспомнить о тех цифрах, которые он приводил на Бюро райкома 9 января 1938 г., становится очевидным и то, что этот список далеко не первый.

Примечательно, что среди арестованных нет людей, которые прошли через «тройку». По отношению к большинству из них (13 человек) дела были прекращены в 1938–39 гг. за недоказанность обвинений.

Таким образом, на сегодняшний день можно считать, что списки, составляемые ОНУ, использовались НКВД, но ограниченно. Во всяком случае, пока не будет найдено большого списка ОНУ, совпадающего со списком репрессированных, говорить о массовом использовании материалов ОНУ преждевременно. Косвенные данные об их использовании НКВД есть¹, но как использовались и обрабатывались в дальнейшем – неизвестно. Основным итогом деятельности ОНУ было массовое увольнение людей с заводов по политическим мотивам. Иными словами, во время проведения операции ОНУ продолжали выполнять те же функции и процедуры, что и до августа 1937 г., с той лишь разницей, что сейчас их деятельность была более активной в отношении работников и эффективнее в борьбе с дирекцией заводов.

¹ ГАПО. Ф. р-42. Оп. 2с. Д. 332. Л. 36.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытаемся подвести итоги. Рассмотренные нами советские органы власти были отстранены от проведения операции. В условиях, когда официальная должность человека слабо соотносилась с реальными политическими ресурсами, приходилось спешным образом искать стратегии поведения, которые помогли бы выжить в данной ситуации. Трагедия представителя власти в тот момент заключалась в том, что какого-то спасительного рецепта не существовало. В ситуации, когда закрытая от посторонних глаз деятельность НКВД подчинялась собственной логике и ритмам, среагировать правильно, найти спасительный выход было крайне сложно. Тем не менее определенные «движения», имеющие одну цель – самосохранение, представители власти совершали. Различный набор действий таких разных структур, как Советы, прокуратура и ОНУ, можно условно обозначить как действия «свиты». Несмотря на разнонаправленность действий этих структур, обратим внимание на то, что все они в той или иной степени пытаются приобщиться к проводимому террору. Советы открыто ищут в своих рядах «паршивых овец». Прокуратура, уступая лидерство НКВД, усиливает свою активность на том же поле деятельности. Начальники ОНУ, используя отработанные в 1934–37 гг. процедуры, усиливают давление на рабочих и дирекцию заводов.

На наш взгляд, наиболее автономной от НКВД среди них являлась прокуратура. По всей видимости, эта автономия во многом обеспечивалась прикрытием Вышинского. Остальные структуры не могли похвастаться выжившим во время террора, и в конечном счете победившим начальством. Эти условия помогли прокуратуре распознать изменение ситуации задолго до завершения кулацкой операции, изменить тактику с тем, чтобы впоследствии обрушиться на своего конкурента – НКВД.

Отделы найма и увольнения стояли ближе всех к проводимой операции. Их участие в этой «свите» больше напоминает роль «оруженосцев», которые почувствовали фавору своего патрона. Используя силу НКВД, они пытаются усилить свои властные позиции на локальном, заводском уровне. Возможность использования со стороны ОНУ вышеупомянутой «идеологической» трактовки действительности выразилась в массовых увольнениях рабочих по политическим мотивам.

Приложение

Список работников прокуратуры Прикамья, подвергнутых репрессиям в течение августа 1937 – ноября 1938 гг.

ФИО	Место работы, должность	Дата		Кем осужден	Обвинение		Дальнейшая судьба репрессированного
		ареста	приговора		На момент ареста	По приговору	
Юркин А.Д.	Окружной прокурор Коми-округа	26.10.37	21.03.38	Военная коллегия, 15 лет лишения свободы	КР повст.	вред. АСД, ст. 58-7, 17-58-8-11,	Дело прекращено после пересмотра в 1941 г.
Мохов А. Н.	Помощник окружного прокурора Коми-округа	16.10.37	09.04.38	ОС НКВД, 8 лет	КР повст.	АСД, ст. 58-2-11	Реабилитирован, когда – нет данных
Баталов М.Т.	Прокурор Кочевского района	04.10.37	05.06.38	Пермский Облсуд, 8 лет	КР повст.	КР вред.	Замена приговора на 5 лет в 1943 г. реабилитирован
Чуже Э.Ф.	Следователь орайпрокуратуры Ильинского района	27.12.37			Диверс. КРД	58-9, 11	Дело прекращено 12.01.39 г.
Плотников А.С.	Прокурор Куединского района	07.01.38	–	В базе указывается, что осужден «стройкой», однако в следственном деле – военной коллгией	Вред.	58-7-10-14	Дело прекращено 4.10.39 г.
Волнушкин М.И.	Прокурор г. Перми	5.03.1938	–	–	КР вред.	58-7-11, не был осужден	Дело прекращено 26.12.39 г.
Сироткин С. А.	Врид. Прокурора Очерского р-на	27.03.38	08.08.38	Военная коллегия, ВМН	АСА, КРД	Вред., терр. КРД, ст. 58-10-11	реабилитирован

О к о н ч а н и е п р и л о ж е н и я

ФИО	Место работы, должность	Дата		Кем осужден	Обвинение		Дальнейшая судьба репрессированного
		ареста	приговора		На момент ареста	По приговору	
Сафин М.	И.О. прокурора Бардымского района	06.01.38	–	–	АСА, 58-10-1	–	Дело прекращено 13.01.40 г.
Кукарских М.В.	Прокурор г. Лысьвы	08.01.38	–	–	КР орг. Вред., 58-7-11	–	Дело прекращено за смертью обвиняемого, реабилитирован в 1977 г.

Г.Ф. СТАНКОВСКАЯ, О.Л. ЛЕЙБОВИЧ

РОЛЬ НКВД В МАССОВОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ОПЕРАТИВНОМУ ПРИКАЗУ 00447

Кулацкая операция, так в современных деловых бумагах называли серию мероприятий, предусмотренных упомянутым в заголовке приказом наркома внутренних дел от 30 июля 1937 г., была сугубо внутриведомственным делом НКВД. Из доступных документов нельзя установить, в каких кабинетах на Лубянке, или на Старой площади родился смелый замысел одним ударом раз и навсегда покончить с социальной базой контрреволюции. Н.И. Бухарин, как известно, приписывал его лично И.В. Сталину¹, Непредложным является тот факт, что всю организационную и практическую сторону этого грандиозного дела взяли на себя сотрудники аппарата внутренних дел. Не исключено, что именно от них и исходила инициатива². Иначе не объяснить той отваги, с которой сотрудники Свердловского УНКВД принялись за работу, не дожи-

¹ «Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки: а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. <...> Я настолько вырос из детских пеленок, что большие планы, большие идеи и большие интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне наряду с всемирно-историческими задачами, лежащими, прежде всего, на твоих плечах». Бухарин – Сталину. 10.12.1937 // Сойма В. Запрещенный Сталин. М.: Олма-пресс, 2005. С. 188.

² В марте 1937 г. в главном управлении государственной безопасности НКВД СССР был разработан проект приказа «О задачах третьих отделов управлений государственной безопасности по борьбе с диверсией в народном хозяйстве». В нем были перечислены категории населения, подозрительные по части сотрудничества (реального и потенциального) с иностранной разведкой, в том числе бывшие военнопленные, перебежчики из сопредельных стран, бывшие члены ВКП (б), члены партий эсеров и меньшевиков, бывшие белые и бывшие кулаки. См.: Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938: Документы. М.: МФД, 2004. С. 639.

даясь ни соответствующего постановления Политбюро, ни самого оперативного приказа¹.

За три недели до приказа № 00447 сотрудники Окружного отдела НКВД в г. Кудымкаре приступили к арестам, им предусмотренным. Среди тех, кого они оперировали (так в одном официальном документе называли лиц, подвергнутых репрессиям в ходе исполнения упомянутого приказа²), был главный механик треста «Комипермлес» Парфен Федорович Порсев. Его взяли 18 июля 1937 г. без предъявления ордера, поместили во временный «домзак» – склад возле призывного пункта, однажды допросили, а затем – спустя два месяца – отправили в Пермь, а оттуда – в Сибирь. «Будучи уже в лагере, мне предъявили, что по решению тройки УНКВД Свердловской области мне была определена мера наказания 10 лет ИТЛ, – в 1955 г. рассказал П.Ф. Порсев следователю прокуратуры. – За что и по какой статье я был приговорен к указанной мере наказания, мне не объявили³. Зато объявили Сталину. В меморандуме № 31019, отосланном на имя Н.И. Ежова из Свердловского Управления НКВД 11 сентября 1937 г., о следствии по делу повстанческого штаба среди арестованных заговорщиков упоминается и командир взвода «...бывший белогвардеец, технорук Тукачевской лесотракторной базы Порсев». Информация, пришедшая с Урала, произвела впечатление на народного комиссара, и он спецсообщением переправил ее Сталину. Тот с текстом ознакомился и сделал пометку: «Очень важно. Нужно пройтись по Уд-

¹ Все массовые операции 1937–1938 гг. в исторической традиции связаны с именем Н.И.Ежова. Вряд ли, однако, этот косноязычный партийный письмоводитель, безвольный, злобный, жалкий человек, смутно различавший лица и обстоятельства, был способен предложить, организовать, контролировать и управлять таким грандиозным предприятием. По вполне обоснованному мнению историков советской контрразведки, Ежов «...был даже не «идеальный исполнитель», а «идеальный проводник» директив без какой-либо потери их «заряда», каким является серебряный провод по отношению к электрическому току. «Идеальный исполнитель» будет найден Сталиным в лице М.П. Фриновского». Палчинский А. Тумшис М. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М.: Современник, 2001. С. 220.

² «В настоящее время бывших кулаков, повстанцев, членов следственных комиссий при белых, служителей культа и др. оперировало (!) 24 чел». Накоряков – Новоку, с. Орда. 21.08.1937 // ГОПАПО. Ф.946. Оп.5. Д.1260. С. 2 (об).

³ Выписка из протокола допроса свидетеля Порсева П.Ф. 31.08.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.10397. С.376.

муртской, Марийской, Чувашской, Мордовской республикам, пройтись метлой»¹.

В апреле–июне 1937 г. в Кизеле уже орудовала бригада, составленная из оперативных работников областного аппарата НКВД: ликвидировала «контрреволюционное фашистское, повстанческое подполье»².

Во главе Свердловского управления НКВД находились тогда смелые, предприимчивые и изобретательные люди (Д.М. Дмитриев, Я.Ш. Дашевский, Н.Я. Боярский), но угадывать дальнейшие шаги большого московского начальства, как выяснится позднее, они все-таки не умели. А точное следование утвержденным спустя две недели процедурам могло означать только одно: в Москве их предварительно ознакомили с планом операции и разрешили испытать новые техники. Досрочное начало акции было возможным только в том случае, если руководство наркомата, заблаговременно ее подготовившее, получило твердые гарантии, что никаких политических препятствий со стороны политбюро не предвидится. Не стали ждать официального приказа и в Омске, откуда начальник областного управления НКВД Г.Ф. Горбач доносил, что «... по состоянию на 1 августа арестовано по первой категории всего 3008 человек». Ежов разрешил также начальнику Оренбургского УНКВД А.И. Успенскому начать операцию до срока³.

Вся операция была задумана и осуществлена по замкнутому производственному циклу. Она представляла собой цепочку последовательных действий, полностью закрытых от внешнего контроля. Местные органы НКВД определяли лиц, подлежащих изъятию, сначала на основании дел-формуляров, а затем и просто по спискам из домовых книг, отделов кадров, комендатур специальных поселений, военно-учетных столов, из адресных бюро, затем запрашивали санкцию в областном управлении. Получив таковую, производили аресты. В сжатые сроки по упрощенной процедуре осуществляли следственные действия, параллельно готовили альбомные справки (краткие резюме, характеризующие состав преступления) для ведомственной инстанции – «особой тройки областного УНКВД», которая выносила приговоры, в большинстве своем расстрельные.

¹ См.: Лубянка..., С.348 - 351.

² Выписка из протокола показаний обвиняемого Костина Н.А. 7.03.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15328. С.83.

³ См.: Лубянка... С.644.

Сотрудники НКВД приводили их в исполнение. Лица, приговоренные к десятилетним срокам заключения, этапировались в лагеря, принадлежащие тому же самому ведомству. Областные инстанции составляли отчет для наркомата и запрашивали новые инструкции. Цикл завершался.

Если собственных ресурсов не хватало, местные органы изыскивали, как правило, внутренние резервы. К массовым арестам привлекались «...работники милиции, пожарной охраны и военно-служашие строевых частей НКВД»¹, изредка – партийные активисты. К следственным действиям подключали также курсантов школ НКВД – на правах стажеров – и строевых командиров.

Все происходило в обстановке строжайшей секретности. Переписку свели до минимума. Предпочтение отдавалось устным приказам и разъяснениям. «Были также распоряжения от обл. УНКВД, в лице Дашевского по телефону о том, чтобы снять целиком кулацкий поселок, где, главным образом, проживали кубанские, терские казаки», – показывал впоследствии С.И. Шейнкман – начальник Ворошиловского РО НКВД². Когда все операции завершились, в том же райотделе НКВД не могли обнаружить ни одного документа, их регламентирующего³. Командиры оперативных штабов и следственных групп болезненно реагировали на просьбы сотрудников, желающих ознакомиться с какими-либо письменными инструкциями. Такое поведение оценивалось как сомнительное. Если человек не верит на слово своим руководителям, значит, он сам доверия не заслуживает. «Когда Привалов потребовал предъявить приказы, на основании которых пишутся провокационные протоколы, Шейнкман провел совещание, предупредил, что это неверие, зачитав ряд директив Дмитриева», – напомнил в феврале 1939 г. своим товарищам по партии прежние практики сотрудник

¹ Из протокола допроса Гаврилова Григория Николаевича. 26.05.1955.// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.2. С.135

² Из протокола допроса обвиняемого Шейнкмана Соломона Исааковича. 2.02.1939 г. //ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2.С. 153.

³ «Мне было партгруппой УГБ поручено установить, получал ли Шейнкман приказ по массовой операции, – докладывал на партийном собрании новый начальник райотдела Тильман, – в зависимости от чего ставился вопрос о партийности Шейнкмана. Я звонил в область для выяснения этого вопроса».Выписка из протокола № 2 общего собрания членов парторганизации при УГБ Ворошиловского райотдела НКВД. от 7.01.1939//ГОПАПО. Ф.59. Оп.22. Д.3743. С.6.

Соликамского райотдела Пулов¹. Все должно было быть сугубо конспиративно, по-чекистски. «Я выполнял приказания и распоряжения (устные, так как письменных приказов центра и области на протяжении 1937 и 1938 г.г. я не видел, и никто их нам не показывал) бывшего руководства горотделом НКВД Леоцкого и Былкина», – позднее оправдывал свои поступки М.И. Аристов, сотрудник Пермского ГО НКВД².

Для служебных надобностей использовался особый словарь. Жертв операции редко «арестовывали»; чаще всего, «снимали», или «изымали»; на допросах «уговаривали», или «беседовали»; на тройку «выставляли». Иногда вместо тройки говорили «альбом»³. Да и сама тройка при УНКВД приговоров не выносила. Она «заслушивала» и «постановляла». И только в резолютирующей части эвфемизмов не допускалось: «Такого-то расстрелять. Лично принадлежащее имущество конфисковать». Самого строгого наказания заслуживали лица, оскорбившие органы. В сентябре 1937 г. тройка при УНКВД Свердловской области постановила расстрелять Николая Васильевича Педанича, арестованного Пермским горотделом НКВД за то, что, будучи сыном кулака и уроженцем г. Полтавы, он «среди рабочих систематически дискредитировал вождей партии и

¹ Выписка из протокола № 4 закрытого партсобрании партколлектива УГБ Ворошиловского РО НКВД с участием комсомольцев от 11.02.1939 года// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.16110.С. 82. Впрочем, сам В.Е.Привалов не пострадал. В партийной характеристике, составленной в ноябре 1938 г., Владимир Евтихеевич выглядит сознательным большевиком – пропагандистом и внештатным инструктором, не замеченным «в антипартийных и антиморальных поступках», но также и добросовестным сотрудником: «к оперативно-следственной работе отношение хорошее». Характеристика на члена ВКП (б) Привалова В.Е.15. 11.1938// ГОПАПО. Ф.59. Оп.1.Д.336. С.11.

² Выписка из протокола допроса Аристова М.И. 28.03.1939.// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.12113.С.58.

³ В своем кругу церемонились много меньше. Н.А. Костин, арестованный в 1937 г., показал на допросе, как его допрашивали в «застенке КПЗ» ответственные сотрудники областного аппарата. «Избивая меня, Харин, Гайда и Хальков заявили мне, что они по приказанию Боярского и Дмитриева монтируют общее дело на чекистов, и что передо мной якобы избивались Файнберг, Плахов, Другов И.И., Моряков, Весновский и Горбак <...>Говоря об избиваниях, Гайда и Харин комментировали это следующими словами: "Когда мы били Морякова, то он все старался нам заговорить зубы, пел соловьем, а мы его бьем, да бьем".Выписка из протокола показаний обвиняемого Костина Н.А. 7.03.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15328. С.91.

Советского Правительства, заявив: «Вот один нарком расстрелял тысячи и за это получил орден»¹.

Для оперативных надобностей сотрудники НКВД использовали и посторонних: должностных лиц для составления проскрипционных списков, партийных активистов для арестов, работников прокуратуры для выписывания ордеров, когда это по каким-то не очень ясным резонам требовалось. Для изъятия активного антисоветского элемента прокурорских санкций не требовалось. Но все это были подручные, а не равноправные партнеры, или тем паче, патроны или контролеры.

С прокуратурой вообще обращались сурово. Так, начальник Коми-Пермяцкого Окротдела НКВД Беланов издал 5 апреля 1938 г. приказ: «Воспретить вход в здание тюрьмы сотрудникам ОКРО НКВД всех подразделений и периферийных органов Коми-Пермяцкого округа, а равно и всем посторонним (прокурорам, нарследователям, судьям и т.п.) без соответствующих на то пропусков»².

В Соликамской тюрьме, напротив, «... прокурор безвыходно сидел здесь в опергруппе и подписывал все дела»³. В Перми подобную должность исполнял прокурор Камского бассейна, некто Щукин, отобранный местным руководством НКВД за послушание и нелюбопытство. «С этим чудачком можно все сделать», – заметил как-то по его поводу В.Я. Легоцкий, начальник Пермского Горотдела⁴. На языке сотрудников НКВД указанное дело называлось «штамповкой»: «Процесс самой штамповки происходил следующим образом: готовили сразу 200–300 дел и в те сутки, когда нужно было отправлять дела в Свердловск, вызывали прокурора с печатью, когда он говорит, что (с) этим количеством не справиться, что ему нужно посмотреть, то здесь его уговаривали, что дела во что бы то ни стало нужно сегодня отпра-

¹ Выписка из протокола заседания тройки при УНКВД Свердловской области от 9 сентября 1937 г. // ГОПАПО. Ф.641/2. Оп.1.Д.26343. С.3. И Тройка, и Горотдел, и Педанич имели в виду одно и то же лицо – наркома внутренних дел СССР Н.И.Ежова, летом награжденного орденом Ленина.

² Алексеев – Вышинскому. г. Пермь 13.02.1939. //ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.6933. Т.2. С. 73–75.

³ Протокол заседания партийного бюро партийной организации областного управления милиции УМВД. 29.11.1955.// ГОПАПО. Ф.1624. Оп.1.Д.50. С. 164.

⁴ Объяснительная записка сержанта государственной безопасности Распопова особоуполномоченному УНКВД по Пермской области лейтенанту государственной безопасности Мешкову//Пермская область накануне Великой отечественной войны: Сборник документов. Пермь: Пушка, 2005. С. 122.

вить, что ему помогут. Действительно, ему выделялось иногда 2–3 человека сотрудников, которые писали на постановлениях: «Арест санкционирую, и.о. прокурора Камского бассейна», а прокурор только расписывался и ставил печать, правда, слегка перелистывал дела и заносил в свой список, который он вел здесь же при просмотре, успевая записать только имя, отчество и фамилии»¹.

С местными партийными инстанциями обходились проще. На них перестали обращать внимание². 22 апреля 1937 г. датируется последняя обнаруженная нами докладная записка об оперативных акциях НКВД, адресованная начальником Ворошиловского горотдела секретарю горкома. В ней капитан госбезопасности Моряков информирует партсекретаря Павловского «О нанесенном оперативном ударе по к/р шпионско-диверсионным и троцкистским элементам за время 1935/36 и 1937 г.». Через несколько дней он отправит по тому же адресу новую записку: «О контрреволюционных проявлениях со стороны троцкистских, фашистских, сектантских и кулацких элементов в Ворошиловском районе»³, затем сообщит о настроениях трудящихся в дни Первомайских торжеств. И все. Больше вплоть до 1939 г. районные и городские отделы НКВД, а тем более специально созданные оперативные группы городскому (районному) партийному руководству никакой информации не поставляют, кроме «справок о наличии компрометирующих материалов на членов и кандидатов ВКП (б)» и списков арестованных партийцев. Иногда – очень редко – начальники районных отделов употребляют отжившую этикетную форму: просят

¹ Объяснительная записка старшего лейтенанта государственной безопасности Горчилина прокурору Пермской области К.П. Алексееву. 3.02.1939 //Пермская область накануне Великой отечественной войны: Сборник документов. Пермь: Пушка, 2005. С. 120-121.

² В просмотренных делах нам встретилось одно-единственное указание на деловой контакт с партийными работниками. На процессе по делу бывших сотрудников Пермского горотдела НКВД подсудимый В.И. Былкин в свое оправдание говорил о том, что он советовался «...с секретарем обкома Букановым, который был старым чекистом». Протокол судебного заседания. 21–23 августа 1939 г. в Военном Трибунале Московского военного округа войск НКВД / ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.6857. Т.6. С. 177.

³ Моряков – Павловскому. Докладная записка «О нанесенном оперативном ударе по к/р шпионско-диверсионным и троцкистским элементам за время 1935/36 и 1937 г». Березники. 22.04.1937.; Моряков – Павловскому. Докладная записка «О к/рев. проявлениях со стороны троцкистских, фашистских, церковных, сектантских и кулацких элементов в Ворошиловском районе» по состоянию на 25.04.1939» Березники// ГОПАПО. Ф.59. Оп.1.Д.302. С. 97-102: 106-112.

санкционировать арест того или иного хозяйственника, входящего в районную номенклатуру, поскольку НКВД установлено что такой-то «...является участником эсеровской организации»¹. Зато они охотно выступают на пленумах районных комитетов: критикуют, наставляют, призывают к бдительности, разоблачают и угрожают.

Что касается беззниковских корреспондентов, то они встретятся только на очной ставке, где арестованный 3 июня 1937 г. М.А. Павловский тщетно будет убеждать А.П. Морякова сознаться в подготовке им вооруженного восстания против Советской власти. «Мне заператься не в чем, и все, что сказал Павловский – ложь», – ответит бывший начальник горотдела НКВД².

Во время массовой операции коренным образом изменилась направленность информационного обмена: вместо рапортов партийному начальству из районных и городских отделов внутренних дел сплошным потоком идут сообщения из райкомов об исключенных партийцев, скрывавших свое истинное лицо, в том числе и кулацкое происхождение. О том же информируют органы и промышленные предприятия, пересылающие им длинные списки уволенных в связи с дурным социальным происхождением или прежней службой в войсках белых. Вот только коэффициент полезного действия таких обращений кажется низким. Райотделы НКВД слабо реагируют на партийные сигналы. К спискам, полученным из секретных частей предприятий, отделов по найму и увольнениям, отношение, напротив, более серьезное. Их составляют товарищи по работе. Складывается впечатление, что районные отделы НКВД, оперативные штабы и группы просто не обращают внимания на докучливых помощников,

¹ См.: Шейнкман – Зубареву. 21.02.1938. г. Березники// ГОПАПО. Ф.59. Оп.1.Д.304. С.137.

² Из протокола очной ставки между арестованными Павловским М.А. и Моряковым А.П. 15 10 1937//ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.1. С.73. В январе 1937 г. выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР приговорит упрямого капитана госбезопасности к расстрелу на основании обвинительного заключения, сфабрикованного его бывшими коллегами. См.: Обвинительное заключение по обвинению Морякова Александра Петровича. в преступлениях, предусмотренных ст.58 п.2,8,11 УК РСФСР// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.1.С.91-94. Тогда же был расстрелян и Моисей Абрамович Павловский, в течение двух месяцев сопротивлявшийся своим следователям, но, в конце концов, принужденный к капитуляции. См.: Обзорная справка по делу № 958296 по делу Павловского М.А. 18.09.1955// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2. С.6–8.

отрывающих их от исполнения особо важного задания. Сотрудники НКВД даже с собственной «...агентурой работать перестали»¹. Тут стало не до отдельных доброхотов, или целых партийных учреждений². Хотя последние и старались вовсю: «Горком только и спрашивал: как у вас дела с выкорчевыванием, сколько поступило заявлений от членов партии и т.п.»³.

Партийные комитеты утратили свои контрольные функции и над парторганизациями, действовавшими, или бездействовавшими в системе органов наркомундела. «Вот возьмите, первичная партийная организация Чусовского горотдела НКВД имеет в своем составе около 40 чел. Об этой организации сложилось представление, что она «тайна гарема», <...> что там люди авторитетные. Придет представитель горкома и считает, что туда вообще опасно заходить, как бы не застеть», – критиковал робких партийцев делегат городской конференции от НКВД Баранов⁴. Члены президиума не реагировали. В Ворошиловском райотделе с сентября 1937 г. по июль 1938 г. вообще «...никаких собраний партийных не было»⁵.

Для того что органы НКВД получили такую свободу, требовались особые условия. В деловых бумагах этого ведомства неоднократно указывалось, что не будь ситуация чрезвычайной, его сотрудники работали бы иначе: «Безусловно, в нормальной обстановке, т.е. не в период массовых операций такие аресты не имели бы место», – сообщал на допросе С.И. Шейнкман⁶. И не только аресты, добавим мы.

¹ Рапорт сержанта госбезопасности Окулова С.Н. особоуполномоченному УНКВД по Пермской области лейтенанту государственной безопасности Мешкову. Б.д.// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.7004.С.72.

² «С момента принятия РО НКВД меня завалили разными материалами, указывающими на вражеские действия отдельных работников и коммунистов, – жаловался на партийном активе Щучье-Озерского района Шестаков.– Многие из проверяемых мною этих материалов факты не подтверждаются...». Из протокола собрания райпартактива Щучье-Озерского РК ВКП (б) 26.01.1938//ГОПАПО. Ф.596. Оп.1. Д.51. С. 61.

³ Из протокола XVII городской партийной конференции. г. Чусовой. 15.05.1938// ГОПАПО. Ф.1241.Оп.1. Д.272. С.5.

⁴ Из протокола XVI Чусовской городской конференции ВКП (б). 4.05.1937 // ГОПАПО. Ф.1241.Оп.1. Д.264.С.8.

⁵ Выписка из протокола № 4 закрытого партсобрании партколлектива УГБ Ворошиловского РО НКВД с участием комсомольцев от 11.02.1939 года// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.16110.С. 82.

⁶ Из протокола допроса обвиняемого Шейнкмана Соломона Исааковича. 2.02.1939 г. //ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.2.С. 153.

Как объясняли себе сотрудники НКВД особенность исторического момента, мы рассмотрим дальше. Пока же постараемся ответить на вопрос, какие обстоятельства сделали возможной не только временную закрытость органов НКВД от внешнего правового и политического контроля на местах, но и обеспечили им преимущество перед территориальными партийными органами.

Символическим актом, выражавшим новое соотношение сил, можно считать избрание начальника РО НКВД И.Н. Поваляева первым секретарем Кунгурского райкома ВКП (б) в мае 1938 г. – по совместительству¹. Одновременно сотрудники НКВД получили временную защиту от партийной критики. Так, в 1937 г. начальник цеха Молотовского завода Кушаковский был удален с городской конференции, а затем исключен из партии за то, что подверг критике методы работы начальника горотдела НКВД Колчина².

На наш взгляд, преимущественные позиции, занятые органами НКВД к началу массовых операций, были обусловлены насильст-

¹ См.: Протокол организационного заседания пленума Кунгурского райкома ВКП (б) от 21 мая 1938 г. // ГОПАПО. Ф.970. Оп.3.Д.176. С.28. Иван Николаевич Поваляев в Кунгуре был человеком новым. Его утвердили в должности начальника райотдела в январе 1938 г. На IX партийной конференции он был единогласно (при одном воздержавшемся) избран секретарем райкома, сохранив за собой, как подчеркивалось в партийной характеристике, «основную работу» в органах. См.: Характеристика на члена ВКП (б) Поваляева И.Н.//ГОПАПО. Ф.949. Оп.1.Д.9. С.83.

² Прения по этой теме заслуживают внимания. Сначала Кушаковский обвинил члена горкома ВКП (б) Колчина, что тот ведет себя не по-партийному: «Ты меня заставлял подписать то, что я не знаю. Кто тебе дал на это право, чтоб записать своей рукой за подписью Кушаковского? Где такие советские законы. А когда я отказался, ты стал стращать меня, что отдашь под суд. Кто тебе дал на это право?». Затем президиум конференции разъяснил, что такое право у т.Колчина есть. А вот критиковать его, значит «... клеветать на органы». И Кушаковского следует немедленно лишить мандата. Степочкин: «... Предоставлять трибуну для того, чтобы клеветать на наши органы НКВД никому не предоставлено право». В зале зашумели. «Булышев: Я считаю, что в выступлении т. Кушаковского идет речь не обо всем НКВД, а о т. Колчине как коммунисте». Объявили перерыв, после которого секретарь горкома Высочиненко авторитетно разъяснил: «Выступление т. Кушаковского является исключительно антипартийным выступлением.<...>Партия посадила Колчина на работу начальника горотдела НКВД – и здесь речь идет о производственной работе Колчина. Органы НКВД в борьбе с врагом показали себя гордым стражем политики партии, и только враждебные элементы, только враги партии клеветали на органы НКВД.<...>Тов. Диев: Мое предложение – т. Кушаковского как делегата данной конференции исключить и все материалы о нем передать в НКВД». Стенограмма V городской партийной конференции. г. Молотово. 5–6 мая 1937//ГОПАПО. Ф.620. Оп.17. Д. 49. С. 216–253.

венной ломкой сложившейся в тридцатые годы властной вертикали. Партийные комитеты на местах, интегрировавшие в свой состав всех ключевых номенклатурных работников, независимо от их ведомственной принадлежности, подверглись разгрому, инициированному кремлевскими верхами. Можно согласиться с мнением А. Базарова, что основанием для большой чистки явилась некомпетентность аппарата, не способного справиться с хозяйственными и социальными задачами, коррумпированность и самодовольство местных начальников¹. Дискуссия на тему, что послужило основанием для разгрома партийно-советского аппарата, не может считаться завершенной. Возможны и иные точки зрения на источники большого террора. Для нас важно другое. В течение полутора-двух лет на местах имел место властный вакуум. На смену прежним руководителям приходили выдвинутые, лишённые какого бы то ни было авторитета; люди, случайно выдернутые из задних рядов прежнего партийного актива. Часто они предъявляли партийной публике в качестве главной заслуги тот факт, что «бывшее вражеское бюро РК» держало их, что называется, в черном теле, не подпуская к ответственным постам. «Они не считали меня за человека, а обзывали, как им вздумается, – вспоминал прежние обиды секретарь Косинского райкома, – например: в 1934 году враг народа Благодоров /первый секретарь Коми-пермского окружкома ВКП (б). – С., Л./, – назвал меня на радиоперекличке собачьим дерьмом – и несмотря на жалобы в обком, никаких мер принято не было»².

В июле 1937 г. на собрании в одном из технических подразделений Пермского горотдела НКВД звучали речи, что «для нас членов партии пока неизвестно, кто же является секретарем горкома и райкома партии в Перми. Вскрыто так много врагов народа, как в промышленности, так и в партийных и хозяйственных организациях»³.

¹ «Кремлевские вожди понимали, что год двадцатилетия Октября будет годом страшных очередей и массового недовольства.<...>Я убежден в том, что выпадет тридцать шестой год урожайным или хотя бы просто благоприятным, ранее развернутая кампания борьбы с мифическим троцкизмом осела бы только суетой московской и политической»: Базаров А. Дурелом, или господина колхозники. Кн.2. Курган: Зауралье, 1997. С. 337.

² Протокол № 2 II пленума Коми-Пермского окружкома ВКП (б) 2.01.1938 // ГОПАПО. Ф.200.Оп.1. Д. 818. С. 12.

³ Протокол № 3 партийного собрания парторганизации отделения связи Пермского Горотдела НКВД. 3.07.1937//ГОПАПО. Ф.78. Оп.1.Д.110. С. 32.

Учреждения, бывшие в течение десятилетий остовом власти – городские и районные партийные комитеты, в массовом сознании приобрели зловещие черты вражеских гнезд, в которых зачатые враги народа, окруженные подхалимами, из года в год вынашивали зловещие планы, готовили диверсии, занимались шпионажем и вредительством. Столь же пораженными выглядели областные и районные советы, дирекции предприятий и даже союзные наркоматы. «Свердловский обком превратился из штаба революционного в штаб контрреволюционный, – разъярял рядовым сотрудникам НКВД ответственный докладчик, – отсюда видно, что секретарь обкома Кабаков оказался враг народа, он посылал свои вредительские кадры по всей Свердловской области. Кабаков послал в пермскую партийную организацию эсера, врага народа Гольшева и Золотарева – и других. Они расставили здесь свои кадры и творили гнусные дела на ответственных государственных и партийных постах»¹.

Разгром властных учреждений привел к разрушению сложной, многоуровневой системы межклановых и внутриклановых отношений, поддерживавших новый социальный порядок. Изгнание «подхалимов» и выкорчевывание «охвостья разоблаченных врагов народа» парализовало деятельность властных структур, лишило управленческие кадры ясных и четких поведенческих ориентиров. На конференциях и активах были слышны жалобы: никто не

¹ Там же, С. 31 – 32. Следует заметить, что секретарь горкома ВКП (б) Гольшев совсем недавно был для сотрудников Пермского горотдела большим начальником: делал доклады на объединенном партсобрании органов НКВД, критиковал, учил бдительности, ставил задачи. Выступающие после него ответственные сотрудники отзывались о секретаре горкома в высшей степени почтительно: «тов. Гольшев в своем докладе сказал, что чекист должен распознавать врага, вооруженный политикой, а для этого нужно всемерно повышение своего теоретического кругозора, что на сегодняшний день, надо сказать, идет очень плохо, а отсюда в оперативной работе имеется ряд недостатков. Тов. Гольшев говорил, что нужно заниматься и с беспартийной массой. <...> Заслушав доклад тов. Гольшева, нам нужно крепко призадуматься, мы – как авангард – являемся недостаточно политически грамотными» и т.д. и т.п. Протокол № общего гарнизонного собрания парторганизации органов НКВД, состоявшегося 16 августа 1936 г.//ГОПАПО. Ф.78. Оп.1.Д.29. С.5. В феврале 1937 г. в парторганизации технических служб НКВД сурово критиковали лиц, которые «вместо глубокого вскрытия недостатков, занялись обвинением т. Гольшева...» ГОПАПО.Ф.20.Оп.1.Д.243.С.39.

хочет идти на работу в партийный аппарат, люди отказываются от должностей под любыми предложениями.

В такой ситуации органы НКВД, занятые большим и ответственным делом, приобрели громадные полномочия, открыли для себя новые сферы деятельности, заместив на время подвергнутые разгрому иные властные учреждения. Правда, для этого им тоже пришлось существенно обновиться.

Руководящие работники НКВД на местах входили в партийные комитеты, как правило, в состав бюро, на языке тридцатых седьмого года – в «бывшее руководство, состоявшее из врагов народа»¹. Они были связаны не только служебными, но и тесными личными отношениями с секретарями райкома, директорами крупных предприятий, с советскими работниками: ходили друг к другу в гости, встречались семьями, вместе принимали участие в совместных попойках за закрытыми дверями, выпренно называемых банкетами, пользовались услугами всевозможных директорских фондов, получали продуктовые посылки к праздникам, пособия на лечение и т.д.².

Более того, будучи членом коллективного партийного руководства, начальник райотдела НКВД разделял ответственность за решения, принятые на бюро райкома, как правило, по инициативе первого секретаря, оказавшегося к лету 1937 года матерым врагом народа.

Так, начальнику Ординского райотдела НКВД Н.Х. Малютину бдительные партийные товарищи вменили в вину, что он «...состоя членом бюро Ординского РК ВКП (б), а также членом президиума РИК, не мог не знать, что они выполняют вредительские планы по сельскому хозяйству. <...> Тов. Малютину, знающему все планы и имеющими их под руками, достаточно было сделать анализ, сопоставив их по тому или иному вопросу с действительным положением вещей в районе или колхозе, – и было бы понятно вреди-

¹ Из протокола VIII Кунгурской районной партийной конференции. 9–14 10 1937// ГОПАПО. Ф.970.Оп.3. Д.152.С.36.

² На партийном собрании в Коми-Пермяцком отделе НКВД в августе 1937 г. бывших его руководителей, например, обвиняли в том, что они ходили в гости к секретарю окружкома, причем даже с женами, присутствовали на банкете в честь секретаря обкома вместе с председателем окружного исполкома. Все они к тому времени были разоблаченными врагами народа или их пособниками. См.: Протокол общего закрытого партсобрания парторганизации ВКП (б) при НКВД. 26 08 1937// ГОПАПО.Ф.732.Оп.1. Д.21. С. 81.

тельство, но к великому сожалению, это умышленно, или еще как, им не делалось»¹.

Дело, однако, было не только в начальниках. От них к началу массовой операции новое руководство НКВД постаралось избавиться простым и радикальным способом, арестовав как заговорщиков². Необходимо было переориентировать органы на другие задачи, отличные от тех, которые они исполняли в прежний период. Конечно, в официальных документах (приказах, директивах и отчетах) и прежде говорилось о «беспощадной борьбе с контрреволюцией». В действительности же оперативные службы производили сбор информации о всякого рода авариях, сбоях в производстве, провалах в снабжении, должностных преступлениях, хозяйственных неурядицах и, что самое важное, о настроениях населения. Протицируем уже упомянутую записку Морякова о первомайской демонстрации в Березниках в 1937 г. «В колоннах не чувствовалось оживления и песен. <...> Отдельные цеха Березниковского химкомбината явились на демонстрацию с малочисленным составом людей. <...> К моменту митинга люди из колонны разошлись, портреты вождей были разбросаны на тротуарах. <...> Необходимо отметить значительную активность и участие в демонстрации трудпоселенцев. В Усолье из 5000 участников демонстрации до 900 человек было трудпоселенцев. <...> Политическое настроение рабочих в связи с праздником в основном здорово. В течение всего

¹ Накаряков Л. – Новок. с. Орда. 21.08.1937// ГОПАПО. Ф.946. Оп.5.Д.260. С.2. Николая Харитоновича Малютина исключили из партии как «пособника врагов народа». Парторганизация райотдела тут же потребовала «...освободить от обязанностей конюха Балахонова как подхалима Малютина». Там же. С. 209. Затем в январе 1938 г. арестовали, но уже 13 июля того же года освободили и дело прекратили «...за недоказанностью предъявленного обвинения». ГОПАПО. Ф. 641/1.Оп.1. Д..16402. С. 2.

² Кроме упомянутого ранее А.П. Морякова (Ворошиловский горотдел) следует указать на Г.М. Файнберга (Кизеловский горотдел НКВД), Другова (Коми-Пермяцкий окротдел), Н.Х. Малютина (Ординский райотдел) и др. Такой судьбы избежал в самый последний момент начальник Пермского горотдела НКВД, капитан госбезопасности Л.Г. Лосос, застрелившийся из служебного оружия 31 июля 1937 г. Нельзя сказать, что они не пытались перестроиться на ходу. Л.Г. Лосос даже поощрял одного из первых фабрикантов дел – начальника ОО 82 с.д. Ф.П. Мозжерина, выписывал премии, ставил в пример. Моряков, так же, как и Файнберг, производил аресты по обвинению в троцкизме (Файнберг арестовывал и своих товарищей по бюро горкома), но делали они все это слишком медленно, осторожно, с оглядкой на прежние правила.

дня и ночи на улицах г.г. Березников и Соликамска не было отмечено никаких эксцессов открытых а/с проявлений и высказываний¹.

Составлялись также большие доклады с подробным экономическим анализом состояния дел на крупных предприятиях и краткие справки на ту же тему. Одни из них – самые пухлые – отсылались в наркомат. «Все усилия были направлены к тому, чтобы послать побольше докладных записок и чтобы эти записки были как можно объемистей», – писал своему следователю Г.М. Файнберг, служивший в 1934–1935 г. начальником III отделения в экономическом отделе Свердловского УНКВД². Другие – более сжатые – направлялись в местные партийные органы³.

Как правило, информация, направляемая в горкомы, отличалась точностью сведений. Перечислив «отрицательные факты» (термин эпохи) и указав на виновников, начальник отдела НКВД (именно он обладал правом подписи) просил секретаря горкома принять меры. Спустя некоторое время поступал ответ из горкома, как правило, составленный по единому шаблону: факты – в основном – подтверждаются, меры принимаются, с виновными проведена беседа. Следует признать, что с информацией, поступавшей из органов НКВД, в том числе и о политических настроениях рабочих, местные партийные комитеты работать не умели. В лучшем случае для подготовки собственных докладов использовались в препариованном виде те или иные сведения.

Районные отделы НКВД собирали жалобы и предложения, поступающие от рядовых коммунистов и беспартийных граждан. Установившийся политический режим был таков, что исключал, или, скажем мягче, всячески затруднял критику местных партийных

¹ Спецзаписка о ходе первомайских празднеств по Ворошиловскому району. По состоянию на 2 мая 1937 года// ГОПАПО. Ф.59. Оп.1.Д.302. С.94–95.

² Собственноручные показания арестованного Файнберга Г.М. 1–2 марта 1938 г.//ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.8665.С.41.

³ Так, в записке, озаглавленной «О задолженности по зарплате трудпоселенцам треста «Верхкамлес», в частности, говорилось: «Укоренившаяся система 3-5 рублевых авансов продолжается до сих пор. По оперативным сведениям, полученным от комендантов, задолженность на первое июля составляет 35000 рублей. Рабочие, имеющие заработок до 1000 рублей, вынуждены продавать домашние вещи, чтобы купить продукты питания». Далее лейтенант ГБ Торопов просил у партийного секретаря «Вашего вмешательства – вплоть до привлечения виновных к партийной ответственности». Торопов – Калугину. Березники// ГОПАПО. Ф.59. Оп.1. Д. 302.С. 143.

вождей, а вкупе с ними и больших хозяйственников. Члена ВКП (б), осмелившегося критиковать горком, могли обвинить в дискредитации и заклеить троцкистом¹. Для гражданина, в партии не состоявшего, критиковать власти означало подвергнуться риску быть привлеченным к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию. Обращение в органы было одним из способов восстановления справедливости, наряду с письмами в центральные органы печати и лично к товарищу Сталину, только более надежным. За них, как правило, не наказывали. И была надежда, что, в конце концов, товарищи разберутся. Тем самым районные отделения НКВД исполняли важную функцию: они обеспечивали обратную связь между властью и населением, уменьшая тем самым социальную напряженность.

Ответственные сотрудники НКВД были достаточно профессиональны, и могли бы различить сфабрикованное дело, на их языке называемое «липой», от действительных событий. Предшественник Дмитриева на посту начальника областного управления НКВД Решетов останавливал оперативные действия, подозрительные по части провокации². Он очень осторожно реагировал на инициативы подчиненных, требовавших арестов³.

Впрочем, точно так же поступал и рядовой работник пермского горотдела НКВД Шельганов, который уже в разгар кулацкой

¹ «Когда в 1935 г. на партсобрании <...> тов. Кривоногов критиковал горком ВКП (б), называя политику последнего страусом, я лично, вместо развертывания большевистской самокритики, сказал, что иногда троцкисты пытаются дискредитировать руководящих партработников», - с двухгодичным опозданием вскрывал свои прошлые политические ошибки начальник Чусовского ГорНКВД Шумков. Из протокола XVI Чусовской городской конференции ВКП (б). 4.05.1937//ГОПАПО. Ф.1241. Оп.1. Д.264.С.62.

² «Так, в 1934 г. УНКВД по Свердловской области была ликвидирована разработка «Подрывники». Следствием по делу было установлено, что на Урале существует к/р троцкистская организация, построенная по принципу цепочки. <...> Однако, когда было доложено Решетову о скрытой организации, он заявил, что считает это пустым делом. Дело областного троцкистского центра было замазано», - показывал на допросе один из его ближайших сотрудников Весновский. Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 958346// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2.С39.

³ «На возбуждаемые мною вопросы об арестах внимания не обращали, и санкций на арест не давались. Так было, в частности, по делу быв. директора березниковского химкомбината Грановского, Пойда и дела Адамеско, Питнер, Пучкова и некоторых др.», - критиковал своего прежнего начальника А.П. Моряков// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.1.С. 72 (об).

операции выбросил из дела «...выписку одного чл. повстанческой организации ..., ибо это было неправдоподобно»¹.

Опытные сотрудники хорошо знали, что не каждое слово, вырвавшееся у замордованного голодом колхозника, в строку пишется. Сейчас трудно сказать, просто ли они ленились заводить новые дела, искать и обрабатывать свидетелей, вести долгие допросы, собирать справки по сельсоветам или на самом деле не видели ничего крамольного в матерной брани в адрес кремлевских вождей, но до начала массовых операций обвинения в антисоветской агитации рабочих и колхозников встречаются редко. Вовсе не потому, что те молчали, либо дружно одобряли меры Советского правительства. Просто на их ворчание не обращали внимания. В августе 1937 г. коммунисты Коми-Пермяцкого Окротдела НКВД исключали из партии одного из своих прежних руководителей. «Товарищ Порфирьев уже говорил, что из груди бумага извлечен ряд материалов, характеризующих организованную к-р деятельность. В этих материалах имелись и такие материалы террористического характера по адресу т. Сталина, – уличал обвиняемого один из его подчиненных Онянов. – Когда я с этим материалом ходил к Воронову, на мое замечание, почему не посадили этих врагов, Воронов мне ответил: «Сейчас все так говорят, и если мы будем арестовывать за такие высказывания, тогда мы всех поарестуем»»².

Такая снисходительность частично объяснима всеобщим убеждением, бытовавшим в местных органах НКВД, что власти ничего не угрожает («базы контрреволюции нет, мы всех ликвидировали»³), частично же неспешными ритмами повседневной жизни, присущими малым городам и поселкам: Перми, Молотово, Соликамску, Березникам, Кизелу. О сонной атмосфере в Свердловском управлении НКВД сочно повествует Г.М. Файнберг: «В отделениях годами

¹ Протокол № 1 партсобрания ОДТО ГУГБ НКВД Пермь. 11.04.1938// ГОПАПО. Ф.78. Оп.1. Д. 153. С.6.

² Протокол общего закрытого парт.собрания парторганизации ВКП (б) при НКВД. 26.08.1937// ГОПАПО. Ф.732. Оп.1. Д.21. С.86.

³ В 1938 г. за такие высказывания в прошлом уже полагалось подвергать себя большевистской самокритике. См.: Протокол № 1 партсобрания ОДТО ГУГБ НКВД Пермь. 11.04.1938// ГОПАПО. Ф.78. Оп.1. Д. 153. С.6. В августе 1936 г. сотрудники НКВД свободно говорили о том, что против Советской власти выступают только «...отдельные охвостья троцкистско-зиновьевской банды». Протокол № Общего гарнизонного партийного собрания парторганизации органов НКВД Пермь. 16.08.1936// ГОПАПО. Ф.78. Оп.1. Д. 29. С.5.

велись агентурные дела, первые тома которых объедали мыши, а в последние вшивались новые записки. <...> Я не ошибусь, если скажу, что примерно такое же положение было и в других оперативных отделах. Про неоперативные отделы и говорить нечего. «Загруженность» Зеленикина, б. нач. инспекции резервов, который с утра до 4 дня искал и не мог найти для себя работы – стала своеобразным аршином для определения той или иной степени лени, которую надо было присвоить тому или иному человеку»¹. Районные начальники также не отличались особым рвением. Тот же Файнберг признавался, что, да, приходилось выпивать с работниками аппарата, но не часто и не со всеми².

Рядовые сотрудники, несмотря на грозные приказы, не спешили отказываться от прежних приятельских или родственных связей, рвать отношения с людьми, попавшими в немилость от властей. И если им приходилось арестовывать старых знакомых, то они старались при этом их не обижать. Давали свидания с родственниками, разрешали передачи, сами подкармливали, то есть делали все, чтобы не испортить отношения ни с ними, ни с родственниками, ни с общими приятелями³.

Арестованных, как правило, не избивали. В декабре 1933 г. сотрудник ОГПУ Половинкин, запустивший в арестованного папье-маше, подвергся жесткому перекрестному допросу, а затем и всеобщему осуждению: «Своим поведением позорит органы ОГПУ<...>, дискредитирует себя как коммунист и чекист». В общем, если еще раз подобный случай повторится, то его из партии следует выгнать⁴.

¹ Собственноручные показания арестованного Файнберг Г.М. 1-2.03.1938 //ГОПАПО. Ф.641/1.Оп.1.Д.8665.С.41-42.

² Протокол допроса тов. Файнберг Г.М. 2.11.1938. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.8665.С. 108.

³ На парткоме ВКП (б) органов НКВД в Перми в апреле 1937 г. обсуждалось персональное дело Микова, который дружил с Курочкиным, слышшим кадровым троцкистом (из партии исключался и в тюрьме сидел). Миков соглашался: да, было дело: «После исключения из партии я бывал с ним, выпивал», в тюрьме навещал.Арестованному за тот же троцкизм Левину давал внеочередные свидания с семьей, приносил из дома фотографии. Явно в них врагов не видел. См.: Протокол заседания парткома ВКП (б) органов НКВД г. Перми от 13.04.1937// ГОПАПО.Ф.78. Оп.1. Д.72. С.44 – 46.

⁴ См. Протокол № 7 общего открытого партийного собрания по партийной чистке при Кизеловском горотделении ОГПУ. 12.12.1933.// ГОПАПО. Ф.61. Оп.17.Д.76. С.96-97.

И вот таких людей, не очень грамотных и не особо дисциплинированных, привыкших к спокойной, размеренной жизни, необходимо было превратить в лютых и безжалостных охотников, готовых по приказу своих командиров пачками арестовывать своих земляков – родственников, свойственников, соседей и сослуживцев – всеми способами добиваться от них признаний и со спокойной совестью отправлять на расстрел только потому, что в прежней жизни они были кулаками, или солдатами Колчака, или красными партизанами, или военнопленными мировой войны.

Множество жертв кулацкой операции по своему правовому статусу числилось трудпоселенцами, работавшими на промышленных предприятиях, железнодорожном транспорте или в сельском хозяйстве¹. Опекавшие их работники комендатур еще в 1933 году затруднялись ответить, чем они, собственно говоря, отличаются от вольнонаемных: «Вопрос – Чем рознятся спецпоселенцы от кадровых рабочих? Ответ – Ничем не рознятся. Тов. Сигиденко разъясняет, говорит, что кулаки одинаковы в экономическом отношении, но политически кулак урезан», а потом задает следующий вопрос: «Какая разница между спецпереселенцем и кадровым в единоначалии? Ответ – «Кадрового можно выгнать из шахты, с квартиры, а спецпереселенца нельзя, за прогулы спецпереселенец судим административно»².

Диалог происходил в 1933 г. Спустя четыре года спецпереселенца полагалась подвергнуть расстрелу. Заметим, что проницаемость и неопределенность границ между спецпоселенцами и вольнонаемными рабочими в ходе кулацкой операции повлекли за собой самые пагубные последствия. Кадровых рабочих по ошибке, или в азарте, изымали вместе с бывшими кулаками, а иногда и вместо них.

¹ В показаниях помощника начальника УНКВД по Свердловской области Д.М. Дашевского упоминается директива, понимается, устная – его тогдашнего шефа: «Дмитриев указал, что высланные кулаки, так называемые трудпоселенцы, являются основным контингентом, на котором надо сосредоточить внимание всего оперативного аппарата с целью выявления агентуры иностранных разведок и подвергать их аресту». Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 975188.14.02.1955 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2.С.118.

² Из протокола № 2 общего открытого партсобрания членов и кандидатов ВКП (б) ячейки ОГПУ по чистке. 7.12. 1933// ГОПАПО. Ф.61. Оп.17.Д.76. С. 20.

В рапортах по начальству для описания подобных практик использовался специальный канцелярский оборот: «Были случаи и необоснованных арестов лиц из числа близкой социальной прослойки»¹.

Если верить показаниям сотрудника НКВД Зайцева, «бригада Боярского (Шахов, Шариков, Серегин и другие), работая до приезда в Тагил в Коми-Округе, у секретаря окружкома /Ветошева Я.А. – С., Л./ нашли список стахановцев, принудили этого секретаря дать показания, что это список участников организации, потом всех этих стахановцев посадили, а затем, как повстанцев, расстреляли. По этому поводу среди колхозников якобы шли разговоры: к черту быть стахановцем, а то еще арестуют»².

Для того чтобы сотрудники, теперь уже НКВД, взялись за такую работу, их надо было, говоря языком эпохи, «хорошенько встряхнуть», или, выражаясь точнее, – подвергнуть культурному шоку.

Один из его источников мы уже указали прежде – это падение прежних местных вождей, их мгновенное превращение из любимых и обожаемых руководителей в омерзительных врагов народа³. Впрочем, будучи неплохо осведомленными о теневой стороне их повседневного быта, ответственные сотрудники НКВД могли и не разделять казенного восхищения их большевистской

¹ Мочалов А.Д. – Викторову. 1.08.1938. Соликамск. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.2.С.131.

² Обзорная справка по архивно-следственному делу № 980372 по обвинению Шахова Д.А. 27.01.1956.//ГОПАПО.Ф.641/1.Оп.1. Д.11912.С.250. В показаниях Н.Я. Боярского этот эпизод изложен иначе: «Я думал, как можно добыть списки повстанческой организации, и решил составить подложный список, в который включить уже арестованных и подлежащих аресту кулаков и прочих арестованных, хотя и ничего не имевших с Кривошековым /начальником Осовиахима. – С., Л./ и Ветошевым. Составив этот список, уговорить Ветошева засвидетельствовать, что перечисленные в этом списке лица являются участниками повстанческой организации, и что этот список якобы изъят у него при аресте». Там же. С. 252.

³ Надо сказать, что культ городских начальников приобретал в местных условиях фарсовые, гиньольные, формы. В г. Молотово (сейчас Мотовилихинский район г. Перми) «цирк называли именем Премудрова, кино – именем Яна, детскую техническую станцию – именем Яна. Во время чистки бывш. секретарь ГК партии Ян организовал демонстрацию с возгласами: “Да здравствует Ян”, “Ура”, с оркестрами, музыкой и т. д. Во время приезда Премудрова / директора Мотовилихинского завода. – С., Л./ с лечения в 36 году целая серия работников поехала встречать его с цветами...». Стенограмма V городской партийной конференции. г. Молотово. 5–6 мая 1937//ГОПАПО. Ф.620. Оп.17. Д. 49. С.46.

скромностью, принципиальностью и близостью к рабочему классу. Но когда в апреле 1937 г. фактически все городские «тузы» в Перми были арестованы, это не могло не смутить чиновников в мундирах с синими кантами. Следы растерянности можно обнаружить даже в отредактированных и сокращенных протоколах партийных собраний¹.

Внезапно выяснилось, что враг скрывается и в коммунистической среде. «Практика нашей борьбы со шпионско-диверсионными и троцкистскими элементами за отчетный промежуток характерна тем, что во вскрываемых и ликвидированных к/р формированиях, в значительном большинстве случаев руководящая роль принадлежала врагам с партийным билетом», – докладывал начальник Ворошиловского горотдела А.П. Моряков своему партийному патрону (и личному другу) А.М. Павловскому².

Скажем сразу, постулат о руководящей роли членов ВКП (б) во всех контрреволюционных формированиях будет реализован в ходе кулацкой операции. Из лиц, принадлежащих к социальным группировкам, намеченным для ликвидации по приказу 00447, на Урале сконструируют повстанческую организацию под руководством региональных партийных и советских начальников³.

¹ См.: Протокол общего гарнизонного собрания системы НКВД от 3–4 апреля 1937// ГОПАПО. Ф.78. Оп.1. Д.72.С.27–40.

² Докладная записка «О нанесенном оперативном ударе по к/р шпионско-диверсионным и троцкистским элементам за время 1935/36 и 1937 г.». Березники. 22.04.1937 //ГОПАПО. Ф.59. Оп.1.Д.302.С. 106.

³ В протоколы допросов руководящих работников союзного и областного звена впечатывались показания о повстанческом штабе во главе с секретариатом обкома ВКП (б): «Кабакон мне говорил, что в областной повстанческий штаб входят: от правых, второй секретарь Свердловского обкома партии Пшеницин, в прошлом партизан, хорошо знающий военное дело, и работник Свердловского горкома партии – Кормилов; от троцкистов – Головин, бывший председатель Областного исполкома, имеющий широкие связи среди бывших уральских партизан; от военных – Василенко, заместитель командующего УралВО, и руководитель Областной организации Осоавиахима – Васильев; от церковников – Свердловский митрополит Холмогорцев». Из протокола допроса Цифриновича Владимира Ефимовича от 5 сентября 1937 г. (в момент ареста – управляющего треста «Союзкалий») //ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.1.С. 34. О составе пермского окружного повстанческого штаба: Голышев, секретарь горкома, «от правых»; Дьячков – секретарь горкома, «от троцкистов», Полянский – командир 82 с.д. «от военных», пермский епископ Глеб (Виталий Покровский) «от церковников», Бахарев – директор пивзавода «от эсеров» и др.См.: Из протокола допроса обвиняемого А.И. Старкова. 2.10.1937// Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.// Пермь: Пушка, 2004 С.252–253.

На наш взгляд, однако, самое большое потрясение вызвали сообщения об арестах в НКВД. На апрельском партийном собрании этой животрепещущей темы коснулся один из ораторов: «В наших органах есть случаи отдачи под суд некоторых сотрудников, которые потеряли бдительность, связались с врагами народа. Об этом нам дают сигнал и решения ЦИК об отстранении от работы бывшего наркомвнудела Ягоды и отдаче его под суд. Я призываю к жестокой критике, ибо без нее мы не сможем быть сильны в борьбе врагами»¹. Под напором информации о многочисленных арестах в составе руководящих органов НКВД стушевались и прежде всемогущие начальники районных и городских отделов. Л.Г. Лососу на том же партийном собрании указали, что он «...тоже беспечно относился к работе и не видел контрреволюционера Дьячкова, орудовавшего в горкоме», более того, запретил «коллективное слушание доклада т. Сталина по радио в ноябре 1936 г. – это вопиющее безобразие, антипартийный поступок»².

Критика снизу означала, что пошатнулся неоспоримый прежде должностной авторитет, а с ним и надежды на дальнейшее безбедное существование. Тем более, что руководители территориальных органов лучше рядовых сотрудников были осведомлены о масштабах арестов. Пройдет два-три месяца и их самих подверстают к делу о чекистском ответвлении правого заговора на территории Свердловской области.

В партийной массе начинают циркулировать слухи, что в органах нечисто, и от них следует держаться подальше³.

Все эти события, происходившие в течение считанных недель, не могли не отразиться на настроениях рядовых сотрудников НКВД. Вся их прежняя работа была обесценена, сведена к нулю

¹ Протокол общего гарнизонного собрания системы НКВД от 3–4 апреля 1937// ГОПАПО. Ф.78.Оп.1. Д.72.С.32

² Там же. С.32 – 33. Через неделю партком ВКП (б) органов НКВД, установив «факт срыва слушания по радио доклада т. Сталина... из-за деляческого подхода к этому вопросу т. Лососа по мотивам служебной загруженности», укажет т. начальнику горотдела «на непартийное его поведение». Протокол заседания парткома ВКП (б) органов НКВД г. Перми. 11.04.1937// ГОПАПО. Ф.78.Оп.1. Д.72.С.36.

³ В этой связи характерна первая реакция партийного работника на предложение взять одного из его подопечных на работу в НКВД: «Неужели такому парню ты не можешь подобрать лучшую работу и съешь его в такую яму?» – Стенограмма V городской партийной конференции. г. Молотово. 5–6 мая 1937//ГОПАПО. Ф.620. Оп.17. Д. 49. С.202.

разоблачением грандиозного заговора, охватившего все звенья партийного, государственного (в том числе и их ведомственного) аппарата, своими корнями уходящего далеко в глубь масс. Сами же они, как выяснилось, исполняли жалкую роль подручных врагов народа, их невольных пособников или слепых орудий.

Новые командиры, присланные Москвой, должны были поставить их на путь искупления своих вольных или невольных грехов: потери бдительности, политической слепоты, идиотской беспечности.

Руководители органов НКВД 1937–1938 гг. состояли из людей как принадлежащих к кадровому составу органов (таковых было большинство), так и к новобранцам из числа ответственных работников комсомола. И те, и другие были людьми пришлыми. Часть из них работала в центральном аппарате, как правило, в экономическом отделе – вместе с начальником Свердловского УНКВД Дмитрием Матвеевичем Дмитриевым. Вторые были откомандированы из Украинского НКВД, третьи из областных управлений в РСФСР – из Ростова-на-Дону, из Горького. Людей в течение всего периода перемещали настолько стремительно, что канцелярии не справлялись с переводом соответствующих документов¹. Постепенно в команду Дмитриева вошли и несколько местных работников, обнаруживших нужные профессиональные и личные качества². Заметим, что взаимоотношения внутри руководящего круга были

¹ Начальник Ворошиловского райотдела НКВД З.М. Тильман в январе 1939 г. почтительнейше просил заместителя Наркома Меркулова «... помочь в вопросе снятия с партучета, который тянется уже полгода». В июне прошлого года (1938 г.) он был переведен из НКВД УССР в Свердловское управление, туда же должны были отправить и партийные документы, но не переслали. Сначала чиновники ссылались на отсутствие разрешения из ЦК ВКП (б), а потом просто замолчали. «Не думаю, чтобы вопрос этот задержался в ОРПО ЦК ВКП (б), а, видимо, он не оформлен в отделе кадров НКВД Союза ССР. Поэтому прошу Вас, тов. Меркулов, помочь мне в этом вопросе, ибо отдел кадров обязан был это давно сделать <...> А я в таком положении, что шесть месяцев состою на временном учете». Тильман – Меркулову. г. Березники. 10.01.1939// ГОПАПО. Ф.59.Оп.1. Д.336.С.31-32.

² В Перми таким был Мозжерин – начальник особого отдела 82-й стрелковой дивизии, в июле 1937 г. соорудивший вместе с прибывшим из Свердловска Дмитриевым всесоюзную повстанческую организацию из красноармейцев 61-го батальона тылового ополчения, «состоявших из числа бывших служителей религиозного культа», за что НКВД СССР был награжден «...боевым оружием и металлическими часами». Выписка из протокола допроса Аликина А.М. 17.02.1939//ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.12396. С. 120.

достаточно напряженными. Люди, прибывшие из разных мест, не доверяли друг другу. Помощники начальника управления открыто враждовали между собой. Впрочем, Д.М. Дмитриев, в команду которого попали самые разные люди, относился к ним в высшей степени лояльно. Арестованный, неоднократно битый на допросах, обвиненный и сознавшийся в контрреволюционных преступлениях, он охотно давал показания против давно ликвидированных сослуживцев по центральному аппарату НКВД, не стеснялся бросить тень подозрения на самого Ежова, тогда еще народного комиссара, искусно подталкивал к расстрельной камере своих следователей, в то же самое время всеми силами выгораживал прежних подчиненных. «Заговорщиками были только я и сам Дашевский»¹.

Что касается новичков – Соломона Исааковича Шейнкмана – начальника Ворошиловского горотдела и Василия Ивановича Былкина – заместителя начальника Пермского горотдела, то оба они до 1936 г. работали в комсомоле: Шейнкман – в Центральном комитете ответственным инструктором орготдела; Былкин – секретарем Тульского горкома комсомола². Летом 1937 г. они – оба в звании старших лейтенантов госбезопасности – прибыли на место новой службы и тут же активно приступили к подготовке и проведению массовой операции, чем и усердно занимались вплоть до собственного ареста. Шейнкман «...был настоящий террорист, он двух сотрудников посадил, их расстреляли», – спустя без малого двадцать лет вспоминал о своем прежнем начальнике Павел Иванович Власов³.

Бывшие комсомольские активисты новые задачи решали, используя накопленный опыт: убеждали, пропагандировали обречен-

¹ «Считаю необходимым отметить, – показывал на допросе Д.М. Дмитриев, – что со всеми этими лицами, которых я перечислил (с заместителем начальника УНКВД Чистовым, помощником начальника УНКВД – Боярским, другим помощником Ардаевым, начальником отдела Шариковым. – Л., С.) Дашевский находился во враждебных отношениях, что он не скрывал от сотрудников УНКВД и что очень легко подтвердить, расспросив их. С другой стороны, эти лица платили ему таким же отношением». Показания Дмитриева Д.М. от 16. 10. 1938. Лубянка.... С.601.

² См.: Протокол судебного заседания. 21–23 августа 1939 г. в Военном Трибунале Московского военного округа войск НКВД/ ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.6857.Т.6.С. 176.; Из протокола допроса обвиняемого Шейнкмана Соломона Исааковича. 2.02.1939.// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.15357. Т.2.С.157.

³ Протокол № 25 заседания партийного бюро партийной организации Областного управления милиции УМВД// ГОПАПО. Ф.1624.Оп.1. Д.50.С. 166.

ных арестантов, взывали к их сознательности. «Тюрьма, в которой арестованные находились по 300–500 человек вместе, была превращена в своеобразный «агитпункт»», – ворчал сотрудник Ворошиловского райотдела сержант госбезопасности А.Д. Мочалов¹.

В.И. Былкин организовал социалистическое соревнование между следователями. «Кто давал больше признавшихся, того восхваляли»². Иногда Василий Иванович показывал и личный пример: собственноручно избивал арестованных, если те не поддавались на его уговоры³. Находил он время заниматься и партийной работой, был членом бюро горкома, регулярно выступал на пленумах. Речи его – по соображениям секретности – не стенографировались. Парторгу ЦК ВКП (б) на заводе им. Сталина Логинову он запомнился «...грамотным, умным, рассудительным коммунистом» и обаятельным человеком⁴.

Новички очень старались, но все-таки уступали кадровым чекистам Дмитрию Александровичу Шахову и Василию Яковлевичу Легоцкому. Шахов планомерно опустошал Кизел⁵. Легоцкий, терроризировал Пермь вместе с Краснокамском и Добрянкой. «На одном из совещаний в кабинете Легоцкого о следствии последний выступил по вопросу о задачах теперешнего положения: «...Возьмем г. Пермь, город оборонный, но в нем много живет татар, мы должны его сделать русским городом, всех татар перearестовать, это такой народ, который нас – русских – предаст»»⁶.

¹ Мочалов А.Д. – Сазыкину. г. Соликамск. 22.11.1939// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.2. С.134.

² Рапорт сержанта госбезопасности Окулова С.Н. особоуполномоченному УНКВД по Пермской области лейтенанту государственной безопасности Мешкову// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.9108. Т.3. С.195.

³ Протокол допроса обвиняемого Аликина Аркадия Михайловича. 17.02.1939// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.11925. С.118.

⁴ Логинов – Аликиной. 5.02.1988. ГОПАПО. Коллекция.

⁵ «Всего по Кизеловскому Горотделу НКВД было арестовано около 2000 человек», – утверждает в официальном документе, Наркомата внутренних дел СССР, составленном в январе 1940 г. См.: Заключение по материалам расследования о нарушении социалистической законности <...> Шаховым Дмитрием Александровичем// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.12837. С.185.

⁶ Выписка из рапорта особоуполномоченному УНКВД по Пермской области лейтенанту государственной безопасности Мешкову сержанта госбезопасности Окулова С.Н.// ГОПАПО. Ф.641/2. Оп.1.Д.26356. Т.2. С.312. Обвиняя татарское население в измене, Легоцкий просто пересказывал директиву Дмитриева на этот счет. См.: Выписка из протокола допроса Голдобеева Николая Павловича. 6.03.1939// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.13864. С.2.

После этого В.Я. Легоцкий приказал начать массовую операцию в Краснокамске по изъятию татар, что и было немедленно исполнено. Получилось, правда, неудачно. Подчиненные перестарались, не смогли сохранить секретности. Сотрудники НКВД «...врывались в бараки, арестовывали людей, группировали их в грузовых автомашинах и партиями в 50–60 человек направляли на вокзал, где их должны были ожидать направленные в Краснокамск по инициативе Легоцкого железнодорожные вагоны». Вагонов не оказалось. Вокруг грузовиков собралась толпа. Плач. Шум. Крики. Новые аресты¹. К тому же во время операции «...некоторых лиц, подлежащих аресту, дома не оказалось». Вместо них – по телефонному указанию В.И. Былкина – взяли других².

Городских начальников подбадривали и наставляли областные командиры. Если команду Дмитриева можно упрекнуть в непрофессионализме (слишком доверяли наркому и безоглядно исполняли приказы), то обвинить ее в лени, халатности, скажем мягче, в пристрастии к кабинетным методам работы никак нельзя. И сам Комиссар (так в служебных помещениях НКВД называли Дмитриева), и его ближайшие помощники – Даниил Михайлович Варшавский, Наум Яковлевич Боярский, Яков Шахнович Дашевский – все они деятельны и вездесущи. Они формируют следственные бригады, сами выезжают на места, инструктируют, обучают, демонстрируют новые методы расследования, сами допрашивают, проводят очные ставки, редактируют протоколы, лично отбирают внутрикамерных «наседок», утверждают списки на аресты и представления на награждения отличившихся сотрудников. Я.Ш. Дашевский лично от руки в Соликамске «...составил типовой протокол допроса в двух вариантах, т.е. на рядового повстанца и организатора. Кроме протокола, Дашевский составил типовое заявление, которое было размножено и роздано следователям для руководства»³. В Перми Дашевский показывает, как надо добиваться признания от запирающихся арестантов. На заседании бюро горкома ВКП (б), исключавшем Былкина из партии, он расскажет, а Логинов запомнит, как

¹ См.: Выписка из протокола допроса Аликина Аркадия Михайловича. 9.05.1939// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.13864. С.46–47.

² Выписка из протокола допроса арестованного Тюрина Михаила Александровича. 4.05.1939// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.9108.Т.3. С.180.

³ Из протокола допроса обвиняемого Шейнкмана Соломона Исааковича. 2.02.1939.// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357.Т.2.С.155.

«...представитель из центра/в звании бригадного комиссара НКВД^{1/} делает разнос нам, как только может, а вечером идем в подвал, где сидят арестованные, и он лично показывает пример, как надо допрашивать. Одним словом, допрашиваемого уносят на носилках»².

Дмитрий Матвеевич Дмитриев, отрекомендовавшийся на пленуме Свердловского обкома, квалифицированным экспертом по правам³, нашел теоретическое обоснование массовым операциям. Правые уклонисты, как было прописано в партийных постановлениях, выражали интересы кулачества. Встав на путь заговора, они из бывших к тому времени кулаков, белогвардейцев, церковных служителей сформировали повстанческую организацию. Объединившись с троцкистами, они установили также связь и с иностранными разведками и, в конце концов, собрали вокруг себя все контрреволюционные элементы. В показания М.А. Павловского был впечатан следующий пассаж:

«Наступил такой период (говорил Кабаков), когда необходимы решительные меры против Сталинского руководства, нужно готовиться к открытому вооруженному восстанию, а для этой цели необходимо приступить к собиранию и объединению всех антисоветских сил, независимо от их политической окраски, и организовать их для активной борьбы против партии и Советского правительства. Такими силами в настоящее время являются: помимо правых и троцкистов, эсеры, спецпереселенцы – кулаки, белогвардейцы, служители религиозных культов, бывшие красные партизаны, антисоветски настроенные перебежчики и, особенно, немцы, с которыми мы уже вошли в контакт, и которые могут оказать нам соответствующую помощь»⁴.

Каждое антисоветское высказывание есть не что иное, как проявление большого зловещего замысла. «Одиночек в борьбе с Советской властью нет»⁵.

¹ Такого звания не было. Логинова – человека штатского – ввел в заблуждение ромб, который носил в петлицах майор госбезопасности Дашевский.

² Логинов – Аликиной. 5.02.1988 //ГОПАПО. Коллекция.

³ См.: Базаров А. Указ. соч. С. 373–374.

⁴ Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 958296 по обвинению Павловского Моисея Абрамовича// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.2.С.6–7.

⁵ Протокол допроса свидетеля Чернякова Григория Федоровича. 18.01.1956// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.11912. С.246.

Миссия НКВД состоит в том, чтобы предотвратить массовое вооруженное выступление против Советской власти, намеченное его организаторами на начало интервенции «одной иностранной державы» весной 1939 г¹. «На проводившихся оперативных совещаниях нам, работникам РО, говорилось, что проведение массовых арестов есть ликвидация «пятой колонны» в СССР и обуславливается указанием свыше, но кого именно, нам-де, рядовым работникам знать не обязательно»².

Для того чтобы опередить жестокого и коварного врага, органы должны действовать решительно и беспощадно³.

«С врагами надо бороться по-вражески, – вновь и вновь повторялось на собраниях сотрудников НКВД, – кто не будет бороться, того будем отдавать под суд»⁴.

Иногда угрозы ужесточались – и вместо суда звучало зловещее слово «тройка»: «Как бы не попал на Тройку тот, кто за день ничего не расколот. Этим резюме пользовался и Мозжерин», – вспоминал на допросе сотрудник Особого отдела 82-й стрелковой дивизии Голдобеев⁵.

Не надо думать, что в репертуаре новых командиров были только одни угрозы. Отличившихся следователей поощряли премиями, ценными подарками (чаще всего, часами), ведомственными и государственными наградами, просто подбадривали добрым словом. В.И. Былкин оправдывался на суде: «Мое чутье большевика притупилось, благодаря тому, что секретарь Буханов /так в тексте, правильно – Буханов. – Л.С./ всегда постукивал меня по

¹ См.: Из протокола допроса Цифриновича Владимира Ефимовича от 5 сентября 1937 г.// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.1.С.45.

² Протокол допроса свидетеля Дьяконова Михаила Алексеевича. 13.09.1957 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.д.9108.Т.3. С.116.

³ «Наша задача очистить тыл СССР любыми способами, – говорил своим подчиненным В.Я. Ловоцкий. – Переарестовать и перестрелять всех кулаков, белогвардейцев и других, враждебный нам элемент, который является базой для контрреволюционной деятельности». Рапорт особоуполномоченному УНКВД по Пермской области лейтенанту государственной безопасности Мешкову сержанта госбезопасности Окулова С.Н// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.9108. Т.3. С.198.

⁴ Там же. С.195.

⁵ Выписка из протокола допроса Голдобеева Николая Павловича// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.13864. С.2.

плечу и говорил: «Вася, жми!»¹. До поры до времени закрывали глаза на служебные провинности: пьянку на работе, вольное обращение с казенными суммами, частные реквизиции². Кроме того, рядовых сотрудников агитировали и обучали новым методам оперативной работы, внедряли научную организацию труда.

Арестованных было так много, что прежние техники отказывали. Принудить к показаниям кулаками было также невозможно. Хотя Боярский и объяснял следователям-стажерам, что с врагами церемониться нечего, те были не в состоянии выполнить его рекомендации. Каждый следователь работал с десятками людей. На завершение дела выделялись считанные сутки. Приказано было равняться на стахановцев, таких как Морозов, возглавлявший оперативную группу в Свердловской тюрьме. В ней «...ежедневно признавались в принадлежности к различным разведкам и к-р организациям по 300 и более обвиняемых, за что этой опергруппе оперативными работниками была присвоена кличка «Фабрика Морозова-Горшкова»»³.

Для того чтобы выбить показания из такого количества людей, сотрудникам – и кадровым, и привлеченным просто бы не хватило сил. Их экономили на важных подследственных, заранее записанных в руководители повстанческих штабов и подготовляемых для признаний выездной сессии Военной коллегии Верховного суда. Били, конечно, и других, но не в массовом порядке⁴. И вообще, битье считалось методом вспомогательным. Главный упор делался на рационализацию следственной операции. «Оперштаб работников

¹ Протокол судебного заседания 21–23 августа 1939 г. в Военном Трибунале Московского военного округа войск НКВД/ ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.6857.Т.6.С. 178.

² Так, один из сотрудников Пермского горотдела Васенев «... присвоил ружье, патефон, патефонные пластинки и др. вещи». Приговор Военного Трибунала Московского военного округа войск НКВД. 23.08.1939.// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.6857. т.6.С.7.

³ Выписка из протокола допроса арестованного Тюрина Михаила Александровича//ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.9108. Т.3. С.181.

⁴ Об избиваниях упрямых подследственных, как о чем-то само собой разумеющемся, упоминает в своих показаниях Шейнкман. В приговоре по делу Былкина и др. отмечается, что, «как исключение», подсудимые применяли избивания. См.: Приговор Военного Трибунала Московского военного округа войск НКВД. 23.08.1939.// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.6857. Т.6.С.8.

был разбит на четыре группы, первая из них отбирала заявления, вторая по этим заявлениям составляла протоколы допросов, третья проводила подписи протоколов путем вызова арестованных группами по 15–20 человек, а четвертая составляла справки в альбом для отсылки в особое совещание», – так описывает сотрудник НКВД новые следственные технологии¹.

В соответствии с ним и следователей поделили на «писателей», сочинявших протоколы допросов, и «колунов», иногда их называли «диктовальщиками», умевших нетрадиционными способами добиваться подписей под протоколами, обрекавшими арестантов на скорую смерть.

Приемы применялись детские: протокол записывался мягким карандашом, подпись исполнялась чернилами. Потом следователь резинкой стирал текст и помещал новый. Или еще проще: арестованному зачитывалась часть протокола, как правило, состоящая из биографических данных, а на подпись передавался более полный текст. Вдруг подследственный не заметит².

Местным изобретением был иной метод: коллективное подписание протоколов за столом под музыку. Заключенных, заранее подвергнутых внутрикамерной обработке (специально отобранные и подкармливаемые арестанты уговаривали своих товарищей по заключению подписать признательные показания) – человек по 15–20 приводили из тесных и темных камер в просторное помещение, сажали за стол, на который иногда ставили водку и закуску, и там уговаривали «в интересах советской власти» подписать протокол. Во многих случаях удавалось. Тех, кто сопротивлялся, отправляли в карцер, или избивали в укромном месте. В конце концов, им вписывали в альбомную справку: «изобличается показаниями таких-то и таких-то» и все равно отправляли на особую тройку. «Из Соликамской тюрьмы освободить никого нельзя», заявил как-то Шейнкман и, на самом деле, не освобождал³.

¹ Мочалов А.Д. – Сазыкину// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.2. С. 134.

² См.: Справка по архивно-следственному делу № 796219 по обвинению Былкина В.И., Королева М.П. и др. 7.03.1956// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.10033.С.140.

³ Выписка из протокола № 4 закрытого партсобрании партколлектива УГБ Ворошиловского РО НКВД с участием комсомольцев. Т. 11.02.1939 // ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.16110. С. 82.

Начиная с октября 1937 г., оперативные работники НКВД втягиваются в бесконечный процесс фабрикации групповых дел на десятки, а в некоторых случаях и на сотни человек, составления справок, необходимых для подготовки новых арестов, допросов, составления фиктивных протоколов, оформления дел на тройку. Завершается один цикл, тут же начинается другой. Ими движет конвейер, очень похожий на тот, который они сами устраивают подследственным. Сойти с него страшно. «Подать рапорта я боялся, – признавался сержант госбезопасности Окулов, – если меня уволят, то сразу же арестуют и отправят на Тройку»¹.

И тогда же к ним приходит убеждение, что они исполняют важную, хотя и грязную, неблагодарную работу по истреблению вражеского антисоветского элемента. После завершения массовых операций рядовые сотрудники органов будут повторять на разные голоса: «Пусть дурными методами, но мы действовали правильно. Мы вели огонь по правильным целям: по кулакам, шпионам, церковникам. И не наша вина, что вредители нам сбивали прицел»². Некоторые добавляли. Нам мешали начальники, которые не давали «...возможности уличить врага действительными фактами его контрреволюционной шпионской деятельности»³. Конечно, в данном случае мы имеем дело с коллективной формой психологической защиты. Ибо согласиться с тем, что ты убивал, точнее, посылал на смерть десятки или сотни ни в чем не повинных людей, все равно по собственной воле или по безволию – равносильно признать себя бессердечным и бессовестным убийцей, низким и грязным

¹ Рапорт особоуполномоченному УНКВД по Пермской области лейтенанту государственной безопасности Мешкову сержанта госбезопасности Окулова С.Н// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.9108.Т.3. С.199.

² Об этом говорили, например, подсудимые на процессе бывших сотрудников Пермского горотдела НКВД в августе 1939 г. См.: Протокол судебного заседания. 21–23 августа 1939 г. в Военном Трибунале Московского военного округа войск НКВД/ ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.6857.Т.6.С. 148–173. Бывший начальник XI отдела УНКВД Свердловской области Н.А. Шариков так и заявил на суде: «Я считал, что смелые методы борьбы с врагами нужны были. Кроме того, сама обстановка заставляла так работать». Выписка из протокола судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Уральского округа от 8-9 августа 1940 г. по делу ... Шарикова Николая Алексеевича// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.11898. Т.2. С.13.

³ Мочалов – Викторову. г. Соликамск. 1.08.1938// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.2.С. 130.

человеком. «О том, что за подложными протоколами стоит живой человек – и кроме того, его родственники, семья и дети, я не думал никогда. Я думал, что наша работа направлена на пользу Советской власти», – признавался на суде оперативник Пермского райотдела НКВД Ветошкин¹. И когда участников массовых операций переместили служебных кабинетов в следственные камеры, они, как будто сговорившись, с трудом припоминали один – два эпизода: было дело, тогда-то сфальсифицировали протокол допроса, или поставили подпись на чужом документе – и все, тут же добавляя: такая была обстановка, но нам это все не нравилось, мы такому обороту дел противились. Через двадцать лет следователи 1937 года будут повторять работникам прокуратуры: мы все забыли: и эпизоды, и, самое главное, имена жертв. Только начальников помним.

Организаторы массовых операций вряд ли были настолько наивны, чтобы принимать за чистую монету все, что они считали нужным сообщить своим подчиненным. В конце концов, именно Д.М. Дмитриев лично сконструировал схему большого заговора, объединившего в одно целое руководителей партийного, советского, хозяйственного и военного аппаратов с обитателями бараков и общежитий, жителей лесных поселков и глухих деревень. И когда операция закончилась, его прежний заместитель – деятельнейший организатор террора Д.М. Варшавский – «...без необходимой перепроверки материалов огульно освобождал арестованных из-под стражи»². Знал, по всей вероятности, что все эти люди ни в чем не виновны. Примечательна метаморфоза Морозова – того самого, который добивался до 300 признаний в день. В феврале 1939 г. его назначили заместителем начальника следственной части Управления НКВД по Пермской области. На новой должности «...Морозов проводил такую линию в работе, что всех арестованных по массовой операции надо освобождать. Он во всеуслышание заявлял, что показания арестованных на 99,9 % о проводимой ими к.-р. деятельности

¹ Протокол судебного заседания. 21–23 августа 1939 г. в Военном Трибунале Московского военного округа войск НКВД/ ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.6857.Т.6.С. 164.

² Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 975188 //ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.2.С.116.

фиктивны, что все посажены невинные люди, никакого следования проводить не надо»¹.

Возникает вопрос, что побудило Дмитриева фабриковать в массовом порядке заговорщические организации, если можно было ограничиться изъятием так называемого антисоветского элемента более простым путем – на основании агентурных сведений, или информации, поступавшей из комендатур, создавать амальгамы из бывших кулаков и партийных работников, создавать оперативные группы по разгрому мнимых повстанческих организаций, наконец, просить об увеличении лимитов на аресты и расстрелы². Только ли это служебное рвение и партийная дисциплина (как Д.М. Дмитриев и его коллеги объясняли следствию) или также иные механизмы.

Можно предположить, что поведением людей, получивших ответственные посты в Свердловском УНКВД в самом начале большого террора, управлял мотивационный комплекс, в котором доминировали две установки: ставка на карьеру и страх перед репрессиями.

И Дмитриев, и его помощники в начале 1936 г. – это чиновники средней руки в ведомстве Г.Г. Ягоды. Путь наверх для них был прегражден ветеранами ВЧК-ОГПУ, занимавшими ключевые должности в аппарате НКВД. «Отличительной чертой (новой. – С., Л.) руководящей группы было то, что она в своем большинстве состояла, за исключением Леплевского, из так называемого второго поколения работников НКВД, лишь недавно начавшего вести самостоятельную чекистскую работу. Она не имела того авторитета и тех связей, которым располагала руководящая группа во главе с Ягодой», – показывал на допросе Д.М. Дмитриев³. И вот с новым шефом – Н.И. Ежовым – у этих людей появился шанс вырваться наверх, войти в круг не только ведомственной, но и политической элиты. Иначе не объяснить их маниакальной тяги к публичности:

¹ Пурышев А.П. – Упоровой. 2.07.1939 //ГОПАПО. Ф.105.Оп.6.Д.143. С.67.

² В показаниях Боярского, данных им в апреле 1939 г., указывается, что по инициативе Дмитриева лимит на проведение репрессий был увеличен втрое. «Всего по этой операции было арестовано кулаков, трудпоселенцев и лиц инациональностей – 24 000 человек». Обзорная справка архивно-следственного дела № 975186. 14.02.1955// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.10114. С.257.

³ Лубянка... С. 591.

к выступлениям на пленумах обкома, в газетных статьях, выдвижению в депутаты. Верховный Совет в 1937–1938 гг. – это витрина новой советской демократии, собрание знатных людей сталинской эпохи. Д.М. Дмитриев становится союзным депутатом. Н.Я. Боярский готовится в депутаты республиканские¹. Кажется, что эти люди искренне верят тому, что пишут в газетах о всенародном одобрении их кровавой работы.

Здесь они во многом ошибаются. Трудящиеся в массе своей ничего не имеют против расправы с начальниками, но многие знают и о репрессиях против рабочего люда. «Боярский в своем докладе рассказывал о том, что он разоблачал контрреволюционеров, – передает секретный осведомитель разговоры, ведущиеся между участниками предвыборного митинга в Губахе. – Может быть, это верно из числа руководителей, а вот он много пересадил из нашего брата – трудпоселенцев, и эти люди совершенно безвинные. Я считаю, что за Боярского агитировать не следует»².

Во время выборов в Верховный Совет СССР завхоз детского сада в г. Перми Мария Кокаровцева прямо заявила агитатору, что она НКВД не любит и потому голосовать не будет³.

Следы сугубо отрицательного отношения к сотрудникам НКВД мы находим во многих документах эпохи. Партиец отказывается поступать на службу в органы: «Оставь меня, я жить хочу»⁴. Начальник КизелГРЭС требует от своего помощника по найму и увольнению снять форму НКВД, поскольку она ему не нравится⁵.

¹ Не удалось. Был арестован за несколько дней до выборов – в самом начале июля 1938 г.. Оправдались слова жителя Губахи Толокнова, сказанные им 5 июня «... в присутствии 13–15 чел. избирателей»: «У нас на работе рабочие говорят, что Боярский уже арестован дня два тому назад, а вы автобиографию изучаете» Шахов – Погудину. г. Кизел. 8. 06. 1938// ГОПАПО. Ф.61.Оп.16. Д.114. С.103.

² Там же. С. 104.

³ Мазунин – В Ленинский райком ВКП (б). 7.12. 1937// ГОПАПО. Ф.78. Оп.1. Д.112. С. 195.

⁴ Из протоколов XVI Чусовской городской конференции ВКП (б). 4.05.1937// ГОПАПО. Ф.1241. Оп.1.Д.264.С.56.

⁵ Иванов – Погудину. г. Кизел. 4.07.1938// ГОПАПО. Ф.61.Оп.16. Д.114. С.138.

Тяга к общественному признанию, на наш взгляд, является весомым доказательством политических амбиций руководства Свердловского УНКВД.

Кажется, что безоглядное поведение этих людей в не меньшей степени объясняется страхом. По своему прежнему положению они входили в состав номенклатуры, подвергшейся массовому погрому. По своим должностным обязанностям и Дмитриеву, и Дашевскому, и Шахновскому приходилось сотрудничать со множеством людей, подвергнутых репрессиям в последний год. Будучи мастерами фабрикации дел, они вряд ли могли быть уверены в том, что какие-нибудь другие умельцы не впечатают их имена в обширные убийственные показания того же Л.Г. Миронова – руководителя экономического отдела ГУГБ НКВД, под началом которого они делали свою предшествующую карьеру¹. Для того чтобы спастись, нужно было с утроенной силой демонстрировать свою преданность и верность, беспощадность и бдительность, снять все нравственные препоны – и убивать, убивать, убивать. Я не мог входить в организацию правых, – тщетно оправдывался арестованный Д.М. Дмитриев,

¹ В воспоминаниях о 1937 г. Агнессы Ивановны Мироновой-Кроль, записанных спустя полвека, есть впечатляющий эпизод. Л.Г. Миронов, отбывший во главе карательной экспедиции («Все какие-то любезные офицеры, ручки дамам целуют, умеют танцевать превосходно») в Сибирь и на Дальний Восток, останавливается в Новосибирске, в особняке своего однофамильца – начальника краевого управления НКВД. На банкете, отданном в его честь, комиссар госбезопасности II ранга посадил на колени четырехлетнего ребенка, «гладит по голове, шепчет что-то, и она к нему приникла... Странно это мне как-то показалось – не к дамам поухаживать, не к мужчинам – выпить, поговорить, а к ребенку за лаской. Я потом говорю Сереже: – А Миронов-то был грустный... Он востропел, с вызовом: – Что ты выдумываешь? С чего это ему быть грустным? С таким почетом принимали. А через неделю и гость наш Миронов, и вся его свита были арестованы». Яковенко М.М. Агнесса: Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Кроль о ее юности, о счастье и горестях трех ее замужеств, об огромной любви к знаменитому сталинскому чекисту Сергею Наумовичу Миронову, о шикарном курорте, приемах в Кремле и... о тюрьмах, этапах, лагерях, – о жизни, прожитой на качелях советской истории / Послесловие И. Щербаковой. – М.: Звенья, 1997. // <http://www.memo.ru/history/agnessa/Chapt1h.htm>http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_book.xtмл? id=82374&aid=325. В сроках А.И. Миронова-Кроль ошиблась. Экспедиция Миронова доехала до Хабаровска. Банкет происходил в апреле. Арестовали комиссара только в июле 1937 г. См.: Лубянка.... С.638, 673.

«так как сам арестовывал некоторых ее членов»¹. Такие аргументы на следователей его калибра не действовали. Прошлое настигло всю команду. Их осудили по совокупности преступлений, но, главным образом, за участие в заговоре против Советской власти в составе заговорщической, террористической и шпионской организации. Массовые аресты невинных граждан хорошо вписывались в установленную схему². Та же участь настигла и их преемников. Правда, тех судили, как правило, за должностные преступления.

Подведем итоги. Массовые операции, продолжавшиеся волнообразно в течение года, одним из своих последствий имели существенное повышение статуса территориальных органов НКВД в системе власти. Они действовали бесконтрольно, руководствуясь ориентирами, выставленными их собственным командованием. Одновременно наблюдалась ведомственная экспансия во все иные звенья власти, главным образом, партийные и хозяйственные. Участники операции получили от своего начальства статус бойцов, ведущих сражение с многочисленным врагом. От них требовались в равной степени беспощадность к заговорщикам и доверие к собственному руководству. Для того чтобы в глазах рядового оперативника превратить строительного рабочего, или колхозника, шахтера или сцепщика в смертельного врага, использовались разнообразные методы: от апелляции к высшим политическим инстанциям до пропаганды ксенофобии, от фабрикации повстанческих организаций до игры на социальных инстинктах. В проведении кулацкой операции руководство НКВД проявило самостоятельность и инициативу, нацеленную на то, чтобы, во первых, расширить область применения репрессий, а во-вторых, соединить рутинные действия по исполнению приказа № 00447 с осуществлением большой политической задачи – выкорчевывания вражеских гнезд во властном

¹ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 960365// ГОПАПО.Ф.641/1. Оп. Д. 10114. С. 259.

² Только майору госбезопасности Я.Ш. Дашевскому не вменили в вину участие в массовых репрессиях. Расстреляли за другие вины: работал в Горьковском УНКВД под началом М.С. Погребинского, близкого сотрудника Г.Г. Ягоды, тогда же «...высказывался за необходимость ослабления борьбы с к/р элементами». Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 959994// ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.2. С.124.

аппарате. Как правило, началу массовых операций на территории того или иного района предшествовал разгром местных партийных и хозяйственных органов. Так было в Перми, в Березниках, в Кизеле, в Чусовом, в Лысьве, в Коми-Пермяцком национальном округе. Арестованные руководители объявлялись главарями кулацких повстанческих формирований. Метод амальгамы, в массовом порядке примененный в ходе кулацкой операции, повлек за собой репрессивные акты против рабочих, колхозников и служащих, по замыслу инициаторов приказа, остававшихся вне зоны репрессивных действий. С издержками такого рода исполнители приказа не считались. Участники массовой операции, длительное время находившиеся в составе оперативных групп, привыкшие к насилию, обману, провокациям, переживали процесс моральной деградации: избивали беззащитных людей, по своему усмотрению производили незаконные аресты, выстрелами разгоняли очереди перед магазинами (как это практиковалось в Лысьве ¹), присваивали деньги и вещи арестованных (в Пермском горотделе НКВД ²), пили.

Конец массовых операций совпал с восстановлением партийного контроля над деятельностью карательных органов. Районные и городские комитеты, в течение года, лишённые реальной власти, тем не менее сохранили свои номинальные prerogatives. Формально они оставались самыми авторитетными учреждениями. Нужен был только сигнал, чтобы вернуть их к активной деятельности. И он прозвучал в ноябре 1938 г. В постановлении ЦК ВКП (б), разосланном за подписью Сталина по областным и городским комитетам, предписывалось до 1 января следующего года провести учет, проверку и утверждение работников Наркомвнудела и отправить в ЦК докладную записку, в которой «...необходимо указать все факты о недостатках в работе органов НКВД и засоренности их чуждыми и враждебными людьми» ³. После этого наступила расплата. Активные участники массовых операций и, прежде всего, следователи – колуны

¹ См.: Крайнов – Чернышеву. г. Лысьва. 2.02.1939// ГОПАПО. Ф.85. Оп.20. Д.11. С.40–40 (об)

² См: Выписка из постановления бюро Молотовского обкома ВКП (б). 21.08.1940// ГОПАПО. Ф.105. Оп.186. Д.688. С.5.

³ Бюро горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий. Москва. 14.11.1938// ГОПАПО. Ф.85. Оп.20. С.7.

были уволены из органов, изгонялись из партии отдавались под суд. Сам термин «массовая операция» стал синонимом если не прямо враждебной, то крайне подозрительной акции. В репертуаре сотрудников НКВД сохранились техники: конвейер для запирающихся, избияния для упорствующих и новый показатель эффективности работы – количество арестованных за отчетный период¹. Жертвы операции были реабилитированы через полвека.

¹ «Приезжающие с периферии сотрудники МГБ рассказывают, что там у многих районных отделов МГБ в течение года не было ни одного арестованного. Спрашивается, что делают 3–4 сотрудника РО МГБ в течение года, – жаловался Сталину Иван Серов. И. Серов – И. Сталину. 8.02.1948//Военные архивы России. 1993. 1-й вып. С. 212.

С. ШЕВЫРИН

**«КУЛАЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ» 1937–1938 ГГ.
В ИСТОРИИ СЕЛА КОЯНОВО**

Село Кояново расположено в 25 км от города Перми на Сибирском тракте (Пермь – Екатеринбург). В начале XX века жители села занимались сельским хозяйством и скотоводством. Число жителей составляло чуть более 2000 человек¹.

В селе было 2 мечети, рассчитанных на 300 и 400 человек². При одной из мечетей действовала мусульманская школа – медресе. В Кояново имелась пересыльная полуэтапная тюрьма, в XX веке уже не используемая по назначению. Перед самой революцией в здании бывшей тюрьмы была открыта начальная земская школа.

В 1934 г. по ходатайству Кояновского сельсовета одна мечеть была закрыта. Здание решено было отдать под школу крестьянской молодежи³.

В 1928–1929 гг. в селе начали организовываться ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли). Одним из организаторов ТОЗа в селе Кояново был бывший батрак Галимзян Максудов. В 1929–1930 гг. ТОЗы объединились в колхоз «Передовик», имевший 500 гектаров пашни. В 1931 г. председателем колхоза был избран Галимзян Максудов. В 1937 г. в Кояновском сельсовете существовало 2 колхоза – «Передовик» и «Имени 7-го съезда Советов»⁴. В Кояново имелась МТС (машинно-тракторная станция).

¹ По всероссийской переписи 1920 г. – 2219 человека (ГАПО, ф.р-19, Оп.1, Д.199, л.33об.); данные 1923 г. – 2229 человек (ГАПО, ф.р-17. Оп.1. Д.167а. Л.256об.).

² Докладная записка в связи с закрытием мечети, от 11.02.1934 г. ГАПО, р-1205, Оп.111. Л.178. Л.3.

³ Там же, л.2.

⁴ В Кояново неблагополучно // Звезда. 23 октября 1937 г.

Последствиями приказа НКВД № 00447 для села стали массовые аресты. Если за весь 1936 г. органами НКВД в селе был арестован 1 человек, то за 1937 г. – 15 человек жителей села и 4 работника Кояновской МТС. Аресты проходили, согласно приказу¹, в 2 этапа. Первыми 5–6 августа были арестованы мулла и наиболее активные верующие, входящие в совет мечети. Все они были обвинены в участии в контрреволюционной националистической повстанческой организации и приговорены 11 сентября 1937 г. тройкой НКВД к расстрелу.

26–27 сентября началась вторая волна арестов. Были арестованы работники органов советской власти и руководители хозяйственных структур села – председатели сельсовета и колхоза «Передовик», директор МТС, а также простые колхозники и трактористы. Они были обвинены в участии в контрреволюционной повстанческой организации и приговорены 15 ноября 1937 г. тройкой НКВД к 10 годам лишения свободы.

Последним в 1937 г. (18.12.1937 г.) был арестован заместитель директора по политчасти Кояновской МТС. Хотя дело хозяйственных руководителей и простых колхозников было уже закрыто – осуждены 15 ноября, замдиректора по политчасти обвиняли в причастности именно к их «контрреволюционной организации».

Как известно, подготовка к «операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» активно началась летом 1937 г. – составлялись списки будущих жертв, распределялись на категории. Из Кояново зажиточные и богатые жители, которых по меркам того времени причисляли к кулакам, эмигрировали за границу, в частности, в Японию². «Список лиц буржуазии, бежавшей с белыми» от 24 января 1920 г. приводит имена 7 жителей Кояново, в основном «средних торговцев»³. Среди жителей Кояново в 1937 г. формально под целевые группы приказа № 00447 попадал 1 человек – мулла Тайсин Мулазян. Он подвергался

¹ «Порядок проведения операции...В первую очередь подвергаются репрессии контингенты, отнесенные к первой категории. Контингенты, отнесенные ко второй категории, до особого на то распоряжения репрессии не подвергаются». Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». М., 2003 г. С. 89.

² Из протоколов допроса Хасанова Назми Хасановича, 27.12.1936 г. ГОПАПО, 641/1. Оп.1. Д.2282. Л.31.

³ Список лиц буржуазии, бежавших с белыми, от 24.01.1920 г. ГАПО, ф.р-17. Оп.1. Д.250. Л.15.

раскулачиванию, но не был выслан, отбывал наказание за невыполнение «гособязательств» – налогов и сборов, и продолжал, по мнению органов НКВД, вести активную антисоветскую деятельность при помощи того, что «...сплотил вокруг мечети верующих до 300 человек, часть которых обрабатывал в контрреволюционном духе..., пропагандировал идеи панисламизма»¹.

Больше в селе не было вернувшихся из ссылки или заключения раскулаченных, не было уголовников и бежавших из мест заключения. Но в селе были люди, у которых раскулачен отец или служившие годы гражданской войны в армии Колчака, а также отбывшие наказание по ст. 60–62². В обвинительных заключениях на жителей села приведен собранный сотрудниками НКВД «компромат» – сын кулака, сын муллы, бывший белогвардеец, перечислены судимости. Имелся целый ряд граждан из бедняцких хозяйств, не судимых. Эти люди были арестованы в сентябре 1937 г. и первоначально их обвиняли в хозяйственных нарушениях и проступках. Дополнительные данные – агентурные (чаще всего – антисоветские высказывания) или открытое исповедование религии в стремлении к атеизму государстве – послужили фильтром между первой и второй категориями.

На арестованных 5–6 августа жителей села имелся в формуляре НКВД «компромат» – агентурные данные, доносы и явная принадлежность к мусульманской религии:

Тайсин Мулазян – мулла села Кояново – в 1931 г. был раскулачен «как твердозаданец и мулла», в 1933 г. судим за «невыполнение гособязательств», отбыл 6 месяцев принудработ, судим в 1935 г. за то же, приговор – 1 год лишения свободы был заменен штрафом в 600 рублей.

Бактиков Зуфар – сын муллы, отец был раскулачен и выслан, судим в 1928 г. по ст. 60 УК.

Мурсалимов Габдулхай – до революции был крестьянином-кулаком, в 1931 г. был осужден по ст. 62 УК на 2 года лишения свободы, после отбытия наказания в колхоз не вступил, а занимался

¹ Из обвинительного заключения от 9.09.1937 г. ГОПАПО, ф.641/2. Оп.1. Д.26356. Т.1. Л.237.

² Статьи 60-62 УК 1926 г. применялись к неплательщикам налогов и сборов. Базаров А. Дурелом или господа колхозники. Курган, 1998 г. С.17.

кустарничеством, до 1931 г. был муллою в Кояново, на момент ареста был муэдзином в мечети.

Апкин Габдулгазиз – происходил из крестьян-кулаков, «принимал участие в работе совета мечети».

Апкин Габдулхай – единоличник, «принимал участие в работе совета мечети».

Апкин Закирья – происходил из крестьян-кулаков, «принимал участие в работе совета мечети»¹.

В деле имеется агентурный материал – письмо от гражданина Ш. в Пермский горотдел НКВД от 15.08.1936 г. В письме говорится, что ряд мусульман г. Перми ведут контрреволюционную агитацию, хотят свергнуть советскую власть путем вооруженного восстания, которое должно случиться в момент нападения на СССР одной из капиталистических стран². В 1936 г. было арестовано и осуждено 4 человека из мусульманского общества г. Перми, остальные перечисленные в доносе, вероятно, получили еще одну «галочку» в формуляре. Имеются материалы об антисоветских высказываниях конкретных людей – мусульман³.

Вероятно, при обычном делопроизводстве НКВД этого компромата на заведение дела не хватало. При эскалации террора (в нашем случае – приказ № 00447) имевшиеся формуляры были активизированы, т.е. пущены в производство. Сроки операции (4 месяца)⁴ и планируемое количество жертв (10000 человек по Свердловской области⁵) привели к установке на объединение единичных дел в крупные контрреволюционные террористические организации. Так, бывший следователь НКВД Тюрин в 1939 г. рассказывал о том, что в 1937 г. его вызвал Легоцкий⁶ и потребовал обобщения не связанных между собой дел⁷. Бывший следова-

¹ Из обвинительного заключения. ГОПАПО. Ф.641/2. Оп.1. Д.26356. Т.1. Л.242–244.

² Письмо в Пермский Горотдел НКВД от гр. Ш. от 15.08.1936 г. ГОПАПО, Ф.641/2. Оп.1. Д.26356. Т.1. Л.3.

³ Из протоколов допроса в качестве свидетеля гр. Ш. от 31.07.1937 г. ГОПАПО. Ф.641/2. Оп.1. Д.26356. Т.1. Л.8-11.

⁴ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». М., 2003. С. 94.

⁵ Там же, с. 88.

⁶ Начальник Пермского отдела НКВД в 1937 г.

⁷ Из протоколов допроса бывшего следователя Тюрина, май 1939 г. ГОПАПО Ф.641/1. Оп.1. Д.6857.Т.6.Л.146.

тель НКВД Былкин на суде в 1939 г. ходатайствовал о приобщении к делу приказа УНКВД Пермской области об аресте кулаков и эсеров за подписью Дмитриева¹, в котором были установки на объединение дел в контрреволюционные террористические организации.

Арестованным кояновцам уже на втором допросе (8–12 августа) предъявили обвинения в участии в националистической повстанческой контрреволюционной организации. Текст обвинения очень скупой – только слова об участии в организации, без описаний структуры организации, планов восстаний и т.д.

Возможно, что во время первых допросов следователи сами еще четко не представляли себе этой «организации», имели только установку на объединение дел в организацию и потому ограничивались вопросами-утверждениями – «Нам известно, что Вы состояли ...».

Впервые в деле появляется четкая структура организации с планами восстания и связями с другими социальными группами 13 августа 1937 г. в показаниях Шаврина Ф.Я.: «...на Урале существует мощная контрреволюционная организация, которая руководится Уральским повстанческим штабом, созданным троцкистами, правыми и другими контрреволюционными партиями в блоке с духовенством. Задача этого штаба насадить контрреволюционные повстанческие ячейки в селах, деревнях, колхозах и заводах, для руководства этими ячейками привлекаются бывшие белые офицеры, фельдфебеля, а также красные партизаны гражданской войны». Связующей нитью с мусульманами были православные священники – а именно Холмогорцев Петр, который сумел объединить представителей различных вероисповеданий, недовольных политикой Советской власти. Из этой же выписки из протокола допроса можно узнать, что в среде мусульман существует повстанческо-националистическая контрреволюционная организация, имеющая свой штаб в Уфе, маскирующийся под официальной организацией ЦДУ (центральное духовное управление мусульман) и имеющая связи с зарубежными

¹ Из протоколов допроса бывшего следователя Былкина, 1939 г. там же, л.150. Дмитриев – начальник областного управления НКВД.

мусульманами – в частности, «с неким Закий-Валюды»¹, проживающим во Франции. Эта организация контактирует и координирует свою работу с подобной же организацией православных церковников и троцкистов. Возможно, именно в это время у руководства Свердловского НКВД окончательно была обдумана идея с Уральским повстанческим штабом, объединяющем все целевые группы приказа № 00447, или, что более вероятно, методические разработки центра именно в это время дошли до рядовых следователей. В группе следователей НКВД, ведущих дело жителей села Кояново, таким «носителем» новых идей и новых методов ведения следствия стал сержант ГБ Д.Ф. Бурьлов.

На всех допросах до 20-х чисел августа, которые вели сотрудники НКВД Окулов С.Н., Марфин Г.В., Каменских А.М., обвиняемые отрицали свое участие в контрреволюционных повстанческих организациях, некоторые признавались в антисоветских высказываниях. С 21 августа в деле появляются протоколы допросов, которые вел Д.А. Бурьлов, в этих протоколах обвиняемые «сознаются» в участии в контрреволюционной организации, в подготовке восстания и т.д. Один только Апкин Закарья, бывший солдат 109-го полка и мусульманского стрелкового полка Красной Армии, ни в чем не признался даже Бурьлову.

Можно предположить, что с 20-х чисел августа кардинально меняется методика ведения следствия, появляется новый сотрудник НКВД – Бурьлов Диадор Андреевич, и проведенные им допросы почти все заканчиваются признанием и подписанием протоколов с признаниями.

¹ ВАЛИДОВ (ВАЛИДИ) Ахметзаки Ахметшахович (в эмиграции – Ахмет Заки Валиди Тоган) лидер баш. нац. движения, востоковед-тюрколог, д-р философии (1935), ординарный проф., поч. д-р Манчестерского ун-та (1967). С апр. 1917 становится лидером баш. нац.-освободит. движения. Руководил созданием Баш. пр-ва и войска. После установления диктатуры А.В.Колчака организует переход баш. войсковых формирований на сторону Сов. власти. Не согласившись с ограничением прав Баш. респ. по пост. ВЦИК и СНК РСФСР «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики» от 19 мая 1920, прекращает сотрудничество с большевиками и присоединяется к басмач. движению, избирается пред. орг-ции «Туркестанское национальное объединение», призванной координировать действия басмач. групп в Ср. Азии и Казахстане. В февр. 1923 эмигрирует из Туркменистана в Иран.

Протоколы допросов бывших следователей НКВД в 1939 г. раскрывают основные методы «упрощенного ведения следствия». Это конвейер и уговаривание арестованных – «если же арестованные отказывались подписывать такие протоколы, то их упрашивали: «так мол нужно для борьбы с врагами», а если и это не помогало, тогда держали их по 2–3 и даже больше суток без сна и тем самым вымогали их подписывать протоколы с вымышленными показаниями»¹. Существовали и другие методы: «основным методом был у нас сговор и обман обвиняемых – заполнить автобиографию, а подсунуть протокол допроса, или составить два протокола допроса, один с признанием, а другой без признания и постараться отвлечь внимание арестованного и подменить протокол допроса»². Еще один способ фабрикации протокола допроса с признанием – «допрос под карандаш»: «...после допроса они расписались чернилами, и я их отправил в тюрьму. После этого я карандаш стер и написал то, что было написано в постановлении на арест»³.

Во второй половине августа при допросах, проводимых С.Н. Окуловым, подследственные также подписывают протоколы с обвинениями в участии в контрреволюционной повстанческой организации.

11 сентября 1937 г. тройка при УНКВД Свердловской области приговорила всех «участников националистической контрреволюционной повстанческой организации» к расстрелу с конфискацией имущества.

Из материалов дела четко прослеживается, как из обычных людей – духовенства и колхозников, фактически даже не подпадающих под целевые группы приказа № 00447, фабрикуют контрреволюционную террористическую организацию, участники которой подходят под целевые группы приказа. Это может объясняться тем, что в приказе имелся четкий план уничтожения определенных социальных слоев. В приказе имелось количество подлежащих репрессии, в дополнительных инструкциях имелись сроки исполнения приказа – 4 месяца. Обстановка в стране – всеобщая подозри-

¹ Из показаний бывшего сотрудника НКВД Тюрина. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. Л. 147.

² Из показаний бывшего сотрудника НКВД Аликина. Там же, Л. 165.

³ Там же, Л. 163.

тельность и всеобщий поиск врагов – только способствовали тому, что начальство требовало выполнить и перевыполнить план на уничтожение. Бывший следователь НКВД Каменских вспоминал: «...разговоры со стороны Дашевского и Леоцкого были поняты сотрудниками не двусмысленно, они говорили, что малейшее понижение темпов разоблачения врагов, будет расцениваться как отказ вести борьбу с классовым врагом»¹. В газетах, по радио и на собраниях требовали уничтожить «продажных псов, агентов фашизма...»² и выкорчевывания «контрреволюционного тротцизма корни»³. Следователи Пермского городского отдела НКВД установку на фабрикации дел поняли, но придумать-сфабриковать самостоятельно дело в первые дни проведения операции не могли. Тогда из Свердловска приехали следственные бригады, которые быстро научили пермских следователей «как нужно вести дела» – «нам конкретно показали, как нужно работать и добиваться признаний»⁴. Процесс переквалификации дел об антисоветских высказываниях в дела о контрреволюционных террористических организациях описал бывший следователь Зырянов. Зырянов получил компрометирующий материал на Баганину – ее письма за границу, в которых она описывала голодную и плохую жизнь в Советском Союзе. На допросе Баганина не отрицала свои взгляды, выраженные в письмах, и даже сама написала 3 страницы показаний. Зырянов передал эти показания Былкину⁵, который дописал ее показания до 20–22 страниц, где Баганина якобы признавалась в участии в контрреволюционной националистической организации. Естественно, Баганина отказалась подписывать такие показания⁶. Тогда в ход пускались «особые способы ведения следствия» – «на конвейере я людей держал до их признания»⁷.

¹ Там же, л.165.

² В Кояново неблагополучно // Звезда, 23 октября 1937 г.

³ Из письма директору Кояновской МТС, без даты. ГОПАПО. Ф. 1131. Оп. 1. Д. 6. Л.123.

⁴ из показаний бывшего следователя Королева о следственной бригаде из Свердловска во главе с Дашевским. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. Л. 175.

⁵ Заместитель начальника Пермского горотдела НКВД.

⁶ Из протокола допроса бывшего следователя НКВД Зырянова. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. Л.152.

⁷ Там же.

Второе дело, связанное с жителями села Кояново, было начато в конце августа – сентябре 1937 г. Было арестовано руководство МТС, колхоза и сельсовета, а также рядовые колхозники и трактористы МТС. Отдельное дело было заведено на директора Кояновской МТС М.М. Смышляева

Вначале в деле фигурирует материал о бесхозяйственности и плохом ведении дел в колхозе, МТС, сельском совете: трактора не отремонтированы должным образом, уборка урожая идет не такими быстрыми темпами, школа не строится и т.д. В обвинительном заключении это названо «вредительской деятельностью»¹.

Первым из кояновцев 26 августа 1937 г. был арестован М.М. Смышляев (правда, он только работал в Кояновской МТС). Перед его арестом состоялось заседание Бюро Пермского горкома ВКПб, на котором Смышляев за развал работы в МТС и разложение труддисциплины в МТС был с работы снят и исключен из партии². На этом же заседании Бюро горкома были приведены конкретные примеры «вредительской работы» Смышляева: «...комбайны не работают, молотилки не подготовлены, тракторные сеялки не отремонтированы...»³. Ответ на вопрос: «почему так произошло?» можно найти в тщательно собранных сотрудниками НКВД компрометирующих материалах на Смышляева:

«...руководство ВКП (б) ведет неправильную политику в отношении крестьянства, и эта политика пустит крестьян по миру. ЦК организует МТС, но не финансирует их, и они влачат жалкое существование...».

МТС имела статус государственного сельскохозяйственного предприятия⁴, включенного в планово-распределительную систему советской экономики. Развитие машиностроительной отрасли и особенности планово-распределительной системы того времени создавали ситуацию хронической нехватки техники, запчастей и квалифицированных автослесарей, и как следствие, – частые поломки и простои техники. Приехавшие из Свердловска следствен-

¹ Из обвинительного заключения от 12 ноября 1937 г. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.2. Л.304, 305.

² Из постановления заседания Бюро Пермского горкома ВКПб от 23 августа 1937 г. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.13706. Л.4.

³ Там же.

⁴ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 333.

ные бригады дали установку на включение всех аварий и поломок техники в диверсионные акты¹.

Методика ведения допросов похожа на методику допросов мусульманского духовенства. Первый допрос от 27 августа был посвящен записи всех знакомых. В протоколе допроса от 3 октября Смышляев «подписал» протокол показания о том, что он состоит в контрреволюционной повстанческой организации и возглавляет ее кояновский взвод. В этот взвод входили Беляев Шариф – председатель сельсовета, Максудов Галимзян – председатель колхоза «Передовик», Степанов – учитель Кояновской школы, Волегов – заместитель директора Кояновской МТС и др. Дело вел следователь НКВД Ф.Г. Лизунов, известный своим участием в допросах Старкова – и.о. заместителя председателя Горсовета г. Перми². Методы воздействия на подследственного были уже отработаны. Дело Смышляева рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР в г. Свердловске 17 января 1938 г. На суде Смышляев отказался от всех показаний, но все равно был приговорен к ВМН.

Следователи НКВД из разрозненных индивидуальных дел начали формировать дело о «широко разветвленной контрреволюционной повстанческой организации». По следственному делу № 6857 было арестовано в течение августа-октября 1937 г. 42 человека (табл. 1). Из них 8 председателей колхозов, 4 председателя сельсоветов, 2 заместителя председателя сельсовета, 3 бригадира колхоза, 1 заведующий молочно-товарной фермой. Все «пораженные» колхозы и сельсоветы располагались в непосредственной близости от г. Перми: Юг, Фролы, Янычи, Чуваки, Култаево, Кояново.

¹ Из показаний бывшего следователя НКВД Королева. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. Л. 175,176.

² «Я написал протокол допроса о повстанческой деятельности арестованному Старкову – бывшему ио зам пред Горсовета г. Перми. Старков сознался и дал развернутые показания о том, что являлся участником организации правых. Но руководство Горотдела и УНКВД требовали, чтобы он дал показания о повстанческой деятельности и приехавшие из Свердловска Дашевский и Харин в одну ночь получили от Старкова заявление о том, что он, якобы, по заданию организации правых входил в повстанческий штаб». ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д.6857. Т.6. Л.144.

Т а б л и ц а 1

**«Партийность и социальное положение
арестованных по делу № 6857»¹**

Наименование	Человек	%
Всего	42	100
Члены, кандидаты, бывшие члены ВКПб, ВЛКСМ	15	35,7
Занимающие руководящие посты ²	16	38
Бригадиры, счетоводы, механики	8	19

Т а б л и ц а 2

«Наличие «компромата» на арестованных»

Имеющие «компромат» ³	36	85,7
Не имеющие «компромата» ⁴	6	14,3

Из не имеющих никакого «компромата» (табл. 2) – 2 человека председатели колхозов, 1 председатель сельсовета, 1 секретарь сельсовета, 1 человек был арестован позже – 28 октября 1938 г.

Жителям села Кояново первоначально в вину были вменены хозяйственные недочеты, приведшие к материальным потерям в сельсовете, колхозе и соответственно – ухудшению жизни советского человека. Но анализ причин этой ситуации в стране в целом приводит к мысли, что материальные трудности были созданы не председателями колхозов или сельсоветов, а экономической политикой государства, в частности, стратегией проведения индустриализации страны, рассчитанной только на внутренние резервы, т.е. на жесточайшую экономию, значительное сокращение фонда потребления (т.е. ухудшение жизненного уровня жителей страны), «сверхналог», «дань» с крестьян⁵, усиление эксплуатации граждан.

¹ Составлена на основании «Обвинительного заключения». ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.5. Л. 63–113.

² Председатели колхозов, сельсоветов, их заместители.

³ Бывшие кулаки, из семей кулаков, бывшие торговцы или из семьи торговца, кустари, бывшие муллы или из семьи муллы, служба у белых или плен у белых, судимости.

⁴ Из бедняков или семьи бедняков, рабочие, несудимые.

⁵ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М., 1989. С.31–33.

Такая экономическая стратегия привела к голоду и недовольству населения политикой партии. В следственном деле № 6857 явно прослеживается идея государственных чиновников снять социальную напряженность за счет поиска виноватых за ухудшение жизненного уровня граждан среди самих граждан.

Особенно ярко это прослеживается в следственном материале на председателя Кояновского колхоза «Передовик» Максудова Галимзяна Башаровича. Первоначальным было обвинение в порче части урожая и падеже скота из-за недостатка корма. В деле имеется «Расчет кормов на зимовку», который показывает, что для нормального питания скота не хватало 2 тонны фуража (заготовили 27 тонн, необходимо 29 тонн), при выполнении плана сенокошения на 102 %¹. Но уже 6 марта 1937 г. корма не было. Пока собирали деньги и ездили в г. Ирбит за кормами, 5 лошадей и 12 коров пало от голода, 2 лошади и 3 коровы были забиты из-за истощения. В следственных материалах на Максудова нет никаких данных, отчего признанный в 1921 г. Пермский уезд «обеспеченным в кормовом отношении»², когда на одну единицу скота в среднем заготовлялось до 11 пудов сена на месяц, в 1936\1937 гг. не смог обеспечить скот кормами. В деле, в показаниях других арестованных можно узнать, почему не было кормов для скота. Бывший работник Пермского Райзо³ рассказывал, что в 1936 г. почти во всех колхозах Пермского района были изъяты даже семена в счет хлебопоставок, а также сдача сена государству привела к тому, что уже осенью 1936 г. было ясно, что весной 1937 г. скот будет голодать⁴.

Судьба председателя сельсовета Беляева Шарифа также подтверждает мысль о том, что государство свои ошибки пыталось переложить на граждан. В компрометирующих материалах на Беляева имеется рапорт от 01.12.1936 г., в котором описывается, что председатель сельсовета не хотел отправлять требуемое Горсоветом количество колхозников на лесозаготовки в качестве трудгужповинности.

¹ Из сведений о выполнении производственных планов по колхозу «Передовик». ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857. Т.6. Л.238.

² Из справки об урожайности хлебов и сенокосных угодий за 1921. ГАПО, ф.р-19. Оп.1. Д.199. Л.4 об.

³ Районный заготовительный отдел?

⁴ Из протокола допроса Зверева Я.Д. от 0005.10.1937 г. ГОПАПО Ф.641/1. Оп.1. Д.6857.Т.1.Л.51.

Лесозаготовки для крестьян были тяжелой повинностью. Мобилизованные крестьяне воспринимали эту повинность негативно и старались избежать ее. Государственные органы вместо того, чтобы создать некие экономические рычаги и стимулы привлечения рабочих на лесозаготовки, все больше использовали в этой отрасли принудительный труд заключенных, спецпереселенцев, мобилизованных крестьян.

Беляев Шариф был арестован 13 сентября 1937 г. прокурором г. Перми по обвинению по ст. 109 УК¹. К делу приложен Акт проверки специнструктором пермского ГорФО состояния денежной и материальной наличности Кояновского сельсовета за 26 мая 1937 г. В выводах акта: «Отмечено присвоение полученных от населения денег – конкретно председатель сельсовета присвоил 210 р. За взятку Беляев снижал налог единоличникам. ... Обнаружена растрата в сумме 5935 р. и развал финансовой работы сельсовета. ... материал передать Горпрокурору для привлечения виновных к уголовной ответственности».

В материалах на Бактикова Галима – бригадира колхоза «Передовик» также имеются данные за 1936 г., что он не хотел посылать свою бригаду на лесозаготовки: «...выражался разными нецензурными словами и говорил, что лесозаготовки надоели, и матом выражался, защищая колхозников, что колхозники работают все время в лесу»².

Следовательно, в предварительных материалах ни о какой повстанческой организации речь не идет, а только лишь о попытках как-то наладить быт в советском колхозе.

Знакомый по делу мусульманского духовенства следователь Каменский быстро сфабриковал дело о контрреволюционной повстанческой организации, явно пользуясь шаблоном.

В деле имеется описание структуры этой организации: руководитель – секретарь Свердловского обкома ВКПб Кабаков, далее следовали организационные подразделения – повстанческие округа. Пермским округом руководил Дьячков, округа в свою очередь делились на взводы или повстанческие ячейки – в Пермском округе 17 взводов на 1937 г., в том числе Кояновский взвод, возглавляемый

¹ Ст. 109. Дискредитирование власти, т.-е. совершение должностным лицом действий, хотя бы и не связанных с его служебными обязанностями, но явно подрывающих в глазах трудящихся достоинство и авторитет тех органов власти, представителем коих данное должностное лицо является.

² Из акта сельсовета от 28.01.1936 г. ГОПАПО Ф.641/1. Оп.1. Д.6857. Т.1. Л.200.

директором МТС Смышляевым. Вся организация представляла собой объединение различных социальных групп, недовольных существующим строем:

«От правых – бывший секретарь Пермского Горкома ВКПб Гольшев.

От троцкистов – Дьячков.

От военных – Полянский, бывший командир дивизии расположенной в Перми.

От церковников – пермский епископ Виталий Покровский.

От эсеров – Бахарев – бывший директор пивзавода...»¹.

На железной дороге под руководством Шахгильдяна была создана повстанческая полурота. На Камском бумкомбинате создан особый отряд из трудпоселенцев. На Камгэсстрое – взвод. Повстанческие взводы созданы в сельсоветах – Кояновском, Курашимском, Юговском, Фроловском, Чуваковском, Янычевском, Усть-Качкинском, Култаевском, Краснослудском.

Особый отряд был сформирован из сотрудников Осоавиахима. Обучение повстанцев военному делу должно было проходить в ячейках Осоавиахима. Оружие для восстания должен был предоставить Осоавиахим.

Сигналом к восстанию послужило бы начало войны с фашистским государством – Японией или Германией, или насильственная смена Политбюро. Насильственную смену Политбюро должна была произвести особая террористическая организация в Москве.

План восстания включал захват Перми, телеграфа, электростанции, водоснабжения, продовольственных складов, артиллерийских складов. Затем объявляется временная власть комитета «Спасения Родины». Комитет занимается немедленным уничтожением всех чекистов и членов партии. Вероятно, это тот самый план, созревший в головах областного НКВДешного начальства и импортированный в Пермь.

Все хозяйственные недочеты и неудачи конкретных руководителей интерпретируются как специальные акции, проводимые «с целью вызвать резкое недовольство среди колхозников, а также развалить работу колхозников». Арестованные по линии прокуратуры переводятся в Горотдел НКВД (Беляев Ш. переведен 1 ноября 1937 г.).

¹ Из протокола допроса Старкова А.И. от 2.10.1937 г. ГОПАПО Ф.641/1, Оп.1. Д.6857.Т.1.Л.4.

В деле у многих подследственных первый протокол допроса написан от руки, второй – напечатан на машинке. В первом протоколе почти все категорически отрицают свою принадлежность к какой-либо повстанческой организации. Во втором протоколе обычно фиксируется «чистосердечное признание».

Между первым и вторым допросом часто проходила неделя. Что же происходило за эту неделю? Максудов Галимзян вспоминал в 1954 г.: «...допрос был организован таким образом: раздели до белья и в холодной комнате посадили на чугунный стул, продержали на нем – 1,5 суток, затем 3 суток держали стоя, отчего ноги опухли и стали как бревна, ... нелепость его (обвинения) для меня была совершенно очевидна и я категорически отказался признать себя виновным, несмотря на меры принуждения, о которых я упомянул выше»¹. «...один раз допрашивали без всякого перерыва в течение 3 суток без сна и пищи. Допрашивали меня несколько следователей. ... на каждом допросе подвергали жестоким избиениям, в результате которых я неоднократно лишался сознания. Избивали меня кулаками, рукоятками наганов. Таких издевательств я перенести не мог и чтобы прекратить свои страдания подписал протоколы»².

Такой метод ведения допроса подтвердил в 1940 г. бывший следователь Каменских: «...протоколы допроса обвиняемых Субботина, Максудова, Иртуганова, Оборина, Мухачева, Трутнева, Федорова, осужденных по данному делу за повстанческую деятельность, составлялись мной не со слов обвиняемых, а заранее по протоколам арестованного Старкова».

Пантелеев Н.Я. – тракторист Кояновской МТС, в 1954 г. рассказывал: «...требовали от меня подписать написанные ими заранее протоколы. За время следствия я допрашивался 2 раза. Первый раз я допрашивался в октябре 1937 г. без перерыва в течение 5 суток и второй раз 4 ноября 1937 г. в течение 4 часов. ...я был подвергнут непрерывному допросу в течение 5 суток без пищи, сна и больше сопротивляться был не в состоянии».

15 ноября 1937 г. тройка приговорила Максудова и еще 6 жителей села Кояново к 10 годам ИТЛ. Также вместе с ними в числе 42

¹ Из письма з\к Максудова в Особое совещание при НКВД СССР из совхоза ОЛП ЦТМ, Хабаровского УИТЛ от июня 1944 г. ГОПАПО Ф.641/1, Оп.1.Д.6857.Т.1.Л.124,125.

² Из протокола допроса Максудова Г. зам. председателя колхоза «Передовик» в 1954 г., г. Пермь. ГОПАПО Ф.641/1. Оп.1.Д.6857.Т.1.Л.216 об.

человек были осуждены 2 тракториста Кояновской МТС, которые жили в соседнем селе Курашим.

Вероятно, в это время сотрудникам НКВД необходимо было отчитаться за «проделанную работу», причем отчитаться конкретными цифрами. Так, после первых арестов 26 сентября по делу № 6857 в конце октября арестовывается дополнительно ряд людей или переводится из подразделений милиции, прокуратуры.

Трутнев Павел Иванович, житель села Курашим, тракторист Кояновской МТС, был арестован органами милиции в конце октября 1937 г. за систематические драки и хулиганство как «социально вредный и опасный хулиган». В деле имеется только 1 протокол допроса Трутнева П.И. следователем Каменских, в котором Трутнев категорически отказался от предъявленных обвинений в участии в контрреволюционной повстанческой организации. Но, несмотря на это, 15 ноября тройка осудила его на 8 лет лагерей как участника контрреволюционной повстанческой организации.

О необходимости выполнять планы неоднократно говорили на следствии бывшие сотрудники НКВД: «На 60 человек были формуляры, а на остальных совершенно не было материала, но требовали 100–300 человек...»¹, бывший следователь Зырянов на допросах рассказывал: «Когда я получил постановление на арест 200 человек, я стал применять те же методы следствия, которые узнал при своей учебе». «Учеба» – это фальсификация дел и получение признания с помощью «конвейера»².

Следственное дело № 6857, вероятно, было начато на основании уже готовых формуляров и списков жертв, намеченных к репрессированию по 2-й категории. Кроме компрометирующего социального положения на руководителей имелся материал об ухудшении деятельности колхозов, сельсоветов, МТС. Дальнейшее «расследование» вовлекло в дело новых обвиняемых, в том числе тех, которые должны были бы идти по милицеским тройкам или по обвинению в уголовных преступлениях. Но эти люди были включены без всякого основания и доказательств в дело о контрреволюционной повстанческой организации, что может говорить о необходимости выполнения заранее определенных планов следователями НКВД.

¹ Показания бывшего следователя Лизунова. ГОПАПО Ф.641/1. Оп.1. Д.6857.Т.6.Л.156.

² Там же, л.152.

18 декабря 1937 г. был арестован Волегов Степан Степанович – заместитель директора по политчасти Кояновской МТС. В вину ему вменяли участие в контрреволюционной повстанческой организации, участники которой уже были осуждены 15 ноября 1937 г. Почему он не был арестован раньше? Вероятно, потому, что никаких формулярных данных на Волегова в НКВД не было и его не было в списках, подготовленных еще до начала операции. В фальсифицированных показаниях от 3 октября 1937 г. Смышляева, директора МТС, упоминается фамилия Волегова, как активного участника повстанческой организации¹. По соцпроисхождению Волегов рабочий, с 1928 г. член ВКП (б). В «показаниях» Смышляева он попал как заместитель директора МТС: «...Волегов активно вел подрывную работу по развалу МТС под моим руководством». Можно предположить, что новые аресты были инициированы директивой Ежова № 50194 от 10 декабря 1937 г. о продлении «кулацкой операции», которая уже должна была бы закончиться (на операцию отводилось 4 месяца). Но эта директива не давала новых конкретных планов².

4 января 1938 г. был арестован еще один житель села Кояново – Сайманов Абдулла Фахризивич, учитель Кояновской школы. Ему также следователи НКВД пытались инкриминировать участие в контрреволюционной повстанческой организации³.

Решение Политбюро от 31 января 1938 г. определило новые планы репрессий согласно «предложений НКВД». Для Свердловской области было определено арестовать дополнительно 2000 человек по 1-й категории (т.е. для расстрела)⁴. Волегов и Сайманов, вероятно, на 1-ю категорию не подходили. Потому допросы тянулись весь 1938 г., причем велись без применения «особых методов ведения следствия».

Так, судя по протоколам допросов Волегова, на каждом допросе следователь зачитывал показания Смышляева и других участников предыдущего дела и призывал Волегова сознаться. Примерно то же – в протоколах допроса Сайманова.

В результате 27 января 1939 г. уже другой следователь Перетчина переквалифицировала дело Волегова с 58-й статьи на ст. 17-58-7 УК

¹ Из протокола допроса Смышляева. ГОПАПО, Ф. 641/1. Оп.1. Д.514.Л.56.

² Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». М., 2003. С. 44.

³ Следственное дело по обвинению Сайманова А.Ф. по обвинению по ст. 58-10,11 УК. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 763.

⁴ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». М., 2003. С. 107.

(пособничество в проведении контрреволюционной деятельности). Проявленная Вологовым отвага (потребовал очную ставку с уже давно расстрелянным Смышляевым и находящимися в Тайшетских лагерях кояновцами, а также финансовые документы МТС, доказывающие его невиновность) дала ему свободу. НКВД решило не связываться. Следователь Перетчина в феврале (нет точной даты в документе) 1939 г. вынесла Постановление – «дело по обвинению Вологова С.С. за отсутствием состава преступления в уголовном порядке прекратить и Вологова из-под стражи немедленно освободить».

01.10.1939 г. Сайманов также был освобожден из под стражи «за недоказанностью».

На основании рассмотренных следственных дел 1937–1938 гг., начатых на основании оперативного приказа НКВД № 00447, можно прийти к следующим выводам.

Операция была спланирована заранее и проводилась поэтапно. Летом 1937 г. были составлены списки на основании формуляров и агентурных данных на 1-ю и 2-ю категорию жертв.

Составление списков не соответствовало целевым группам приказа. Из-за неимения нужного количества бывших кулаков или бежавших преступников в списки включались все, кто хоть немного подходил под целевые группы приказа.

В первые дни операции была выработана особая схема контрреволюционной организации, в которую затем включались конкретные обвиняемые. Схема действовала для любых групп населения – верующих, колхозников, руководства колхозов. Схема реализовывалась незаконными методами ведения следствия, призванными заставить подписать протокол с нужными признаниями.

Эскалация репрессий вела к вовлечению в одно дело несвязанных между собой дел – уголовных и политических. Вовлечению в дело новых групп обвиняемых, знакомых или связанных по службе с уже проходящими по делу.

Одной из причин эскалации террора в 1937 г. стало значительное ухудшение жизни советских граждан в результате хозяйственных ошибок и стратегии развития государства, экономики. Возможность снятия социальной напряженности лидеры государства увидели в переадресации народного недовольства и гнева на вредителей и троцкистов.

А.И. КАЗАНКОВ

ДЕЛО «ОБЩЕСТВА ТРУДОВОГО ДУХОВЕНСТВА»

*Ибо Писание говорит:
«Не заграждай рта у вола молотящего»;
и «трудящийся достоин награды своей».*

1-е Тимофею, 5–18.

Дело № 12396, хранящееся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области (ГОПАПО), уникально во многих отношениях.

Во-первых, своим масштабом. В обвинительном заключении, направленном тройке при УНКВД по Свердловской области, фигурирует 37 человек – и все они были осуждены по первой категории и расстреляны (за исключением одного, скончавшегося еще в ходе следствия в психиатрической больнице). Материалы следствия и документы, связанные с реабилитацией осужденных, занимают семь пухлых томов.

Во-вторых, продолжительностью ведения следствия. Первый арест по делу «Общества трудового духовенства» (далее – ОТД) произведен 30 марта 1937 года, а последний – уже после вступления в силу «Оперативного приказа народного комиссара внутренних дел Союза СССР № 00447» – 7 августа. Тщательный анализ материалов дела позволяет еще более раздвинуть его хронологические рамки. Первые признаки активности V отдела Пермского ГО НКВД фиксируются с начала 1937 года: в справке на арест пяти красноармейцев 9-го отдельного строительного батальона Пермского гарнизона, направленной прокурору Уральского военного округа, приводятся свидетельские показания, собранные 8–9 марта. Следовательно, в разработку (один из инициаторов дела, сержант

ГБ А.М. Аликин в 1939 г. назовет это «реализацией») группа бывших тылополченцев попала еще раньше.

В-третьих, еще на стадии ведения следствия дело ОТД было признано образцовым, можно сказать – парадигматическим. В нашем распоряжении есть свидетельство того же А.М. Аликина: «Протоколы, написанные Демченко и Поносовым, как наиболее удачные, через УНКВД по Свердловской области были направлены в НКВД СССР. Последний размножил эти протоколы и как показательные с соответствующим циркуляром разослал периферийным органам. Циркуляр НКВД СССР и протоколы Демченко и Поносова, поступив из Москвы в Пермь, были изучены на оперативном совещании всех сотрудников Горотдела, после чего бывший начальник Горотдела Лосос, отметив заслуги Мозжерина, Демченко и Поносова, рекомендовал в практической работе равняться по ним, а методы, практикуемые ими в следствии, приказал широко применять на практике»¹.

Таким образом, дело № 12396 предоставляет исследователю редкую возможность реконструировать фактически всю предысторию «кулацкой операции»: формирование ее концепции и идеологии, апробацию тех методов, которые будут широко применяться в августе-декабре 1937 года. Ближайшей задачей при этом является выяснение того, как и почему скромный оперативно-тактический успех, достигнутый сотрудниками Пермского ГО НКВД, оказался (как это выяснилось *post factum*) абсолютно конгениален «большой стратегии» общесоюзного масштаба.

Однако именно виртуозность, с которой было сверстано дело ОТД, и оказывается главным препятствием для историка, поскольку с первой же страницы он сам в нем словно бы присутствует как «возможный читатель», для которого (а вовсе не для выяснения истины) оно и ведется. Первый том, целиком составленный из документов, сопутствующих аресту², выглажен до блеска: в нем нет

¹ Показания Аликина от 9 мая 1939 г. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп.1. Д.12396. Т. 6. Л. 122.

² В первом томе содержатся следующие документы на каждого арестованного: постановление о производстве обыска, протокол обыска, постановление об избрании меры пресечения, анкета арестованного, постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого, справка о лишении избирательных прав, характеристика с места службы, заявление о желании сотрудничать – если таковое подавалось.

никаких свидетельств, предшествующих задержанию красноармейца Г.Н. Гуляева. Как будто на оперуполномоченного Ф.П. Мозжерина вдруг озарение снизошло: а не арестовать ли мне этого бойца? А заодно еще пятерых, да еще попов штук этак двадцать... И только чудом сохранившаяся в шестом томе папка наблюдательного дела позволяет заглянуть на кухню, где действительно заваривалась каша. Складывается впечатление, что концы прятались в воду осознанно и очень старательно. Совершенно бесследно исчезла, к примеру, вся изъятая при обысках переписка (а только у Гуляева было обнаружено *три тетради со стихами и 63 письма*).

Помимо этого нельзя ни на секунду забывать о том, что дело ОТД – первый опыт поточной фальсификации показаний (на это указывали *все* участники ведения следствия). Только путем скрупулезного сравнительного анализа протоколов, составленных всей следовательской бригадой, нам удалось примерно вычислить типичные паттерны дискурса власти и отделить их от спонтанной, самочинной речи обвиняемых. Последняя всегда точна в деталях и бытовых подробностях, всегда окрашена эмоциями и личностными коллизиями и в большинстве случаев идет «поперек» вполне предсказуемых ожиданий следствия. Однако даже после этого достоверность некоторых деталей оказывается под сомнением, и, руководствуясь принципом «да не прими неистинное за истинное», мы их опустим в тех случаях, когда они не играют существенной роли.

Основную сюжетную линию нам удалось проследить с 1935 года, некоторые побочные – с начала 30-х годов. Наша реконструкция будет придерживаться хронологической последовательности событий. Итак...

В марте 1935 года в войсковой сборный пункт, располагавшийся на крупной узловой станции г. Буй, стали прибывать телячьи вагоны с новобранцами. Среди массы двадцатилетних парней, призванных на службу в ряды РККА, выделялась группа граждан второго сорта – «лишенцев». В личном деле каждого из них имелась лаконичная выписка из протокола заседания избирательной комиссии соответствующего уровня, сообщавшая, что имярек лишен избирательных прав как служитель религиозного культа (сын служителя религиозного культа), кулак (сын кулака). Само собой разумеется, доверить подобной публике с оружием в руках защищать государство диктатуры пролетариата было никак не возможно. По-

этому их зачисляли в тылополчение и использовали в народном хозяйстве, преимущественно на тяжелых строительных работах.

Именно подобный контингент и пошел на формирование 61-го отдельного батальона тылополчения, который после принятия новой Сталинской конституции (формально ликвидировавшей саму категорию «лишенцев») в апреле 1937 года будет торжественно переименован в 9-й отдельный строительный батальон РККА. После завершения формирования батальон убыл к месту несения службы – на строительство завода № 19 в г. Пермь. Так, волей случая, и повстречались два основных действующих лица будущей драмы – Георгий Гуляев и Николай Лебедев.

Из показаний свидетеля Ощепкова от 9 марта 1937 г.: «В ноябре месяце 1935 года в конторку жилстроительства завода им. Сталина зашли трое тылополченцев, один из них, фамилию я его не знаю, лет 24-х, среднего роста, лицо белое румяное, продолговатое»¹. Вот этим-то белолицым румяным красавцем и был, согласно материалам Пермского ГО НКВД, Георгий Никифорович Гуляев. Родился он в г. Тихвине Ленинградской области в очень религиозной семье. В шестнадцать лет Гуляев устроился служкой в тихвинский монастырь, где вскоре попался на глаза епископу-обновленцу Степанову Гавриилу Григорьевичу (в монашестве – Досифею). Водился за епископом один грешок – любил он окружать себя молоденькими смазливими прислужниками. По его настоянию Гуляев вскоре был посвящен в дьяконы, и между ними установились очень близкие отношения. Во всяком случае, когда Степанова перевели служить в г. Гомель, он взял с собой Гуляева, и тот «жил у него на квартире»².

Этот «гомельский эпизод» (оттуда рукой подать до польской границы) и знакомство со Степановым в дальнейшем сыграет существенную роль. В 1931 году по неизвестным нам причинам Гуляев возвратился в Тихвин, а епископа вскоре арестовали и сослали под Вологду, в деревню Кузовлево Харовского сельсовета, где он и находился к моменту начала следствия. Но из виду они, по видимому, друг друга не теряли. Во всяком случае, Степанов на следствии показал, что писал Гуляеву письма на адрес 61-го батальона, а Гуляев признался, что по крайней мере одно письмо в феврале 1936 года

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Наблюдательное дело 12396. Л. 3.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 43.

получил, в нем епископ звал его после окончания службы заехать к нему в гости¹. Не исключено, что это письмо (письма?) оказалось одним из факторов, повлиявших на «реализацию» группы.

«Родители его имели церковной земли около 20 га, которую обрабатывали крестьяне с. Домнино: Храпалов, Шустин, Беляев за ничтожные гроши, в своем хозяйстве имели лошадь, корову и очную (sic!) стройку – дом, в котором они жили», – сообщалось в характеристике, данной на Николая Семеновича Лебедева из Перевозского сельсовета Молвитинского района Ярославской области. Как выглядел Николай Лебедев, нам не известно. Можно с уверенностью сказать лишь одно: он принадлежал к тому, никогда не переводившемуся на Руси типу людей, которых смолоду отличает зуд в пятках и смутные, неясные, но настоятельные влечения души. К моменту призыва в тылополчение он успел поменять четыре места службы. Дважды – в 1929 и 1930 гг., потеряв очередное место, он обращался прямо в Москву, в сергиевский синод. Уже будучи тылополченцем, Лебедев писал стихи и песни на расхожие мотивчики (а затем сам их исполнял) и даже вместе с Гуляевым пробовал сочинить пьесу «Сын кулака». На допросе 8 мая 1937 г. оперуполномоченный V отдела Пермского ГО НКВД сержант госбезопасности Былкин беседовал с ним *исключительно* о его литературном творчестве, никаких следов которого, кстати, среди материалов следствия не удалось обнаружить². В конце концов, он действительно выносил и взлелеял доморощенный проект церковной реформы, и в ходе следствия упрямо настаивал на своем авторстве.

Лебедев и Гуляев быстро нашли общий язык, и вскоре, к лету 1935 г. вокруг них сложилась небольшая группа, участников которой объединяло многое – религиозные убеждения, общее происхождение, коммунальность казарменного быта, трудности и редкие радости нелегкой службы тылополченца. Все они, мягко говоря, недолюбливали советскую власть – и было за что. Первоначально костяк группы составляли Г. Гуляев, Н. Лебедев, сын священника Иван Кожевников, сын священника и в прошлом дьякон Михаил Чухлов, сын священника Михаил Юферов. Время от времени образовывавшееся маленькое «землячество» собиралось вместе.

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 43.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 196-198.

Поначалу им пришлось очень нелегко. Монотонная, изнуряющая работа на рытье траншей, кладке фундаментов, выведении стен сочеталась со скудным пайком, а уж о том, чтобы Богу помолиться, и речи быть не могло. Если верить характеристике, данной Михаилу Юферову временным командующим батальона, интендантом 3-го ранга Земляным, и военкомом, старшим политруком Галиевым, «... были случаи, когда Юферов с его сторонники, презираемые сознательной частью тылополченцев, собирались даже в уборных, где пели религиозные песни»¹.

Правда, начальство попало не свирепое. В ротные командиры тылополченцев, как правило, попадали стопроцентные неудачники и служебные тихоходы, пившие так, что служба в обычной строевой части оказывалась для них закрытой. Комроты Степанов был как раз из таких: систематически пьянствовал на пару с десятником Седченко, на производстве не показывался по целым шестидневкам, за качеством работ не следил, а срывы работы, по выражению Ивана Кожевникова, «...объяснял атмосферным влиянием погоды»². Тяжесть подневольного труда и попустительство вечно пьяного командира в совокупности приводили к тому, что работа выполнялась халтурно. Вырытые траншеи осыпались, заложенные фундаменты шатались, на месте дверей выкладывались окна, а на месте окон появлялись двери, работу приходилось переделывать вновь и вновь. Знали бы тогда тылополченцы 61-го отдельного батальона о том, с какой легкостью все эти шалости и отлынивание от работы под пером оперуполномоченного НКВД могут превратиться в злонамеренное вредительство...

Не прошло и года, как их положение изменилось к лучшему. Во многом этому виной то, что сплошь грамотные, развитые, активные «поповичи» выгодно выделялись на общем фоне набранных сбору по сосенке тылополченцев. Из показаний Кожевникова, подтверждаемых другими свидетельствами, мы узнаем, что в 1936 году Гуляев и Лебедев взяли в свои руки ведение всей культмассовой работы и стенную печать в батальоне. Гуляев организовал драмкружок, неоднократно премировался как активный общественник, часто ходил в увольнение. Да и работал он давно не на стройке,

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 93.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 232.

а кладовщиком продуктового склада. Юферов работал заведующим столовой. Примкнувший к их группе Николай Теплов служил писарем штаба батальона. Всякий, кто хоть недолго побыл солдатом, поймет, что наши герои выбились в казарменную аристократию.

Жить стало веселей. «Пользуясь отсутствием контроля, остатки хлеба и масла на складе беспощадно растаскивались. Юферов, Лебедев и др. кормили лошадей, продавали вольнонаемным рабочим, а после проводили антисоветскую агитацию, «что вот мол как заботится о нас командование, держат голодом и т.д.». В результате поднимались волнки, росло недовольство среди красноармейцев»¹. Появилась возможность собираться после отбоя «в культ-уголке, под игру гитары, а были случаи и с выпивкой (дежурным по роте это допускалось)»². Под гитару и водочку велись душевные разговоры о гонениях на церковь, о нелегкой судьбе «служителя культа», о голодающих колхозниках – словом, обо всем, с чем каждый был знаком не понаслышке. Не обходили стороной и события текущей политики – внутренней и внешней³. Разумеется, эти беседы впоследствии будут вменены в вину всем участникам как «антисоветская агитация».

Теперь приятели, уже не таясь, коллективно посещали пока еще открытые пермские церкви: Новокладбищенскую, Староклау-бищенскую и Никольскую. Как нам удалось установить, в марте

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 230.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 230.

³ Из показаний Г. Гуляева: «Начиная с лета 1935 года и до последнего времени, все, мы неоднократно вели а/с разговоры по поводу закрытия церквей, говоря, что Соввласть в данном случае поступает неправильно, т.к. все хорошее ликвидируется и поэтому ждать впереди что-либо хорошего нельзя. Иногда между нами также велись разговоры и на тему о раскулачивании, во время которых, осуждая политику Соввласти, мы обычно говорили, что Соввласть поступает неправильно, т.к. напрасно раскулачивают безвинных людей, разлучают их с семьями, разоряют крестьянство и т.д. Поскольку все мы не хотели служить в батальоне, между всеми нами часто велись разговоры, сводившиеся к тому, что нас эксплуатируют, денег не платят, кормят плохо, заставляют много работать, что хотят, то и делают с нами и т.п. В связи с событиями в Испании все мы обычно говорили, что Советский Союз по форме поддерживает политику невмешательства, а на самом деле материально помогает республиканцам.

Во время проходивших процессов над троцкистами и зиновьевцами в нашей среде велись разговоры о том, что Зиновьева и Каменева не расстреляют, т.к. они были вождями революции, имеют большие заслуги и т.д.».

ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 37.

1936 года в Великий пост Николай Лебедев, как и положено всякому православному, отправился исповедоваться к священнику-тихоновцу о. Савве (Беклемышеву), служившему как раз в Никольской церкви. Встреча окажется поистине судьбоносной, хотя вряд ли ее участники в тот момент об этом догадывались.

В июне 1936 г. наше маленькое «землячество» было взбудоражено публикацией проекта новой конституции. Всегда реагировавший на все быстро и остро Лебедев поймал во дворе батальона Гуляева и разразился речью, в которой, прежде всего, с удивительной точностью охарактеризовал сложившийся в СССР режим как диктатуру Сталина, а затем предложил: «После увольнения из батальона продолжать службу в церкви, развивать религиозную деятельность и создать *общество трудового духовенства*»¹ (выделено нами. – А.К.). Так, по версии Гуляева были произнесены эти роковые слова. Существует и другая версия происхождения термина «общество трудового духовенства», изложенная Кожевниковым. Выглядит она совершенно маргинально и нигде более во всех семи томах дела не встречается. Пожалуй, это может быть косвенным свидетельством того, что она не навязана следствием. По этой версии «в 1935 году в период зарождения контрреволюционной группы в строительном батальоне Лебедев и Теплов сделали сообщение о том, что в гор. Ленинграде существует «*Общество трудового духовенства*», состоящее из лиц быв. служителей религиозного культа, которые работают в различных учреждениях, а после работы собираются и обсуждают некоторые вопросы, касающиеся религии»² (выделено нами. – А.К.). Существовало ли в те годы в Ленинграде такое общество в действительности, нам выяснить не удалось. Следователей эта проблема, похоже, вовсе не интересовала. Правда, Кожевников относит возникновение ОТД к 1935 году, но это скорее всего «склейка» – результат проекции контуров организации всесоюзного масштаба, задуманной Лебедевым позднее, в 1936 г., на реальный процесс оформления их маленькой неформальной группы.

То, что замыслы Лебедева были непосредственно связаны с демократической риторикой Сталинской конституции, подтвердили и последующие события, и его собственные признания: в беседах

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 38.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 233.

с друзьями он развивал идею необходимости реформирования всей церковной организации в СССР – не более и не менее. Программа реформации «Лютера из 9 стройбатальона» включала следующие пункты:

1. Объединить все разрозненные религиозные течения, «...которые, по моему мнению, в данный момент не укрепляют религию, а наоборот, разваливают ее»¹.

2. Принимать участие в выборах в Советы и органы управления государством.

3. Изменить способ оплаты труда духовенства – они «...должны были бы получать деньги от доходов церкви не таким образом, как это делается сейчас, а по плану, т.е. чтоб каждый служитель культа мог получать деньги в виде зарплат»².

Гуляев дополнил план предложением: после демобилизации вдвоем отправится в Москву к своим архиереям (обновленческому и сергиевскому) «...и просить их принять участие и помощь в организации «общества трудового духовенства»³.

Тому, что подобный замысел мог родиться в голове простого красноармейца, обитавшего в казарме, выполнявшего малярные работы на строительстве рабочих бараков завода № 19 и, главное, – это сугубо спонтанный порыв, так сказать «революционное творчество масс», откажутся поверить даже оперативники Пермского ГО НКВД. Раз за разом «крестный» Лебедева сержант Бурылов будет возвращаться к теме возникновения замысла ОТД, пытаясь вынудить его сообщить, по чьему наущению он действовал. Но Лебедев, опять-таки по-лютеровски, будет повторять, что придумал все сам, на том, мол, стою и не могу иначе.

Тем не менее в окончательном варианте следствия история возникновения ОТД будет изложена в двух, пусть и плохо согласованных между собой, но все же радикально отличающихся от вышеизложенной версиях. Вопрос о том, почему это произошло, может иметь принципиальное значение для понимания сути готовящейся «кулацкой операции» и поэтому нуждается во всестороннем рассмотрении.

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 199.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 199.

³ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 200.

После арестов Гуляева и Лебедева и первых же допросов, проведенных еще в начале апреля 1937 года оперуполномоченным Пермского ГО НКВД, должно было стать ясно: волею судьбы им прямо в руки упала «готовенькая» (так сказать, самородная), если и не контрреволюционная организация, то уж во всяком случае – антисоветская группа. Ее лидеры во всем признались, оставалось только оформить бумаги. Наклеивалось рутинное, но вполне убедительное дело: антисоветская агитация и контрреволюционная пропаганда, совершаемая в составе группы. Судя по всему, таков и был первоначальный замысел следствия. Но вскоре от него откажутся, и в апреле-мае 1937 года красноармейцы 9-го отдельного стройбатальона будут представлены одним из элементов разветвленной повстанческо-диверсионной сети, структурой, инициированной сверху. По одной версии ОТД будет создано по распоряжению митрополита М. Трубина, впоследствии «назначенного» членом церковно-политического областного центра (ЦПОЦ) и Уральского повстанческого штаба (УПШ); по другой версии это распоряжение отдал уже известный нам ссыльный гомельский епископ Досифей (Степанов), произведенный в агенты польского генштаба с личным кодовым номером Р-32.

Вот как по памяти в феврале 1939 г. изложил суть происшедших событий бывший начальник V отделения Пермского ГО НКВД А.М. Аликин: «В конце 1936 года Особым Отделом Пермского ГО НКВД была вскрыта антисоветская группа в 61 батальоне тылополчения, состоящая преимущественно из числа бывших служителей религиозного культа, которая, установив связь с местным духовенством, проводила антисоветскую деятельность среди отдельных групп верующих г. Перми и т/о батальона. Реализация указанной группы совпала с предстоящей подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР, на основе чего *бывшим начальником УНКВД по Свердловской области Дмитриевым было дано указание Пермскому Горотделу реализовать эту группировку, придав ей шпионско-диверсионную окраску*»¹ (выделено нами. – А.К.).

Итак, если суммировать последствия сознательно произведенной переквалификации группировки Гуляева–Лебедева в 9-м отдельном стройбатальоне, получится следующее: а) она возникла *не сама*

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л.119.

собой, а была создана по указанию свыше; б) она занималась не только агитацией, но и подготовкой диверсий и шпионажем, в конечном счете – подготовкой вооруженного восстания, т.е. ее попросту сделали намного опаснее, чем она была на самом деле; в) она была не изолированной, а одной из многочисленных, скрытых пока еще повстанческих ячеек, связанных с заграничной резидентурой.

Производивший эту перекалфикацию Дмитриев должен был отдавать себе отчет в том, что он, во-первых, выдвигает прямое обвинение в адрес самого НКВД. Раскрыть маленькую, ничтожную антисоветскую группку, состоящую из маргиналов-церковников, и ликвидировать ее – заслуга. Прошляпить масштабный, грозный, тщательно организованный заговор – преступление. Во-вторых, необходимо было ясно представлять себе, какой именно интенсивности сигнал тревоги подается власти. Если вместо дисперсной, неорганизованной, аморфной антисоветской оппозиции рисуется картина хорошо структурированной, отоброзированной и готовой выступить пятой колонны, то власть предержащим следует немедленно дуть в трубы, бить в барабаны, расчехлять пушки, свистать всех наверх и готовить абордажную команду.

Остается только признать, что начальник УНКВД по Свердловской области достаточно тонко уловил политическую конъюнктуру. В заочном диалоге сталинского руководства и репрессивных органов (несомненно, имевшем место в действительности) поданная им реплика была уместна, своевременна и, пожалуй, – даже ожидаема. Именно поэтому дело ОТД станет образцом-парадигмой, а пермский опыт попадет в приказ союзного наркомата как пример для подражания.

Прежде всего критиковать НКВД в ситуации весны–лета 1937 г. для Дмитриева уже не означало бить себя по голове. Критиковался *другой НКВД*, и пример тому подал сам вождь. После направленной в ЦК в сентябре 1936 года знаменитой сочинской телеграммы Сталина–Жданова, где указывалось на нерасторопность («опоздал, как минимум, на четыре года») ведомства Г. Ягоды и содержалось требование его немедленной замены Н. Ежовым, в «органах» начался процесс перетряски кадров. В этой ситуации отмежеваться от прежнего, «ягодинского» ведомства, выступив от имени новой, подрастающей и рвущейся на карьерные высоты «ежовской» генерации, было не только можно, но и нужно. «Они»

утратили бдительность и недооценили существующие угрозы, мы – нет, мы другие (вспомним упомянутое ранее секретное письмо секретаря Уральского обкома ВКП (б) И.Д. Кабакова, разосланное как раз в двадцатых числах апреля).

Помимо этого, на проходившем с 23 февраля по 5 марта пленуме ЦК было внятно заявлено о существовании в СССР контрреволюционной организации правых, а дела «генералов» этой организации (Н. Бухарина и А. Рыкова) были переданы в НКВД. Но если «генералы» уже арестованы, то где-то же должна находиться и их «армия»? И вот тут-то и становится окончательно ясен смысл переквалификации, произведенной с группой Гуляева-Лебедева. Поступающие из Перми материалы расследования дела Общества трудового духовенства должны были быть именно такими:

- ◆ во-первых, подтверждать опасения власти – пятая колонна действительно существует;
- ◆ во-вторых, демонстрировать, что нити заговора буквально прошивают насквозь все советское общество, доходят до порога каждой армейской казармы, заводской проходной, церковного прихода, они не признают социальных, национальных, конфессиональных, партийных и прочих границ;
- ◆ в-третьих, бить тревогу – угроза, быть может, даже более значительна, чем вы думаете, битва будет жестокой;
- ◆ в-четвертых, сам факт раскрытия заговора должен свидетельствовать о том, что НКВД неусыпно бдит и готов действовать. Он всех спасет, и только он.

После этой реплики, адресованной власти органами НКВД, в сгущающейся политической атмосфере неизбежно должно было повиснуть невысказанное, но почти осязаемое «Позвольте...?». Не следует забывать и о том, что были другие дела, пусть и не столь масштабные (чернушинские диверсанты, «черная свадьба» и т.п.), а информация подобного сорта стекалась в Москву отовсюду. На что и последовал ответ: «Арестуйте их всех!», оформленный в виде «Оперативного приказа народного комиссара внутренних дел Союза СССР № 00447».

Но пора вернуться к нашим героям. В сентябре 1936 г. никто из них, разумеется, и не догадывался о том, что активность их компании уже привлекла к себе внимание, что жить им осталось

чуть менее года, а на свободе (относительной) гулять – и того меньше. Просто Михаил Чухлов уже украл «малярных красок». И не только украл, но и попытался продать. Захватив с собой Лебедева, он отправился в город, зашел на квартиру к о. Савве (Беклемышеву) и предложил свой товар. Так состоялась вторая встреча Лебедева и Беклемышева, оказавшаяся последней. Покупать краску Беклемышев отказался, но тут любопытный Лебедев стал донимать его вопросами о новой конституции.

У о. Саввы представления о ней были совершенно фантастические: «...я заявил Лебедеву, что теперь у нас будет введено такое же положение, как и в Англии, т.е. можно будет служить в церкви и беспрепятственно работать в организации»¹. Раз как в Англии, то, видимо, представив себя почти англичанами, Лебедев и Беклемышев принялись обстоятельно обсуждать предстоящие выборы: «В этой беседе с Лебедевым я разъяснил ему, что выборы должны происходить с низов, т.е. сначала при всех церквях нужно провести приходские собрания с приглашением всех верующих и на этих собраниях выбрать делегатов; одного от крестьян, а другого от служителей культа на благочинные съезды. И на этих благочинных съездах, как я разъяснил Лебедеву, так же выбрать делегатов по одному человеку от верующих крестьян и по одному человеку служителей культа на епархиальный съезд, а на последнем съезде выбрать делегатов, но тоже по два человека на Всероссийский съезд, а на этом съезде выбрать представителей в Верховный Совет СССР»².

Все участники беседы впоследствии подтвердят и то, что она действительно была, и то, что речь действительно шла о выборах в Верховный Совет. Для следствия эта встреча превратится в один из «швертпунктов», основных опорных точек дела ОТД.

Вот, собственно, и все, что удастся вычленивать из материалов дела относительно событий, действительно происходивших в 9-м отдельном стройбатальоне РККА. Дальше начинается совсем другая история.

Сейчас совершенно невозможно определить, что именно привлекло внимание Особого отдела Пермского ГО НКВД к группе Гуляева–Лебедева. Возможно, приятели просто утратили чувство

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 73.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 74.

реальности. Довольно долго их публичные и явно антисоветские высказывания сходили им с рук. Как мы увидим далее, они болтали повсюду: в умывальнике батальона, в столовой, в конторе жилищно-строительного завода им. Сталина, в пермских церквях, собираясь после отбоя в культурном уголке. А Лебедев был еще и автором-исполнителем: «За время своего пребывания в РККА мной была написана контрреволюционная песня, которую я пел среди красноармейцев батальона. Песня носила также к-р характер, разлагающий настроения красноармейцев по вопросу питания в нашем батальоне. Помимо этой песни я также пел среди красноармейцев батальона контрреволюционную песню, которой дискредитировал Красную конницу РККА во главе с маршалом Советского Союза Буденным»¹. Кто-то рано или поздно все равно бы донес об этом. Возможно, до органов НКВД дошла информация о том, что Гуляеву приходят письма от какого-то ссыльного епископа – переписка красноармейцев всегда как-то контролировалась. Как бы то ни было, в начале марта 1937 года были допрошены первые свидетели, и 10 марта в прокуратуру Уральского Военного Округа была направлена «Справка на арест красноармейцев 9 строительного батальона РККА: Гуляева, Лебедева, Юферова, Чухлова и Кожевникова», подписанная начальником Пермского ГО НКВД капитаном ГБ Лососом и временным начальником V отделения Пермского ГО НКВД сержантом ГБ Аликиным.

В справке сообщалось: «Группа красноармейцев 9-го строительного батальона РККА в составе Гуляева, Лебедева, Юферова, Чухлова и Кожевникова, в прошлом дети служителей религиозного культа и сами служители указанного культа, являясь фанатиками так называемой православной религии и враждебно настроенными по отношению к Советской власти и ВКП (б), находясь с осени 1935 в 9-м строительном батальоне РККА, систематически проводят среди красноармейского состава Пермского гарнизона контрреволюционную и религиозную пропаганду и агитацию, распространяют религиозную литературу, нелегально в расположении части проводят богослужения и громкие читки молитв, коллективно посещают городские церковные богослужения, принимая в них активное участие, одновременно распространяют провокационные слухи о войне на

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 197-198.

Дальнем Востоке, нерентабельности колхозов, высмеивают лиц, награжденных орденами Советского Союза, и т.д. и т.п.»¹.

Далее приводятся показания четырех свидетелей. Красноармеец Будыко сообщает, что 6 февраля в умывальной комнате 2-й роты Юферов и Гуляев осмеивали орденосцев, сравнивая их с тылополченцами, награжденными значками. А значки, утверждал Гуляев, введены для того, чтобы последние силы из тылополченцев тянуть. Красноармеец Лосев² сообщает имена всех «хороших приятелей» Гуляева и приводит высказывание последнего о колхозах. Якобы они нерентабельны и крестьян не обеспечивают. Еще более интересную историю рассказал свидетель Цветков. Во время обеда в солдатской столовой Гуляев завел следующую речь: «В Японии солдат кормят лучше, чем у нас, живут они хорошо, благодаря этого они будут и хорошо защищать свою буржуазию, но сейчас их приучают есть нашу пищу – худшую, чем у них, чтобы потом не испытывать затруднений, так как во время военных действий им придется есть наш хлеб»³. И, наконец, свидетель Ощепков, оставивший нам описание Гуляева, пересказал его слова о том, что Советская власть – это власть грабежа и насилия, разорившая крестьянство и выславшая их затем «помирать с голоду, а нас согнала в тыловое ополчение, где эксплуатирует так, как не эксплуатирует ни один капиталист. Говорят, что нас перевоспитывают, этим перевоспитанием «они» ничего не добьются, а как были мы против Советской власти, так и останемся»⁴.

На «Справке» имеется резолюция Военного прокурора Уральского ВО от 17 марта: «Арест Гуляева Г.Н. санкционирую. Что касается Лебедева, Кожевникова, Юферова и Чухлова, то, как из справки, так и приложенных протоколов допроса не видно конкретных фактов их к-р агитации, поэтому от ареста из надо воздержаться»⁵.

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Наблюдательное дело 12396. Л. 1–2.

² Лосев Иван Епимахович, сын кулака, впоследствии будет проходить по делу Общества трудового духовенства в качестве одного из обвиняемых. Осужден тройкой при УНКВД по Свердловской области к ВМН.

³ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Наблюдательное дело 12396. Л. 2.

⁴ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Наблюдательное дело 12396. Л. 3.

⁵ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Наблюдательное дело 12396. Л. 1.

Вернулась «Справка» в сопровождении документа, напечатанного на бланке Особого отдела ГУГБ Уральского Военного Округа: «Препровождаем справку и постановление с санкцией Прокурора Урал ВО на арест Гуляева Г.Н. В присланных материалах совершенно недостаточно выявлена преступная к-р деятельность Лебедева, Кожевникова, Юферова и Чухлова, ввиду этого их арест Прокурором Урал ВО пока не санкционирован.

Следствием по делу Гуляева необходимо вскрыть организованную к-р деятельность как Гуляева, так и Лебедева, Кожевникова, Юферова и Чухлова, после чего вновь ставьте вопрос об их аресте.

О ходе следствия информируйте»¹ (выделено нами. – А.К.).

Хотя этот документ был адресован Особому отделу ГУГБ 82-й стрелковой дивизии, попал он все-таки на стол начальника Пермского ГО НКВД Лососа. И тот своей рукой прямо поперек текста черкнул два слова: «Мозжерину исполнить», поставил дату (29 марта) и подпись.

У всякого Бонапарта есть свой Тулон. Звездным часом лейтенанта госбезопасности Федора Павловича Мозжерина стало дело Общества трудового духовенства. Именно с него и начался стремительный карьерный взлет Мозжерина, завершившийся на должности помощника начальника Особого отдела НКВД Урал ВО. Именно там в 1939 году его настиг арест и приговор Военного трибунала войск НКВД Московского округа. Поскольку люди типа Федора Мозжерина и являлись основными «рабочими лошадками» Большого Тераора, есть смысл приглядеться к нему попристальнее. Он родился в селе Серебрянское Тобольской губернии в семье крестьянина в 1901 году, образование получил низшее. В партию вступил поздно, только к 1931 году. 29 марта 1937 года он занимал должность начальника V отделения Пермского ГО НКВД, но уже через десять дней был назначен начальником Особого отдела 82-й стрелковой дивизии. За проведенное расследование Мозжерин был награжден именным боевым оружием и переведен в аппарат Особого отдела Урал ВО в г. Свердловск. Там о нем вскоре начали слагать легенды: «...Прибыв в Свердловск в аппарат Особого отдела, Мозжерин очень скоро стал на большом счету у Граховского и Дмитриева. Всех

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Наблюдательное дело 12396. Л. 5.

арестованных, которые не признавались у работников, передавали Мозжерину, и они у него буквально через день, через два сознавались. Так, например, я лично с арестованным Алехиным сидел около месяца, он сидел у меня на «конвейере», но никак не признавался. У меня же в отделении, у Ефимова был арестованный Лаукман, с которым Ефимов также упорно работал около месяца, Лаукман не признавался. Как только этих арестованных передали Мозжерину, на другой же день они оба сознались. <...> Граховский на совещании начальников отделений часто в шутку говорил Мозжерину: «Скажи, что ты обладаешь за словом, что арестованные у тебя сдаются так быстро...»¹.

К счастью, у нас есть возможность проникнуть, так сказать, в творческую лабораторию Федора Мозжерина. Вспоминает И.П. Ветошкин, один из оперативников, трудившихся над делом Общества трудового духовенства: «Оперработник, поговорив предварительно с арестованным, уходил к себе в кабинет, заранее составлял объемистый протокол допроса с указанием в нем, как участников к/р организации до 10 и более лиц, затем вызывался арестованный и с ним разговаривали так, что он должен помочь следствию в деле разоблачения ряда лиц контрреволюционно настроенных, брали 1–2 пачки папирос, какое-нибудь мясное блюдо из буфета, кормили арестованного и он подписывал протокол допроса (Гуляев, Кожевников, Фирсаков, Юферов и др.). После этого разрешалось свидание арестованного с женой и продуктовые передачи.

Протоколы допроса я не умел писать, так меня учил писать протоколы Мозжерин. Мозжерин делал это так: вызывал меня к себе в кабинет, диктовал мне, а я писал под диктовку протокол допроса арестованного, затем протокол печатался на машинке и подписывался арестованным. Не помню когда и на какого арестованного необходимо было дать показания от арестованных Шаврина и Кожевникова, но так как эти арестованные должны были быть погружены в вагон-зак и в эту же ночь этапированы в Свердловскую тюрьму, то Мозжерин вызвал меня к себе в кабинет в 3 часа ночи и стал диктовать протокол допроса арестованных Шаврина и Кожев-

¹ Эта сказка про лейтенанта Мозжерина и его тайное слово изложена в рапорте осужденного Кузнецова на имя Начальника Особого отдела Урал ВО. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 137.

никова, а я под диктовку писал протоколы допроса. Таким образом было составлено два небольших протокола допроса, которые по его приказанию я и арестованные Шаврин и Кожевников подписали в вагон-заке на станции Пермь II»¹.

Разумеется, помимо Мозжерина к следствию будет привлечена целая бригада оперативников: Демченко, Бурьлов, Поносов, Ветошкин, Стуков, Назукин, Голдобеев. На допросах иногда присутствовало начальство: Лосос, сменивший его Былкин, а однажды даже сам «комиссар» Дмитриев. Но тональность, все-таки, была задана Мозжериним. Арестовав Г. Гуляева 30 марта, он быстро добился от него признания о существовании в 9-м строительном батальоне контрреволюционной группы, состоящей из антисоветски настроенных детей церковников. Гуляев сообщает также о проекте создания Общества трудового духовенства. Это название отныне прочно приклеится к их неформальной группе, более того, фантомное объединение, рожденное бурной фантазией мечтателя Лебедева, начнет приобретать плоть и кровь. На основании показаний Гуляева 8 апреля в батальоне будет произведено еще пять арестов: Лебедева Н.С., Юферова М.Л., Кожевникова И.Д., Чухлова М.К., Дмитриева Е.Ф. Чуть позже, 23 апреля арестуют уже успешшего уволиться с действительной службы Теплова Н.А.

Мозжерину крупно повезло в другом – на первом же допросе Гуляев показывает, что «...красноармеец Чухлов поддерживал связь с духовенством из Никольской церкви. В частности, Чухлов и Лебедев бывали на квартире у священника Саввы»² (имеется в виду тот самый визит с малярными красками). Так образовался канал, приведший следствие в маленький, тесный и довольно склочный мирок пермского духовенства. До самого окончания следствия встреча Лебедева, Чухлова с Беклемышевым останется единственным достоверным контактом, связывающим группу бывших тылополченцев и церковные структуры.

Тема получила развитие в протоколе допроса Гуляева от 20 апреля. Он явно составлен Мозжериним по известной нам технологии – «по мотивам» сведений, сообщенных арестованным: «Во время этого посещения квартиры Беклемышева, он с Лебедевым и

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 193.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 39.

Чухловым подробно разговаривал о методах использования легальных возможностей, предоставленных конституцией, с тем, чтобы в этой связи развивать организованную контрреволюционную деятельность. Конкретно Беклемышев дал им установку о необходимости создания к-р формирований под названием «Общество трудового духовенства» в целях объединения в единую силу всех религиозных течений, дабы суметь противопоставить себя советским, партийным и общественным организациям во время выборов и организованным путем провести своих делегатов в Советы и органы управления с тем расчетом, чтобы через этих делегатов проводить свою контрреволюционную линию»¹. Как видно из текста, акцент уже немного смещен – инициатором создания организации назначен о. Савва.

В тот же день, 20 апреля допрашивался еще один красноармеец – Кожевников. Из всей группы арестованных бойцов 9-го строительного батальона он выделялся тем, что с самого начала изъявлял явное желание сотрудничать со следствием (в деле имеются заявления соответствующего содержания). Допрос вели трое – Мозжерин, Демченко и Лосос. В результате в протоколе появилось следующее: «Приурочивая свои активные действия к моменту войны, организация ставила своей задачей создать крепкую подпольную организацию и развернуть работу по насаждению контрреволюционных повстанческих групп, в которые вовлекать обиженных и недовольных советской властью. ... На этом же сборище Гуляев заявил, что сейчас ведется большая работа по объединению всех религиозных течений в одно целое и создается единый «крестовый фронт» против Советской власти»². Помимо общего, почти текстуально совпадающего положения об объединении всех религиозных течений, видно, как развивается сюжет заговора: наряду с легальными формами борьбы существуют и нелегальные. Впервые фиксируется упоминание о повстанческих группах, в которые вовлекаются все обиженные и недовольные, а также об активном выступлении в момент начала войны.

26 арестован о. Савва (Беклемышев), а Гуляев «вспомнил» о своих близких отношениях с архиепископом Досифеем (Степановым), от которого, что немаловажно, получал письма. Выяснилось,

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 41.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 222.

что тот был ярым антисоветчиком, и в бытность свою в Гомеле поддерживал загадочную «...тесную связь с католическим ксендзом по имени Константин [Андрекус], которого он часто посещал вечерами. В чем конкретно заключалась эта связь с ксендзом я не знаю, однако считаю, что данная связь была не обычной, т.к. Степанов в разговорах со мной делал вид, что он является ярым противником католиков и, в частности, в этой связи запрещал мне посещать костел, в то время как сам поддерживал тесную связь с ксендзом»¹. Цель разговоров о Степанове понятна – Гуляева подробнейшим образом расспрашивали обо всех возможных связях епископа с заграницей. Но кроме давным-давно отбывшего в Палестину некоего архимандрита, да еще, пожалуй, ксендза по имени Константин Андрекус, с которым Степанов таинственно уединялся по вечерам, ничего добыть не удалось. Кстати, и добытого окажется вполне достаточно. Епископа Степанова арестуют 4 мая.

27 апреля сержант госбезопасности Поносов приступил к допросам Беклемышева. О. Савва, как мы выяснили ранее, окажется для следствия ключевой фигурой. Он рассказал о встрече с Лебедевым и Чухловым, поведал о своем взгляде на предстоящие выборы в Верховный Совет, куда, по мнению Беклемышева, непременно нужно провести своего представителя, хотя бы для того, чтобы поднять вопрос об открытии закрытых церквей. И тут же получил вопрос от Поносова: от кого получена подобная установка? Беклемышев счел за благо указать на священника Заборной церкви на станции Нижняя Курья – Коровина: «Коровин тогда мне говорил, что это его инициатива и что он, кроме того, по этому вопросу посылал свою жену с письмом в Москву к архиепископу Лебедеву, который предложил ему Коровину для получения по этому вопросу подробной установки самому приехать в Москву лично, но как мне известно Коровин в Москву еще не ездил»².

Далее Поносов поинтересовался, ставился ли Беклемышевым вопрос о необходимости объединения всех церковных течений, и получил утвердительный ответ. Помимо Лебедева, оказывается, «...по этому вопросу я еще имел разговор со священником Ново-кладбищенской церкви Шавриным Феодосием Яковлевичем в

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 44.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 75.

феврале месяце 1937 года и также вел разговоры на эту тему со священником Никольской церкви Юферовым, протодьяконом Уповым и псаломщиком Зыковым»¹.

После этого в протоколе допроса следует явная вставка «по мотивам». Оказывается, объединение всех течений священнослужителей и верующих имеет целью борьбу с Советской властью: «Имелось в виду организовать верующих из священнослужителей для того, чтобы быть готовым в период начала военных действий со стороны Германии и Японии оказать им помощь в войне против Советского Союза. Об этом говорил мне Коровин в присутствии его жены. Кроме того, в беседе с Лебедевым последний говорил мне также о том, что духовенство, которое стало на путь активной борьбы с Советской властью, объединяется в одну организацию под названием «Общество трудового духовенства»². Сюжет с пятой колонной продолжал развиваться – теперь ясно, что повстанцы ожидают нападения на СССР именно Германии и Японии. Но вместе с тем каждая названная Беклемышевым фамилия означает расширение круга обреченных: арестуют и Коровина, и его жену (29 апреля), и Шаврина (18 мая), и Юферова (15 мая), и Упова (15 мая).

Интересно сравнить протокол допроса Беклемышева от 27 апреля и протокол, написанный от его же имени от 8 мая. За это время никаких новых сведений не поступило. Арестованный Коровин оказался крепким орешком – не признался ни в чем, Гуляев 8 мая рассказывал невыносимо скучные вещи о вредительстве на стройке завода № 19, с Лебедевым 8 мая велся разговор о поэзии. И вдруг, отрицая почти все, сказанное ранее, Беклемышев выдает развернутое признание. Буквально накануне он не знал ни времени создания ОТД, ни его организатора, а из членов общества называл только Лебедева, Чухлова, Коровина и Шаврина. 8 мая он со всей определенностью заявляет, что организатором контрреволюционного формирования является обновленческий митрополит Трубин, «периодически приезжавший в Пермь по делам организации. На месте же в Перми деятельность этой к-р организации возглавляли Коровин и Шаврин, а по 9-му строительному батальону Лебедев»³.

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 75.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 76-77.

³ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 79.

Помимо Трубина, в список организации включены два новых лица – упоминавшийся ранее протодьякон Василий Упоров и бывший председатель церковного совета Иван Нечаев (арестован 15 мая). Далее казенным языком газетных передовиц сообщается о деятельности организации: «...участники организации в своей практической работе главным образом объединяли вокруг себя все враждебные элементы для борьбы с Советской властью, среди которых вели вербовку новых членов. Участниками организации всемерно популяризовывались идеи фашизма с таким расчетом, чтобы уже в данное время подготовить население к активной поддержке фашистов на случай войны. В случае нападения на СССР Германии и Японии участники организации имели в виду организовать террор против руководителей ВКП (б) и Советского правительства, проводить диверсионную работу на заводах оборонного значения и в конечном счете готовить в тылу вооруженное восстание»¹.

Перед нами, несомненно, отшлифованная до блеска, обогащенная деталями идея крепкой подпольной диверсионно-террористической организации, связанной с руководством епархии (митрополитом Трубиным), исповедующей (по последней версии) фашистскую идеологию, объединяющей все реакционные антисоветские элементы и, в конечном счете, подготовляющей восстание в тылу в случае нападения на СССР Германии и Японии.

Кстати, поскольку Заборная церковь, в которой служил Коровин, располагалась рядом с оборонным заводом № 98, в показания Беклемышева Поносов счел нужным вставить следующую новеллу: «...в марте месяце 1937 года Коровин в моей квартире в беседе со мной проявлял очень большой интерес к заводу № 98, причем из его разговоров на эту тему было видно, что он хорошо был ориентирован о выпускаемой продукции завода и принимал меры к тому, чтобы иметь больше своих людей на прямом производстве завода № 98, для того, чтобы через них вести там свою к-р работу. Из этого разговора я понял, что Коровин на 98 заводе насаждает диверсионные ячейки»². Этот сюжет окажется позабыт до августа, во всяком случае Коровина о диверсионных ячейках допрашивать не будут.

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 80-81.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 84.

В этой версии Общество трудового духовенства уже практически полностью соответствует замыслу следствия. Недостаёт только нескольких деталей. Первая – с диверсионно-террористической деятельностью очень хорошо сочетается шпионаж. Но канал, который связал бы наших героев с границей, все не обнаруживался. Вторая – линия, связывающая организацию с областным центром, обрывается на митрополите Трубине. А он что, ни с кем не связан? Такого в принципе быть не может.

Проблема шпионажа была решена при помощи превращения епископа Досифея (Степанова) в агента польской разведки: «Я дал согласие ксендзу Анрекусу заниматься шпионажем в пользу Польши, и с тех пор стал агентом польской разведки, действуя под № Р-32.

Вопрос: Как надо понимать этот псевдоним «Р-32»?

Ответ: Анрекус мне сообщил, что каждому агенту из числа русских он даёт шифр, состоящий из буквы «Р», а номер является, якобы, порядковым номером агента, завербованного в русской среде. По словам Анрекуса, такие зашифрованные номера даются наиболее ценным агентам, ведущим шпионскую и диверсионную деятельность самостоятельно¹. Выдумщик Дмитриев, чье авторство этой «сказки» весьма вероятно, по обыкновению снабдил ее кучей колоритных подробностей. На страницах протокола действует мифический поручик польского Генерального Штаба Урьяш, связные Франц Доморацкий и Феликс Нормарт, на гомельском железнодорожном узле орудует диверсионная группа, организующая поджоги и готовая в случае начала войны приступить к разбрасыванию в местах скопления войск штаммы заразных бактерий...

15 июля «признания» Степанова дословно импортируются в показания Гуляева². Возникает новая, предпоследняя версия. Степанов, оказывается, завербовал Гуляева еще в 1929 году. Общество трудового духовенства было создано согласно установкам Степанова: «Эти задания от Степанова мною были получены в 1935 году через Жульянову Марию³, которая ездила из г. Гомель специально

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 4. Л. 38.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 53-57.

³ Жульянова Мария Ивановна, жена Жульянова Ильи Архиповича, проводника вагонов станции Гомель, домохозяйка 52-53 лет. Согласно показаниям Степанова, приезжала к нему в ссылку в декабре 1933 года, где пробыла всего сутки (Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 5).

по месту ссылки к Степанову в Харовской район Северной области»¹. Лебедев же действовал не по указаниям Беклемышева, и даже не по инструкциям Трубина: «В соответствии с указаниями Степанова, член нашей организации Лебедев установил связь с пермским священником Беклемышевым Саввой, архиепископом Покоровским и епископом Бирюковым. Через указанных лиц нам удалось войти в контакт с митрополитами Тубиным и Холмогорцевым, проживающими в Свердловске, и через них развернуть работу по объединению духовенства на базе активной борьбы против Советской власти, а также развернуть работу среди верующих по созданию контрреволюционных подпольных групп из числа церковного актива»².

Игнорируя явные анахронизмы, группа оперативников к середине июля состыковала основные линии дела: Степанов – Гуляев – Беклемышев – Коровин (шпионаж в пользу Польши); Гуляев – Лебедев – Беклемышев – Трубин (диверсионно-террористическая повстанческая организация). Оставался совсем пустяк – назначить окончательный состав областного руководства. Как явствует из показаний Гуляева, 15 июля его состав еще не утвержден, об Уральском повстанческом штабе даже нет упоминания.

А 12 августа все уже готово – в этот день Былкин, Можжерин и Демченко составили протокол допроса Феодосия Яковлевича Шаврина, священника Ново-Кладбищенской церкви, обновленческого благочинного. Этот шестнадцатистраничный протокол представляет собой невообразимую амальгаму, составленную по принципу «вали, что попало». Еще раз обратим внимание на то, как с максимальной отдачей используются особенности статуса благочинного, который равно вхож и в круги руководства епархии, и в самый захудалый церковный совет деревенского прихода. Именно это и превращает Феодосия Шаврина в наиболее зловещую фигуру среди всех подследственных. В фокусе его показаний оказывается то одна, то другая группа, он, подобно фокусу прицела (и это отнюдь не метафора) смещается то вверх, то вниз, то уходит в сторону. Понаблюдаем за этим движением.

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 59.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 62.

Вот, используя связь Шаврина с Трубиным, происходит «назначение» членов Уральского повстанческого штаба: «Со слов Трубина мне известно, что в Уральский повстанческий штаб входили: бывший председатель Облисполкома Головнин, бывший 2-й секретарь обкома ВКП (б) Пшеницин, от эсеров – Агапов и от церковников митрополит Холмогорцев Петр»¹. Далее – движение в сторону: «Трубин мне говорил, что в контрреволюционной организации состоит председатель Областного совета Осоавиахима Васильев, который должен будет снабдить повстанческие отряды необходимым количеством оружия и боеприпасов»².

Чуть ниже фокус смещается с руководителей областного уровня на руководство Перми, причем беззастенчиво эксплуатируется все та же конструкция «Трубин мне сказал, что...»: «В январе 1937 года Трубин рассказал мне, что во главе Пермского повстанческого округа стоит 2-й секретарь Горкома ВКП (б) Дьячков, а по городу Перми руководителем повстанческих организаций среди церковников и кулаков является протоирей Никольской церкви Беклемышев Савва Николаевич. ...Со слов Трубина мне известно, что руководителем повстанческого округа Дьячковым в контрреволюционную организацию завербован Председатель Городского совета Осоавиахима Дубровин, который, в свою очередь, вовлек в организацию Начальника боевой подготовки Осоавиахима бывшего офицера царской армии Анисимова Анания Александровича. Эти лица, как говорил Трубин, должны снабдить повстанческие организации необходимым количеством оружия и боеприпасов. Кроме этого, Трубин рассказал мне, что секретарь Кагановического Райкома ВКП (б) Балтгалв также состоит в этой контрреволюционной организации и является ответственным лицом за снабжение повстанческих ячеек оружием»³.

Вот Шаврина вынуждают уйти в сторону и даже пересечь границы конфессии: «Со слов Трубина мне было известно, что в городе Перми и в селе Кояново Пермского района существует крупная контрреволюционная организация, которая в своей контрреволюционной деятельности организационно связана с Уральским

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 149.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 149.

³ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 150.

повстанческим штабом. Эта организация, руководимая на месте муллой Халитовым Афлятуном, муллой Тайсиным Мулазян и активным мусульманином Рахимовым Гарифуллой, создана и непосредственно руководится Центральным духовным управлением в Уфе»¹.

До этого момента личные связи Феодосия Шаврина в среде духовенства Перми, Пермского района и области почти не использовались. Наступает их черед, в фокусе поочередно оказывается круг знакомых, знакомых его знакомых и вовсе непонятно как попавших в поле зрения людей². Большинство из них Шаврин не только не знал более или менее близко, но, скорее всего, вообще ни разу в жизни в глаза не видел. Но *мог* видеть.

Шаврин дает показания о существовании контрреволюционной организации в с. Бизяр, созданной его знакомыми священниками Михаилом Коровиным и Алексеем Лебедевым. Савва Беклемышев, оказывается, сообщил ему об организации в Артинском районе, созданной священником Германом Симакиным. Повстанческая организация, готовая выступить и совершать террористические акты, создана в с. Курашим попами Иваном Скрябиным и Владимиром Сапожниковым. Священник Иван Славин (кстати, выведенный митрополитом Трубиным «за штат» при посредничестве Шаврина, и в отместку накатавший на них развернутый донос сразу после ареста) завербовал священника Юго-Камской церкви Оханского района и запальщика строительства КамГЭС – Валентина Кашина. Относительно последнего было указано: «В мае месяце 1937 года Славин информировал меня, что Кашин уже приобрел несколько килограмм аммонала, капсулей и шнура, которые по просьбе Беклемышева мы должны были передать участнику организации Коровину М.И. для совершения диверсионных актов на 98 заводе»³.

Движение «по горизонтали» продолжалось: последовало перечисление организаций и их руководителей в Очерском, Верхнее-Городском, Верещагинском районах. А напоследок Шаврин «вспомнил», что «...однажды в разговоре Беклемышев сообщил мне, что руководитель контрреволюционной организации в 9-м

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 151–152.

² См. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 154–151.

³ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 156.

строительном батальоне Пермского гарнизона Гуляев Г.Н. поддерживает организационные связи по контрреволюционной работе с участником троцкистской организации – командиром этого батальона Рудзским, через которого предполагалось для повстанческих целей приобрести необходимое количество оружия и боеприпасов»¹.

Круг обреченных, описанный «показаниями» Феодосия Шаврина, огромен и далеко выходит за рамки арестованных по делу ОТД. Нам достоверно известно, что некоторые лица, упомянутые им, будут «подбираться» вплоть до декабря 1937 года².

Наша история близится к завершению. Последняя волна арестов прошла в период с 27 по 2 августа. 7 августа был арестован К.Д. Щеголев, мастер по ремонту паровозов со станции КамГЭС (диверсант-вредитель, ясное дело). С 12 по 17 августа проводились очные ставки, не имевшие совершенно никакого смысла. Михаил Коровин, например, на всех очных ставках честно заявлял, что впервые видит этих людей, а «шпион и диверсант» Пономарев настаивал на том, что лично получал от Коровина инструкции по сбору секретной информации. Последние протоколы, как нам уже известно, сочинялись непосредственно в ночь отправки арестованных в Свердловск.

25 августа 1937 г. тройка при УНКВД по Свердловской области приговорит всех обвиняемых к ВМН. А 1 сентября приговор приведут в исполнение.

Хотелось бы в заключение остановиться на одном характерном эпизоде. 28 июля был арестован дьякон Михаил Баннов. Допрашивал его Ветошкин, тот самый, которого Мозжерин учил протоколы писать. Допрашивал дважды, в деле имеются протоколы от 28 июля и 10 августа. В последнем, августовском, Баннов соглашается со всеми предъявленными ему обвинениями. Но вот незадача, в деле имеется следующий документ: «Мы, нижеподписавшиеся, составили 8/IX 1937 г. в г. Перми в лазаретном мужском отделении психобольницы настоящий акт о нижеследующем. 5/VII 1937 г. в психобольницу поступил Баннов Михаил Иванович (в судебное

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 161.

² См. например, ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12556.

отделение) в состоянии резкого двигательного и речевого возбуждения, причем на теле имелись многочисленные царапины и кровоподтеки. За все время нахождения его в психобольнице сознание было спутано, двигательное возбуждение продолжалось, систематически отказывался от пищи. Умер 5/IX 1937 г. при явлениях нарастающей слабости сердечной деятельности вследствие флегмоны правой ноги и последующего сепсиса. Врачи Вергейм, Третьякова»¹. Так что последний протокол Баннов Ветошкину подписывал, выходит, находясь в помраченном сознании. Научил Федор Павлович уму-разуму.

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 159.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Массовые репрессии 1937 г. до сих пор остаются уникальным феноменом, прочно укорененным в нашей исторической памяти. А все феноменальное, казалось бы, не нуждается в истолковании, поскольку оно само истолковывает. Едва ли будет преувеличением сказать, что для всего старшего поколения словосочетание «1937 год» является символом-ключом к пониманию сути сталинского режима, а значит, неизбежно относится к области мифологического.

Тем более сложной является задача исследователей, пытающихся разобраться если и не в причинах происходившего, то хотя бы в самих событиях. Одной из самых надежных рекомендаций в подобной деликатной ситуации является следование принципу «Я знаю, что я ничего не знаю», т.е. методологическому редукционизму. Все, что относится к области уже выстроенных концепций, теорий, схем, нам ведомо, но до поры, до времени остается в «подвешенном состоянии». Сговорившись на этом, наша рабочая группа приступила к анализу дел, отложившихся в пермских архивах в результате исполнения оперативного приказа № 00447 наркома внутренних дел СССР в Прикамье.

Первые недоумения вызвал сам вид следственных дел. Мы ожидали увидеть тоненькие папочки, в которых можно обнаружить следы того, как человек, во-первых, арестовывался, во-вторых, идентифицировался с одной из названных в приказе категорий и, в-третьих, отправлялся на суд тройки при УНКВД, которая, в-четвертых, выносила ему приговор по первой либо второй категории. Всего страниц этак двадцать. А к нам на столы ложились огромные тома.

Вторая странность обнаружилась при анализе статистики. «Кулацкая операция» оказалась вовсе не кулацкой. Большинство репрессированных в Пермской области оказались рабочими и служащими.

Но самый главный сюрприз ожидал нас при соотнесении извлеченного из архивных документов содержания с текстом приказа № 00447. На суд тройки выводились, на первый взгляд, совершенно

не те категории, которые в нем номинировались. Не было бывших кулаков, пробравшихся на строительство, не было конокрадов и сектантов. Вместо них маршировали взводы повстанцев, отделения диверсантов, выстраивались штабы и центры. Первая реакция была вполне понятной: оперативные бригады, райотделы и городской отдел НКВД приказ просто проигнорировали, либо совершенно не поняли.

Впоследствии от этой версии пришлось отказаться. Очень многое прояснил тщательный анализ дел, затеянных примерно за три месяца до появления приказа № 00447. Взаимопонимание инициаторов приказа и его непосредственных исполнителей на самом деле было полным и глубоким, не требующим лишних слов. Оно устанавливалось постепенно, в ходе диалога власти и репрессивных органов, который разворачивался примерно с осени 1936 года. Придя к такому выводу и получив затем ряд других, мы предлагаем их теперь вашему вниманию.

Прежде всего, не было *двух операций*, т.е. не велся отдельно огонь по штабам, и не велась специальная охота на маргиналов. В исторической традиции действительно присутствуют два не связываемых обычно между собой повествования. Первое построено вокруг избиения большевистской гвардии, расправы над легендарными комкорами, комдивами и наркочинами. Как во всяком метанарративе, здесь сложился свой пантеон героев и мучеников, своя мифология. Этой традиции уже чуть ли не полвека, и она уже почти так же респектабельна, как ее герои – седоусые красавцы во френчах, с муаровыми подушечками под первыми советскими орденами. Вторая традиция для тех, кто глух к революционной романтике. Она дерзко выволакивает на свет кочегаров и золотарей, конюхов и трудпоселенцев, ссыльных и уголовников, утверждая, что эти маргинальные персонажи и есть подлинный, самый массовый объект репрессий 1937 года. Эта традиция рисует картину жестокой, но оправданной гигиенической процедуры, чего-то вроде выжигания родимых пятен капитализма каленым железом. И почему-то практически не предпринимались попытки увидеть оба процесса в качестве взаимодополняющих составных частей *одной операции*. Да, стреляли в разные стороны и по разным мишеням. Но логика в этом процессе была, и это отнюдь не паническая пальба по толпе, хотя внешне все выглядело очень похоже.

Какая же модель могла бы объяснить происходившее в 1937 году? К примеру, нижеследующая.

Вообразим себе ситуацию: в современный мегаполис прибывает носитель смертельно опасного вируса. Он спускается по трапу самолета, проходит сквозь аэропорт, садится в метро (или такси), останавливается в отеле, посещает супермаркет, оправляется в кино или на футбол. А после возвращается к себе в номер, где и погибает в страшных мучениях. Утром о его смерти становится известно главному санитарному врачу города, и тому срочно приходится издавать приказ, в котором следует указать круг лиц, подлежащих изоляции. Так вот, то, что он напишет и будет точным аналогом оперативного приказа № 00447 наркома внутренних дел СССР. Там будут указаны приблизительные категории, внутри которых точно будут находиться смертельно опасные для окружающих вирусосители. И дюжие санитары будут неделями, падая с ног от усталости, вламываться в дома каких-нибудь «граждан, во второй половине дня 18 августа ехавших в трамвае № 2», хватать и волоочь их в карантин, а также их близких и сослуживцев, без всякой видимой системы и жалости.

Остается выяснить, что же именно выполнило роль подобного вируса в 1937 году. Ответ, по нашему мнению, прост: *заговор*. В конце 1936 – начале 1937 года Сталин, возможно, не без влияния испанского опыта, испытал определенный шок. Ненадежным оказалось даже ближайшее окружение. Выбирая между *глупостью* и *изменой* соратников, он все-таки выбрал измену, и февральско-мартовский пленум ЦК тому свидетельство.

Далее, необходимо сделать поправку на характерную для всех авторитарных режимов герметичность властного дискурса. В процессе изречения директив и озвучивания отчетов участвуют очень немногие. По сути, информация наверх в СССР поступала либо по партийным каналам, либо из сводок, направляемых из органов НКВД. Партийцы с их кланами, мини-культками личности, простым головоуятием, наконец, не вызывают доверия. Как в такой ситуации определить, повержен ли противник? И вообще, как узнать, кто он? И сколько его? Тут уж либо верить ведомству Ежова, либо никому. Не играть же Иосифу Виссарионовичу в Гаруна Аль-Рашида. Так, на какое-то время НКВД получил монополию на Знание, и тем самым потенциально – на неограниченную Власть.

Суггестивное действие любого тезиса совершенно неодолимо, если отсутствует антитезис.

А сводки, поступавшие из НКВД, рисовали безрадостную картину. Враг силен и многочислен, хорошо организован и засел повсюду. Эти материалы отлично укладывались в привычную и понятную идиому «генерал и его армия». Они изображали тянущиеся из Москвы нити заговора, которые, проходя через насыщенные антисоветскими настроениями группы, неизбежно становятся центрами кристаллизации всякой реакционной мрази – врагов народа. В диалоге с властью репрессивные органы сказали свое слово еще в апреле-мае 1937 года. Слово это было «Тревога!», и оно было услышано. Нельзя не отметить, что был в этой реплике у сотрудников НКВД и свой интерес. Запущенная отставкой Г. Ягоды смена поколений «оперработников» означала возможность выдвинуться. И чем опаснее и ответственнее порученное дело, чем меньше под ногами мешаются бюрократы и законники, тем лучше.

После этого становится понятным и ответ власти, которым и стал оперативный приказ № 00447 наркома внутренних дел СССР. Это был долгожданный карт-бланш для НКВД, который давался зряче, с пониманием того, как им распорядятся. Суть последующего процесса исполнения приказа можно определить как наполнение «человеческим материалом» априорного каркаса из центров, штабов, повстанческих организаций и шпионско-диверсионных сетей, сформировавшегося еще в апреле-мае. Каждый новый арест оправдывал произведенные раньше («Мы так и знали!») и давал основания для последующих арестов. А поскольку иммунитета от «вируса» заговора не оказалось ни у кого, то система Большого Террора приобрела способность к потенциально безграничному самовоспроизводству. И вот тогда самим инициаторам пришлось ее остановить. Силой.

Научное издание

**«... ВКЛЮЧЕН В ОПЕРАЦИЮ»
МАССОВЫЙ ТЕРРОР В ПРИКАМЬЕ
В 1937–38 ГГ.**

Материалы печатаются в авторской редакции

Корректор И.Н. Жеганина

Лицензия ЛР № 020370

Подписано в печать 20.06.2006. Тираж 170 экз.
Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 22,5.
Формат 60×90/16. Набор компьютерный. Заказ № 509/2006.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного технического университета
Адрес: 614000, г. Пермь, Комсомольский пр., 29.

Отпечатано на ризографе
в отделе электронных издательских систем ОЦНИТ
Пермского государственного технического университета
614000, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к.113, т.(342) 2-198-033